

Александр и Энн Шульгины

ТИНКА

ПРЕДИСЛОВИЕ

КНИГА 1. ЖИЗНЬ ПРОДОЛЖАЕТСЯ.
 ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ПРИКЛЮЧЕНИЯ – ПРИЯТНЫЕ И НЕ ОЧЕНЬ.
 ГЛАВА 1. НАШЕСТВИЕ.
 ГЛАВА 2. ЛУРД.
 ГЛАВА 3. ДРЭД И ДРУГИЕ ПОУЧИТЕЛЬНЫЕ ОПЫТЫ.
 ГЛАВА 4. БРАЗИЛИЯ.
 ГЛАВА 5. 'SHROOMS
 ГЛАВА 6. ПАНСОФ-2
 ГЛАВА 7. МАРКИ
 ГЛАВА 8. ПИСЬМА ИЗ ЛЕНИНГРАДА.
 ГЛАВА 9. LA RUTA DEL BAKALAO.
 ЧАСТЬ ВТОРАЯ. ПСИХОДЕЛИКИ И ТРАНСФОРМАЦИЯ ЛИЧНОСТИ.
 ГЛАВА 10. ТЕРРИТОРИЯ СОЗНАНИЯ.
 ГЛАВА 11. СЕКС, НАРКОТИКИ И ТЕ, КОМУ ЗА...
 ГЛАВА 12. ЛЬВИЦА И СЕКРЕТНОЕ МЕСТО.
 ГЛАВА 13. ФЛЭШБЭК.
 ГЛАВА 14. ИНТЕНСИВНАЯ ТЕРАПИЯ.
 ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. ТРУРТАМИНА BOTANICA
 ГЛАВА 15. ВЕЗДЕСУЩИЙ ДМТ
 ГЛАВА 16. ХОАСКА, ИЛИ АЯХУАСКА
 ГЛАВА 17. ВЬЮНОК И ЕГО СЕМЕНА
 ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ. ВРЕМЯ И ТРАНСФОРМАЦИЯ.
 ГЛАВА 18. БОЛЬШОЙ ВЗРЫВ?
 ГЛАВА 19. ТРИ ФОТОГРАФИИ.
 ГЛАВА 20. АВТОРСКИЕ ПРЕПАРАТЫ.
 ЧАСТЬ ПЯТАЯ. ХИМИЯ И ПОЛИТИКА.
 ГЛАВА 21. МОЖЕМ ЛИ МЫ И НУЖНО ЛИ НАМ ?
 ГЛАВА 22. БАРЬЕРЫ НА ПУТИ ИССЛЕДОВАНИЙ.
 ГЛАВА 23. ЗАГАДОЧНЫЙ МИСТЕР ДЖОНС.
 ГЛАВА 24. QUI BONO?
 ЭПИЛОГ.
 ГЛАВА 25. ГАЛИЛЕЙ.

Предупреждение: данный перевод оригинального текста книги является собственностью сайта high.ru. Любое несогласованное с руководством сайта использование, тиражирование и распространение в печатном или электронном виде этого перевода в целом или его частей является нарушением авторских прав и преследуется в уголовном порядке. По всем вопросам, связанным с правами на распространение текста обращаться на team@high.ru

ЗАЧЕМ Я ЭТИМ ЗАНИМАЮСЬ

В начале 80-х годов мне предложили выступить на конференции, которая проводилась в кампусе Санта-Барбары небольшой группой студентов и аспирантов Калифорнийского университета. Предложение очень заинтересовало меня, поскольку конференция оказалась несколько необычной: она была посвящена психоделическим препаратам. Невероятно, но факт: при всей политической остроте этой темы им все-таки удалось организовать ее обсуждение в главном кампусе Калифорнии, раздобыть спонсора и широко проинформировать общественность!

Мне вспомнилось, как за несколько лет до этого в Берклийском кампусе того же Калифорнийского университета готовилась конференция, посвященная ЛСД. Она тоже имела своих спонсоров, но организаторам пришлось столкнуться с сильным давлением, которое со временем стало просто невыносимым. Кое-кто старался заставить их отменить конференцию или перенести ее в другое место, ограничить круг участников, воздержаться от обсуждения некоторых тем и вообще сделать так, чтобы это мероприятие не имело ничего общего с университетом. Параноидальная атмосфера стужалась с каждым днем. Попутно возникали многочисленные мелкие провокации: например, однажды на доске объявлений Берклийского кампуса появилась надпись ЖИДЫ! ЖИДЫ! ЖИДЫ! (как говорили потом, это сделал один студент-психолог, у которого съехала крыша). Из-за всего этого пришлось искать другое место для конференции. В конце концов она состоялась в University Extension Building, Сан-Франциско.

На мой взгляд, это было весьма впечатляющее событие. С докладами выступили несколько десятков преподавателей и известных ученых. Аудитория состояла из нескольких сотен сильно прихипованных студентов, богемной молодежи и пяти-шести "сопровождающих" в белых футболках и головных повязках, которые расхаживали вокруг аудитории и фотографировали всех и каждого.

Заметки, которые я сделал на этой конференции, впоследствии куда-то затерялись, поэтому упомяну лишь о двух сценах, особенно врезавшихся мне в память. Первоначально предполагалось, что в качестве одного из докладчиков выступит Аллен Гинсберг; но организаторам дали понять, что в этом случае их шоу не сможет состояться даже в Сан-Франциско. Поэтому им пришлось пойти на уступки: отказать Гинсбергу и пригласить генерального прокурора штата (по фамилии Янгер или что-то вроде того), который, по-видимому, собирался сделать доклад о юридических аспектах употребления наркотиков. Мне посчастливилось стать свидетелем их встречи у восточных ворот аудитории. Гинсберг наскокивал на прокурора, потрясая кулаками, и орал ему прямо в лицо: "Эйхман! Эйхман! Эйхман!", а тот явно не понимал, о чем идет речь. В своем вступительном слове организаторы конференции прямо объявили собравшимся, что первоначально они хотели пригласить Гинсберга (аплодисменты), но, к сожалению, поступило указание

вычеркнуть его из официального списка докладчиков (возмущенный вой); однако он имеет право подняться на сцену в качестве наблюдателя и, как таковой, выступить с любыми комментариями, какие сочтет нужными (бурные аплодисменты). Это сообщение задало тон всем дальнейшим событиям. А генеральному прокурору, насколько я помню, так и не дали слова.

Вечером состоялось звуковое шоу с модной в те годы подсветкой из масляных ламп с цветными светофильтрами. Всюду пахло марихуаной. Героем праздника был Тимоти Лири; где бы он не появлялся, его сопровождала толпа девчонок. Само собой разумеется, что в дальнейшем Берклийский кампус уже не рисковал проводить мероприятия такого рода.

И вот теперь я получил приглашение поучаствовать в чем-то в этом роде, но на этот раз уже в более периферийном кампусе Санта-Барбары. Конечно же, я был заинтригован и немедленно дал согласие.

В Санта-Барбаре я оказался под опекой Роберта Гордона-МакКатчена, почетного стипендиата по философии религии. Он заверил меня, что в зале соберется множество заинтересованных студентов, и я смогу сказать им все, что считаю нужным. Предложение выглядело довольно соблазнительным, но я тут же вспомнил о неприятных последствиях встречи в Сан-Франциско: некоторых приглашенных туда докладчиков хозяева встретили довольно нелюбезно, так что те уехали, серьезно обидевшись. Поэтому я решил подстраховаться и надеть маску академической кошерности. Находясь в Санта-Барбаре, я ни на минуту не забывал об этом.

Еще до начала конференции произошло несколько запоминающихся событий. Прежде всего, в одном из загородных особняков на холмах Санта-Барбары было организовано неофициальное собрание приглашенных знаменитостей. Мы с Алисой приехали туда на автомобиле и, пройдя через просторный двор особняка, оказались

в не менее просторной гостиной. Вдоль стен стояли в три ряда стулья, на которых размещалось добрых четыре десятка человек. Нас здесь никто не знал, поэтому мы

притаились у стены за надежной баррикадой из жаждущих душ. Гостей знакомили с выдающимися людьми; многие имена были нам известны, но здесь как-то не представлялся случай с ними побеседовать. Прозвучало мнение, что эта конференция сможет послужить стартовой площадкой для возрождения психоделического движения.

Вот этот джентльмен хотел бы написать о нем эссе; к нему прислушаются многие. Вот эта леди хотела бы связаться со своим издателем и запечатлеть нашу встречу в

истории. А вот этот мистер, в свою очередь, хотел бы осветить встречу в средствах массовой информации: например, устроить соответствующие интервью в завтрашнем радиозэфире. Короче говоря, здесь собралась элита, способная перевернуть землю. Мы с Алисой вскоре ушли.

На другой день мы давали интервью на радио. В маленькой студии собралось человек пять-шесть, из которых я знал одного только Тимоти Лири. Впрочем, его вполне хватало для того, чтобы привлечь внимание слушателей, и я был освобожден

от необходимости отвечать на вопросы и вообще говорить что-либо. Я скромно удалился, пообещав провести открытый семинар на факультете химии. Это было одно из показательно-академических мероприятий, позволявших организаторам называть свою

конференцию "научной". Администрация Университета, комментируя эту "психоделическую встречу", всегда могла сослаться на наш исследовательский семинар для аспирантов химфака: смотрите, мол, все было вполне законно и

правильно.

Но на химфаке все оказалось далеко не так гладко. Профессор, пригласивший меня, абсолютно не знал, кто я такой, и почему-то решил, что ему придется выпустить на кафедру опасного типа, который выступает за употребление и оправдывает злоупотребление. Терзаясь ужасными сомнениями, он все-таки разрешил семинар, и зал тут же подвергся беспрецедентному наплыву студентов и аспирантов. Я вел себя как можно более корректно и дал беглый, но академически безупречный обзор происхождения, синтеза и возможного механизма действия этих соединений в качестве синергистов и нейротрансмиттеров. Он был стопроцентно кошерным: ничего, кроме "реакций по механизму SN-2" и точных молекулярных схем, которые я называл "приблизительными эскизами". В итоге меня ждал громкий успех, и тем самым я смог отчасти помочь организаторам конференции.

Все, что я могу вспомнить о подготовке своего доклада для конференции – это лаборатория факультета естественных наук Калифорнийского университета, где я стучал по клавишам старой пишущей машинки, приводя в порядок свой поток сознания – через один интервал на желтой бумаге. Я помню, что не вполне понимал, зачем я это делаю, но все-таки знал, что именно хочу сказать. Впрочем, даже этого я не знал заранее: все возникало по мере написания и закончилось созданием тезисов, в которых я был вполне уверен. Доклад был, пожалуй, слишком откровенным для человека, который до сих пор скромно держался в тени, но я уже был готов привлечь к себе внимание. Вот то, что я говорил двадцать лет назад, и я могу с уверенностью повторить это сегодня.

ЛЕКАРСТВА ВОСПРИЯТИЯ

Когда Роберт Гордон Мак-Катчен пригласил меня сюда, чтобы рассказать что-нибудь о психоделических средствах, моя первая мысль была отказаться. В конце концов, я химик и фармаколог, а не философ и религиовед, и мне казалось, что во время прошлогодней встречи я дал достаточно информации о связях между химической структурой и психической деятельностью.

Но тут вмешалась моя жена: "А почему бы просто не рассказать им, зачем ты этим занимаешься?"

Вопрос показался мне очень интересным. Действительно: вот уже, по меньшей мере, двадцать пять лет я настойчиво исследую строение, приготовление и свойства различных психоактивных препаратов: галлюциногенных, психоделических,

диссоциативных, а иногда и просто опьяняющих. Но зачем я этим занимаюсь?

На такой вопрос хочется ответить дерзко: да потому, что так надо. "Зачем ты влез на Эверест?" – "Он здесь стоял, вот я и влез". Но не только это подталкивает меня к исследованиям.

Когда такой вопрос возникает во время семинара или дискуссии в академической среде, я обычно делаю особое ударение на слове "психотомиметики" – термине, который часто употребляется учеными как синоним слова "психоделические препараты". Он составлен из двух греческих корней: психото (производное от "психоз") и мимесис ("подражание"). Таким образом, данный термин описывает одно

из наиболее очевидных свойств этих веществ: они способны вызывать состояния, сходные с симптомами психических заболеваний и, таким образом, могут служить средствами для исследования некоторых форм психозов и психических расстройств.

Такой ответ на вопрос: "Зачем Вы этим занимаетесь?" не лишен логики и вполне безопасен. Он оправдан, по крайней мере, для двух сотен психоделиков, которые по своему химическому строению подразделяются на две группы: фенилэтиламины и триптамины. В группу фенилэтиламинов входит около полусотни веществ, родственных мескаину, и еще примерно столько же их метиловых гомологов

с молекулярной цепью амфетамина. Примерно столько же веществ входит и в группу

триптаминов: все они содержат в себе разнообразные кольца, цепи или азотзамещенные производные. Некоторые из них конденсируются в более сложные структуры – такие, как бета-карболины (в частности, гармалин) или эрголины (например, ЛСД).

Два основных нейротрансмиттерных вещества, от которых зависит передача нервных импульсов в человеческом мозге, также принадлежат к группам фенилэтиламинов (допамин) и триптаминов (серотонин). Это и подталкивает неврологов к тому, чтобы воссоздавать некоторые формы нейротрансмиттерных расстройств с помощью психоделиков.

Такой ответ безопасен, поскольку не содержит в себе ничего угрожающего и легко принимается как учеными мужами, так и теми, кто выдает правительственные гранты для исследовательских работ.

Но в таком ответе нет ни слова правды. Я действительно разрабатываю средства, но они служат совершенно иной цели.

Здесь я позволю себе небольшое отступление, чтобы отчасти дать определение

этим средствам и намекнуть на важную задачу, которая, по моему глубокому убеждению, связана с ними.

Я уверен, что все элементы "человеческой комедии" находятся в устойчивом равновесии. Если что-то начинает двигаться в какую-либо сторону, где-то сразу возникает компенсаторное и уравновешивающее движение в другую сторону. Глядя на

эту систему с точки зрения "добра" и "зла", можно сказать, что равновесие поддерживается тем, что всякое добро содержит в себе малое, но заметное количество непроявленного зла, а всякое зло – точно такое же количество непроявленного добра. Так, в человеческом мозгу Эрос – любовь к жизни и стремление продолжить себя – сосуществует с Танатосом, или "инстинктом смерти", находящем свое выражение в разрушительном и агрессивном поведении.

Так вот: средства, которые я ищу, должны стать словами нового словаря: того, который позволит человеку более сознательно (и более внятно) общаться с

содержимым собственного разума и психики. Его можно назвать "словарем познания".

Человек, который все лучше понимает (и, таким образом, начинает признавать), что

каждый его поступок и каждое решение является суммой двух противоположных устремлений, в конце концов может приобрести способность к сознательному выбору.

И познание, которое следует за таким выбором – это путь к мудрости.

Но не только человеческий дух -- все человеческое общество тоже стремится к равновесию. Свидетельством тому могут служить некоторые хронологические совпадения, поддерживающее шаткое равновесие истории человечества.

В первые века текущего тысячелетия происходило множество жестоких и бесчеловечных войн, и все они велись во имя религии. Ужасы инквизиции, смертельно ненавидевшей инакомыслие ("ереси"), отражены во многих исторических

документах. Но именно в те мрачные годы сформировалась структура алхимии, стремившейся приобрести знание путем исследования материи. При этом целью алхимиков было отнюдь не превращение свинца в золото, о котором говорят везде и

всюду. Смысл их поисков заключался в том, чтобы снова и снова повторять очистку

и возгонку, все более и более постигая при этом, что именно здесь может возникнуть синтез, союз между психическим и духовным миром.

Это бесконечное повторение операций было и работой, и вознаграждением за работу. Делая это, алхимики приобщались к учению, которое обеспечивало жизненное

равновесие каждого из них.

За последние сто лет этот процесс развился в то, что мы называем наукой. Но

вместе с развитием произошло и постепенное смещение акцентов: важен стал не сам

процесс, а его результат. В нынешнем веке науки реально ценится только конечный

итог, только "золото". Не исследование, не постижение, а только голый результат,

который приносит нам уважение коллег и признание со стороны окружающих (а значит, и богатство, и влияние, и власть). Но все эти итоги и результаты демонстрируют нам ту же самую инь-янскую сущность добра и зла, где одно всегда

содержит в себе частицу другого. Такова была и история прошедших столетий.

Нас

научили говорить о том, что плоды науки не имеют отношения к этике и морали, что

в объективном мире научных исследований ничто не является злом или добром само

по себе, и что поддержание некоего равновесия, конечно же, не имеет никакого значения. И все же в истории происходят почти невероятные хронологические совпадения, которые свидетельствуют об обратном.

В 1895 г. Вильгельм фон Рентген обнаружил, что при прохождении электрического разряда через запаянную трубку с определенным газом находящаяся

рядом пластина, покрытая тонким слоем некоего неорганического вещества, начинает

светиться. А год спустя Антуан Анри Беккерель обнаружил у металла урана аналогичное всепроникающее излучение, которое заставляло светиться и окрашиваться пластинку, покрытую цианидом платины. Так была открыта

радиоактивность.

А еще через год некий Артур Хефтер употребил алкалоид, который был выделен им из "сорного кактуса", привезенного из Нового Света неугомонным фармакологом

Луи Левином. Это случилось в Лейпциге, 23 ноября в 11.45. Согласно записям экспериментатора, после приема 150 миллиграммов с ним случилось вот что:

"Время от времени через поле зрения пролетали необыкновенно яркие точки. Затем стали появляться пейзажи, залы, архитектурные сооружения..."

Так был открыт мескалин.

В течение 20-х-30-х гг. оба мира - физика со своей радиацией и психофармакология со своими психотропными средствами -- продолжали развиваться,

не противопоставляя себя друг другу и не стараясь выяснить, кто из них "хороший", а кто "плохой", как это стали делать впоследствии.

Радиоактивность и радиация заняли ведущее место в медицине. Рентген долго

был незаменим при диагностике, а радиотерапия широко применялась для лечения заболеваний. Стало известно, что контролируемая и локализованная радиация способна разрушать злокачественные опухоли, щадя при этом живые клетки.

Параллельное развитие происходило и в области психологии. Теории Фрейда и

Юнга развивали все более и более разумный подход к душевным болезням, а исследования Павлова заложили основы экспериментальной психологии.

Но во время Второй Мировой войны пути обеих наук круто разошлись; и этот момент тоже отмечен интересным хронологическим совпадением. В конце 1942 г. Энрико Ферми и некоторые другие ученые Чикагского Университета впервые продемонстрировали искусственно вызванную и контролируемую реакцию ядерного распада. Так началась эпоха "неограниченной энергии и независимости от исчерпаемых энергоресурсов".

А 16 апреля следующего года в Швейцарии доктор Альберт Хофманн из исследовательской лаборатории фирмы "Сандоз" случайно проглотил неизвестное количества вещества, которое он синтезировал четыре года назад, а теперь смог синтезировать повторно. После этого он ощутил странное беспокойство и головокружение, которое продолжалось несколько часов. Три дня спустя (19 апреля

в 16.20) он принял отмеренную дозу, 250 микрограммов, и впоследствии сообщил:

"... (после кризиса смятения и отчаяния) ... я начал наслаждаться беспрецедентными цветами и игрой застывавших и сохранявшихся форм. Затем на меня

нахлынула калейдоскопическая волна фантастических образов -- изменявшихся, варьировавшихся, открывавшихся и закрывавшихся по кругам и спиральям..."

Так был открыт ЛСД.

Но с тех пор и вплоть до последнего десятилетия все надежды человечества связывались, главным образом, с богатыми обещаниями ядерной эры - сперва с энергией распада, а затем - с неограниченным потенциалом ядерного синтеза. А область галлюциногенов была обозначена как психотомиметическая (имитирующая психозы) и, в общем, отрицательная. Так продолжалось вплоть до 1960-х гг., когда

произошла странная и ошеломительная смена ролей.

Знание о ядерном распаде и термоядерном синтезе внесло в психику общества

аспект влечения к смерти. Великие государства одно за другим присоединялись к братству искусных истребителей человеческого рода. Но, как я уже сказал ранее,

при возникновении любого дисбаланса непременно должен появиться уравнивающий

противоположный компонент. В данном случае противовесы появились во многих формах и на многих фронтах, и все они были связаны с одним и тем же процессом:

возрастанием интереса к духовному аспекту личности и стремлением глубже понять

человеческую психику. Психоделические препараты, прежде считавшиеся относительно

полезным инструментом для исследования психозов или безусловно вредным средством

эскапистского самоудовлетворения, теперь все чаще рассматривались западной молодежью как средство для просветления и духовного преображения.

Теперь, когда общечеловеческий Танатос уже совсем насытился увековеченным

знанием о том, как мы можем полностью уничтожить и самих себя, и наш уникальный

опыт жизни и любви, кое-что должно произойти и на стороне Эроса, который научит

на, как жить с эти увековеченным знанием. Между двумя противоположными сторонами

человеческой души возникает диалог, который требует нового словаря -- словаря прозрения и познания.

Нам нужен способ выразить переживания, возникающие в самых глубинных участках нашей психики, передавать знание, которое традиционно называют "окультурным" или "сокровенным". Раньше это знание считалось личным достоянием шаманов, духовных учителей или лидеров, которые его заслужили. На них лежала ответственность за выбор одаренных и прозорливых людей, которые могли стать их

учениками и последователями. Этих избранных впускали в храмы знания, в пирамиды,

тайные ложи, монастыри или священные вигвамы, чтобы они могли постепенно исследовать свой духовный мир и осваивать области бессознательного.

Считалось,

что при таком обучении некоторые из них со временем смогут стать мудрейшими целителями или духовными лидерами.

Если бы у нас было столько же времени, сколько у наших предков, мы тоже могли бы спокойно наблюдать за постепенным увеличением количества людей, которые

разбираются во внутренних процессах, энергиях и комплексном равновесии влечений,

страхов, инстинктов и опыта, из которых состоит внутренняя вселенная человека.

Мы могли бы предвидеть, что когда-нибудь и все человечество лучше поймет сущность своего сознания и подсознания. Однако в последние несколько десятилетий

открытия в физике, химии, биологии, электронике, математике и распространении информации появляются с невиданной скоростью. И эта лавина знаний о сущности материального мира не имела необходимого и жизненно важного противовеса: понимание человеческой психики практически не улучшилось. Мы узнали много нового

о мозге, но не о душе. Мы так и не совершили прорыва в познании тех архетипов бессознательного, тех эмоций и энергий, которые определяют способ использования

новоприобретенных научных знаний. Но мы обязательно должны развивать методику исследования и понимания этих неосознанных сил, от которых неизбежно зависят все

наши решения, ибо все открытия, совершенные в мире материи, равно могут быть использованы и ради жизни, и ради смерти.

То, чего мы избегаем, и то, чего мы не желаем признавать, может убить не только нашу расу или культуру, но ВСЕХ нас.

Не забывайте о том, что психоделические препараты – не единственный ключ к бессознательному; их нельзя использовать ни для обучения, ни для духовного роста. Не существует единственно "правильного" препарата и даже единственно "верной" дозировки одного и того же вещества, которая удовлетворила бы всех исследователей в равной степени. Нелишне будет еще раз напомнить и о том, что все переживаемое при приеме психоделических препаратов или визионерских растений исходит не от самих психоактивных веществ, но от разума или психики человека, который их потребляет. Каждый из таких препаратов открывает в принявшем его некую дверь, и разные препараты открывают разные двери. Поэтому исследователь должен научиться наиболее успешным и безопасным способам продвижения по каждому из своих новооткрытых внутренних континентов. Это займет много времени, и здесь необходимо руководство опытного человека – как и во всех глубинных эмоциональных и духовных исследованиях.

При соблюдении всех предосторожностей использование психоделических растений и препаратов имеет большое преимущество перед другими традиционными методиками. Они позволяют нам скорее достичь желаемого результата: сознательного постижения наших внутренних процессов и более ясного понимания ответственности каждого перед человечеством и всеми прочими существами, живущими с нами на одной планете.

Эти средства необычайно важны, и я считаю, что достиг известного мастерства в их изготовлении. Вот почему я этим занимаюсь.

За годы, прошедшие после нашей беседы в Санта-Барбаре, люди еще не исчезли с лица Земли и не истребили на ней все живое, но они способны на это. Лидеры стран так и не наладили открытого и взаимно уважительного общения между собой. Но на это они тоже еще способны.

Как и прежде, руководители человечества подпитываются архетипом власти – тем аспектом человеческой психики, который влечет ее к иерархии, контролю и фиксации правил и систем. Воля к власти формирует наш мир; без нее человечество давно бы погибло. Если эта воля уравновешена некими комплементарными энергиями, она придает человечеству форму; она создает цивилизацию. Но когда тонкое равновесие нарушается и из этого архетипа выплескивается слишком много энергии, структура превращается в тюрьму, контроль становится диктатурой, обучение вырождается в зубрежку и муштру, видения и прозрения порождают догмы, а осторожность развивается в манию преследования. Мы утрачиваем связь с любящими и питающими энергиями, которые существуют внутри нас самих; а вместе с тем исчезает и наша способность выбирать сознательно -- как в личном, так и в общечеловеческом масштабе.

Жрецы и цари, императоры, президенты и все те, кого лелеют и защищают

структуры власти, склонны беспокоиться и гневаться из-за одиночек, которые настойчиво пробиваются в новых направлениях, игнорируя предписания признанных лидеров. Такие люди внушают властям подсознательный страх перед хаосом, перед разрушением всего известного, знакомого и безопасного. Реакция на этот страх может иметь много форм -- от убийства святотатца (или сожжения ведьмы) до предупреждения, чтобы он держал свое знание и свои мнения при себе (как в случае

с Галилеем); но последнее возможно лишь в том случае, если отщепенец не угрожает

существованию установившегося порядка и не раздражает власть имущих.

Такова была история развития человечества -- история шаткого равновесия между стремлением к тотальному контролю и потребностью изменяться и расти. Оно

поддерживалось на протяжении столетий, обычно с большими трудностями и часто насильственно. И мы шли бы по этому пути и до сих пор, но рывок технологического

прогресса за последние пятьдесят лет дал в руки человечества комплекс знаний, существенно изменивших этот баланс. Выпустив из бутылки джиннов ядерной и химической войны, мы уже не сможем загнать их обратно; но и дух психоделиков тоже останется среди нас навечно.

Быть человеком -- значит быть душой, которая выбирает (будь то сознательно

или неосознанно), что ей делать и чем ей стать. Что до меня, то в этой жизни я

стараюсь познать, осознать и прочувствовать как можно больше -- для того, чтобы

выбирать с умом.

Здесь я могу процитировать мрачноватую шутку Вуди Аллена. Как-то раз, приветствуя выпускников университета, он начал свою речь такими словами:

"Уже не первый раз в своей истории человечество оказалось на распутье. Один

путь ведет к отчаянию и безнадежности. Другой -- к полному истреблению.

Помолимся

же о том, чтобы выбрать мудро и правильно".

Я не склонен к такому пессимизму: ведь за эти несколько десятилетий технологии угрожали нам столькими смертельными бедствиями -- но все они не состоялись, и мы благополучно выжили. Не исключено, что нас спасла "противовесная часть" человеческого существа, которая прокладывает свой путь разумом и любовью. Я надеюсь на это. И даже больше: я подозреваю, что так оно и есть.

А пока что я продолжаю заниматься поиском новых ключей к пониманию человеческого разума и стараюсь как можно шире распространять те знания и сведения, которые успел собрать. Если я чего-то не доделаю, мою работу завершат

другие люди из разных уголков мира, с которыми я поделюсь своей задачей.

Александр Т. Шульгин, доктор философии

"Избиратели не могут сами решать, какие лекарства безвредны и эффективны"

Генерал Эрри Маккарфи. 1996 год

"Если правительство будет само решать, какие продукты и лекарства граждане должны употреблять, то скоро тела граждан будут в таком же плачевном состоянии, как души тех, кто живет при тирании."

Томас Джефферсон,
3-ий президент США

КНИГА 1. ЖИЗНЬ ПРОДОЛЖАЕТСЯ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ПРИКЛЮЧЕНИЯ – ПРИЯТНЫЕ И НЕ ОЧЕНЬ.

ГЛАВА 1. НАШЕСТВИЕ.

(Рассказывает Алиса)

Двадцать лет подряд Шура получал ежегодную лицензию DEA (Агентства по борьбе с наркотиками), которая позволяла ему хранить, анализировать и использовать для научных исследований запрещенные препараты из всех пяти списков. Время от времени агенты DEA проводили инспекции Шуриной лаборатории, проверяя, выполняются ли все инструкции и не ведется ли здесь незаконная деятельность. За 15 лет нашего знакомства инспекции проводились дважды.

Каждый

раз приходили два агента, которые не находили никаких следов правонарушений и не предлагали внести никаких изменений в порядок работ – и лицензия ежегодно обновлялась.

Шура сделал одну ошибку. Когда он получал лицензию в первый раз, к ней прилагался подробный список правил, но нам никогда не приходило в голову, что правила могут меняться. Ведь раз лицензия обновляется каждый год, DEA наверняка

предупредило бы его о новых правилах. Теперь уже, оглядываясь назад, мы понимаем, как мы были наивны. Оказалось, что все владельцы лабораторий должны сами узнавать обо всех изменениях. Но почему тогда знавшие о них инспектора не говорили нам об этом во время проверок?

Была еще одна причина того, что Шура не проявлял особого любопытства по поводу новых правил. Дело в том, что на протяжении 30 лет пост руководителя отдела DEA, контролирующего все лаборатории Запада США занимал его лучший друг

Пол Фрай. Он часто по воскресеньям заходил в лабораторию – его завораживала химия психоделиков, но в то же время он признавался, что до смерти боится пробовать один из таких препаратов. Мы никогда и не предлагали: пост, который занимал Пол, не позволял ему и думать об употреблении психоделиков, даже не запрещенных.

Пол заходил к нам бесчисленное количество раз. Он много раз видел стопки писем с анонимными образцами для анализа – большинство таких писем Шура не распечатывал, так как не любил работать на незнакомых людей. Две комнаты были завалены такими конвертами – кабинет и бывшая спальня, превращенная в лабораторию, куда Шура поставил инфракрасное оборудование и аппарат ядерно-магнитного резонанса; там же были полки с документацией и пластинками.

Типичным образцом таких писем мог быть запрос одного британского ученого, изучающего феномен рейв-музыки – он прислал образец препарата, купленного на рейв-вечеринке, скорее всего – экстази или другой запрещенного вещества. Он не

хотел обращаться в официальную лабораторию, так как тогда ему пришлось бы сообщить властям имена и приметы молодых людей, у которых он приобрел этот препарат, что сразу же приостановило бы его исследования (и крайне негативно повлияло бы на судьбы молодых людей). Шура скорее всего сделал бы анализ из чистого любопытства – узнать, чем там балуются рейверы.

Шура считал, что лицензия позволяет ему проводить такие анализы, в том числе и анонимных образцов. Наш друг Пол был того же мнения, но однажды он сказал Шуре: "Послушай, это дерьмо не стоит тех проблем, которые могут у тебя из-за него возникнуть – выкинь ты все эти письма". Но Шура был занят каким-то очередным опытом и пропустил это дружеское предупреждение мимо ушей.

Александр

Бородин – великий ученый, но он не достиг того же совершенства в качестве домохозяина: письма с образцами, большинство из которых он все равно уничтожил

бы, валялись по всему дому. Их можно было обнаружить, например, на шкафу за бумагами, или в обувной коробке на полу маленькой лаборатории (мы называем ее "четвертым подвалом"). В доме нет детей, и когда дети приходят к нам в гости, кабинет и четвертый подвал заперты и вне досягаемости. Домой к нам заходят только лучшие друзья и самые надежные знакомые, никто из них не входит в лабораторию без разрешения и никому из них не придет в голову трогать конверты с

большими вопросительными знаками или пробирки с химикатами. Среди наших гостей

нет идиотов или клептоманов.

Задолго до нашей встречи один индейский священник прислал Шуре три ростка

пейотля (подарок шаману от шамана). Пол был очень рад, что его друг получил такой подарок, так как знал, что лицензия позволяет Шуре вырастить их, чтобы наконец выделить следы неизвестных алкалоидов, которые присутствуют в священном

кактусе. Шура так описывал свои планы: "Некоторые алкалоиды пейотля хорошо изучены. Я хотел бы узнать, входят ли в состав кактуса созданный мной синтетический аналог мескалина метоксиметилендиоксибензиламин и наиболее обычные биосинтетические прекурсоры активных веществ пейотля ангалонин, лофофорин и пейофорин. Я даже придумал название для препарата, следы которого, я

уверен, присутствует в кактусе – "лофофин". Имея на руках образец препарата и экстракт кактуса, можно будет легко открыть новое вещество.

А пока кактусы росли в горшках во внутреннем дворике. Мы регулярно поливали

их и очень любили.

Пол частенько приглашал Шуру проконсультировать химиков лаборатории DEA в

Сан-Франциско. В кабинете висит фотография, где запечатлены Пол и Шура во время

вручения грамоты доктору Бородину "за огромный вклад в борьбу со злоупотреблением наркотиками". Грамота была выдана в 1973 году Бюро по борьбе с

наркотиками и опасными препаратами – так раньше называлось DEA. На фотографии Шура и Пол одеты в строгие костюмы, оба бородатые и серьезные.

Рядом на стене висит еще одна грамота, на этот раз от DEA: "Доктору Бородину с огромной признательностью за поддержку, оказанную Западной лаборатории", за подписью Пола – он вручил ее Шуре незадолго до того, как ушел

на пенсию. Шура всегда искренне удивлялся, чем он заслужил все эти грамоты, но я

думаю, что таким образом была отмечена его честность и стремление сделать

информацию о свойствах и действии психоделиков доступной всем – в том числе и властям.

В качестве пастора Вселенской Церкви Жизни, Пол проводил церемонию нашего с Шурой венчания на лужайке перед нашим домом, и когда через год он сам женился маленькой блондинке, агенте DEA Елене – милой и крайне прямодушной женщине, – венчание проходило на той же лужайке. В день венчания наш дом был наводнен химиками и агентами DEA, Шура показывал им дом и знаменитую лабораторию, где живут паучки с длинными ножками и где на полу всегда лежат осенние листья, занесенные ветром. Шура демонстрировал также свою "свалку" в нескольких метрах от лаборатории. Когда-то Шура вырыл там глубокую яму и обложил ее кирпичом – теперь она была доверху засыпана землей. Туда Шура выливал все отходы, которые нельзя было уничтожить в лабораторном камине.

Через два года после того, как Пол ушел на пенсию, мы издали нашу книгу PINKAL. Первая часть книги рассказывала о нашей жизни и истории наших взаимоотношений, причем для полноты картины мы описывали одни и те же события отдельно друг от друга. Большинство историй о психоделических опытах было нами придумано, хотя в основу их легли реальные исследования, которые мы проводили в 60-х годах, а также в последнее время, до введения закона 1986 года об аналогах запрещенных веществ, положившего конец всем опытам.

Эта часть книги могла вызвать противоречивые отклики, поскольку в ней мы в числе прочего рассказали и о том, как в нашей стране под прикрытием пресловутой "Войны с наркотиками" нарушаются права человека. Мы настаивали на том, что взрослый человек имеет полное право сам выбирать, каким путем он хочет изучать свой мозг и душу, если при этом он не ущемляет ничьи интересы.

Однако настоящий шок в некоторых кругах вызвала вторая половина книги. Она предназначалась для читателей будущего – людей, которые будут жить в свободной стране, а не в полицейском государстве. Эта часть содержала 179 рецептов изготовления различных психоделических препаратов. Язык этой части напоминал язык журнала "Химия в медицине" и был понятен только специалистам. К рецептам прилагались описания действия разных доз препаратов, данные людьми, испробовавшими их действие на себе.

Как только книга была издана, Шура разослал бесплатные копии во все лаборатории DEA, чтобы они использовали ее как справочник. Я думаю, что большинство специалистов не читали первую часть: их интересовала вторая, источник ценной информации.

Мы часто обсуждали, какую реакцию властей вызовет наша книга, но время шло, ничего не происходило, и мы успокоились: в конце концов, мы живем в стране, где свобода слова гарантируется законом, и вдобавок, Шура имел отличные отношения с людьми из DEA.

Тем не менее, по нашим сведениям некоторые в главном офисе DEA в Вашингтоне были враждебно настроены по отношению к Шуру. Один из них – с репутацией карьериста, который пытается любой ценой пролезть по службе – считал, что

необходимо запретить даже традиционное использование галлюциногенов коренными народами Америки. Мы очень надеялись, что он проигнорирует нашу книгу или пропустит ее на том основании, что она оказалась полезной для лабораторий DEA.

Сейчас, конечно, мы понимаем, какая это была наивность с нашей стороны.

С тех пор как Пол ушел на пенсию, в лаборатории ничего не изменилось – как

вдруг в 1994 году, через два года после публикации PINKALa, наш мир разлетелся на куски.

В конце сентября 1994 года к нашему дому подъехала красная машина. Из нее вышли трое людей, представившихся агентами DEA. Мы были неприятно удивлены, что инспектора прибыли без предварительной договоренности, так как Пол всегда требовал от своих сотрудников, чтобы доктора Бородина предупреждали о предстоящей проверке.

Главный инспектор, мистер Фоска, опрятный и вежливый человек среднего роста, не обращал внимание на наше недовольство. Два других инспектора были одеты в повседневную одежду, что крайне необычно для полицейских при исполнении.

Я предложила непрошеным гостям чай или кофе – все трое отказались. Насколько я помню, агенты DEA не имеют права до окончания инспекции принимать что-либо от хозяев.

Нам предъявили ордер на обыск. Очень странно: у всех предыдущих инспекций ордеров не было, зачем он понадобился теперь?

Моя дочь Венди в это время работала с заказами на PINKAL в кабинете: каждую неделю она занималась делами издательства Transform Press. Когда Шура представил ее инспекторам как своего пресс-секретаря, она улыбнулась и снова погрузилась в бумаги.

Мы были удивлены неожиданным визитом, но ничуть не волновались: две предыдущие проверки не обнаружили ничего предосудительного, и на этот раз все должно было пройти так же.

В тот день мы собирали чемоданы, чтобы отправиться в Испанию: Шура был приглашен на конференцию, которая проводилась недалеко от Барселоны. Билеты на самолет были на следующий день, и я волновалась, как бы эта неожиданная проверка не отняла бы время, оставленное на сборы. Помимо этого никаких опасений у нас не было.

Шура повел агентов в лабораторию. Я вернулась в спальню, чтобы попытаться сложить и запаковать в чемоданы все нужные вещи. Через несколько минут в дверь постучала Венди, сообщив, что приехал Михаэль Сан. Как же я могла забыть, что пригласила его в гости! Михаэль был и остается одним из самых любимых мною людей – этот тихий, скромный и очень умный молодой человек сумел объединить вокруг себя представителей разных религиозных и философских организаций, считавших, что психоделические растения и препараты представляют собой уникальные инструменты

для изучения души человека. Он считает (и мы с ним согласны), что лучший способ смягчить законы против психоделиков – это дать официальным лицам информацию о том, как эти вещества использовались в религиозной и духовной практике знакомых с ними культур.

Михаэль стоял на пороге с высокой хрустальной вазой в руках – в вазе алела единственная роза. Я обняла его, поблагодарила за подарок и шепнула на ухо: "у нас тут гости из DEA, пришли без звонка, мы их не ждали, тебе скорее всего не захочется с ними встречаться".

Он улыбнулся и сказал, что вряд ли эта встреча кого-нибудь обрадует. Он обещал позвонить завтра. Я напомнила, что завтра мы улетаем в Испанию, и попросила его перезвонить через три недели. Он пожелал нам приятного путешествия и ушел. Вазу с розой я поставила на солнечный подоконник в кухне.

Я вернулась в спальню и продолжала собираться. Примерно через час я услышала голоса в коридоре: Шура деловито объяснял инспекторам, что еще в двух комнатах нашего дома могут быть образцы химикатов: "В моем кабинете и в четвертом подвале – это комната, где я храню инфракрасное оборудование, которое нельзя держать в лаборатории."

Его голос показался мне веселым, значит инспекция проходила без проблем.

Скоро я поняла, что ошибалась. "Это нарушение правил" – повторял агент Фоска, и голос у него был очень вежливый, даже с некоторым сожалением, особенно когда он добавил – "вплоть до 25 тысяч долларов штрафа за каждое такое нарушение".

"Каких таких правил?" – несколько раз подряд спросил Шура, но потом надолго замолчал.

Агент Фоска продолжал: "В лаборатории обязательно должен быть сейф для хранения запрещенных препаратов, к сейфу должна быть подведена сигнализация, чтобы ближайший полицейский участок сразу же знал о попытках проникновения в сейф. Вы что, хотите, чтобы из-за вас случилась трагедия? Вы думали, что будет, например, если какой-нибудь ребенок доберется до пробирок?"

В этих словах есть доля здравого смысла, но почему предыдущие инспекции ничего не сказали про сейф? Видимо, в последнее время появилось много новых правил, а Шура никто о них не сообщил.

Я вышла в коридор и смотрела, как агент Фоска находит все новые и новые нарушения: мало того, что образцы препаратов хранятся в доме, а не в лаборатории, как положено. Шурина лицензия, оказывается, вообще не предусматривает анонимные анализы. "Для этого нужна дополнительная лицензия, а у вас ее нет," – агент Фоска говорил все более раздраженно.

Шура отвечал: "Я впервые это слышу, ведь у меня есть лицензия на любые анализы," – он помолчал и добавил: "даже если это так и мне придется оставить эту работу, я буду только рад: мне за это не платят, а научная ценность этих анализов не оправдывает затраты времени и труда."

В течении следующего часа агент Фоска изучал Шурины бумаги, в том числе квитанции на покупку реактивов за последние несколько месяцев. Он попросил и получил фотокопии всех этих документов. Такие просьбы были вполне обычны при инспекциях, и Шура соглашался с ними, но к тому моменту он уже понимал, что этот

инспектор заходит гораздо дальше, чем предыдущие.

Шурин вид выражал невинное удивление (совершенно неподдельное), и простое человеческое стремление к сотрудничеству, которыми он пытался прикрыть все растущее беспокойство. Он повторял, как заведенный: "Где я могу получить копию всех этих правил?" и "Почему никто не сказал мне о новых правилах?" В этих вопросах слышалось явное недоверие, но все, чего удалось добиться от агента Фоска, было обещание прислать нам список всех правил, как только он вернется в офис.

Шел уже четвертый час инспекции. Пока Шура объяснял им назначение каждого препарата, я вышла во внутренний дворик с чашкой чая со льдом и уселась в кресло под зонтиком. Рядом сидел агент, старший по возрасту, и мы разговорились о детях и школе – ему вечером нужно было идти на родительское собрание. Стояла жара, я предложила ему воды, и когда он радостно согласился, я почему-то решила, что это хороший знак.

Наконец агент Фоска захлопнул свой блокнот и сказал, что ему потребуется еще по крайней мере три дня для завершения инспекции и он очень сожалеет, что мы уезжаем в Испанию, но когда мы вернемся, он свяжется с нами. "Да-да, конечно" – пробормотал Шура, провожая гостей до машины.

Когда они уехали, Шура вернулся в гостиную, и мы некоторое время молча, без улыбки смотрели друг на друга, потом молча же сели за стол, пытаясь осмыслить случившееся. Венди, закончившая свою работу, присела к нам. "О, Господи" – произнесла я наконец.

- Проблемы? – спросила Венди, глядя на нас.
- Неужели правда появилось столько новых правил? – пробормотал Шура.
- Наверное, дорогой. Ты слышал, что сказал мистер Фоска: DEA считает,

что лаборатории сами должны узнавать о новых правилах, а нам просто не приходило в голову, что они могут меняться.

- А почему тогда предыдущие инспекции ничего не нашли?
- Да, это все очень странно.

Шура помолчал, потом сказал:

- Ты знаешь, мне кажется, что он читал PINKAL или, может быть, наши интервью: когда мы были в четвертом подвале, он спросил, собирается ли наша исследовательская группа. Я ответил, что мы собираемся, но просто чтобы пообщаться, ведь наш средний возраст – примерно семьдесят, а психоделические опыты – дело молодых. К тому же закон об аналогах строго запретил все подобные исследования.

- И что сказал агент? – спросила Венди.
- Ничего. Просто продолжал задавать вопросы.
- И теперь они вернутся, как только вы приедете из Испании? – сказала Венди.

- Он сказал – по крайней мере три дня. Я не представляю, что здесь можно делать три дня. – отвечал Шура.

- И двадцать пять тысяч за одно нарушение – сказала я, но Шура меня

поправил:

- До двадцати пяти тысяч.
- Да, ты прав. В зависимости от их настроения.
- А ты представляешь, какое у них настроение по поводу автора PINKALa? – ухмыльнулся Шура, и первый раз за день мы искренне расхохотались.

Следующие две недели мы провели в Каталонии, в древнем маленьком городке Лерида, где проходила конференция по измененным состояниям сознания, а потом мы

пожили несколько дней в Барселоне – одном из самых красивых городов мира.

Здесь

Шура записал свои впечатления от неожиданной инспекции и озаглавил их:

ПРИШЕЛЬЦЫ С ДРУГОЙ ПЛАНЕТЫ.

(Рассказывает Шура)

Действие первое.

В течение недели со мной произошло два удивительных события. Оба поначалу казались вполне безобидными, и оба непредсказуемым образом переросли в нечто непонятное, что я до сих пор пытаюсь осмыслить. На самом деле они так сильно меня потрясли, что я почти не помню подробностей и постараюсь передать лишь общее настроение, по мере возможности добавляя те немногие детали, которые отложились в памяти. В качестве метафоры оба события можно было назвать визитами с другой планеты.

Первый визит произошел во вторник, за день до того, как мы должны были улетать в Испанию, где я открывал конференцию об измененных состояниях сознания.

Мы с Алисой как раз собирали вещи, я только что договорился с соседями по поводу нашей почты и написал длинный список инструкций для моего сына Тео и Венди – младшей дочери Алисы, которая каждую неделю занимается делами нашего издательства. В два часа к нам должен был заехать друг, поэтому с утра я оставил ворота открытыми. Вдруг ровно в двенадцать к дому подъехала машина.

Из машины вышли трое: один, сравнительно молодой, в костюме, и двое постарше, одетые менее официально. Я встретил их возле дома, они представились, но их имена мне ничего не говорили. Зато я хорошо знал организацию, которую они представляли, Агентство по борьбе с наркотиками – DEA. Я пригласил их пройти в дом (они согласились), предложил им что-нибудь выпить (они отказались) и спросил, чем могу быть полезен. Они заявили, что их визит носит официальный характер (что они хотели этим сказать?) и что они хотят ознакомиться с моей работой и всем, что связано с запрещенными препаратами.

Мне предъявили несколько страниц непонятного документа. Я сперва решил, что это список того, что я им должен показать, но вскоре с удивлением обнаружил, что это ордер на обыск, дающий им право свободно просматривать мои вещи и забирать

все подозрительное. Алиса вышла из спальни, где упаковывала наши чемоданы, и я представил жену гостям. Как только она поняла, что я не шучу, и что перед ней и в самом деле полиция, она сразу взяла на себя роль гостеприимной хозяйки и представила им Венди, которая зашла на кухню за кофе.

Главный инспектор, молодой человек лет двадцати пяти, принес с собой большой желтый блокнот и фотоаппарат, чтобы снимать все интересующие его предметы. Он представился как агент Фоска, и потом задавал почти все вопросы. Два других инспектора присутствовали, скорее всего, в качестве понятых.

Первый спор возник в лаборатории.

Наш разговор развивался по следующей схеме. Агент Фоска спрашивал, показывая на стол, уставленный пробирками, колбами и пузырьками: "Есть ли здесь запрещенные препараты?" Я отвечал: "Да, вот, например, образец для анализа с рейв-вечеринки из Англии - может быть, это экстази. Я еще не провел анализ, поэтому не могу сказать точно."

- Где вы зафиксировали факт получения данного образца?

- Нигде.

- Почему вы не ведете такую отчетность?

- А зачем я должен ее вести?

- Вы обязаны это делать согласно правилам.

- Я не слышал о таких правилах.

- За нарушение каждого такого правила полагается штраф вплоть до двадцати тысяч долларов.

- Каких таких правил?

Мы много раз начинали спорить, и каждый раз схема была примерно одинаковой.

Два других агента потихоньку включились в разговор, задавая вопросы скорее из любопытства, чем по необходимости, но им, очевидно, не нравился запах в лаборатории, и скоро они переместились за порог, где стояли, обсуждая какие-то свои проблемы. А мы с агентом Фоска провели в лаборатории еще целый час.

Он внимательно изучил лицензии, которые висели в рамках на стене: одна от DEA на проведение работ с запрещенными препаратами из всех пяти списков, другая

от департамента атомной энергетики, позволяющая приобретать нужные мне изотопы, а также официальное разрешение на работу с ядовитыми веществами.

Фоска обнаружил маленький стомиллилитровый шприц и спросил меня, как я его использую. Я ответил: "Для внесения малых доз препарата при хроматографическом делении".

- А это зачем? - спросил он, увидев пачку стерильных игл для шприца.

- Для снятия лишнего давления аргона через резиновые пробки в замкнутых системах, куда не должна попадать влага - отвечал я.

- По-моему, их можно использовать и для инъекций.

- Это потому, что мне присылают их из городской больницы Сан-Франциско, где они именно так и применяются.

Все, что могло быть как-нибудь использовано для употребления наркотиков,

имело и законное лабораторное применение, и агент Фоска не возражал против моих объяснений, по крайней мере не прерывал их. Зато он постоянно царапал в блокноте и делал снимки.

Лейтмотивом беседы, однако, оставались запрещенные препараты. ----Нет ли здесь запрещенных препаратов?

- Допустим, есть.
- Вот в этой пробирке 2СВ. Сколько граммов?
- Не знаю точно... Два-три...
- Не могли бы вы ее взвесить?
- Пожалуйста.

Я высыпал порошок на бумагу и положил на весы.

- Три целых четыре десятых грамма.
- А почему так много?
- Я использую его как прекурсор при изучении новых препаратов на базе

2.5-диметоксифенэтиламина с необычными заместителями в четвертой позиции.

Фоска что-то записывает и фотографирует весы.

- Еще запрещенные препараты?
- Вот здесь - меткатинон.
- Откуда?
- Я его синтезировал.
- Зачем?

Я собираюсь узнать, возможно ли по следам других веществ определить, какой метод синтеза был использован.

- А какие бывают методы?
- Окисление эфедрина либо перманганатом, либо дихроматом.
- Какой метод был использован в данном случае?
- Сейчас посмотрим в моих записях... В данном случае применялся

дихромат.

- Вы ведете подробное описание опытов?
- Конечно.
- Почему?
- Потому что для публикаций и патентов нужно, чтобы велась подробная документация.

- А почему вы не ведете документацию по поводу получения образцов для анализа?

- А зачем?

Я немного отвлекся, вспомнив похожую инспекцию, на которой я присутствовал

давным-давно в лаборатории в Солано - тогда нас проверяли агенты бюро по наркотикам и опасным препаратам. Особый агент, имени которого я уже не помню, посадил нас за стол напротив себя и очень долго допрашивал по поводу безопасности хранения ядов и химикатов. При этом он сел так, чтобы мы могли видеть пистолет у него за ремнем.

Я внимательно посмотрел на пояс агента Фоски, но если там что-то и скрывалось, то разве что пейджер. Может быть у него в кармане диктофон? Хотел бы

я сейчас иметь диктофон в кармане - память становится совсем дырявой. Но вряд ли

у него был с собой диктофон: скорее всего, он полагался только на свой блокнотик

и фотоаппарат.

Внимание инспектора привлекла еще одна колба, наверное из-за того, что на

ней было написано 'МДМ1'. "Что это?" - спросил он, похлопывая по ней. Я ответил,

что это моя новая разработка – антидепрессант, аналог димоксамина, моего старого изобретения. Я предупредил его, что так как я еще не подал заявку на патент, я не хотел бы, чтобы он распространял информацию об открытии. Мы взвесили колбу (не знаю зачем), и все было опять занесено в блокнот. Потом я вышел из лаборатории и разговорился с двумя другими инспекторами, а агент Фоска остался внутри. Может быть, он фотографировал лабораторию, может быть, брал образцы препаратов, может быть, просто подводил итог своим записям. В любом случае, от меня тут ничего не зависело.

Мы поднялись на мансарду, которую я называю моей "волшебной кладовой". "Есть ли здесь запрещенные препараты?" – спросил Фоска, показывая на пыльные полки с бесчисленными колбами и банками. Я вспомнил, какой из бутылок был хлоралгидрат, и предъявил ее. "Откуда бутылка"? – заинтересовался Фоска. "Не помню" – ответил я, – "скорее всего с какого-нибудь склада. На этикетке большое

C и сверху IV, так что, наверное, он кошерный."

– Где квитанция о покупке?

– Нет никакой квитанции. Понимаете, в последнее время химические лаборатории подверглись атаке со стороны экологических организаций, и им проще

выкинуть все ненужные химикаты, чем хранить их. Поэтому они отдают мне то, что

может понадобиться мне в работе.

Мы вышли на улицу, к двум другим агентам.

– Сколько лет вы живете в этом доме?

– Всю жизнь, с тех пор, как мои родители купили его в 1936 или 1937 году.

– Вы участвовали в строительстве дома?

– Совсем немного помогал родителям, но потом меня забрали в армию – во время войны я служил во флоте...

Про себя я подумал, что вряд ли теперь они смогут предположить, что дом построен на деньги от торговли наркотиками. Да и мой старый добрый американский

патриотизм они должны оценить. Но потом я вспомнил, что передо мной лишь пешка-исполнитель, и я даже не знаю, кто на самом деле стоит за всей этой историей, хотя я уже начал кое о чем догадываться. Когда инспектор сказал: "Поймите, доктор, я простой солдат и сам ничего не решаю," – я хотел было спросить, кто же его прислал – хотя и не был уверен, что смогу настоять, если он

попытается уйти от ответа. Но в конце концов я так и не собрался с духом, а он

сам, как вы понимаете, не очень-то стремился распространяться на эту тему.

Мы вернулись в дом, и там, в гостиной, разгорелся еще один спор. Агент Фоска уселся за овальным столиком, положив перед собой блокнот, и попросил меня

показать ему документацию на покупку химических реактивов – это стандартная часть любой проверки – а также задал мне несколько вопросов по поводу хранения

лабораторных образцов. Вместо того, чтобы показывать ему, где я их храню, я решил просто принести их в гостиную – он не возражал.

Я поставил на стол два ящика с пробирками и вручил агенту прилагающееся описание. Фоска попросил фотокопии документов, и Венди сразу же их сделала. Копии квитанций на покупку химикатов? Пожалуйста.

Мы проследовали в кабинет.

- Как используется эта комната?
- Это мой кабинет.

Я втайне надеялся, что Фоска обратит внимание на грамоты на стене, выданные мне DEA за оказанные услуги или что-то вроде того. Я отдал много сил распространению научной информации по психоделикам, в том числе среди полицейских и химиков государственных агентств; в числе прочих, например, я консультировал персонал лаборатории DEA в Сан-Франциско.

Фоска молча просмотрел грамоты и вернулся к своему дежурному вопросу:

- Есть ли в этой комнате запрещенные вещества?
- Честно говоря, не знаю - отвечал я. Дело в том, что я не разбираю

кабинет уже полгода, и поэтому вокруг в беспорядке валялись книги, журналы, письма, в том числе с образцами для анализов.

- А здесь? - спросил Фоска, показывая на ящик. В нем он нашел сразу несколько интересных вещей: во-первых, пробирки с MDMA, помеченные мной.

- Это ваш почерк?
- Похоже на то.
- А это что за препарат? - он показал на пробирку с этикеткой "ЛАД"
- Не помню.
- Может быть, это ЛСД?
- Вряд ли. Тогда там было бы написано "ЛСД", а не "ЛАД".

На дне ящика лежало несколько капсул маринола (разрешенной к медицинскому применению разновидности ТНС - действующего вещества марихуаны), и я пояснил, что скорее всего мне дал их на анализ человек, сомневающийся в содержимом капсул.

- Имя этого человека?
- Не помню.
- Хорошо, а вот здесь написано, что это "Н-гидрокси-MDMA от Чарльза".

Кто такой этот Чарльз?

- Простите, я не помню.

Все образцы были водружены на крышку моего ксерокса, и мне было предложено вспомнить и записать что-нибудь насчет их происхождения, что я и сделал, как всегда, впадая в забывчивость. После этого образцы были сфотографированы. (Если вы еще не поняли, почему я не сообщал инспектору имен отправителей всех этих образцов, я могу объяснить. Дело в том, что эти люди были уверены, что я имею право проводить анализы, не информируя об этом полицию. Такая же работа велась по крайней мере еще в одной лаборатории, где хозяева считали это своим долгом перед общественностью, но DEA запретило им это, поскольку опасалось, что такой "контроль качества" может быть на руку преступникам. В общем, даже если бы я знал имена отправителей, я не стал бы их разглашать, так как это было бы равносильно предательству с моей стороны. Мне кажется, агент Фоска отлично это понимал, хотя и продолжал настойчиво требовать информацию.)

Между делом я спросил: - Если бы я вел подробную отчетность по поводу всех отправителей, и в некоторых из присланных образцов оказались бы запрещенные препараты, могло бы DEA использовать мою информацию для возбуждения уголовного дела против отправителя?

- Ничего не могу сказать по этому поводу, - ответил Фоска.

Мы прошли в четвертый подвал.

- Как называется эта комната?

- Четвертый подвал.

Я не стал рассказывать инспектору, что когда-то эта комната была спальней

моего сына, и когда я переоборудовал ее в лабораторию, я назвал ее четвертым подвалом, потому что в доме уже было три подвальных помещения. Мне показалась,

что у агента не хватит чувства юмора оценить историю по достоинству.

- Есть ли в помещении запрещенные вещества?

- Не имею ни малейшего понятия.

- А это что? - он поднял пробирку с этикеткой "Роза".

- Скорее всего, образец присланный некой Розой.

- Ее полное имя?

- Не помню.

- Что в пробирке?

- Не знаю, я еще не проводил анализ.

К этому времени я уже просто падал с ног. Они прекрасно понимали это, к тому же я предупреждал их, что в пол-шестого мы с женой собираемся в театр, и нам уже скоро выходить. Похоже, они были готовы войти в мое положение. Второй агент составил длинный список конфискованных образцов. Фоска объявил, что потребуется еще три-четыре дня для завершения инспекции, и что он свяжется со мной по телефону после нашего возвращения из Испании. Потом инспектора откланялись. Ничего себе денек!

Скорее в Испанию, разберемся со всем случившимся после возвращения.

Действие второе.

Следующее событие произошло в пятницу 30-го сентября, уже в Испании. На сей раз я опять не мог контролировать происходящее: мне явилось мое подсознание. Мне

приснился очень яркий сон, в котором я оказался возле большого трехэтажного здания с громадным подвалом. Алиса поспешила объяснить, что здание олицетворяло

мою лабораторию, а четыре уровня - четыре стадии инспекции. Весь нехитрый символизм этого сна Алиса разъяснила с отличным чувством юмора.

Первое, что я запомнил - это метла, метущая осенние листья. Метла сделанная из тонких прутиков - я видел такие у парижских дворников, именно такими метлами

они сметают мусор с улицы в сточные ямы.

Я отлично помню, откуда я запомнил этот образ. Однажды в Париже я наблюдал, как уличный продавец цветов убирает свое рабочее место после трудового дня. Все

листки, лепестки, обрывки прозрачной обертки сметались в кучу и смывались в канализационный люк. Туда же последовали все нераспроданные букеты. Я с ужасом

представил, что происходит с парижской канализацией каждый вечер, когда в нее одновременно устремляются тысячи букетов из сотен цветочных киосков. Хотя и без

этого я не мог бы без ужаса представить себе парижскую канализацию.

Так вот, во сне я пытался мести осенние листья метлой парижского дворника, причем листья все время слипались, и у меня ничего не получалось. Это был сизифов труд: все, чего я мог добиться - это переложить листья чуть-чуть по

другому. Никакого результата, просто бессмысленная смена комбинаций. Я не могу точно вспомнить, как место событий соотносилось с большим домом: может быть, я был на крыше, может быть, рядом с ним, но я помню, что дул слабый ветер, впрочем, никак не влиявший на мои бесполезные усилия.

Еще одна интересная деталь: рядом со мной валялся большой молочный бак, в таком баке фермеры обычно оставляют у дороги дневную выработку молока, чтобы ее забрал грузовик с маслозавода. Бак лежал на боку, но во сне я не видел связи между необычной липкостью листьев и тем, что из бака могло вылиться молоко. Эти события были не связаны в моей голове; я продолжал мести листья. Я сказал Алисе, что, пожалуй, нет смысла интерпретировать мой сон с помощью образа пролитого молока, и она, смеясь, согласилась.

Мои безуспешные попытки навести порядок предпринимались, очевидно, из-за того, что дом был выставлен на продажу. В особенно плохом состоянии был подвал – его вырыли уже после того, как дом был построен – кривые кирпичные стены, очень неровный бетонный пол. Мне казалось, что там должен стоять какой-то большой и тяжелый аппарат, хотя об этом я вспомнил уже потом. Во сне я почему-то решил, что там стоит циклотрон, но теперь я понимаю, что ощущение присутствия чего-то тяжелого указывало на аппарат ядерно-магнитного резонанса с его тяжелым магнитом – я хранил его в четвертом подвале.

Необъяснимая кривизна наблюдалась и в других помещениях дома: двери перекошены, дождь брызжет через щели в окнах, ящики шкафа заклинило, поверхности – подоконники, столы – явно кривые. Но предметы на этих кривых поверхностях: компьютер или, может быть, аптекарские весы – стояли совершенно ровно. Я никак не мог связать между собой эту кривизну и эту ровность и выслушал подробные разъяснения своей супруги. Она объяснила мне, что могли значить плохо выдвигающиеся ящики стола, незакрытые двери, циклотрон или аппарат ядерно-магнитного резонанса в подвале, криво стоящие приборы, разлитое молоко и т.д.

Может быть, и я скоро смогу так же легко объяснять свои сны, и мне не придется обращаться за помощью к Алисе? Неужели все они так просты? Этот я, по крайней мере, понял прекрасно.

Я пишу все это в Испании. Прошло уже почти три недели после неожиданного визита. Достаточно времени, чтобы осмыслить все, что произошло с нами. Мне кажется, что если у всего этого будет неприятное для меня продолжение, я смогу его предугадать. Очевидно, последуют новые действия этой драмы, но сценарий мне неизвестен, так как пишу его не я.

Что случилось? Кто это разозлился до такой степени, чтобы санкционировать инспекцию такого рода? Что убедило прокурора подписать ордер на обыск, позволяющий так бесцеремонно допрашивать меня?

Все, пора спать. Я надеюсь, что мне больше не приснятся сны, которые

придется припоминать во всех подробностях.

(Рассказывает Алиса)

Через несколько дней после нашего возвращения из Испании, позвонил агент Фоска: он хотел договориться о продолжении инспекции, как и обещал. Шура согласился на четверг, хотя обычно по четвергам он ходит на репетиции оркестра

"Клуба Совы" играть на альте. Он считал, что нужно побыстрее разделаться с этой

проверкой, и я одобрила его решение.

Я должна признаться, что испытывала тогда странную смесь вины и искреннего

удивления. Вины – потому что увидела наши неприкаемые пробирки и образцы глазами чужого человека, который, как я все еще думала, просто слишком усердно

следует инструкциям: ему плевать на творческое очарование нашего волшебного дома

– для него мы просто плохие хозяева, забывшие о технике безопасности.

Удивление – потому что главный вопрос оставался без ответа: почему предыдущие инспекции не обратили внимание на нарушения правил? Можно было предположить, что строгость инспекции вызвана тем, что кому-то в Вашингтоне не

понравилась наша книга, но все же я думала, что мы тоже виноваты: Шура – что не

запрашивал DEA по поводу возможных изменений в правилах, а я – что не смогла настоять на том, чтобы все химикаты хранились в отдельно стоящей лаборатории, а

не дома. Конечно, Шура считал четвертый подвал частью лаборатории, но я понимала, что инспектора могли посмотреть на дело по-другому.

Наш друг Пол позвонил из Орегона и заверил нас, что все, что говорил агент

Фоска по поводу нарушений – полная чушь. Мы успокоились, но ненадолго. Скорее всего агент Фоска – новый человек в управлении, "новая метла", и он потребует строгого соблюдения всех правил, так что нам придется как-то выкручиваться.

Во вторник утром Шура сходил за утренней газетой и открыл ворота. До девяти

часов мы успели прочесть почту и приготовиться к новому визиту трех агентов.

В 9.03 мы услышали шум машины и вышли на улицу, приготовив для инспекторов

вежливые улыбки.

Первым на поляне появился странный серый грузовик с надписью "обеззараживание" на борту, за ним следовала красная машина мистера Фоска, за ней громадная желтая пожарная машина, припаркованная напротив дома. Из машин

вылезали люди, а тем временем на поляну выезжала четвертая машина – коричневый

седан, за ним появилась еще одна синяя. Я не могла разглядеть из нашего двора,

сколько всего появилось машин, но Шура потом сообщил мне, что всего их было восемь.

Мы с ужасом наблюдали, как мужчины и женщины в одинаковых куртках вылезают

из машин, что-то весело крича друг другу. На куртках было написано "DEA", или "Управление штата по борьбе с наркотиками", или "Управление шерифа". По тропинке

шагали люди в загадочных серебряных скафандрах. Грузовик "обеззараживания" вдруг

преобразился в большую душевую установку, и вся конструкция стала сильно напоминать автомобили из комиксов Гарри Ларсена.

Открыв рты мы наблюдали, как поток машин и людей приближается к нашему дому

- все это очень напоминало кино. К нам подошли агент Фоска и какой-то коренастый

человек лет сорока. Он предъявил Шуру какие-то бумаги и сказал: "Доктор Бородин,

у меня ордер на обыск вашего участка". Агент Фоска немного менее уверенно протянул свои бумаги и сказал: "А это продление моего прошлого ордера".

В этот момент я больше всего боялась, что Шуру или меня хватит удар или инфаркт. Мы оба были бледны, как полотно. Наш родной дом, священное для нас место, сейчас будет взят и безжалостно разграблен. Больше всего меня пугала мысль, что эти люди вынесут ящики с корреспонденцией - письма о том, чем люди хотели с нами поделиться, о том, что они бы не доверили никому другому: об опытах с ЛСД, изменивших судьбу человека, о лечении родных, стоящих на грани безумия, с помощью МДМА - величайшего из лекарств, - теперь всех этих людей будут преследовать только за то, что они доверились нам, искали у нас ответы на

мучившие их вопросы, считали, что мы никогда не предадим огласке содержание этих

писем.

Шура признался позже, что боялся, что они залезут в его компьютер.

Коренастый мужчина что-то говорил, обращаясь к нам. Я услышала слово "свалка" и постаралась сконцентрироваться на том, что происходило рядом.

"Согласно ордеру, я имею право взять образцы почвы с вашего участка для анализа,

меня особенно интересует так называемая "свалка", - услышав я - и сразу успокоилась. Человек, уловив наше состояние или хотя бы заметив растерянность на

лицах, полностью повторил все, что говорил до этого: он представляет местную службу экологического контроля и хотел бы взять образцы почвы...

- Свалка, - сказала я Шуру.

- Свалка, - прошептал он в ответ и обернулся к инспектору с вымученной улыбкой:

- Да, да, понимаю, у всех своя работа.

- Благодарю вас, - искренне сказал инспектор, - если вы нам поможете, мы сэкономим уйму времени и сможем быстрее завершить проверку.

Я потихоньку вышла из оцепенения:

- Хотите чай, кофе?

- Спасибо, мэм, у нас все с собой.

Еще один инспектор средних лет с надписью "Управление шерифа" на куртке спросил меня: "Кто-нибудь, кроме вас с мужем, находится сейчас в доме?"

- Нет, мы одни.

Он напоминал толстого дядюшку - деловитый и миролюбивый.

Я пошла на кухню - просто так, потом решила налить себе кофе. Пришел Шура,

бормоча себе под нос, что потерял чашку, нашел ее на столе и протянул мне, чтобы

я налила и ему.

Наши взгляды на мгновение встретились, и мы без слов поняли все, что хотели

сказать друг другу. Да, теперь у нас нет выбора: мы должны вести себя, как будто

ничего не происходит, быть дружелюбными и спокойными - как ни в чем не повинные

люди, огорченные интервенцией, но готовые к сотрудничеству. Гнев и злость могут подождать.

Шура пошел на улицу, а я услышала громкий голос в коридоре: "Дверь закрыта - что мне с ней делать?"

В темноте коридора я разглядела лицо инспектора, которого интересовали посторонние в доме. Он никак не мог открыть дверь нашей спальни. Я прокричала ему: "Она не заперта, надавите посильнее!"

Он обернулся, вежливо сказал "спасибо" и распахнул дверь.

Черт побери, там же такой бардак!

Мы никого не пускаем в спальню: это наша личная территория, и там всегда беспорядок из-за того, что я обычно складываю одежду на коробки с неразобранными фотографиями, нераспакованные чемоданы ит.д. Шура никогда не жаловался на беспорядок - я была ему за это безумно благодарна, хоть и не переставала стыдиться за себя. Он знал, что однажды я разберу все завалы и следующие 48 часов в спальне будет идеальный порядок, пока вещи опять не начнут скапливаться.

Я заглянула в спальню из-за спины инспектора и пробормотала что-то про неубранную постель. Он быстро заглянул за дверь и осмотрел комнату: "Ничего страшного, мэм, я просто хотел убедиться, что здесь никого нет". Он захлопнул дверь и направился дальше по коридору: наверное, проверять остальные комнаты.

Значит, моего слова ему не хватает, ему надо проверить самому.

Интересно, к

кому это он обращался, когда спрашивал про дверь. К агенту Фоске? Значит, главный здесь Фоска? Наверное, DEA всегда возглавляет такие операции.

Я вернулась на кухню и налила себе стакан чая со льдом. На улице громче всех слышался голос агента Фоски: "Не могли бы вы показать нам свою лабораторию?"

- Буду рад, - отвечал Шура.

Мой добрый волшебник провел их в гостиную и через коридор опять на улицу, точно так же, как в прошлый раз, только теперь за ним следовало гораздо больше людей. Первым за Фоску шагал высокий, плотный мужчина в сером костюме, за ним невысокая брюнетка в куртке с надписью "DEA", с фотоаппаратом в руках; проходя мимо меня, она поймала мой взгляд и улыбнулась. За ней шел молодой человек, по виду японец, на его куртке было написано "Управление штата по борьбе с наркотиками". Завершал процессию сорокалетний мужчина с приятным интеллигентным лицом и кудрявой шевелюрой, в твидовом пиджаке и слаксах - он слегка поклонился, проходя мимо меня.

Я молча проводила их взглядом, а в это время в гостиную вернулся "дядюшка",

успевший проверить все комнаты. Он спросил:

- У вас в доме есть оружие?

"О господи," - подумала я и ответила:

- Да, есть - пистолет.

- Где вы его храните?

- Под кроватью, - прошептала я.

Смешно, что я перешла на шепот. Наверное, это инстинкт - говорить тихо об оружии и где его хранят. Надеюсь, теперь он не вернется в спальню: если он

заглянет под кровать и увидит там гору пыли, я просто умру со стыда.

Но он только сказал: "Хорошо, тогда просто не заходите в спальню до конца инспекции, пожалуйста".

Я с облегчением заулыбалась: "Обещаю вам не входить туда".

Значит, у меня не такой уж разбойничий вид. Слава Богу!

Вдруг мне пришло в голову, что нужно обязательно запечатлеть для потомков эту, как бы сказать... "вежливую интервенцию": машины, людей, скафандры. Я сразу представила, как мы смотрим семейный альбом и говорим друг другу: "А помнишь: полиция, пистолеты за поясом, смешной грузовичок, ордер на обыск, люди в скафандрах - какой был удивительный день!"

Я взяла фотоаппарат и вышла на улицу. Не успела я поймать в объектив автомобиля на стоянке возле нашего дома, как кто-то окликнул меня: "Прошу вас не делать этого!". Я обернулась: за мной стоял молодой представитель управления шерифа, явно обеспокоенный.

- В чем дело? - спросила я, хотя ответ был ясен.

- Простите, мэм, но я очень прошу вас не фотографировать: вы понимаете, агенты засекречены, и это было бы...

- Да, конечно, - я закрыла фотокамеру и положила ее на стол, - я об этом не подумала.

Черт побери! - все бы отдала за фотографии. Может быть, записать их на магнитофон? А если они это засекут? Могут разозлиться. Не надо их злить. Надо постараться быть дружелюбными - это сейчас единственный способ прорваться через любые неприятности.

Я вернулась в гостиную, уселась на диван и задумалась: как это странно, что власти, полиция могут фотографировать что угодно, записывать на пленку любые разговоры (хотя пока я не видела никаких диктофонов). При этом, если я хочу сфотографировать нашествие, мне это строго запрещают. И мало того - я чувствую себя почти преступницей при одной мысли о том, чтобы что-нибудь заснять.

Очень интересное наблюдение. Почему я считаю свое законное желание записать их разговоры преступным? Почему мы так боимся фиксировать слова и поступки властей? Может быть, я просто подсознательно встаю на их сторону? Попадаю в их реальность? А что у них за реальность? Они считают, что они борются за правое дело, и все остальные либо не правы, либо менее правы, чем они. А фотографировать их - значит проявлять к ним неуважение. Почему? Потому что это означает пытаться поймать их на совершении ошибки, может быть, очень серьезной ошибки. А это - неуважение. Только преступник не уважает власть. - ВОТ ОНО! - Я поняла!

Станный способ получить некую компенсацию за волнения и переживания этого дня. Но мне действительно стало вдруг гораздо лучше, и я даже поймала себя на том, что радостно улыбаюсь, как будто поняла что-то страшно запретное.

Я включила телевизор, но не могла нормально смотреть даже Си-Эн-Эн. Все новости дня только напоминали мне о том, что никому в мире - почти никому - нет

дела до нас с Шурой, до того, чем мы занимаемся, во что верим и за что боремся.

А если бы люди и узнали о нашей работе, то вряд ли одобрили бы ее.

Психоделики

как инструменты изучения сознания? Духовного поиска? Как способ приближения к духовному миру, к тому, что мы называем Богом, Великим Духом, Причиной всех причин и тысячью других имен? Большинство бы сказало, что это полная чушь.

Я выключила телевизор и опять пошла на кухню. Вдруг через открытую дверь с

улицы донеслось: "...и он описывает, что бывает, если принимать их в разных дозах, что с тобой происходит..." Голос смолк, как только один из слушателей заметил меня. В голосе рассказчика не было враждебности - скорее, уважение и восторг. Я выглянула на улицу - рядом со столиком стоял молодой японец, он обращался к группе из пяти других полицейских, сидевших за столиком, некоторые

из них обедали; на столе стояли разноцветные банки с газировкой.

Правильно, берут всю еду с собой - не хотят, чтобы их отравили.

Значит он читал PINKAL, и книга ему понравилась, - подумала я, почувствовав

симпатию к этому человеку - единственному здесь, кто хоть как-то понимал нас.

Я пошла по коридору к черному ходу и выглянула на улицу. Непонятно, куда идти теперь. Вдруг со стороны лаборатории послышались голоса.

Они возвращаются. Интересно, как все прошло на этот раз.

Я опять вернулась в коридор. Я шла так тихо, что смогла расслышать конец фразы, сказанной высоким человеком в сером костюме, которого я видела, когда Шура вел их в лабораторию. Он активно жестикулировал, говоря: "Была бы моя воля

- пригнал бы сюда бульдозер и сровнял бы все с землей к чертовой матери!"

А это еще кто? Одет в штатское, в первый раз его вижу. И он явно ненавидит

нас с Шурой. Кто это и зачем он здесь?

Все замолчали, как только меня увидели. Я опять направилась на кухню. Опять

пришла в голову мысль спрятать магнитофон недалеко от дверей и записать разговоры на улице. Но нет: меня бы заметили.

А может, попытаться подслушать через стену с помощью перевернутого стакана?

Почему бы нет?

Я пробралась в кладовку, где на полках было все на свете, от пакетов риса

до электрических лампочек, и поставила стакан рядом с банками сухого молока. Стена, которая отделяла меня от дворика, была заставлена коробками с кошачьей едой, и я принялась в темноте разгребать завалы и складывать коробки на пол, как

вдруг кто-то постучал. Я подошла к двери.

Молодая девушка, агент DEA, с милым круглым лицом и в синей униформе, делавшей ее полной, заглянула в кладовку и спросила: "Извините, могу я воспользоваться вашей ванной"?

"Пожалуйста, первая дверь направо, совершенно не стоит извиняться".

Итак,

она видела, что я чем-то занята - теперь уже нельзя будет подслушать, это имело

бы смысл, только если бы меня никто не заметил. Придется идти на кухню и притворяться, будто я что-то делаю. Жалко. Было бы приятно хотя бы попробовать

их подслушать.

Когда девушка вышла из туалета, я уже держала в руках две открытые банки, собираясь, по всей видимости, кормить кошек. Девушка улыбнулась и сказала: "Спасибо, теперь полный порядок". И мы обе засмеялись.

Лучший способ завоевать чью-то симпатию – это в нужный момент показать человеку туалет.

Когда я вернулась, наполнив кошачьи миски (их с тем же успехом можно было бы назвать барсучьими или лисьими, исходя из того, кто чаще приходил к ним ночью), за столом в гостиной сидели трое: агент Фоска (спиной ко мне), Шура (напротив), и низкорослый человек в твидовом пиджаке, который до этого кивнул мне.

Перед агентом Фоска лежал его вечный блокнотик. Шура, облокотившись локтем на кипу документов, оживленно разговаривал с человеком в твидовом пиджаке. Заметив меня, он представил меня своему собеседнику: "Алиса, познакомься, это мистер Гуд из Вашингтона, он химик". Мистер Гуд, улыбнувшись, привстал со стула.

Я кивнула головой и уселась на свое обычное место – кресло на границе гостиной и кухни, где дым от моих сигарет не мешал гостям.

В следующие два часа я оказалась зрителем увлекательной пьесы для трех актеров, по ходу которой агент Фоска все меньше и меньше понимал ответы гениального, немного сумасшедшего химика, которому гораздо проще и интереснее было объяснять все любознательному химику из DEA. Мне не пришло в голову, что я присутствую на тривиальном допросе по принципу "добрый следователь – злой следователь".

(Мы узнали позже, что мистер Гуд – большая шишка в штаб-квартире DEA. Когда-то он был химиком и поэтому знал всю терминологию. Теперь он руководил главной лабораторией DEA в Вашингтоне и прилетел специально, чтобы участвовать в обыске и быть своего рода переводчиком для агента Фоска).

Мистер Гуд старался простыми словами разъяснить Фоска сложные научные идеи, но время от времени отвлекался на веселый поток химической информации, источником которого был Шура. Иногда агент Фоска вздыхал и вежливо жаловался, что не получает ответов на конкретные вопросы для своего отчета, на что Шура и Гуд прекращали свою дискуссию, поворачивались к агенту, и снова Гуд медленно и аккуратно переводил и объяснял. А у Шуры пропадал блеск в глазах: он вспоминал, зачем он здесь и что собой представляют его собеседники.

В основном, допрос развивался по такой схеме:

- Вот этот препарат, есть ли у вас квитанция о его покупке?
- Да, конечно – вот она.
- Могу я включить ее в свой отчет?
- Как вам угодно.
- Почему в вашей лаборатории мы нашли такое количество 2-СВ?
- Как я уже говорил вам... (и он повторял все то, что уже говорил в лаборатории, а мистер Гуд объяснял все простыми словами).
- А как вы используете данный химикат?
- Обычно для... (длинное перечисление химических реакций – перевод мистера Гуда)

Теперь даже мне было понятно, что эта проверка совсем не похожа на

предыдущие, и что мистер Фоска – не просто слишком усердный инспектор. И опять, как и три недели назад, главный вопрос остался без ответа. Когда Шура пошел зачем-то в кабинет, я спросила: "Почему наш друг Пол и четверо предыдущих проверяющих не говорили Шуре, что он нарушает какие-то правила"?

Продолжая что-то записывать в свой блокнот, агент Фоска повернулся на стуле в мою сторону: "Понимаете, мэм, иногда друзья не говорят нам всей правды. А потом, ваш друг Пол мог не знать всех правил – он же был начальник, а не химик".

– Но ведь инспекторы DEA должны были знать все правила. Что же они ничего не сказали?

В голосе Фоски послышался оттенок нетерпения:

– Просто они были некомпетентны. К сожалению не все инспектора знают свое дело.

– О чем вы? – все еще не понимала я. – Все четверо? Некомпетентны?

На этот раз Фоска почти разозлился. Он взглянул на меня из-за своих бумаг и

резко проговорил:

– Да, мэм, такое, к сожалению, случается.

Что он имеет в виду – некомпетентны? Не может быть! Должно быть он шутит.

Но нет: этот человек не шутит. Он говорит мне – нам, что это его последнее слово, его окончательный ответ: бросайте, сворачивайте свою работу.

Наконец-то я начинаю понимать.

Как долго я не понимала!

Когда Шура снова сел за стол, вошел молодой японец из полиции штата и очень дружелюбно объявил, что никаких признаков преступной деятельности не обнаружено, и что господин доктор не должен забывать, что это всего лишь очередная проверка.

Видимо, он пытался нас успокоить, и сам говорил с явным облегчением.

Ну, слава Богу, они хотя бы ничего нам не подкинули.

Следующий акт драмы был разыгран ближе к вечеру, когда мистер Гуд и Шура отлучились в кабинет. Агент Фоска пересел так, чтобы повернуться лицом ко мне, и

достал из своего портфеля кипу бумаг. Даже со своего кресла я разглядела, что одна из бумаг – это ксерокопия нашего интервью, напечатанного полгода назад в одном контр-культурном журнале. Интервью предназначалось для книги, и мы были неприятно удивлены, увидев его в журнале, но ко времени инспекции мы уже забыли

о нем. Я спросила: "Это у вас статья из журнала "Flying High"?"

Фоска посмотрел на меня и совершенно серьезно ответил: "Да, вы пользуетесь успехом, и ваша слава часто вас спасала".

"Что"? – я была потрясена. Что он имеет в виду – "часто нас спасала"? От чего спасала?

Да и слава – это когда твое лицо попадает на обложку журнала "Ньюсуик" или

"Тайм", а мы известны в очень ограниченном кругу.

– Давали ли вы запрещенные препараты членам вашей группы? – неожиданно сменил тему агент Фоска.

Я чуть не подпрыгнула на стуле. Что за дурацкий вопрос!

- Мистер Фоска, не забывайте, что все, описанное в книге - вымысел. Я имею в виду, конечно, первую часть.

- А некоторые считают, что там все правда.

- Что бы там люди не считали, это все вымысел.

- Если кто-нибудь из вашей группы сознается, что вы давали ему запрещенные препараты, если только это случится...

- Это не может случиться, потому что мы никогда не давали людям запрещенные препараты.

Фоска погорячился. Ему не стоило заводить разговор о PINKALe. Инспекция не должна иметь к книге никакого отношения. Они просто проверяют соблюдение правил

техники безопасности, смотрят, нет ли признаков преступной деятельности - о книге речь не может идти. Зато теперь я все поняла. Видимо кому-то в штаб-квартире DEA не понравилась книга, и теперь они хотят показать нам, кто здесь главный, кого надо бояться.

Когда Шура и мистер Гуд вернулись за стол, допрос продолжился. Теперь они обсуждали закупки конкретных прекурсоров. Наконец агент Фоска закончил свою работу.

В этот момент произошло самое сумасшедшее событие дня. Пока Фоска собирал

документы, которые ему предоставил Шура для отчета, в комнату зашли двое в униформе. В руке у каждого было по довольно потрепанному экземпляру PINKALa, и

они попросили у Шуры автограф. Он радостно согласился и предложил мне в свою очередь подписать книгу. Тогда подошел третий полицейский и спросил, нельзя ли

ее купить. "Конечно, можно"! - сказали мы, и Шура притащил еще две копии и снял

у одной суперобложку, чтобы подписать ее. Еще один агент взял четвертую книгу и

начал листать страницы, бормоча себе под нос: "Интересно, очень интересно", и мы

попросили принять ее в подарок, хотя мы совсем не были уверены, позволительно ли

это ему при данных щекотливых обстоятельствах. Немного поколебавшись, он согласился и тоже попросил подписать книгу - что мы сделали с радостью.

Фоска уложил бумаги в портфель и направился в сторону четвертого подвала.

Интересно, какие чувства он сейчас испытывает по поводу автографов: ярость, смущение или безразличие?

Спросили ли они разрешения у Фоски? Или для него это было таким же сюрпризом, как и для нас? Вряд ли он рад такому обороту событий. Как здорово, что это случилось! Полное сумасшествие!

Только один раз Шура не смог сохранить маску - невозмутимого, доброжелательного зрителя. Под самый конец нашего толстого полицейского, которого я окрестила "дядюшкой", заглянул в комнату и спросил: "Извините, мэ, не растут ли здесь кактусы пейотля"?

- Да, конечно, прямо за вами у стены.

Несколько человек, стоявших во дворике, замерли, словно я показала им на большого удава. "Дядюшка" воскликнул: "Так я и думал! Так я и думал! я сразу понял..."

Неожиданно вокруг наших кактусов забегали люди. Кто-то спросил у Шуры, зачем он выращивает их, и он стал рассказывать про неизученные, неизвестные науке алкалоиды, следы которых присутствуют в кактусе. Он говорил спокойно и

с воодушевлением, зная, что лицензия позволяет ему иметь пейотль.

Невысокий, толстый, похожий на азиата полицейский объявил, четко выговаривая каждое слово: "Доктор Бородин, нам придется забрать кактусы, мы должны их уничтожить. Понимаете?"

На Шурином лице читалось недоверие: "Но по лицензии я имею право их выращивать. Проверьте, загляните в свои правила: вы убедитесь, что это ошибка".

Кто-то побежал за агентом Фоска.

Пока его искали, полицейские столпились вокруг горшков с кактусами, чтобы лучше их рассмотреть. Они нагибались к кактусам, отпуская удивленные замечания по поводу их внешнего вида. Я наклонилась вперед, наблюдая за ними со своего места.

Очень странно: агенты служб по борьбе с наркотиками не знают, как выглядит пейотль. Очень странно. А когда я показала им на него, они вели себя так, словно бедное растение может подпрыгнуть и укусить. Они, что, боятся, что кактус попадет в их организм и отравит их разум и душу? Скорее всего, это так. Они слышали, что пейотль - это что-то безумное, опасное, их головы полны ужасов, которых им нарасказывали о действии этих маленьких зеленых шариков.

Появился агент Фоска, и толстый полицейский показал ему кактусы. После этого он отвел Фоска подальше от толпы и стал что-то энергично ему доказывать.

Шура с волнением следил за разговором, стоя в дверях дома. Наконец агент Фоска

подошел к Шуру и сказал извиняющимся тоном:

- Простите, доктор, но кактусы придется забрать.

- Но я их выращиваю для научных исследований уже пятнадцать лет! Где вы прочитали в ваших правилах, что я не имею права анализировать химический состав кактусов?

- Хорошо, покажите мне следы надразов. По-моему над этими кактусами не проводилось никакой исследовательской работы.

- Конечно! Я ведь еще не приступал к этим исследованиям. Но кактусы мне очень нужны...

Неожиданно из-за двери высунулась голова толстого полицейского:

- Мы забираем кактусы, и если вы будете возражать, мне придется надеть на

вас наручники и зачитать вам ваши права! Надеюсь, вы меня понимаете?!

Он вперил свой взгляд в Шуру, пока не убедился, что тот полностью осознал

сказанное, потом повернулся к своим подчиненным и жестом приказал им приступать.

Полицейские направились к кактусам.

Шура медленно сел в кресло, как дряхлый старик с негнушимися ногами. Теперь

все присутствующие видели, что, наконец, сделали ему больно. Я готова поклясться, что на моем лице они не прочли ничего, но это было не важно: главной

их целью был Шура. Именно его они хотели наказать, и теперь агент Фоска и его суровый напарник могли быть довольны: им, наконец, удалось сорвать маску

благодарушия с его лица.

Наши драгоценные, родные кактусы, наши любимые питомцы, в которых так много неразгаданных тайн – эти тайны можно называть алкалоидами, а можно Временем, Пространством, Формой, Смыслом – так много времени понадобилось, чтобы из крошечных ростков они превратились во взрослых, хотя еще совсем не большие кактусы, и вот теперь их вырывали из земли и топтали сапогами. Мы отвернулись, чтобы не видеть этого.

Все, дело сделано. Даже если потом они будут извиняться – дело сделано.

С какой бы радостью я прокляла этих людей! Однако этого делать нельзя. Ненависть

отравляет сердца. Сейчас они наслаждаются своей победой над Шурой, наслаждаются

тем, что сделали ему больно, потому что им сказали, что он – преступник, а их дело правое. Но когда они умрут, то, может быть, поймут, что они сделали, почувствуют то, что чувствуем сейчас мы; может быть, даже узнают правду о Священном Кактусе.

К пяти часам дня все кончилось. Уходя, агент Фоска обещал вернуться на следующий день для окончательного завершения проверки.

Ночью, прижавшись друг к другу в теплой постели, мы подводили итог нелегкому дню и утешали друг друга. Шура сказал:

– В конце концов в какой-нибудь Гватемале или Боливии нас бы просто расстреляли.

– Точно. А потом, они ничего не подбросили...

– И правда, все не так уж и плохо.

– И не обыскали наш дом, не залезли в компьютер, не забрали переписку.

– А ты уверена, что они не сделают это завтра?

– Нет, дорогой, ведь завтра ты позвонишь тому адвокату, который тебе так понравился по телефону. Помнишь ты говорил, что это умный человек, и что если тебе понадобится адвокат...

– Да, конечно. Кассман. Надо с утра ему позвонить.

– И надо будет спрятать все письма...

– Посмотрим, что скажет адвокат.

– И сохранить всю информацию из компьютера на дискетах, а то вдруг им придет в голову забрать компьютер. (Честно говоря, мне не верилось в такое развитие событий).

– Ты представляешь, завтра эта скотина опять придет.

– Ты знаешь, они были удивительно вежливы, даже спрашивали разрешения войти

в туалет. С чего бы это?

– Ничего себе вежливость! Растоптать несчастные кактусы!

Очевидно, Шура все еще не оправился от этого удара. Я обняла его и больше ничего не говорила.

В пятницу Фоска вернулся, на этот раз в сопровождении одного полицейского.

Вопросы заняли всего два часа, и по большей части это было повторение предыдущего допроса. Однако Фоска сделал одно важное заявление:

– Вашингтон хочет отозвать вашу лицензию, доктор Бородин.

– Я уже понял – отвечал Шура. Сегодня он не улыбался, но был спокоен и уверен в себе.

Возник разговор о том, может ли добровольный отказ от лицензии спасти Шуру

от дальнейших преследований со стороны местной и федеральной власти и от штрафов. Опять Фоска повторял: "Я ничего не решаю, я простой исполнитель".

И хотя мы вполне уверены в том, кто именно отдал приказ, мы никогда не сможем это доказать. Скорее всего, приказ звучал примерно так: "Закройте этого идиота! Он позорит нас своей книжкой, и мы хотим снять его лицензию. Можете делать что угодно в пределах закона, только отберите ее!" Что-то в этом роде. Но они не могут нам запретить одну вещь: - продолжать распространять научную информацию. Первая поправка к Конституции все еще действует!. Может быть, судя по тому, что происходит, ее отменят, новсе же не так скоро.

И вот большая проверка завершена. По крайней мере, официальная ее часть. Через несколько дней мы навестили адвоката Теда Кассмана. Это оказался умный человек с лукавой улыбкой и слегка сардоническим чувством юмора. Мы рассказали ему все, что произошло.

На следующий день с разрешения хозяина мы привезли в его офис большие коробки с накопившейся за долгие годы корреспонденцией.

Какие же выводы мы извлекли из случившегося? Во-первых, теперь мы знаем, что то, что один инспектор назвал в своем отчете "образцовой лабораторией", может быть через некоторое время другим инспектором названо "свинарником". Даже

если ты полностью уверен в ценности твоей работы, ты не можешь быть полностью защищен от нападков тех, кто так же уверенно полагает, что ты ошибаешься, или даже считает тебя преступником. Хотя в большинстве случаев, если ты как-то досадил официальным лицам, тебя будут преследовать не из-за разницы мировоззрений и философий, а только для того, чтобы показать, что они сильнее тебя, и даже если ты не боишься их власти, тебе придется с ней считаться.

(Так что если не хочешь или не можешь позволить себе бороться с государственной машиной - то выходи из игры и помалкивай).

Мы также выяснили, что несмотря на откровенную ненависть и стремление наказать нас, данное правительственное агентство решило не переступать закон и играть по честному. Конечно, они использовали грязные приемы, и, разумеется, было много лжи (об этом пойдет речь далее), но по крайней мере они ничего не подбросили и не подтасовали результаты анализа образцов почвы.

И последнее, неожиданное и самое ценное наблюдение касается человеческого поведения. Я наконец поняла, как работает "прокурорское мышление", как я это называю: раньше я ни разу не наблюдала его в действии. Вкратце я могу объяснить

это так: когда силы правопорядка проводят следствие (в данном случае в нашем доме), они исходят не из вопроса "Виновен ли человек (подозреваемый)?", а из вопроса "Как бы нам найти повод привлечь этого человека к ответственности?"

В любом случае предполагается, что совершено преступление. Любой человек, в оргаах правопорядка, от постового до прокурора, привыкает, что его работа - это раскрытие преступлений, нарушений и т.д. И через некоторое время они начинают подозревать предпологать, что если бы человек был невиновен, его бы не подозревали. Понятно, что их ежедневная работа учит их так думать, но подрбный образ мышления очень вреден как для них, так и для окружающих, то есть для общества, чьим интересам они должны служить.

Послесловие:

Как я уже говорила, загадочные люди в скафандрах были вызваны DEA, чтобы взять для анализа образцы почвы в районе "свалки". Так власти надеялись использовать экологические организации для того, чтобы они обнаружили сильное

загрязнение, представляющее угрозу обществу и потребовали закрытия лаборатории.

Однако анализ только показал, что в одном из образцов был немного превышен уровень ртути. Шура моментально вызвал специальную бригаду, которая вывезла машину земли с того места, где было замечено загрязнение. Дальнейших жалоб не последовало.

Через несколько месяцев после этого DEA, явно озабоченное таким поворотом событий, прислало еще одну инспекцию, на этот раз из Федерального агентства по охране природы. Инспектора вели себя очень дружелюбно и дали несколько дельных советов: во-первых, установить в стене вентилятор для лучшей вентиляции лаборатории (Шура сразу же сделал это), во-вторых, укрепить шкафы на случай землетрясения, чтобы избежать возможного падения колб с реактивами (этим Шууре придется заняться). В общем, эта инспекция, как и предыдущая, отказалась признать, что лаборатория представляет опасность для окружающих.

Наша магическая лаборатория все еще существует. В своем официальном отчете агент Фоска среди причин возможного закрытия лаборатории называл и то, что на следующий день после ее посещения он вдруг заболел, что он связывал с некими вредными испарениями. Но мы с Шурой прекрасно помним, что на следующий день сам Фоска, хотя и рассказывал нам о том, что двое полицейских заболели сразу после инспекции, выглядел отлично и не жаловался на здоровье.

Мы также узнали, что большая часть пленок, отснятых в лаборатории, оказалась почему-то засвечена. (Я долго смеялась над этим, пытаюсь насвистывать мелодию из "Сумеречной зоны").

Через несколько дней после памятного четверга агент Фоска вместе с сопровождающим полицейским нагрянули в лабораторию нашего друга, молодого доктора Питера Зельцера, в больнице Сан-Франциско – там Шура раз в неделю работает с никотином. На этот раз Фоска вел себя вызывающе, приняв мягкость Питера за слабость. На самом деле Питер – исключительно вежливый, но плохо переносящий грубость человек, и поэтому уже через несколько минут допроса он был готов взорваться, хотя и продолжал отвечать на вопросы, стиснув зубы. Потом Питер еще полгода не мог вспоминать агента Фоска без злости.

В числе прочих вещей, Фоска, как оказалось потребовал, чтобы ему показали все фенэтиламины, находящиеся в лаборатории, что было довольно глупо, так как фенэтиламины в лаборатории присутствовали только в виде образцов для хроматографического анализа, а такие количества вещества невозможно использовать в других целях. Теперь становилось ясно, что эта несуразная просьба объяснялась особым интересом агента Фоска веществам, описанным в PINKALe. Его не интересовали никакие другие запрещенные препараты (у этой лаборатории тоже была лицензия от DEA), он не просил показать ему триптамины, или опиаты, или стимуляторы. Его страсть к фенэтиламинам дала нам понять, что и эта инспекция имела своей целью не проверку соблюдения правил техники безопасности, а наказание автора книги, в названии которой содержится слово "фенэтиламины".

Все эти действия предпринимались, чтобы испортить жизнь одному человеку: доктору Александру Бородину.

Произошло еще несколько событий, которые можно охарактеризовать, как "грязную игру". Один не представившийся нам агент DEA позвонил директору Психиатрического института Лэнгли Портера и спросил, как он может иметь дело с таким человеком, как Бородин (Шура иногда работал на институт), ведь лаборатория

последнего – главный источник загрязнения окружающей среды в штате. Крайне удивленный, директор рассказал об этом звонке Питеру, и тот объяснил, что на самом деле проверка Федерального Агентства обнаружила лишь минимальное превышение нормы содержания ртути в одном из взятых образцов почвы, и что когда эта почва была вывезена, дальнейших проблем не возникло.

Следующим ударом было извещение от двух крупных химических компаний, у которых Шура покупал реактивы в течение двадцати пяти лет, что они, к сожалению, по разным причинам вынуждены прекратить сотрудничество с ним. Мы, конечно, никак не могли бы доказать, что на компании оказано давление, да и делать это было уже бессмысленно.

На вопрос нашего Вашингтонского друга: "Говорят вы встречались с знаменитым доктором Бородиным, ну и как ваши впечатления?" – мистер Гуд, симпатичный на первый взгляд химик из DEA, жестко сказал: "Не знаю, о ком вы говорите, я никогда не встречался с этим человеком", развернулся и ушел.

Было подтверждено, что Шура, согласно своей лицензии, имел право выращивать кактусы пейотля. Значит, единственной причиной, по которой их уничтожили, было желание сделать нам больно.

Через год Шуре пришлось расстаться с лицензией: он столкнулся с тем, что судебные издержки, которые потребуются для того, чтобы доказать нашу правоту, будут выше наших финансовых возможностей. Мы также понимали, что в конце концов

суд все равно решит, что Шура нарушил правила DEA, и не важно, что он не знал о

них. Нам также пришлось выплатить огромный штраф в размере 25000 долларов, наложенный прокурором, которого невозможно было убедить в том, что на самом деле причиной преследования была публикация книги, а не нарушение правил.

Теперь Шура никогда уже не сможет работать с полным сознанием своей свободы. Ему дали понять, в каких условиях живут те ученые, которые работают на правительственные структуры. Власти хотели запугать его, хотели заставить его замолчать, но у них ничего не получится, пока мы живы и имеем возможность писать. Мы продолжаем считать, что любой совершеннолетний гражданин имеет право употреблять любой препарат, если только он обладает всей информацией о его действии. С злоупотреблением препаратами должны бороться врачи, а не полиция. Многие согласны с нами, но наша позиция противоречит официальным взглядам властей.

Должное просвещение и законодательство могли бы за одну ночь полностью решить проблему преступности, связанной с наркотиками. Но именно образование, а не пропаганда (несколько поколений молодых людей привыкли не доверять любой официальной информации о запрещенных препаратах, в том числе ценной научной информации, поскольку они на собственном опыте открывали несоответствия между пропагандой и реальностью).

Сейчас ни у одного крупного политика не хватает смелости открыто заявить:

"Мы ошибались. Некоторые запрещенные сейчас препараты не представляют угрозу для здоровья человека, необходимо только знание их качеств и правильное использование. Это относится к большинству психоделиков. Некоторые наркотики в принципе безопасны, но могут вызывать у некоторых людей привыкание. Поэтому необходимо предоставлять таким людям медицинскую помощь, если она требуется. Некоторые наркотики опасны для всех, и мы постараемся полностью проинформировать общественность об их вреде, как сейчас сообщаем о побочном эффекте лекарств. Образовательные программы на данные темы должны проводиться не полицией, а врачами, химиками и токсикологами.

Война с наркотиками бесполезна, разрушительна и аморальна. Главной ее причиной ее противники считают то, что законодатели и общество находятся в полном неведении относительно наркотиков вообще и в том числе психоделиков, их полезных свойств и возможного применения в психотерапии и духовных исканиях. Другая причина – громадная индустрия, которая получает доход с этой войны: производители оборудования для тестов на наркотики, тюрьмы и прочие репрессивные органы. Об этом пойдет речь в главе "Cui bono?"

Я хочу обратить внимание на другой момент. Мне кажется, что в нас скрывается подсознательный страх перед бездной неизвестного в человеческом сознании, уверенность, что эта теневая сторона может оказаться окончательной, главной, ужасной правдой о природе человека. Этот страх вырабатывается в нас семьей и культурой, а часто еще и религией. Пока мы не исследуем эту сторону нашей души, пока мы не изучим возможности ее изменения, у людей останется враждебность ко всему, что как-либо открывает двери бессознательного. А те зачатки полицейского государства, которые мы сейчас наблюдаем, перерастут в нечто, все еще называемое Соединенными Штатами Америки, но полностью потерявшее традиции свободы и демократии.

Для дальнейшего выживания человечества необходимо, чтобы самые светлые умы, самые честные люди объединились, чтобы изучать человеческую душу, особенно ее теневую сторону, используя в виде инструментов в том числе и психоделики. Иначе наша цивилизация может погибнуть, столкнувшись с проблемами ядерного оружия, бактериологических мутаций и продолжающегося обнищания большей части населения.

ГЛАВА 2. ЛУРД.

(Рассказывает Алиса)

Однажды я притащила домой видеокассету с новым боевиком. "Фильм – просто класс: сплошные спецэффекты, – сказала я Шуру. – Называется "Терминатор-2". Посмотрим?"

"Почему бы и нет", – отвечал Шура, и я стала рассказывать, кто такой Великий Арнольд, о его недавней свадьбе, о том, что, по моему, его главное достоинство – умение смеяться над собой. Сценарий, конечно же, оставляет желать лучшего, но в таких фильмах главное – захватывающее действие и дорогие спецэффекты.

Вообще Шура смотрит телевизор крайне редко – один-два раза в неделю, когда мы устраиваем выходной (мы называем это "днем закрытых дверей"). Вечером такого дня мы запираемся в спальне, включаем любимую музыку, валяемся в постели и не отвечаем на телефонные звонки. Зимой в спальне работает маленький обогреватель, летом – большой вентилятор. Несколько часов вместе бывает достаточно, чтобы обсудить все текущие события, поделиться всеми радостями и огорчениями. Потом мы идем готовить ужин.

Ужинаем мы перед телевизором в гостиной. Мы оба любим сериал "Лицом к северу" и смотрим даже повторы; я также записываю время от времени самые интересные документальные фильмы: например, о раскопках древних городов майя или о гангстерах тридцатых годов. Такие фильмы мы смотрим для общего образования (я искренне считаю, что любой американец, который не знает, что произошло в Чикаго в 1929 году в день святого Валентина, страдает острым недостатком культуры).

А иногда я беру в прокат видеокассету с новым фильмом – так получилось на этот раз.

В самом начале "Терминатора-2" есть сцена появления "добротного терминатора" на Земле – его голое тело блестит в тусклом свете ночных фонарей. А за мгновение до его появления в воздухе происходит серия красивых электрических разрядов. Я на всякий случай объяснила Шуре, что это из-за сопротивления пространственно-временного континуума: когда в нем появляется дыра, всегда сталкиваешься с электромагнитными аномалиями. Шура молча кивнул головой: он хорошо представляет себе мои познания в области электромагнетизма.

Фильм нам обоим очень понравился. И вот, думая обо всех этих молниях и разрывах в пространстве и времени, я вдруг вспомнила, что сама однажды побывала в месте, где случился такой разрыв.

Место это – знаменитый город Лурд на юге Франции. В начале 80х, во время путешествия по Европе, мы заехали туда по моей просьбе. Шура тогда участвовал в научной конференции где-то на севере Германии, а затем мы отправились поездом в Лурд, чтобы потом проехать всю французскую и итальянскую Ривьеру.

Сначала мы остановились в маленьком городке Либурне (попали как раз в базарный день), там мы пересели на другой поезд, который шел через страну виноградников – Бордо. За окнами купе тянулись холмы, покрытые бесконечными садами и виноградниками, где зелень ярко контрастировала с красно-бурой землей; постепенно они сменялись более равнинным ландшафтом. Вместо коттеджей с ухоженными палисадниками теперь за окном мелькали домики с заброшенными садами – явный признак нищеты и упадка.

Из поколения моих детей большинство ничего не слышало о лурдском чуде. Люди нашего возраста впервые познакомились с этой историей, когда в 40-х годах вышел фильм "Песня Бернадетты", прославивший молодую актрису Дженнифер Джонс.

Посмотрев фильм, многие отправились в библиотеки, чтобы узнать подробности о жизни святой Бернадетты.

Я всегда питала страсть ко всевозможным так называемым чудесам, поэтому прочла все, что имелось в библиотеках по данному вопросу. Как мне удалось выяснить, 14 летняя Бернадетта Субиру не отличалась ничем особенным до того дня в 1878 году, когда встретила возле пещеры недалеко от своей деревни существо, которое она назвала "Девой", но так и не смогла более-менее связно описать. С тех пор, как я посмотрела фильм и прочла книги, мне захотелось непременно побывать на этом месте.

Пещера превратилась в католическую святыню. Считается, что источник в ней исцеляет любые болезни. Источник появился, когда Бернадетта по указанию "Девы" выкопала ямку внутри пещеры - неожиданно из ямки потекла вода, и "Дева" сказала, что это святой родник, и вода в нем может исцелять.

Я отдавала себе отчет, что источник и пещера стали доходным местом для церкви, и была готова увидеть коммерческое использование и профанацию святыни.

Мне наплевать на все это: я не католичка, и я ехала в Лурд не для того, чтобы вылечиться от болезней или обрести просветление. Я просто хотела увидеть своими

глазами скалу, или пещеру, или грот, где произошло такое чудесное событие.

Когда я сказала Шуре, что хочу посетить Лурд, он тут же согласился и добавил, что ему, наверное, тоже будет интересно посмотреть чудесное место. Он

пообещал не проявлять свой научный скептицизм, но предупредил меня:

- А ты представляешь себе, что там все кругом заплевано из-за туристов, и полно калек?

- Все в порядке, мне это не мешает. Я ведь просто хочу посмотреть на это... как ты сказал? - "чудесное место".

- Тогда поехали. Я просто не хочу, чтобы ты разочаровалась.

Поезд шел теперь по лесистой горной местности - Пиренеям. Мы встали возле открытой двери тамбура и наслаждались величественным видом горных вершин и чистым прозрачным воздухом, пахнущим соснами.

Первое, что мы увидели, подъезжая к Лурду, была полоса широкой реки внизу

под нами. Поезд сделал поворот, и совершенно неожиданно на берегу реки показался

огромный собор, сверкающий золотом на фоне темной зелени окрестных холмов.

Ах, старая добрая католическая церковь! Знают, как привлечь внимание!

Поезд прибыл на вокзал, и мы закинули на спину рюкзаки, немного ошарашенные количеством по-разному одетых медсестер, собравшихся на платформе. Вдоль стены вокзала стояли длинные ряды инвалидных кресел. Мы не стали смотреть, как с поезда это множество инвалидов, которым медсестры должны были помогать, и поспешили в город, чтобы найти место для ночлега. Мы устали от долгой поездки, поэтому забрели в первую попавшуюся скромную гостиницу и рано легли спать, отложив экскурсию до утра.

После завтрака мы пошли гулять. Город лежит на склоне холма, под ним течет

река, через которую перекинут широкий каменный мост.

Главная улица города спускается к реке. На ней много магазинчиков – большинство из них торгует пластиковыми бутылками с изображением Мадонны для воды из источника. Там же лежат ложки с Мадонной, шапки, шарфики и даже пепельницы. Иногда попадаются статуэтки святой Бернадетты, но основным спросом пользуется, очевидно, все-таки Мадонна.

Мы перешли через мост и оказались в большом парке – где-то далеко виднелся золотой шпиль собора. Ухоженные газоны и клумбы радовали глаз. На тропинке мы обогнали нескольких монахов в длинных подпоясанных коричневых одеждах, с четками в руках. Некоторые из них шли медленно, сложив руки за спиной, другие торопились и обгоняли нас. Я подтолкнула Шуру и прошептала: "Как в средние века". Шура улыбнулся и навел фотоаппарат на почтенного старца с огромной седой бородой, в черных одеждах и немного нелепом берете, лихо заломленном на затылок.

Мы подошли к большому овальному газону, посередине которого на небольшом постаменте стояла статуя Мадонны в человеческий рост, окруженная клумбами с ноготками, петуниями и какими-то неизвестными мне синими цветочками. Мы остановились и сделали несколько снимков.

Дальше, под большим деревом рядом с тропинкой, стояла небольшая статуя Бернадетты Субиру. Девочка стояла на коленях посреди своего собственного садика

из ноготков и анютиных глазок. Мы остановились, и Шура сказал: "Неужели все из-за этого ребенка?" И я ответила: "Похоже на то, благослови ее господь".

Наконец мы вышли на небольшую площадь перед собором. Мои ноги к этому времени уже устали. Стрелки указывали, что пещера находится где-то справа от собора, и мы пошли в ту сторону по широкой ровной аллее. Справа от нас текла река. Слева была скала, на которой стоял собор; голый камень постепенно переходил в поросший лесом холм. Вдоль отвесной стены скалы стояли коробки с светло-голубыми церковными свечами с ценниками согласно длине. Мы удивленно переглянулись.

Через несколько минут Шура предложил, чтобы я шла с удобной для меня скоростью, а он пока сбегает на разведку до конца тропинки. "Да, милый, – сказала я. – Мне бы только дойти до пещеры, и можно поворачивать назад. Ты меня легко найдешь". Шура поцеловал меня в щеку и убежал.

Вокруг было довольно много людей. Сестры милосердия толкали перед собой инвалидные кресла с престарелыми пациентами, а один раз мимо меня провезли довольно молодого инвалида с очень бледным лицом. По сторонам аллеи в беспорядке

стояли скамейки и деревянные стульчики. К скале были пристроены небольшие странные помещения: скорее всего, там больные принимают исцеляющие ванны.

Я все еще никак не могла обнаружить признаков самой пещеры, поэтому, собрав весь запас французских слов и страшно стесняясь своего произношения, обратилась к скачущему жандарму: "Где здесь грот?" "Да вот же он", – отвечал он, неопределенно махнув рукой, словно нужно было быть слепой, чтобы не увидеть пещеру. Я поблагодарила его и продолжала путь.

Идя дальше, я попыталась вычислить, где же пещера, по расположению скамеек на бульваре. На склоне скалы пока еще не было видно ничего особенного. Вдруг я почувствовала, что по моим щекам текут слезы. Не то, чтобы я была чем-то

расстроена: это были беспричинные слезы. Наоборот, я чувствовала себя превосходно, слезам было просто неоткуда взяться. Я решила не обращать на них внимания.

Может быть, наше подсознание испытывает гораздо больше эмоций, чем мы можем

заметить. Может быть именно из-за этого я плачу. Все может быть.

Через несколько шагов, я вдруг поняла, что в первый раз расположение скамеек несет в себе какой-то смысл. Скамейки образовывали три стороны квадрата, примыкающего к скале. И вот наконец я вижу перед собой то, зачем я шла сюда. Это

не пещера, а просто маленькое отверстие в скале глубиной, может быть, в метр.

Я глубоко вдохнула и остановилась. В стене пещеры был сделан уступ, на котором стояла небольшая статуя Мадонны. Внутри пещеры виднелись вазы с цветами

- видимо, вокруг волшебного источника.

И вот, стоя перед святой пещерой, я вдруг почувствовала, что из ее глубины

на меня исходит сияние - почти слышимая песня, поток счастья. У меня перехватило

дыхание, и все тело вдруг пронизало ощущение эйфории.

Господи! Оно действует! Чудо, которое произошло с Бернадеттой, все еще действует!

Я стала вглядываться в лица людей, сидящих вокруг источника: чувствуют ли

они то же, что и я? Нет, я не смогла уловить в лицах окружающих ничего похожего

на мое состояние. Несколько человек сидели не шелохнувшись, опустив голову - может быть, они тоже купались в этой энергии?

Бесполезно спрашивать, так что я никогда об этом не узнаю.

Я медленно подошла к пещере и встала в очередь, чтобы войти внутрь.

Передо

мной было всего несколько человек, так что мне почти не пришлось замедлять шаг.

Проходя мимо статуи Мадонны, я вдруг неожиданно заметила, что на ее ногах нарисованы две золотые розы. "Розочки на ножечках", - почему-то пронеслось у меня в голове, и я вспомнила, что Бернадетта говорила, что "Дева" была босиком,

и на ногах у нее были золотые розы.

Я наклонилась, чтобы посмотреть, как под толстым стеклом в полу пещеры бьет

родник. Потом вышла - всепроникающая радость не оставляла меня.

Шура появился через несколько минут. Я сидела на скамейке и купалась в волшебном излучении, шедшем из глубины пещеры. Когда он положил мне руку на плечо, я обернулась и прошептала: "Это было потрясающе!"

- Рассказывай скорее.

- Встань здесь. Разве ты сам не чувствуешь?

- Вроде нет, дорогая. А что чувствуешь ты?

- Это как музыка без звуков. Счастье, радость - они словно текут оттуда.

Кажется, что чудо случилось прямо вчера.

Я почувствовала, что не могу говорить из-за того, что слезы наворачиваются на глаза.

- Ничего себе! Жалко, что я не могу настроиться на эту волну. Я чувствую что-то, но мне кажется, что энергия идет от тебя.

- Ну ничего... Пойдем посмотрим собор.

Я попыталась утешить его, чувствуя себя виноватой за то, что он не может

разделить со мной счастье. Мы пошли назад.

- Ну давай смотреть все сразу, раз уж мы здесь, - сказал Шура, как всегда, полный бесконечного терпения.

Я остановилась, чтобы достать из сумочки маленький пакетик со 120 миллиграммами МДМА. Я объяснила Шуре, что хочу принять их, чтобы обострить чувства перед тем, как войти в собор. Шура не возражал: "Вперед, если считаешь, что это тебе поможет".

Я пошла запить порошок водой из питьевого фонтанчика, пока Шура ждал меня: руки в карманах, слегка покачиваясь на каблуках - и мы продолжили наш путь назад

к собору, вход в который был там, где кончалась скала.

Я рассказала Шуре о своих беспричинных слезах и еще раз описала чудесное излучение, шедшее на меня из глубины пещеры.

Когда мы подошли к ступенькам собора, я неожиданно поняла, что мои уставшие ноги вдруг опять обрели силу, и я вприпрыжку бросилась вверх по ступенькам, что-то крича. Наверху я остановилась на мраморной площадке с балюстрадой и перевела дух. Шура не спеша подымался ко мне, и у меня было время внимательно посмотреть внутрь своего сознания, чтобы узнать, неужели МДМА уже начало действовать. Ничего похожего. Я просто ощущала прилив энергии, но никаких признаков действия МДМА не было.

Обычно эффект наступает минут через десять, так что еще рано.

Мы зашли в собор, но постояв немного, ушли: мы поняли, что здесь мы не узнаем ничего важного. Все волшебство было там, в пещере, а остальное - просто католическая церковь.

Когда мы шли по парку, я сказала Шуре: "Представляешь, дорогой, МДМА так и не подействовало. И я, по-моему, даже знаю, почему. Просто у меня был такой прилив энергии после пещеры, что МДМА не могло дать мне ничего большего. Я ведь до сих пор чувствую эту энергию". Я радостно засмеялась.

В городе мы зашли в книжный магазин, и я попросила показать мне книги о святой Бернадетте. Оказалось, что в магазине есть только одна тоненькая книжечка на французском.

Вернувшись в гостиницу, я стала читать ее с помощью Шуры, который переводил мне самые сложные моменты. Книга не только удовлетворила мое любопытство, но и обрадовала. Я только искренне удивлялась, почему церковь позволила опубликовать легенду - настолько многое в ней противоречило их официальной версии.

- Оказывается, когда местный священник попросил Бернадетту спросить у Девы, как ее имя, девочка, стоя, как всегда, на коленях у входа в пещеру, задала вопрос, и Дева отвечала, что ее зовут "Акверо", что на местном диалекте означает

"так и быть". Бернадетта не поняла ответа, но послушно передала его священнику.

Историю сразу же сообщили в Ватикан. Наконец церковь объявила, что Дева в пещере была Матерью Божьей, Мадонной, и с тех пор это место стало святым. Как вам это нравится?

- Ты так радуешься потому, что Дева не сказала, что ее зовут Мадонна?
- Конечно! Ничего подобного не было! Она сказала, что ее зовут "Акверо"

-
это чудесный ответ в дзенском стиле, специально, чтобы запутать всех, особенно

священников. Это же полностью меняет суть дела! Церковь просто перехватила случившееся чудо. Им не нужно было, чтобы девочка пыталась, как-либо по-другому

объяснить появление волшебной Девы, поэтому они сразу объявили ее Мадонной.

- И с тех пор все считают, что Бернадетта видела именно Мадонну.

- Конечно, и никто не читает эту маленькую книжку перед тем, как просить исцеления у источника. Да и большинство посетителей - все равно католики, и вряд

ли кто-нибудь из них обратит внимание на эту историю с "Акверо".

- Похоже, ты права.

- И чем больше случаев исцеления - тем больше уверенности, что это была именно Мадонна.

Мы долго лежали и молчали, думая о происшедшем, потом я встала и начала собирать рюкзаки. Мы уезжали утренним поездом.

И все же, каким образом этот поток радости и счастья смог сохраниться в течение ста лет? Значит ли это, что если однажды ткань реальности рвется, этот

разрыв остается навечно, и сила, которая исходила оттуда во времена

Бернадетты,

иногда возникает и сейчас? В чем смысл этого излучения?

Я упаковывала вещи и пыталась разобраться в своих чувствах.

Это была Любовь - Любовь, говорящая "да" всему на земле, Любовь как энергия, как радость, как единственная причина существования. Если раздумывать

об этом, то все может показаться бессмыслицей. Однако я ее почувствовала - стоило только оказаться в том самом месте, где все началось. Время тут ни при чем. Это чувство вне времени. В каком бы измерении оно не существовало, оно может проникать в наш мир, и эта связь остается на века.

Как только я закончила собираться, мы легли спать. Я прижалась к Шуру и прошептала: "Спасибо, родной, что привез меня сюда: я и не ожидала, как много это мне даст. Тут и вправду происходят чудеса, а я думала, что никогда не увижу

настоящего чуда. Ты не представляешь, как я тебе благодарна. Я так тебя люблю!"

Шура, засыпая, отвечал: "Я тебя тоже, радость. Спокойной ночи".

Я поцеловала его, и мы заснули под звуки веселых разговоров прохожих на улице.

ГЛАВА 3. ДРЭД И ДРУГИЕ ПОУЧИТЕЛЬНЫЕ ОПЫТЫ.

(Рассказывает Алиса)

Мы с Шурой - люди совершенно разные. У нас непохожие таланты и навыки, непохожие реакции на некоторые психотропные препараты, разный образ мысли и восприятия. Но мы сходимся в одном: мы оба не получаем никакого удовольствия от

марихуаны. (Мы также ненавидим Вагнера, но об этом я расскажу как-нибудь в другой раз.) Мы признаем, что конопля обладает неоценимыми достоинствами, как для технического, так и для медицинского использования. Для миллионов людей во

всем мире это лучший способ снять стресс и расслабиться. Мы также понимаем, что

у некоторых марихуана может вызывать привыкание, не физическое, конечно, а психологическое, что тоже плохо. Но когда я говорю, что нам она не нравится, я имею в виду что-то сугубо личное: ее действие нам неприятно, и как говорит Шура, она нас ничему не может научить.

Ах, да... Одно исключение из последнего правила: марихуана, как никакой другой препарат, может замедлять время, и это порой служит источником увлекательного личного опыта.

В первый раз я попробовала марихуану лет в двадцать, и это было ужасно: каждые десять секунд мое сознание начало отключаться, после чего приходилось заново вспоминать, кто я и почему я здесь. Через некоторое время приходилось процесс самоидентификации повторяться.

БАХ!

- Кто я?

- Я Алиса.

- Ага, вспомнила. Так... Где я нахожусь?

- Сажу на диване у себя дома.

- Что я делаю?

- Только что покурила траву, и теперь пытаюсь понять, что со мной происходит.

БАХ!

- Кто я?

- Я Алиса...

И так несколько часов... Когда я наконец вышла из этого состояния, я поклялась никогда больше не употреблять траву.

Но, конечно, мы никогда не учимся на ошибках. Когда мне было около тридцати, у меня был друг по имени Стив - великолепный и крайне уверенный в себе

парень. Когда я рассказала ему о своем первом опыте с марихуаной, он решил, что

тогда у меня, наверное, было не то настроение, и что теперь я должна повторить,

на сей раз вместе с ним. Он обещал, что мне очень понравится, и что он будет полностью контролировать ситуацию.

Мы вышли на улицу, сели на скамейку во дворе, он протянул мне косяк, и я затаилась, как всегда, закашлявшись. Он требовал, чтобы я затаивалась еще и еще. "Давай, давай, Алиса, на этот раз все будет ништяк! Еще одну затяжку".

Вдруг у меня сильно закружилась голова. Я сказала, что с меня хватит; Стив

одобрительно похлопал меня по плечу и докурил косяк сам. Вдруг я почувствовала,

как мой мир распадается на два, на три, потом на четыре уровня реальности, четыре разных восприятия, четыре разных сидящих по деревом Алисы, пристально разглядывающих узор осенних листьев на земле. Я с ужасом чувствовала, как ощущения проходят сквозь меня волна за волной. Расслабиться было невозможно: все

время приходится концентрироваться, чтобы встретить следующую волну. Мне не очень нравились эти чувства. Не то что бы я считала их враждебными или опасными

- они были просто очень сильны и из-за этого неприятны.

Неожиданно уровней стало пять, потом шесть. "Пойдем домой, со мной что-то неладно", - сказала я Стиву.

Дома, лежа на диване, я заметила, что миров стало уже восемь. Больше всего меня интересовало, в каком же из них я находилась до того, как покурила.

Это было что-то вроде восьмизэтажного дома в разрезе. Одна из квартир была моим обычным миром. Остальные выглядели почти так же, но в каждой бросалась в глаза либо дверь неправильной формы, либо странная мебель; все предметы меняли свои очертания. Мне пришлось сильно сконцентрироваться, чтобы разобраться во всей этой мешанине неправильных образов и попытаться найти выход.

Мой друг сидел напротив меня в кресле, глаза его были закрыты, он улыбался. Я неожиданно поняла, что это он все подстроил – расслоение реальности и прочую гадость.

Наверное, это и есть мания преследования. Чувствуешь, что за всеми событиями стоит чья-то злая воля. Тебя обманывают, предают. Нужно срочно выбираться. Где-то должен быть выход.

И вот поочередно на разных уровнях сознания я приходила к одной и той же мысли: хватит с меня этих странных отношений со Стивом, хватит быть слабой беззащитной жертвой, я выросла из этого человека, пора двигаться дальше.

Через несколько часов сознание прояснилось, привычная реальность потихоньку победила все остальные уровни, и вот наконец, я пришла в нормальное состояние, и непонятная тревога сменилась приятной злостью.

Третий раз я пробовала марихуану через много-много лет. На этот раз рядом со мной был Шура Бородин.

Мы были знакомы уже полгода, и Шура пригласил меня в гости к своим друзьям.

Он позвонил в четверг вечером и после обмена новостями спросил:

- Кстати, не хочешь в субботу съездить в гости к моим друзьям? У них домик в лесу недалеко от Санта-Круз, там будет много интересных людей. Тебе понравится.

- Я бы с радостью, но ведь мы с тобой идем в театр с Рут и Джорджем. Ты разве забыл?

- Мы успеем. Нас зовут к полудню, часов на пять. Как раз успеем на "Иоланту".

- Отлично, тогда поехали.

- Я заеду за тобой в одиннадцать.

- Хорошо, буду ждать.

Мы ехали долго. Солнце на удивление ярко освещало прибрежное шоссе: обычно

летом холмы застилает туман с моря. Машина круто повернула, и у нас захватило дух при виде красивейшего утеса, который подымался из ярко-синего моря.

- Я не рассказывал тебе о моих друзьях, к которым мы едем – Аароне и Грейс?

- Нет, я их не помню.

- Это мои старые друзья. Я очень их люблю. Очень умные, образованные люди, с хорошим чувством юмора. Написали отличную книгу о психоделических грибах в древней Скандинавии, особенно про использование мухоморов берсерками. Слышала когда-нибудь про берсерков?

- Да, но не знала, что они употребляли мухоморы. Это ведь мухоморы называют волшебными грибами?

- Да-да, те самые грибы с рождественских открыток.

Мы свернули на проселочную дорогу наверх, в горы. Тут и там на склонах

лесистых холмов мелькали крыши коттеджей. Наконец Шура припарковал машину рядом

с двумя другими и сказал, что дальше мы пойдем пешком.

Через несколько минут мы были у калитки, и нас встречал сам хозяин дома. Шура представил меня. Аарон, невысокий, кудрявый человек, заулыбался в ответ: "Очень рад вас видеть, Алиса, идите познакомьтесь с Грейс: она командует парадом

на кухне". По заросшей папоротниками лестнице мы спустились к дому: в большой гостиной сидело уже достаточно много гостей, некоторые расположились на полу на

громадных подушках.

Аарон проводил меня на кухню, где познакомил с Грейс - стройной женщиной немного повыше меня, с длинными каштановыми волосами, заплетенными в толстую косу. У нее было симпатичное, живое лицо. Она наклонилась ко мне, чтобы перекричать общий шум: "Привет, Алиса, чувствуй себя как дома! Что будешь пить?"

Красивые пронизательные глаза. Видно, что она часто смеется. А какая фигура!

Я взяла стакан сока и вышла на веранду с Аароном и еще одним гостем. Посреди открытой веранды, прямо из пола рос громадный дуб, его крона образовывала нечто вроде потолка. Вокруг сидели, стояли, смеялись и разговаривали люди. Я села на скамейку за большой стол, покрытый белой, в красную клетку скатертью, и, набрав себе закусок, повернулась лицом к дверям, чтобы увидеть Шуру, когда тот выйдет на веранду.

Шура появился через несколько минут, сразу нашел меня в толпе и улыбнулся -

я была уже безумно влюблена в эту улыбку. Он присел рядом с бокалом красного вина в руке и, как обычно, спросил: "Ну как дела?"

Я отвечала, что отлично, и что Аарон и Грейс, кажется, очень приятные люди.

"Конечно, конечно" - заулыбался Шура.

Примерно через час мы с Шурой весело болтали о живописи с высоким блондином, который представился "самым гениальным из непризнанных художников Калифорнии". Мы обсуждали выставку в оклендском музее, куда Шура водил меня за неделю до этого, и хором ругали одного из выставившихся художников, который показался нам всем крайним профаном. Я легко запомнила его имя: его звали так же, как моего любимого пианиста.

Вдруг раздался громкий низкий голос: "Кто хочет - присоединяйтесь". В углу

веранды немолодой человек в джинсовом костюме держал в руке что-то, издавая похожее на большую черную сигару.

- Что это, Чак?

- Это анаша из Африки. Очень, очень сильная вещь, называется "дрэд" - не знаю почему, просто так называется. (((("дрэд" - по-английски "ужас")))). Клянусь,

вы никогда такую не пробовали.

Шура обратился ко мне:

- Говорят, хорошая африканская марихуана. Хочешь попробовать?

- Может быть, только одну затяжку: ты знаешь, мне с ней не везло.

- Я тоже не особенно ее люблю. Но пара затяжек, пожалуй, не повредит.

- Возможно.

- Хотя, знаешь, у меня есть правило - никогда не употреблять незнакомые препараты вне дома.

- Ну, если ты считаешь...

- Да ладно, можно иногда себе позволить... Но только пару затяжек. А то кто

его знает, вдруг эта любопытная сигарка соответствует названию? Интересно, как

пишется: "дрэд" или "дред"?

Я засмеялась, и мы подошли к компании, которая собиралась попробовать. Когда сигара дошла до меня, я постаралась сделать совсем неглубокий вдох: мне не

хотелось кашлять перед всеми. Несмотря на то, что я курю табак, я почему-то всегда очень сильно кашляю после затяжки марихуаной.

На этот раз все было точно так же. Я побежала на другой конец веранды, останавливаясь через каждые два шага, чтобы прокашляться. Шура шел за мной.

- Прости, со мной всегда так.

- Ничего страшного. Сейчас прошло? - спросил Шура.

Я осторожно вздохнула и сказала, что мне уже лучше.

Мы разглядывали дом и сад. Наш приятель-художник куда-то исчез, и, пытаясь

отыскать его взглядом, я заметила, что человек с сигарой обходит гостей, предлагая еще по затяжке. Он подошел к нам, и Шура сделал еще одну глубокую затяжку. Я последовала его примеру. На этот раз я вдыхала очень плавно и не спеша, так что почти не закашлялась.

После этого Шура сказал Чаку: "Спасибо, я думаю, мы на этом остановимся".

Чак отошел, и Шура сказал мне: "Ты не возражаешь, если я отойду на пару минут, я заметил старого друга. Я бы познакомил тебя с ним, но боюсь, сейчас не вполне подходящее время.

Я засмеялась: "Ага, воображаю, что будет, если во время разговора у меня начнется приход".

"Я вот тоже так думаю", - заулыбался Шура.

"Иди-иди, я буду либо здесь, либо поближе к столу - если вдруг захочу есть."

На этот раз я села лицом к блюдам с пучками зелени, чипсами, оливками и прочими закусками. Я усталилась на клетчатую скатерть и стала ждать, когда все начнется. Насколько я помнила, после обычной травы эффект наступал через десять-пятнадцать минут.

Вдруг на меня словно опустилась тонкая, но звуконепроницаемая оболочка: я

перестала слышать голоса людей на веранде, перестала слышать вообще. Это ощущение обволакивающей тишины достаточно хорошо знакомо всем, кто употреблял психоактивные вещества, но обычно оно ассоциируется с состоянием глубокого покоя, мне же казалось, что меня заперли, отрезали от внешнего мира. Вдруг я почувствовала, что меня хотят отравить. В моей энергетической оболочке проделали дыру, и теперь сквозь нее на меня льется ядовитая зеленая жидкость.

Я не могла пошевелиться и беспомощно замерла, чувствуя, что сейчас потеряю сознание или умру. Странно, но я даже не испугалась по-настоящему: мои чувства были парализованы вместе с телом. Но думать я еще могла..

Если я прямо сейчас упаду на бок, то до смерти испугаю гостей, Шура может запаниковать, и потом мне будет очень стыдно перед всеми этими прекрасными людьми. Надо облокотиться на стол - тогда я, может быть, не упаду. Это пройдет, если я не умру, обязательно пройдет.

Я почувствовала, как кто-то положил мне руку на плечо, и услышала

далеко-далеко голос Шуры: "С тобой все в порядке?"

Ответить я не могла. Пока я с огромным трудом сохраняла вертикальное положение.

В моем поле зрения появились очертания Шурино лица. Он опять задал вопрос; слова едва доносились внутрь зеленоватой оболочки: "Ты можешь говорить?"

Я умудрилась слегка покачать головой из стороны в сторону.

"Тогда слушай меня внимательно. Сейчас я донесу тебя до места, где ты сможешь лечь, и выведу тебя из этого состояния. Понимаешь?"

Я медленно кивнула, уставившись в одну точку: я смотрела на свои пальцы, вцепившиеся в край стола.

Я почувствовала, как Шурины большие руки осторожно поднимают меня под мышки, и с удивлением поняла, что стою. Шура медленно подвел меня к шезлонгу на солнечной стороне веранды, аккуратно посадил и сам сел рядом на табуретку, облокотившись на стол.

Он видит, что я не могу повернуть голову, и поэтому старается держаться в моем поле зрения.

"Так, теперь постарайся сосредоточиться на том, что делает моя рука. Смотри, я кладу большой палец на край стола сверху, а указательный прижимаю снизу. Теперь скажи, сколько сантиметров между пальцами, какова толщина крышки стола?"

О чем он? Я почти парализована, а он спрашивает про крышку стола! ЧТО ОН ДЕЛАЕТ?

"Я знаю, это смешно, но пожалуйста, забудь об этом на секундочку, просто сосредоточься на моих пальцах, и попробуй определить расстояние между ними.

О Боже, неужели мне придется играть в эту абсурдную игру? Кажется, он не оставит меня в покое. Ну что же, попробуем сосредоточиться. Сколько сантиметров

между пальцами? Похоже, что пять. Теперь надо открыть рот и сказать ответ.

"Пять, пять сантиметров" - услышала я свой голос.

Шура наклонился ко мне и взял меня за руки: "Отлично, ты сделала это! Теперь ты можешь двигаться. С тобой все в порядке".

Я недоверчиво посмотрела на него, но вдруг заметила, что мои руки уже загораживают глаза от солнца, и что весь паралич прошел. Я встала и нервно заулыбалась.

- Как тебе это удалось? Что это была за чушь про толщину стола?

- Старый фокус. Если можешь заставить себя сильно на чем-то сосредоточиться, то вырываешься из оцепенения. Скорее всего, просто возвращаешь себе контроль над эго. Не знаю как, но это работает.

Мое раздражение потихоньку ушло, но некое неприятное чувство оставалось.

Похоже, придется просто сказать спасибо. Нет причин для раздражения.

Шура

спас меня, он знал, что делать, и я теперь вне опасности. Но все равно чувствую себя немного на грани.

Я улыбнулась, встряхнулась и сказала: "Ничего себе!"

"Давай уйдем с солнца", - сказал мой добрый волшебник, и когда я поняла, что голова не кружится и я смогу идти без проблем, Шура повел меня сквозь толпу гостей. Мы не привлекали особого внимания; некоторые говорили: "Привет!". Мы добрались до уголка сада, где между большим деревом и деревянным столбом висел

гамак, я села на стул под деревом, а Шура лег в гамак. Он наклонился ко мне, собираясь что-то сказать.

Вдруг его лицо исказилось, он на секунду потерял равновесие, потом вдруг вскочил из гамака и неуверенно побежал в сторону дома.

Он вернулся примерно через пятнадцать минут, но под марихуаной время течет очень долго, и мне показалось, что он отсутствовал по крайней мере час. Но я не возражала – я все это время рассматривала гостей. Один из них замер, обхватив ствол дерева посреди веранды, и по его лицу я поняла, что он сейчас чувствует.

Бедняга – еще одна жертва черной сигары.

В другой раз я бы подошла к нему, но здесь ситуация была явно неподходящая, притом мне совсем не хотелось слезать со стула.

Как ощущения? Тело под контролем, раздражение ушло. Почему я была такая злая? Почему вместо благодарности Шуру за спасение я чуть было не наорала на него? А-а-а, конечно! Ощущение полной беспомощности – вот главная причина злости. Пока мои эмоции подавлены, я чувствую только легкое раздражение, но, может быть, скоро оно перерастет в настоящую ярость. Даже наверняка.

Вернулся Шура. Он больше не улыбался. Я пыталась спросить, что случилось, но Шура только сказал: "Пошли отсюда".

Мы прошли через дом, даже не стараясь найти хозяев, чтобы попрощаться.

Мы медленно и молча дошли до машины.

С ним что-то произошло. Что-то, о чем он даже не хочет рассказывать. Я не буду спрашивать.

Шура очень осторожно выехал со стоянки – несколько раз мотор глох и слышался скрип тормозов. На проселочной дороге мне показалось, что Шура едет чуть быстрее, чем нужно, но не успела я ему об этом сказать, как он сбавил скорость. Я попыталась расслабиться. Через несколько минут Шура сказал:

– Ты не могла бы... ты не могла бы посмотреть назад на дорогу? Я не вижу...

зеркало заднего вида... Я не вижу... куда мы едем... Зеркало заднего вида...

(Он потом объяснил мне, что то, что он видел в зеркале заднего обзора, смешивалось в его сознании с тем, что он видел перед собой, и он не мог сосредоточиться на дороге.)

– О, господи. Ничего страшного, я буду следить за тем, что сзади, а ты смотри только вперед.

Ой-ой-ой! Не стоило садиться за руль в таком состоянии. Надеюсь, наши ангелы-хранители не спят.

Я повернулась и приготовилась сообщать Шуру о появляющихся сзади машинах,

но нам повезло: мы были на дороге одни.

Примерно через десять минут, показавшихся мне вечностью, Шура припарковался возле небольшого кафе.

– Пойдем выпьем кофе.

– Будем сидеть на улице?

– Ага, на улице.

В его голосе все еще было что-то странное.

Мы сели за столик. Не было ни одного посетителя. Шура взял меня за руку, пожал ее и отпустил. Подошел официант и положил перед нами меню – он был явно разочарован, когда мы оба заказали кофе. Шура повторил еще раз: "Просто кофе".

Официант удалился.

- Я бы с удовольствием порадовал бы его, но в данный момент не могу смотреть на еду.

- И я тоже, - я без всякого энтузиазма представила себе местные сэндвичи.

Возникла неловкая пауза, в течение которой я внимательно изучала лицо Шуры

- он все еще хмурился. Наконец я решилась:

- Так что с тобой случилось?

- Видишь ли, я очень радовался, что смог вывести тебя из ужасного состояния, и на меня трава не действовала, но когда я лег в этот проклятый гамак...

Наконец-то Шура улыбнулся.

- Ну, в общем, как бы сказать... Наверное это из-за того, что я стал качаться... Я вдруг почувствовал, что меня прямо сейчас вырвет. И при этом... как бы сказать... ну в общем с другого конца пищевода тоже не все в порядке. Побежал в туалет - едва успел, просто взрыв какой-то. Пришлось убирать за собой, поэтому я и задержался.

- А сейчас как ты себя чувствуешь?

- Сказать по правде, страшно злюсь. Прежде всего на себя. Я ведь нарушил основное правило!

- Какое?

- Я, по-моему, тебе уже рассказывал: никогда не принимать неизвестные вещества в чужом доме. Я нарушил правило, и мне пришлось за это ответить. Какой же я идиот!

Недовольный официант вернулся с двумя чашечками кофе; Шура достал бумажник и расплатился.

Когда мы снова остались одни, мы продолжали обсуждать, чем могла быть пропитана эта сигара. Шура называл возможные варианты: от Пи-Си-Пи до экзотических растений, о которых я даже не слышала. Шура даже сомневался, была ли вообще в сигаре марихуана.

Мы молча пили кофе. Вдруг на меня нахлынула странная смесь противоречивых чувств: с одной стороны, мне было хорошо с Шурой; с другой, я чувствовала все растущую злость.

Ну что ж, если это все-таки была марихуана, то, значит, я пробую ее в третий раз, и в третий же раз потом злюсь. Очень интересно.

Шура хлопнул себя по лбу и проворчал: "Почему я не обратил внимание на название этой сигары?"

В первый раз после роковой затяжки я искренне рассмеялась. Я совсем забыла, что здесь имел место уникальный случай правдивой рекламы.

Шура криво улыбнулся.

Потихоньку мы успокоились, и Шура начал вспоминать другие случаи передозировки, которые происходили с ним - он называл их "игрой со смертью". Я

снова смеялась, и мы заказали еще кофе. Наконец, внимательно посмотрев друг другу в глаза, мы в последний раз спросили: "Как ощущения?", и обнаружили, что

вернулись в нормальное состояние - как раз вовремя, чтобы успеть на спектакль в Сан-Франциско.

Мы посмотрели "Иоланту". По крайней мере, все нам говорили, что мы посмотрели "Иоланту" - лично я не помню ничего. Полная амнезия. Единственное,

что осталось у меня в памяти – это образ блондинки в розовом платье с блестками.

Только через несколько месяцев мы рассказали Аарону и Грейс, что же заставило нас так поспешно уехать. Мы прямо спросили их, что было в сигаре кроме травы, и они заверили нас, что там была только африканская марихуана, правда, очень сильная. Только одному гостю стало плохо – я сразу вспомнила того беднягу на веранде. Аарон и Грейс были весьма расстроены.

Мы заверили их, что они ни в чем не виноваты. "Ничего страшного не случилось, – улыбнулся Шура, – зато я получил отличный урок: надо обращать больше внимания на названия".

Когда я пробовала марихуану в четвертый и последний раз, я наконец смогла извлечь из этого что-то полезное. Прошло много лет после неудачного опыта с "дрэдом", но опять рядом со мной был Шура. Мы съели так называемые "печенья Элис Токлас", получившие название в честь подруги и любовницы Гертруды Стайн. Такой способ употребления марихуаны был весьма популярен, но нам не знаком, поэтому мы решили, что обязаны выяснить, отличается ли действие такого печенья от действия обычного косяка.

В субботу вечером мы приняли ванну и уселись в гостиной в халатах. На столе уже стояло блюдечко с печеньями. Мы переглянулись, и, поймав Шурина взгляд, я засмеялась:

– Мы, что, боимся? Или сомневаемся? Нет, только не это!

– Не забывай, что основное свойство разума – делать выводы из собственных ошибок, не правда ли?

– О, да, верное замечание. Но мы ведь раньше только курили ее. Не можем же мы выражать свое мнение о том, чего не пробовали.

В ответ Шура протянул мне печенье, и мы чокнулись ими, как бокалами вина.

После этого мы пошли в спальню и включили радио – Шура вскоре нашел наш любимый концерт Брамса. Мы легли на кровать, взявшись за руки.

Примерно через полчаса я почувствовала знакомое ощущение замедления времени, мыслей и всего течения жизни. Как и в прошлый раз, ощущения были не очень приятные, так как приходилось справляться с неослабевающим потоком эмоций,

но теперь меня успокаивало присутствие Шуры.

– Ну, как дела, киска?

– Сильные ощущения, но я в порядке.

– Прямо захлестывает тебя целиком...

– А ты как?

– Нормально, но все-таки я не очень люблю это вещество.

Я свернулась калачиком и положила голову ему на плечо. Через некоторое время я пошла в туалет, и Шура решил проводить меня. Пошатываясь, я пробралась через гостиную на кухню и, наконец, в ванную. Я прокричала Шуру через закрытую

дверь: "Такое впечатление, что я шла сюда пять лет".

После недолгой паузы за дверью раздался голос:

– Хочешь, проведем эксперимент?

- Давай. Что ты там придумал?
- Подожди меня здесь, я схожу за часами.
- Только приходи побыстрее.

Я разглядывала себя в зеркале уже несколько минут, когда Шура снова позвал

меня из-за закрытой двери:

- Ты еще здесь?
- По-моему, да.

Я не подумала, что мой ответ мог звучать глупо, но это было все равно:

он

тоже не очень осознал свой вопрос.

Открылась дверь, и Шурино бородатое лицо, обрамленное седыми волосами, появилось в поле моего зрения.

- Привет, - сказала я, перестав расчесывать волосы.
- Ты готова к эксперименту?
- Так точно. Что мне делать?

- Сейчас я закрою дверь и скажу "Старт!", после этого ты стоишь здесь, и когда я говорю "Стоп!", ты говоришь, сколько прошло времени со старта.

Поняла?

Слова долго блуждали у меня в голове, пока я, наконец, не решила, что начинаю понимать.

- Хорошо. Приступай.

Я опять уставилась в зеркало и услышала за спиной: "Старт!" Глядя на свое

отражение, я вспомнила, что под действием психоделика нельзя смотреть себе в глаза в зеркале - можно войти в состояние гипноза.

И что тогда? Буду стоять здесь несколько часов или просто засну? Надо будет

попробовать, если, конечно, Шура будет рядом, чтобы спасти меня в нужный момент.

Сквозь мое сознание проносились странные образы: планеты, реки, кричащие дрозды ...

- Ага, это Англия, там их полно.

Я вдруг вспомнила наше с Шурой первое утро в Англии - как мы проснулись в

маленькой гостинице в деревне Чарлбери, и за окном я увидела маленький садик, каменную ограду и стайку дроздов на поле. Я вглядывалась в рассеивающийся туман,

и ждала, что сейчас передо мной появится сказочный кролик Питер в синей курточке

с блестящими пуговицами. Такой я себе и представляла Англию: как на акварели Беатрисы Поттер. Усталость предыдущего дня мгновенно улетучилась.

Вдруг за дверью раздался голос: "Стоп!"

Я открыла дверь.

- Ну и сколько прошло времени?

Немного подумав, я ответила:

- Минут двадцать, не меньше.
- Один к четырем! Великолепно.
- Ну а сколько прошло на самом деле? Ты же мне не сказал.
- Извини. На самом деле прошло пять минут.
- Не может быть!
- Ровно пять минут.

Шура улыбался, глядя на часы.

- Просто невероятно. Всего пять минут!

На этот раз неприятных ощущений почти не было.

Похоже, я привыкаю к этому делу. Но все равно, это не мой союзник, как сказал бы Шура. Нет, явно не союзник.

Я уже собиралась разогреть суп, когда Шура позвал меня:

- Посмотри-ка сюда, радость.

Я обернулась и увидела, что Шура стоит перед громадными настенными часами.

Он прошептал:

- Смотри на секундную стрелку

- Смотрю. - ответила я обычным голосом.

- Ты ничего не замечаешь?

Я вдруг поняла, что стрелка бежит до смешного медленно. Я сказала об этом Шуру.

- Давай оба сосредоточимся и попробуем еще ее замедлить.

Мы стали пристально смотреть на часы, стараясь остановить секундную стрелку, и вдруг случилась совершенно волшебная вещь. Мы одновременно увидели между собой и циферблатом прозрачную завесу из блестящих шариков. Сквозь нее я

отчетливо видела стрелку, но что-то говорило мне, что, проникая сквозь эту энергетическую стену, мы попадаем - по крайней мере наше сознание попадает - в

другую реальность, которую даже невозможно себе представить. На сей раз перешла

на шепот я:

- Ты видишь это?

- Конечно, вижу! - нетерпеливо ответил Шура.

Секундная стрелка почти не двигалась. Я затаила дыхание, осознав, что сейчас она совсем остановится. Вдруг громкий голос Шуры разрушил все очарование:

- Отлично! Теперь мы знаем, что можем это, и нам необязательно идти до конца.

- О чем ты? Зачем ты остановился?

Я увидела на его лице выражение, которое не смогла расшифровать. До тех пор, пока он не сказал сам:

- Стыдно признаться, но я просто испугался.

- Чего, дорогой?

- Ну, просто - ты можешь сказать, что будет, если стрелка остановится?

- Скорее всего, остановится время.

- Именно. А что бы с нами было, если бы мы попали в реальность, где время

остановилось?

- Ты имеешь в виду, что мы могли бы в ней застрять?

- Ну, просто если там нет времени, то нет и последовательных действий, а как тогда мы сможем хотя бы захотеть выбраться?

- Должна признаться, реальность за этой стеной меня сильно притягивает.

Может быть попробуем в следующий раз - попросим, чтобы кто-нибудь присутствовал,

хотя и не представляю, как он сможет нас спасти.

- Я тоже. Ты простишь меня, радость?

Шура поцеловал меня.

- Конечно, родной. Даже не извиняйся. Ты может быть спас нас от того, что страшнее...

Я вдруг поняла, что и вправду бывают вещи страшнее смерти, и что застрять

в пространстве, где нет времени - одна из таких вещей.

Мы вернулись в спальню, и я сказала, что больше всего меня потрясло появление энергетической стены. Дело в том, что я видела точно такую же стену

двадцать лет назад в тот знаменательный день, когда я в первый раз попробовала

пейотль. Это было в музее естественных наук, и рядом со мной был Сэм Голдинг.

- Помнишь, я рассказывала тебе, как мы вошли в этот зал с большими диорамами, вокруг ни души, только металл и стекло, и меня начало отпускать, как

вдруг...

- Да, помню. Ты увидела стену.

- Сегодня была такая же. Тогда она была больше и разделяла два мира: тот в который я попала после пейотля, и мой старый, обычный, в который я возвращалась.

Что это были за стены?

Шура затащил меня в постель.

- Обычные стены - разделители миров. Я таких насмотрелся сколько угодно. Слушай, а что если снять лишнюю одежду?

Первый раз опыт с марихуаной кончается смехом, а не злостью. Больше не будем, чтобы не испортить впечатление. Найдем другие способы управлять временем.

Так все и было. Мы больше никогда не пробовали марихуану - это явно не наша вещь.

ГЛАВА 4. БРАЗИЛИЯ.

(Рассказывает Алиса)

Это было в середине восьмидесятых. Однажды в апреле Шура позвонил некий господин, представившийся как сеньор Гиоргио Парос, бизнесмен из Бразилии.

- Я здесь по делам: консультируюсь с одной американской фирмой, а также хотел бы встретиться с вами по очень важному вопросу.

- Извините, не могли бы вы повторить вашу фамилию сеньор... отвечал Шура.

Человек на другом конце провода повторил.

- Пожалуйста, зовите меня просто сеньор Гиоргио, - добавил он. - В нашей стране редко называют по фамилии. Я также хотел бы представить вам моего друга доктора Хектора, в прошлом замминистра жилья и транспорта Бразилии - если вас не затруднит...

Положив трубку, Шура сказал:

- Он явно не хотел вдаваться в подробности по телефону. Я подумал, может, тебе не трудно приготовить несколько лишних сэндвичей к ланчу? Я пригласил их пообедать с нами завтра - ты не против?"

Я засмеялась:

- Конечно, не против! Это так интригующе звучит: бывший зам министра чего-то там Бразилии.

- Если не ошибаюсь, транспорта. Может оказаться что-нибудь интересное. Ну а если даже нет, то что мы теряем? Час-другой и пару сэндвичей".

Трудно удержаться от восторга, когда к тебе на обед приходит министр какой

бы то ни было страны. Пусть даже бывший, пусть даже не министр, а замминистра.

Все равно звучит отлично для простой американки, далекой от вершины социальной

лестницы. По крайней мере, будет о чем рассказать знакомым.

На следующий день в назначенное время наши бразильцы появились на пороге с цветами для хозяйки и двумя солидными портфелями в руках. Бизнесмен Гиоргио оказался дородным крепким человеком, похожим на ветерана-десантника, с намечающейся лысиной и пронизательными светло-голубыми глазами.

Мы расположились во внутреннем дворике и завели обычный для незнакомых людей разговор. Оказалось, что сеньор Гиоргио – один из главных на бразильском радио: он владелец нескольких радиостанций, и сейчас собирается заниматься также телевидением. Сначала он казался мне немного мрачноватым, особенно когда нахмурил брови. Но первое впечатление было обманчиво. Скоро Гиоргио стал представляться мне чем-то вроде большого доброго кота. Он был человеком сентиментальным и немного романтичным – что, как мы позже выяснили, присуще многим бразильцам.

Его друг доктор Хектор, щуплый человек лет шестидесяти, сначала показался мне слишком тихим для политика, я бы даже сказала – скромным. Но к концу обеда он заметно расслабился и заулыбался, так что мне стало понятно его своеобразное обаяние – смесь искренности, иногда доходящей до полной открытости, и отличного чувства юмора, которое должно было ему весьма пригодиться на государственной службе.

Но я забегаю вперед. Вернусь к началу разговора. Когда я внесла поднос с сэндвичами, Гиоргио говорил: "Да-да, представьте себе, даже в банках клиенты числятся только по именам..."

На лице Шуры смешались вежливое недоверие и искреннее удивление.

Я тоже не поверила. Наверное, он все-таки преувеличивает. Зато это хороший анекдот из жизни третьего мира.

Я принесла большой кувшин чая со льдом и несколько бутылок воды, мы уселись вокруг стола и приготовились слушать.

Сначала Гиоргио в качестве предисловия к главному разговору рассказал нам историю некоего американца – будем звать его мистер Борх. Этот джентльмен переехал в Рио-де-Жанейро, причем он никак не мог объяснить причин своего нежелания возвращаться на родину. Вскоре он женился на богатой бразильянке и обзавелся детьми, а потом переселился с семьей на некий остров в Карибском море, где власти рады любому иностранцу с большими деньгами. Через несколько месяцев все его богатые знакомые в Рио-де-Жанейро получили приглашение в новый санаторий. В рекламной брошюре особое внимание обращалось на новый вид услуг, необычный для подобных заведений: психологическую терапию, которая включала решение семейных проблем и лечение от алкоголизма.

Санаторий сразу стал популярен. Каждую среду хозяин, мистер Борх, вынимал из своего холодильника два сосуда с красной и желтой жидкостью. Пациенты получали тщательно отмеренные дозы этой жидкости в маленьких, очень красивых хрустальных кубках. Борх называл жидкости "эликсиром" и отказывался говорить о них подробнее.

Воздействие эликсира было потрясающим. По словам Гиоргио: "Было чувство,

что Господь входит в твою душу, и в ней воцаряется мир. Смотришь на ближнего и чувствуешь, что любишь его. Сострадание – вы понимаете? А для супружеских пар это было просто чудо: все чувства, которые они испытывали друг к другу когда-то – понимаете? – возвращались, как будто, это был их первый день после свадьбы."

Мы с Шурой слушали, замерев от волнения. Тысяча вопросов скопилась у меня в голове, и я уже было открыла рот, как вдруг в первый раз заговорил доктор Хектор, и мы опять внимательно слушали, стараясь не пропустить ни слова.

– Однажды я очередной раз выразил мистеру Борху свое желание узнать состав эликсира. Он заявил, что я могу быть уверен в его чистоте и подлинности, поскольку он создан одним из величайших ученых современности, Александром Бородиным ((псевдоним Шульгина в книге)), и что больше мне ничего знать не требуется.

– О, господи, – вырвалось у меня, и я засмеялась.

– Я не знаю мистера Борха, и уж точно не снабжал его никакими препаратами!

– запротестовал Шура.

Гиоргио поспешил вмешаться:

– Не сомневаюсь. Мы с Хектором провели расследование и сами пришли к такому выводу, как только узнали о вас побольше."

Интересно, что он имел в виду под словом "расследование". Если то же, что и

мы: частные детективы и все такое прочее, то... лучше об этом не думать.

Один вопрос давно уже крутился в моей голове, и я решила поскорей задать его, пока разговор не принял более серьезный оборот. Я чуть приподнялась со стула и, глядя в глаза нашим собеседникам, сказала:

– Простите за любопытство, а сколько платили пациенты за это чудесное лекарство?

– Большинство пациентов платило двадцать пять тысяч долларов в неделю.

Мы с Шурой переглянулись.

– Ох! – только и смогла сказать я.

– Хорошенький бизнес! – закивал головой Шура.

– В последнюю неделю пребывания в санатории, – продолжал доктор Хектор, – мы

с Гиоргио смогли утаить небольшое количество эликсира и взять его образцы с собой. Здесь, в США, мы смогли узнать состав наших образцов. Они содержат вещество под названием МДМА.

– Ого! – воскликнула я. Шура только пробормотал что-то себе под нос. Гиоргио наклонился к столу и его дорогой пиджак чуть не затрещал по швам.

– Кстати, джентльмены, почему бы вам не снять пиджаки: здесь слишком жарко для официальностей.

Бразильцы заулыбались и последовали моему совету. Сеньор Гиоргио снова наклонился к столу, положив на него локти. Рукава его рубашки были перевязаны красными лентами. Он молитвенно сложил руки перед лицом, обдумывая следующую фразу. Мы с Шурой вежливо ждали. Доктор Хектор щурился на мягкий солнечный свет, предоставляя пока ведение переговоров своему другу.

И вот Гиоргио перешел к главной теме нашего разговора.

– Мы пришли к вам, доктор Шура, – медленно заговорил он, – потому, что по многим причинам не собираемся возвращаться в санаторий мистера Борха.

Мне было бы достаточно одной причины – двадцати пяти тысяч баксов в неделю.

Шура кивнул.

– Но мы – я и мои друзья, побывавшие в санатории – мы считаем, что это лекарство – этот эликсир, МДМА – представляет исключительную ценность.

Поэтому

мы хотим открыть в нашем родном Рио клинику, чтобы научить врачей применять его

на практике, вы понимаете?

Шура заерзал на стуле.

Мы хотим провести исследования в этой области, – продолжал Гиоргио, – и утвердить это лекарство как зарекомендовавший себя способ помочь людям преодолеть душевную боль, вы понимаете меня?

Пока он все говорит правильно.

– А у вас есть разрешение бразильского правительства? – спросил Шура.

– Мы работаем над этой проблемой, – вступил в разговор Хектор. – У нас есть

прямые выходы на президента, и сейчас это просто вопрос времени.

– Каков статус МДМА в Бразилии? – настаивал на своем Шура. Гиоргио посмотрел на доктора Хектора и ответил:

– В настоящий момент МДМА не упоминается в наших законах – таким образом,

это разрешенное вещество.

– Вы имеете в виду, не запрещенное? – улыбнулся Шура. Голубые глаза нашего

нового знакомого сощурились, и засмеялся:

– Да, похоже, вы правы. Но мы надеемся санкционировать использование этого

лекарства через применение его в нашей клинике. Что вы на это скажете?

Санкционировать? Ничего себе...

– Очень любопытно – осторожно отвечал Шура. После паузы он спросил:

– Извините, а чем я могу быть вам полезен?

– Мы бы хотели, – сказал Гиоргио, поглядывая на доктора Хектора, – мы бы хотели пригласить вас, и вашу супругу, конечно, приехать в Рио и встретиться с

нашими друзьями, а также выступить перед врачами и психиатрами с лекцией об этом

лекарстве и возможностях его использования. Еще мы хотели бы, чтобы вы изготовили для нас небольшое количество вещества, которое необходимо для успешного начала работы.

– Я с радостью воспользуюсь вашим предложением, – отвечал Шура учтиво и даже немного официально, – если вы сможете удостоверить меня в том, что я никоим

образом не нарушу законы Бразилии. Я должен быть в этом абсолютно уверен. Сейчас

в Соединенных Штатах МДМА не является запрещенным веществом, но у меня нет информации о соответствующем бразильском законодательстве. Как вы понимаете, я

не могу принять участие в действиях на территории чужой страны, которые вызывают

хоть малейшие сомнения в их законности.

– Совершенно верно! – заявил Гиоргио.

– Конечно-конечно, – подтвердил доктор Хектор – к вашему приезду мы подготовим копии статей бразильского законодательства, затрагивающих наш проект.

Но уже сейчас я могу уверить вас, что вы не нарушите никаких законов. Мы бы не посмели бы предложить вам такое. Вы великий человек, великий ученый, мы глубоко уважаем вас и вашу репутацию. Будьте уверены: все, что вы будете для нас делать, не выйдет за рамки закона.

И мы согласились лететь в Рио-де-Жанейро. Билеты на самолет мы получили по почте. Середина июня, компания "Пан-Американ", первый класс на первый отрезок пути и бизнес-класс на второй. Прилагались и обратные билеты на число двумя неделями позже: та же авиакомпания, тоже первый и бизнес класс.

- Дорогой, посмотри-ка: первый класс! Никогда не летала первым классом!

А ты?

-Я тоже, - отвечал "великий ученый". - И скорее всего, больше не полечу. Наверное, это интересно.

- Интересно? - завопила я. - Да это будет просто фантастика! - Я подбежала к нему и шумно поцеловала. Он, как всегда, сохранял невозмутимое спокойствие, глядя, как я протанцевала что-то типа боссановы мимо него и в сторону кухни...

Пятница. Рио-де-Жанейро, Бразилия, 22 часа.

"Я чувствую, скоро нам будет не до дневников, поэтому начну сейчас. Если судить по первому дню, мы будем очень плотно заняты: нас ждет громадное количество встреч с людьми, полными восторга и энтузиазма, прекрасная бразильская кухня, достопримечательности, и, может быть, мы даже займемся химией".

Полет был совсем не утомительным, если вообще дальний перелет может быть не утомительным. Мы летели первым классом из Сан-Франциско в Майами - первый раз в

жизни такой комфорт, до этого мы путешествовали, как простые люди. Громадное пространство для ног и отличное меню, совсем не как во втором классе. На завтрак мы заказали бифштекс с гарниром, свежие фрукты, булочки с кофе. Огромный выбор

вин и крепких напитков. К сладкому я попросила повторить заказ на спиртное.

Странно, что они предлагают алкоголь за завтраком. Наверное, многие пассажиры первого класса - люди, достигшие успеха в жизни - злоупотребляют алкоголем, так как им постоянно нужно снимать стресс. Авиакомпания, скорее всего, хочет, чтобы эти клиенты не стеснялись опохмеляться.

В Майами мы семь часов ждали следующего рейса, и все это время мы провели в роскошном номере гостиницы международного аэропорта - просто валялись на свежем белье под убавкивающий гул кондиционера. Вся дорога, включая гостиницу, была заранее оплачена нашими новыми бразильскими друзьями. Мы отдохнули, привели себя в порядок, усталость как рукой сняло.

Наш следующий билет был в клиппер-классе - так в авиакомпании "Пан Американ" называют бизнес-класс, нечто среднее между первым и вторым. Кстати, бизнес-классом мы до этого тоже никогда не летали. Опять можно было свободно вытянуть ноги, да и еда была не хуже. Тогда я еще свято верила в полную безопасность "Пан-Американ".

Наконец мы приземлились в Рио-де-Жанейро. Мы сразу же увидели, какое влияние имеют наши новые друзья: таможенных формальности для нас просто не существовали. Доктор Хектор встретил нас прямо у трапа и представил нам двух молодых людей, работников аэропорта. Один из них отлично владел английским, другой говорил только по-португальски. Пока я высматривала на движущейся ленте наши чемоданы, молодой человек, говоривший по-английски, по просьбе Шуры обучал его простым фразам на португальском, в то время как другой молодой человек взял наши паспорта и визы и исчез в неизвестном направлении (Шура позже признался, что в тот момент, когда наши документы неожиданно унесли, он очень заволновался). Через несколько минут джентльмен вернулся с уже оформленными документами.

- Так устраняются преграды на пути великих мира сего, - напыщенно произнесла я. - А также на пути их верных жен.

- Да, это гораздо лучше, чем стоять в очереди.

Когда появились наши чемоданы, нас проводили мимо длинной очереди к воротам, где висело объявление "Если вам не требуется декларировать содержимое багажа, нажмите зеленую кнопку" - что мы и сделали. На этом формальности закончились, и мы покинули аэропорт.

- Мы прямо как король и королева Калифорнии, - прошептала я Шуре. В общем, мы были приятно удивлены.

На улице нас ждали сеньор Гиоргио и его красавица жена Лена, которой он весьма гордился. Там же была жена Хектора, Рита - тоже очаровательная женщина.

В своем дневнике я писала: "Им явно за сорок, но выглядят обе значительно моложе: видимо над их внешностью постарались знаменитые бразильские хирурги-косметологи. Вскоре мы с удивлением обнаружили, что женщины здесь не скрывают этого. Наоборот, считается нормальным хвастаться своим хирургом, всегда самым лучшим и дорогим, у которого непременно три роскошные виллы в по крайней мере двух странах".

С первых секунд знакомства мы почувствовали в женах наших друзей искреннюю симпатию, без оценивающих взглядов и фальшивых улыбок, так обычных для женщин высшего света США. Не то чтобы нас не изучали: мы всегда изучаем новых людей, оцениваем их, сравниваем со старыми знакомыми - это обычно для любой страны и любых людей. Но было видно, что они прежде всего хотят, чтобы мы чувствовали себя как дома.

Мы сели в большую американскую машину Гиоргио и Лены и поехали на их виллу, где должны были остановиться. Вскоре я пожалела, что оставила в чемодане свой фотоаппарат: мы проезжали бедные районы - фавелы, где по крутым холмам карабкались лачуги бедняков. Красные, синие, зеленые домики с облупившейся краской торчали почти друг на друге. В Бразилии, в отличие от других стран, бедные живут на холмах, а богатые - в долинах.

Знаменитые холмы Рио-де-Жанейро представляют собой величественное зрелище: они круты, как китайские сопки, но гораздо массивнее; посередине возвышается гора Сахарная Голова с громадной круглой вершиной. Кажется, что эта каменная глыба с глубокими шрамами на склонах прорезалась из земных глубин.

Машина летела по морской набережной Рио, где тротуар выложен плитками так, что получается рисунок в виде волн. Я узнала ее по открыткам и фотографиям в журналах

Обращаясь ко мне, Лена сказала:

– Как красиво! Так жалко, что нельзя купаться.

Мы спросили, почему.

– Вода грязная. Видите ли, в фавелах нет канализации, и вся грязь, все отбросы стекают прямо в залив.

Шура сидел на переднем сиденье, и я не видела его лица, но я уверена, что мы подумали примерно одно: "Третий мир! Вместо того, чтобы построить канализацию в бедных кварталах, они разрешают сливать помой в залив и еще недовольны, что в нем нельзя купаться! Как будто от них ничего не зависит!"

Я вдруг почувствовала, что очень устала от долгого перелета и что мне нужно

внимательно следить за своими словами и интонациями.

Все недовольство – при себе.

Когда мы проезжали нищие кварталы, Гиоргио заметил, что демократия – это, конечно, прекрасно, но в Бразилии она не работает, и при военном режиме все жили лучше. (Впрочем, он добавил – возможно из вежливости, – что ему лично военное правительство совсем не нравилось). Незадолго до этого он сообщил, что инфляция в стране составляет один процент в день.

В принципе, такое отношение характерно для всех богатых жителей большого города, когда они говорят о бедных – это смесь озабоченности, негодования и некоего чувства вины. Гостям не следует поднимать эту тему – особенно в такой стране, как Бразилия, где почти отсутствует средний класс: есть либо очень богатые, либо очень бедные.

Проезжая вдоль побережья, мы видели роскошные гостиницы с ухоженными тропическими садами. Многие здания были облицованы мрамором, и почти все – расписаны граффитти, иногда до уровня третьего этажа. Вокруг них росли пальмы, инжир, другие фруктовые деревья, между гостиницами были разбиты роскошные цветники. Но, несмотря на роскошь, на всем лежала неуловимая печать тропиков. Казалось, стихия совсем рядом: если не ухаживать за этими садами недели две, поверхности покроются трещинами, через которые пробьется буйная растительность, все покроет толстый слой плесени и коричневой пыли. Это зловещее чувство возникало, скорее всего, из-за того, что небо было покрыто мрачными тучами, а может, мы просто не выспались.

В Бразилии зима. Температура воздуха – примерно плюс двадцать, и мы не скоро привыкли, что бразильцы постоянно извиняются по поводу холодной погоды.

То, что наш друг скромно называл летним домиком, предназначалось для Лены.

"Когда дом был построен, – рассказывал он, – жена вдруг решила, что хочет остаться в городе".

Лена взглянула на меня и украдкой улыбнулась. В снисходительном тоне Гиоргио было заметно легкое недовольство. Бразилия – страна, где все решают мужчины, и здесь, как всегда в патриархальном обществе, ведется скрытая борьба

за власть между супругами.

Из дальнейшего разговора мы выяснили, что дом они все-таки используют –

устраивают там приемы, так как в городских апартаментах недостаточно места. Дом располагался в одном из самых фешенебельных пригородов Рио, где строилось много новых вилл. При въезде на участки стоял шлагбаум, в будке возле него сидел сторож, и на дороге были устроены специальные бугорки – ограничители скорости, чтобы чужие машины не могли легко проехать через квартал. Хотя я вообще не заметила здесь машин.

Гиоргио рассказал нам историю из жизни этой резервации для богатых. Полгода назад здесь участились кражи. Воры обчищали дома один за другим, стоило отлучиться на пару дней – и из дома пропадало все ценное. Пострадал и сам Гиоргио. В результате оказалось, что в кражах был замешан сторож: он передавал сообщникам, какие дома оставались без присмотра; ночью появлялись воры и уносили вещи, не боясь быть обнаруженными. Дело в том, что сторож должен был знать, когда уезжают хозяева, чтобы охранять дома, пока в них нет прислуги.

Мы посмеялись. Шура спросил:

– Когда нанимали нового сторожа, изучили его досье?

– Его допрашивали так, словно он поступал на работу в Золотой фонд. Он святой – чуть не нимб над головой светится!

Мы долго смеялись. Машина подъехала к большому пятиэтажному дому (если считать этажом мансарду). Снаружи дом выглядел не особенно изысканно, зато внутри был отделан великолепно. Белые стены, богатая отделка, антикварная мебель

– я с трудом сдерживалась, чтобы не потрогать ее руками. На стене гостиной красовалась громадная африканская маска. Гиоргио сказал, что таким образом он проявляет уважение к своим негритянским предкам (как многие бразильцы, в особенности жители Рио, Гиоргио гордился, что в нем текла кровь представителей разных рас). В гостиной было много комнатных растений, длинные побеги вились по стенам. Здесь стоял длинный диван и несколько кресел.

На кухне мы познакомились с Курасон (по-португальски это значит "сердце").

Лена объяснила, что она будет стирать, готовить и убирать в доме. У Курасон были португальские, итальянские, африканские и индейские корни, но она четыре года прожила в Нью-Йорке, поэтому отлично говорила на английском. Пока мы жили в доме, она убирала наши постели, готовила нам превосходные блюда, варила крепкий бразильский кофе, и, кроме этого, выступала в роли переводчика: нам сложно было сразу понять некоторые вещи в этом незнакомом мире.

При этом она была на последних месяцах беременности.

Наша громадная спальня была на третьем этаже, в ней стояла роскошная мебель, после некоторых раздумий Шура определил, что это – французский модерн.

Кровать оказалась не слишком мягкой – ровно, как любит Шура. За большим окном открывался очаровательный вид: аллея, за которой красная черепица соседних домов, в садах росли пальмы и цвели мимозы.

Мы поспали часа два, поднялись и оделись к первому официальному событию нашего пребывания в Бразилии – мы должны были встретиться с "семьей". Именно так

называли себя люди, употреблявшие МДМА раз в неделю, а некоторые даже и вообще раз в месяц. Гиоргио сказал, что обычно для совместного употребления МДМА собирается около десяти человек, и что сегодняшняя встреча, где присутствует 35

человек – редкое исключение в честь нашего визита. Люди собрались, чтобы задать нам вопросы, получить ответы и просто отметить наш приезд.

На мне было свободное белое платье с кружевами, очень удобное и сравнительно изящное. Шура к тому моменту уже выяснил, что в Бразилии галстук носят только на службе или при официальных встречах, поэтому на нем была обычная рубашка, без костюма.

Первый урок – совсем другая манера приветствия. Женщины обычно на французский манер целуют тебя в щеки, сначала в левую, потом в правую, а мужчины либо жмут друг другу руку, либо хлопают друг друга по плечу. Некоторые гости постарались ограничиться обычным американским рукопожатием, но вскоре я привыкла сразу подставлять щеку для поцелуя. (К вечеру мы перецеловались и переобнимались с невероятным количеством людей, я думаю, за всю жизнь мы не целовались столько раз подряд).

Среди гостей – в тот вечер и на следующий день: сеньор Драгго (единственный член "семьи", которого называли по фамилии), на его лице были шрамы после теракта в другой латиноамериканской стране. Несколько лет назад коммунисты или ЦРУ (я не помню, кто специализируется на убийстве латиноамериканских диктаторов) спутали его лимузин с лимузином президента. Он единственный остался в живых – все остальные пассажиры лимузина погибли. Нам сообщили, что сеньор Драгго занимается импортом, специализируясь на торговле с Китаем, кроме того, он владеет четырьмя небольшими компаниями внутри Бразилии.

Сеньор Лео – милый толстяк, его лицо мне сразу понравилось – человек с чувством юмора и немного меланхоличный. Тоже занимается торговлей, знает английский, французский, арабский, испанский и португальский.

Его жена Анита – еще одна красавица, с прической, которую, как мне кажется, в недалеком прошлом любили парижанки.

Пьер и Элен – соседи по поселку (они приезжали сюда на выходные). С ними была их дочь Делия и ее муж Томас. Они были французы, Пьер владел несколькими магазинами в Сан-Пауло.

Сеньор Вальдо, массажист. На следующий день он давал сеансы массажа в гостиной на втором этаже, но я не уверена, принадлежал ли он лично к "тайному обществу". По крайней мере, он вряд ли мог позволить себе принимать МДМА часто – постепенно мы поняли, что наши хозяева берут деньги с гостей, приехавших специально за МДМА. Цена не разглашалась, да мы и не спрашивали, но судя по тому, что они скорее всего покупали препарат у небезызвестного Борха, она была довольно высокой.

Сеньор Вальдо был очень милый, мягкий человек, к сожалению он не говорил по-английски, поэтому мне пришлось очень долго жестиковать, когда я пыталась выразить восхищение ароматом массажного масла, которое он использует. На

следующий день он принес мне в подарок целую упаковку этого масла, а также много лекарственных растений, в том числе гуарану, которая очень заинтересовала Шуру – оказывается, это сильный стимулятор.

Доктор Роберто – специалист по пластической хирургии. Красивый, высокий, очень привлекательный человек, очень умный и себе на уме. В первый вечер он задал несколько очень интересных и неожиданных вопросов. Наверняка, один из самых преуспевающих хирургов в стране.

Марина – молодая красавица-брюнетка, полная энергии, любви, спонтанности – взрослый ребенок. Она была любовницей доктора Роберто и матерью его младшей дочки Кати. С дочкой мы познакомились через несколько дней, и она была тоже очень красивая. У Роберто была жена (мы впервые увидим ее на дне рождения в среду) и два взрослых сына, старший уже помогал отцу в клинике. Любовница входила в "семью", жена – нет. Марина училась живописи.

(Всю эту информацию нам с нескрываемым удовольствием поведали Гиоргио и Лена, когда гости разошлись).

Большинство имен мы так и не запомнили – на встрече царил дружелюбная неразбериха. Была одна полная мулатка с короткой стрижкой – ее хобби были специальные виды фотографии. Она показывала некоторые свои потрясающие снимки, сделанные до и после приема МДМА. На снимках "ауры" – теплового поля человека, было видно, что после приема препарата сияние увеличивается. Собравшиеся шумно приветствовали появление фотографий.

Был один мультимиллионер – владелец состояния в 120 миллионов долларов. Похож на какого-то латиноамериканского актера – сдержанный, вежливый и любезный.

Его зовут Карлос – имя миллионера трудно не запомнить.

Еще один хирург – одет во все белое, с ним – его жена. Очень молодой, простодушный и симпатичный.

И многие-многие другие, чьих имен мы не записали, а зря – на следующий день мы не могли вспомнить, как кого зовут.

Все собрание было посвящено нашему приезду, и весь вечер мы сидели в центре плотного круга слушателей и отвечали на вопросы. Каждый гость по очереди называл свое имя, профессию и рассказывал, как он начал употреблять МДМА, и какие положительные последствия это имело. После подобного знакомства мы перешли к вопросам и дискуссиям, Хектор и Гиоргио переводили по мере необходимости. Все собравшиеся с большой охотой, и даже нетерпением рассказывали о том, как им удалось при помощи МДМА решить свои внутренние проблемы, разобраться в себе.

Большинство присутствующих первый раз попробовали МДМА в заведении мистера Борха, другие – пришли в "семью" по приглашению своих друзей. Хотя все гости давно разорвали отношения с Борхом, до сих пор чувствовалось, что его имя упоминается с большим уважением.

Видимо, мистер Борх обладал очень сильной харизмой и даром убеждения, даже наши хозяева, отзывавшиеся о нем скептически, все еще не избавились от некоего страха перед его личностью. Они очень много своей личной воли отдали мистеру Борху, и не до конца освободились от этой зависимости.

Нас все еще очень раздражало то, что этот проходимец использовал Шурино имя

для рекламы своего заведения, и мы даже хотели привлечь его за это к ответу, но потом решили, что это бесполезно. Шура заметил, что его именем спекулировало такое большое количество подобных авантюристов, что ему даже не хочется иметь полную информацию о таких случаях. Вряд ли физически возможно привлечь к ответственности всю эту кучу народа. Придется просто не обращать внимания.

Я согласилась.

На всякий случай Шура предостерег меня от слишком категоричных суждений по поводу человека, к которому эти наивные бразильские богачи все еще питали подобие уважения. Нельзя судить человека, которого мы не разу не видели, и, надеюсь, ни разу не увидим.

В этот вечер Шура больше всего поразил аудиторию (после его слов установилась гробовая тишина), когда сообщил, что стоимость одной дозы МДМА – 125 миллиграмм в данном случае – составляет один доллар. Эту информацию все восприняли с большим воодушевлением.

Разговор продолжался несколько часов, причем велся он сразу на нескольких языках. Мы старались вспомнить все свои знания иностранных языков – Шура говорил по-французски, а я по-испански. Большинство гостей говорили и на том и на другом, помимо своего родного португальского.

Задавались обычные для подобных встреч вопросы: от "Не вредит ли прием препарата нервной системе?", до "Почему первый опыт – самый сильный, и впечатления от него никогда не повторяются?"

На первый вопрос Шура ответил: "Обычная терапевтическая дозировка – между 100 и 150 миллиграмм, с дополнительными 40 или 50 грамм через некоторое время – не причиняет никакого вреда здоровью пациента, У некоторых лабораторных животных, при очень высоких дозах препарата – которые никто никогда не предлагал человеку – возникали нарушения жизнедеятельности, но у других животных те же дозы не вызывали никаких нарушений".

По поводу второго вопроса Шура сказал: "Я не знаю, почему самые запоминающиеся впечатления остаются именно от первого приема, могу только заметить, что очень многие пациенты, принимавшие препарат, подтверждают это наблюдение".

Один из гостей, которого Лена представила нам, как известного психиатра, человек среднего возраста с милым лицом и пронизательным взглядом, подошел ко мне в конце встречи и сделал лучший из всех комплементов, сказав, что я очень "sympatico" – это мое любимое слово во многих языках. Особенно, если так называют меня. В английском нет точного эквивалента этому слову, примерное значение – "милый", "добрый", "приятный" и т.п.

Вскоре встречу пришлось заканчивать из-за позднего времени. Мы еще раз прошли через церемонию поцелуев, обниманий, слов благодарности и всего прочего.

Начиналась неделя, которую я позже охарактеризовала, как "неделю постоянных улыбок".

Суббота.

День, полностью посвященный МДМА. Люди, которых мы видели вчера, плюс те, кто не смог прийти. Примерно тридцать пять человек. Хозяева попросили на присутствовать на сеансе приема "лекарства", впервые таком многочисленном по количеству собравшихся. Обычно "семья" собиралась группами по восемь-десять

человек. Позже мы узнали, что некоторые волновались по поводу такого эксперимента, но расслабились к началу сеанса. Нам МДМА не предлагалось, мы должны были просто проследить, правильно ли осуществляется прием препарата, не надо ли как-либо изменить процедуру. Честно говоря, мы очень обрадовались этому, поскольку ни при каких обстоятельствах не хотели принимать какой-либо препарат в этом доме. (В принципе мы никогда не принимали участие в подобной групповой терапии, если не были очень близко знакомы с каждым ее участником).

Примерно полчаса всеобщего общения, громкого смеха и активных жестикуляций кончилось тем, что все расселись в кресла и сеанс начался. Вначале каждый получил по дозе в 75 миллиграмм МДМА. После этого милая полная мулатка нежным певучим голосом провела некое подобие медитации. Через примерно полчаса последовала еще одна доза - 50 миллиграмм. Люди тихо разговаривали, либо сидели в одиночестве - все очень похоже на наши исследовательские группы. Мы с Шурой в это время были заняты ответами на вопросы. Как часто случается при приеме МДМА люди пытались делиться с нами своими личными секретами. Все это на четырех языках.

Что ж, старость - не радость, но все таки в этом возрасте попадаешь иногда в приятные ситуации, невозможные в молодости. Здесь к нам относятся, как к неоспоримым авторитетам, у которых надо спрашивать совета, здесь считают, что мы знаем гораздо больше, чем кто-либо другой, что мы можем решить любые проблемы. Мы - мудрецы, и кроме того иностранцы, поэтому отношение к нам - наилучшее. Голова идет кругом.

Со мной разговаривал молодой человек, рассказавший, что он ужасно страдал от пристрастия к алкоголю, и что МДМА помогло ему бросить вредную привычку. (Позднее я разговаривала с его родителями, и они подтвердили эту историю).

На улице стояла плохая погода, небо было закрыто плотной пеленой облаков. Кто-то упомянул, что сегодня был какой-то большой бразильский праздник - день какого-то святого, поэтому за окном весь день были видны и слышны фейерверки.

Гости разошлись довольно рано, после того, как все желающие поделились с нами своими соображениями и впечатлениями, спросили у нас совета по поводу решения личных проблем или просто поблагодарили нас за то, что мы откликнулись на просьбу приехать. Опять поцелуй и объятия, и мы прощаемся до завтра.

Вечером мы с нашими гостеприимными хозяевами съездили на побережье: ходили по мягкому песку, собирали маленькие ракушки, наблюдали за рыбаками, сидевшими на высоких стульях прямо в воде - рядом с каждым горел фонарик. Когда совсем стемнело, мы первый раз увидели созвездие Южного Креста. Мы долго стояли обнявшись и любовались красотой незнакомых созвездий.

Мы вернулись в дом и занялись своими делами: Шура что-то писал, запершись в маленькой недостроенной обсерватории наверху здания, а я распаковывала наши чемоданы.

Через некоторое время наше уединение было нарушено приездом доктора

Хектора. Здесь принято приезжать без предупреждения, и мы послушно спустились в

гостиную, услышав голос Гиоргио: "Скорей сюда, Хектор привез важные новости!"

К этому моменту было известно, что изготовление МДМА будет проводиться в двух разных лабораториях из-за того, что первоначальный план - воспользоваться

химической лабораторией университета провалился - университет в данное время бастовал. Приходилось учитывать тонкую политику "семьи", которая хотела, чтобы

каждому, кто будет участвовать в синтезе было известно строго определенное количество информации. Видимо, часть МДМА предназначалась для клиники, а часть -

для закрытого клуба. Шуру очень беспокоило, что придется проводить синтез в два

этапа в двух разных местах - в одной лаборатории было бы гораздо удобнее.

Но прежде всего Шуру интересовала законность будущей операции. Он напомнил

мне об этом по пути в гостиную. Доктор Хектор был тем человеком, кто должен был

разъяснить этот вопрос.

После традиционных шумных приветствий мы расселись в кресла. На прямой вопрос Шуры, Хектор, улыбаясь, ответил, что после долгих консультаций в правительстве он полностью уверен в том, что изготовление МДМА, особенно в целях

применения в клинике - полностью соответствует бразильскому законодательству. Он

добавил, что через несколько дней будет получено официальное разрешение от соответствующих властей, но это уже пустая формальность.

Шура с облегчением вздохнул и поблагодарил Хектора за то, что он прояснил

самый главный для нас вопрос. Теперь были сняты последние барьеры на пути изготовления партии МДМА для нужд "семьи" и будущей клиники.

Через открытую дверь в гостиную дул легкий вечерний бриз, и я наконец почувствовала облегчение - до этого в комнате было душно.

Доктор Хектор, выглядел совсем маленьким на фоне громадного дивана. Он сказал:

- Мы решили воспользоваться лабораторией доктора Роберто в его клинике в городе Нитерой. Вам понравится - отличное место.

Шура довольно закивал, обрадованный, что скоро может быть можно будет перейти от теории к практике. Как он сказал мне ранее: "Отлично, когда тебя так

уважают, спрашивают твоего совета и все такое, но если на самом деле удастся произвести МДМА для клинических исследований, если после этого начнутся научные

публикации - тогда я счастлив участвовать в проекте".

Хектор продолжал: "Вам будет ассистировать доктор Сол - он отлично говорит

по-английски. Он привезет все необходимое оборудование и реактивы, и постарается

перенять ваш опыт".

- А где доктор Сол работает?

- Он главный специалист одной большой фармацевтической компании - очень умный, очень "sympatico".

- Отлично, я с нетерпением жду начала работы.

Лена принесла графин с чаем со льдом и стаканы.

Разговор зашел о будущей клинике, и Шура рассказал нашим друзьям, что он

привез с собой достаточное для первого раза количество 2С-В, так что они могут попробовать. Я стала объяснять на примерах из собственной врачебной практики, какую ценность может иметь 2С-В для психиатрии.

Я отметила, что одно из главных достоинств 2С-В – недолгое действие, и что с помощью этого вещества можно было бы помочь огромному количеству пациентов. "Видите ли, МДМА на самом деле не психоделик – оно просто открывает те части души, которые обычно закрыты."

Я сделала паузу и, видя, что слушатели с интересом внимают моим словам, продолжила: "– оно позволяет избавиться от страха заглянуть в себя, найти в себе нечто неприятное. Поэтому его можно с успехом использовать при самоанализе. 2С-В

– настоящий психоделик и открывает гораздо более широкие возможности. Я бы выразилась так: МДМА освобождает разум и сердце, 2С-В освобождает, как говорится, нутро – сильные эмоции, большие психические энергии, подсознательные образы – архетипы. По-моему перед первым употреблением 2С-В пациент должен пройти по крайней мере полугодичный курс интенсивной терапии с использованием МДМА".

Интересно, какую часть сказанного поняли мои собеседники, для который английский – неродной язык. Нужно постараться говорить простыми словами.

Мою речь прервал страшный грохот фейерверка совсем рядом с домом, и я вспомнила, что сегодня был большой праздник. Мы проследовали на балкон, чтобы насладиться зрелищем салюта, который устраивали соседи через два дома от нашего

– там весь вечер шумела большая вечеринка с шашлыком.

Это были не обычные скромные американские фейерверки – в воздух взлетали громадные столпы огня, при этом от взрывов закладывало уши. Часть горящих обломков салюта упала на густые кроны деревьев и продолжала гореть там. Мы серьезно заволновались за пожарную безопасность этих забав. Курасон, которая тоже вышла на балкон, заметила, что если часть кроны обгорит, новые побери скроют следы пожара через пару дней. (На следующий день мы и вправду не обнаружили никаких следов огня).

Лена обратила наше внимание на воздушные шары в небе – к каждому была привязана корзинка, в которой стояла зажженная свечка: "Снизу они будут казаться маленькими звездами".

И устроят милые пожарчики там, где приземлятся.

Шура недоверчиво спросил, видимо, не до конца поверив: "Но ведь это опасно

– а если шар приземлится на крышу дома или в сухом лесу?

Гиоргио засмеялся: "Конечно это опасно. Каждый год – пожары. Но не отказываться же из-за этого от такой красивой традиции."

Я почувствовала, что бразильцы очень удивились нашему вопросу.

Наконец, заключив, что большого пожара скорее всего не будет, мы пожелали друг другу спокойной ночи и отправились спать.

Воскресенье.

Я записала в дневнике: "На улице утром было градусов 25, становится жарко.

Все, что удалось запомнить из снов – беспокойство и неприятные эмоции: видимо на

подсознательном уровне меня тревожит не вполне понятное положение, в котором мы оказались, к тому же негативный эффект имеют попытки общения на незнакомых языках и постоянный страх нарушить этикет."

Мы завтракали вместе с нашими хозяевами, к завтраку предлагалось огромное блюдо с разными фруктами: ананасом, манго, папайя, апельсины (здесь их несколько видов, а бананов – аж десять сортов). Я где-то читала, что в Бразилии фрукты подают только на завтрак – оказалось, что их тут едят в любое время. На столе было три разных сорта хлеба и очень вкусный сыр. Курасон приготовила яичницу с ветчиной. Все это запивалось очень крепким бразильским кофе, к которому очень быстро привыкаешь, обычно здесь его пьют с большим количеством сахара.

Этот день был посвящен осмотру достопримечательностей. Лена волновалась, что на вершине горы Сахарная Голова будет слишком много туристов, но Гиоргио решил, что мы все равно отправимся туда. (И правильно сделал – на следующий день пошел дождь, который не прекращался три дня).

Гиоргио припарковал машину на стоянке у билетного центра, где начинался фуникулер, заплатив за парковку, он поднял дворники у машины – знак, что стоянка оплачена.

Мы сели в прозрачную гондолу, которая доставила нас на гору Урка, где мы должны были пересест в другую гондолу. Непонятным образом мы с Шурой умудрились решить, что мы уже прибыли к цели назначения – один из случаев милого непонимания. Мы остановились, чтобы сфотографировать друг друга на фоне прекрасного вида. Рядом с нами играл небольшой оркестрик, все музыканты были одеты в сумасшедшие костюмы героев Диснея – огромные мыши и все такое прочее. Шура охарактеризовал их музыку, как "полное безобразие": "Похоже на школьный ансамбль до того, как детям объяснили в какой конец инструмента надо дуть". Вскоре мы услышали, что Гиоргио зовет нас к себе, чтобы объяснить, что мы еще только на полпути. Ошибочка. Мы прошли к началу следующей канатной дороги, по тропинке, представлявшей собой самую изощренную ловушку для туристов – на каждом шагу были лотки с сувенирами, здесь продавали все: от маленьких флажков, до видеокассет.

Когда мы наконец оказались на вершине горы Сахарная Голова, перед нами открылся вид, другого которого в мире не найти. Более великолепного залива не возможно представить. Недаром он получил такую славу. Мы молча стояли, пораженные величественным видом, пытаюсь переварить поток впечатлений, рядом стояли другие туристы, тоже открыв рты. Гиоргио и Лена радостно наблюдали, как мы восхищенно охали и ахали, показывали пальцем в даль.

Мы вернулись в город и зашли пообедать в ресторан "Поршо" – так называется целая сеть ресторанов, славящаяся большим шведским столом с разнообразными салатами и гарнирами. Официанты приносят вертела с разными видами мяса, например курица в ветчине, ростбиф, сосиски, причем они будут приносить новые порции, пока ты не наешься.

За обедом к нам присоединились Хектор и его красавица-жена Рита. Мы все ели, ели и ели. Первые впечатления от бразильской кухни – полный восторг. Все богатые бразильцы большие гурманы, по крайней мере те, кого мы знали лично.

Из ресторана мы отправились в единственное открытое в воскресенье торговое

заведение – громадное скопище киосков, палаток и лотков – рынок в центральном парке. Здесь его называли "хипповый рынок". Там я нашла все те сувениры, которые

мне хотелось привести из Рио, включая глиняную индейскую трубку, украшенную кусочками меха и зубами ягуара.

Мы вернулись домой, чтобы подготовиться к вечернему походу в театр. Мы переоделись – Шура, конечно же, не надел галстука, и поехали в центральный театр

"Скала". На этот раз нас везли Делия и Томас – дочь и зять соседей по дачному поселку. Делия владела французским, ее муж – только португальским, поэтому мы с

Шурой перешли на французский, я иногда вставляла слово на испанском, если не знала его по-французски.

Делия выступала в роли переводчика для Томаса. Он задавал много вопросов о

психоделических грибах – дело в том, что он пробовал их, и они ему очень понравились. Больше всего его интересовало, как различать их среди других грибов, поэтому Шура провел целую лекцию на тему похожих ядовитых грибов, а также побочных эффектов, лекция оказалось немного скомканной, так как Шуре пришлось объясняться по-французски.

Оказалось, что в громадном роскошном театре нам зарезервированы места у самой сцены. Рядом с нами расположились члены "семьи", Шура был очень рад, когда

ему представили его будущего ассистента и ученика доктора Сола.

Сеньор Лео купил нам программку, и позже настоял на том, чтобы оплатить фотографию, снятую местным фотографом. У нас не было с собой бразильских денег,

так как так и не представился случай обменять их в банке. Теперь, по словам Гиоргио, нам придется ждать до понедельника, когда банки откроются. А пока он дал нам понять, что если мы что-то захотим, это сразу будет оплачено. У нас не

было другого выбора, как согласиться с предложением, но мы обещали друг другу,

что найдем способ вернуть деньги.

Блестящий занавес раздвинулся, и началось представление "Золотая Бразилия".

Музыкальное сопровождение было очень громким, , костюмы танцовщиц были усыпаны

громадным количеством блесток, на каждом лице – широкая искусственная улыбка. Конферансье был весь в белом с накрашенным лицом, словно только что из кабаре Лас-Вегаса. Его зубы сверкали при каждой улыбке. Костюмы в стиле Зигфилд Фоллис,

сложные прически и перья всюду – даже на плечах у конферансье. Большинство танцовщиц выступали с обнаженным верхом. Под полупрозрачными сатиновыми штанами

танцоров было заметно, что на них нет нижнего белья. Мне показалось, что по степени обнаженности можно было определить статус артиста. Главная певица Клаудия была полностью одета с большим количеством блесток и перьев на одежде.

Очень красивые девушки, лет 18-20, некоторым явно нравилось выступать. Но

большинство выглядело, как выглядят все профессиональные танцовщицы: губы сжаты

в заученную улыбку, Некоторые были явно под воздействием препаратов. Но танцевали все превосходно.

Костюмы подчеркивали то же, что подчеркивают бикини на пляже в Рио –

ягодицы. Я видела много открыток с полуголыми купальщицами – ни одна из них не показывала девушек спереди. Ягодицы были основной темой представления. Здесь эту часть женского тела называют "бум-бум".

Очевидная тенденция, наблюдавшееся и на сцене – здесь явно гордятся смешением разных рас, стараются привлечь к нему внимание. Это очень приятно, и США есть чему поучиться в этом плане. Многие бразильцы с гордостью рассказывают о своем негритянском или индейском происхождении, а на сцене все самые активные "шалуны" – преследователи девушек были неграми. А основной и самой популярной танцевальной группой были мулаты.

Мулаты танцевали настоящую самбу. Это очень сложный для исполнения танец, требующий особой гибкости суставов и невероятную скорость ног. Все это было у мулатов – один из лучших номеров представления.

Потом выступал бородастый танцор, изображавший гаучо – оказывается они есть не только в Аргентине, но и в Бразилии. Он танцевал, крутя два маленьких деревянных шарика на длинной нитке так, что шаров не было видно, и они отстукивали сумасшедший ритм, ударяясь об пол. Великолепное зрелище.

Пышное и шумное представление с потоками блесков и атмосферой Лас-Вегаса напомнили мне о сложившемся у меня первом впечатлении от Бразилии, по крайней мере от Рио. Мне показалось, что бурная активность постоянных праздников – попытка скрыть беспокойство и растущее недовольство по поводу ухудшающейся политической и экономической ситуации. небоскребы с элитными квартирами возвышаются над громадными нищими кварталами, где бедняки живут в невыносимых условиях: без водопровода, канализации, где денег хватает только на то, чтобы дети не умерли бы с голоду. Конечно, инфляция в стране не настолько высока, как в соседней Аргентине, но все-таки очевидны признаки скорого наступления кризиса.

По словам Курасон, многим рабочим задерживают зарплату. Год назад яйца стоили десять центов за десяток, сейчас они в десять раз дороже. Часто бывает, что у рабочего нет денег, чтобы доехать на автобусе до своей работы.

И неизбежно все это порождает отчаяние. Люди перестают работать, потому что даже если ты работаешь сразу в трех местах, ты не можешь угнаться за темпами инфляции. В результате растет число преступлений, квартирных краж.

Доктор Сол, которому предстояло ассистировать Шуру, оказался очень приятным молодым человеком, бойким, образованным, немного американизированным. Дело в том, что он четыре года проучился в США. Когда представление закончилось, он предложил нам поехать домой в его машине, этим вечером он был приглашен к Гиоргио в качестве гостя. Мы с удовольствием согласились.

От него мы услышали новое мнение по поводу планов производства МДМА и создания клиники.

Шура начал разговор тем, что выразил свою радость по поводу того, что доктор Сол будет принимать участие в проекте: "Мне рассказывали, что вы опытный химик, поэтому я жду не дожусь, когда мы с вами сможем приступить к работе в клинике сеньора Роберто".

Сол широко улыбнулся, но сразу перешел на серьезный тон: "Я надеюсь, что вас предупредили, что мое участие должно держаться в секрете, чтобы в моей

компании ни в коем случае не узнали об этом".

Шура кивнул, хотя на самом деле ни он, ни я совершенно не поняли, о чем идет речь.

Установилась неловкая тишина, и я решила разрядить сложившуюся ситуацию, задав прямой вопрос: "А почему вашей компании не понравилось бы ваше участие в проекте?"

Его ответ был немного уклончивым, видно было, что он искал подходящие слова, может быть, стараясь не обидеть нас: "Компания, в которой я работаю принадлежит американцам, и некоторые из них... как бы сказать... консервативны в своих взглядах, им может не понравиться, что я участвую в исследованиях за пределами фирмы." После недолгой паузы Сол продолжал: "К тому же официальный статус MDMA в нашей стране не ясен. Обычно мы придерживаемся в таких вопросах рекомендации развитых стран, если, конечно, правительство не решит, что препарат может представлять пользу для людей."

Ага, значит, еще не известно, можно ли на законных основаниях производить в Бразилии партию MDMA. Может быть Гиоргио и компания чересчур оптимистичны, и все на самом деле гораздо сложнее, чем им хочется думать.

Шура заерзал на переднем сидении и попытался подвести итог: "Вы имеете в виду, что никто не знает, можно ли, не нарушив закон, произвести и применять препарат в клинике?"

- Насколько я понимаю, в данный момент врачам необходимо предоставить правительству информацию о пользе препарата, испытав его, например, на больных СПИДом или другими неизлечимыми болезнями. После этого будет получено разрешение на производство и внедрение в врачебную практику. До этого - совершенно неясная ситуация.

- А кто-нибудь занимается осуществлением данного плана, кто-либо работает с правительством? Или мы слышим только планы и намерения?

За поворотом показались очертания въезда на знакомые участки. В свете фар я неожиданно увидела громадное дерево, усыпанное белыми цветами.

Тропики. Настоящие тропики. Все растет не по дням, а по часам, природа настолько обильна и разнообразна - голова кружится от ее богатства.

Доктор Сол сбавил скорость до минимальной внутри поселка, и отвечал на вопрос: "И да и нет. У доктора Хектора есть очень влиятельный друг, и скоро он

будет разговаривать с людьми в правительстве о планах создания клиники. Мне кажется логичным то, что мы можем сейчас приступить к синтезу вещества для клиники, пока вы в Бразилии и можете передать нам свой опыт".

Я заметила, что Шура облегченно вздохнул.

Нам надо верить этим людям. В конце концов наши новые друзья достаточно влиятельны для того, чтобы выйти на нужных людей в правительстве, если они говорят, что все в порядке, мы должны расслабиться и положиться на них.

Дома нас уже ждали доктор Хектор и наши хозяйки. Лена принесла чай со льдом и вино, разговор сначала зашел о впечатлениях от представления. Когда смех утих

Гиоргио встал и очень серьезным тоном произнес: "Господа, у меня есть важная информация о мистере Борхе, которой я хотел бы с вами поделиться".

Все сразу замолчали, так что я могла слышать, как шелестят листочками комнатные растения

Надеюсь это показатель хоть какого-нибудь движения воздуха - в гостиной очень душно.

"Я хотел бы сообщить вам при каких обстоятельствах мистер Борх вынужден был покинуть США. Я только что получил соответствующее донесение частного детектива"

- Гиоргио обвел нас многозначительным взглядом.

Он явно склонен к драматизму.

"Вышеупомянутый мистер Борх подозревается в присвоении капиталов одной крупной чикагской инвестиционной компании, и полиция до сих пор очень хочет допросить его по этому поводу".

Слава Богу! Теперь у наших друзей не останется иллюзий по поводу этого очаровательного мошенника.

Лена закрыла лицо руками, сообщение ее сильно потрясло, она прошептала что-то по-португальски, видимо: "О, Господи!" Доктор Сол задумчиво кивал головой, а мы с Шурой всячески старались скрыть радость по поводу такого оборота

событий. (Мы позже признались друг другу, что до этого момента испытывали неловкость каждый раз, когда речь заходила о мистере Борхе).

В конце разговора о деяниях чикагского беглеца Хектор выдал фразу дня, по крайней мере для нас с Шурой. Обращаясь к Гиоргио, он сказал: "Ты помнишь, как Борх рассказывал нам, что весь эликсир, использующийся в санатории был

приготовлен доктором Бородиным? Я еще тогда сказал, что хочу найти этого Бородина, и задать ему пару вопросов. Ты помнишь, как он заявил, что Бородин

- Папа римский в данной области знаний, и что нам не стоит даже пытаться идти на контакт с этим великим человеком - только сам Борх имел доступ к святым святым".

Шура заулыбался, а я расхохоталась, схватившись за живот, чуть не сползая с кресла - в этот момент можно было позволить себе такое поведение.

- Он сказал "Папа римский"?

- Да-да, клянусь вам.

- Мне нравится эта идея - быть женой Папы римского! - Смогла выдавить я. На этой веселой ноте мы пожелали друг другу спокойной ночи.

Понедельник.

В Рио-де-Жанейро шел дождь. Мы остались дома одни с Курасон, наши хозяйка уехали в город. За завтраком Курасон подробно рассказала нам о политической ситуации в стране, как она ее понимала. В том числе она дала оценку всем президентам - нынешний оказался среди худших. Мы узнали о достоинствах одного молодого кандидата на пост президента на ноябрьских выборах, о том, что его мать-идиотка недавно выступала по телевидению и наговорила кучу гадостей о неграх, индейцах и бедняках. "Но я не думаю, что это повредит его предвыборной кампании - люди понимают, что ты не можешь отвечать за своих родственников".

Курасон считала, что предыдущие бразильские президенты, которые погибали при несчастных случаях или совершали самоубийство, на самом деле были убиты (очень похоже на правду). Она рассказала о "больших людях", которые на самом

деле правят страной, концентрируя в своих руках громадные капиталы, при этом они не хотят ничего сделать для народа. Оказалось, что работодатели платят рабочим зарплату (если вообще платят) строго в конце месяца, чтобы успеть прокрутить эти деньги в банке. Коррупция пронизывает все слои общества.

Курасон рассказывала о своих прошлых хозяевах – семье Драгго (это тот человек с шрамами на лице). По ее словам это были отличные люди, не "задаваки".

Она также предупредила нас по поводу покупок в городе: "Сначала смотрите на ценник, потом спрашивайте продавца – иначе, как только они увидят, что вы заинтересовались, цена подскочит в два раза.

Значит, они могут легко угадать в нас иностранцев.

Курасон унесла тарелки, налила нам по второй чашке кофе и продолжала: "Жак

Кусто снял документальный фильм об уничтожении амазонских лесов – теперь он у нас стал национальным героем"

Мы с Шурой переглянулись и, кивнув головами, попросили рассказать об этом поподробнее – нас очень волновала проблема тропических лесов.

По словам Курасон, Кусто смог наглядно показать, что цивилизация, насаждаемая в тропиках, убивает древнюю культуру индейских племен. При этом, Курасон считала, что главные виновники не бразильское правительство, а "испанцы". Она имела в виду – испано-говорящие бизнесмены из других стран Латинской Америки, которые хотят нажиться на бразильской природе. Она не знала,

что основной вред природе приносят сами бразильцы и их правительство. Ей казалось, что бедное правительство просто не в силах бороться с проблемой.

По-моему это единственный раз, когда мы про себя не согласились с точкой зрения Курасон. – в остальном мы доверяли ее оценке ситуации гораздо больше, чем

словам наших богатых друзей. От них мы уже слышали, что основная причина бедности и безработицы то, что народ в Бразилии ленивый. Ни разу при нас они не заводили разговор об угрозе, которая нависла над уникальными зелеными легкими планеты.

После завтрака мы провели некоторое время в обсерватории наверху, записывая наши впечатления, потом оба вдруг захотели спать (видимо таким образом организм привыкал к тропической влажности). Мы вернулись в спальню, валялись на кровати, любясь видом из окна – дождь сделал краски за окном ярче. Мы подремали немного.

Днем Курасон приготовила нам роскошное суфле, которое мне очень понравилось – я всегда мечтала научиться так готовить.

На вечер была назначена встреча с важными людьми, в том числе с известными докторами и психиатрами, где мы оба должны были отвечать на вопросы о психоделиках и возможном использовании МДМА в медицинской практике. Доктор Хектор выступал в роли переводчика. Шура решил надеть белую рубашку с галстуком

– я согласилась, даже для Рио-де-Жанейро, где не любят формальностей, это вид, подобающий встрече с научной аудиторией.

Элен и Пьер отвезли нас в отель "Мирамар", где должна была состояться встреча. В машине мы говорили по-французски, вернее Шура говорил, а я только иногда вставляла пару слов, чтобы поддерживать разговор.

Нас проводили в большую комнату в пентхаусе отеля, там я смогла наконец найти стакан воды со льдом. Нас встречали люди, собравшиеся на презентацию. Приветствия заняли минут пятнадцать, хотя и носили более официальный характер

– мужчины ограничивались рукопожатием, в то время как женщины, все равно предпочитали двойной поцелуй. Доктор Хектор представил нам несколько человек, совсем не говорящих по-английски – среди них были крупные медики.

В конце концов мы проследовали в небольшой зал, где в углу на возвышении стоял стол с тремя стульями – для Шуры, меня и переводчика. Доктор Хектор сел по центру, Шура – справа от него, я – слева. Вглядевшись в зал, я увидела много знакомых лиц: тут были члены "семьи", наши хозяева и медики, с которыми мы только что знакомились.

Я впервые выступала на подобном официальном собрании. Я услышала, что Хектор, несмотря на мою просьбу, представил меня как "доктор Алиса", и теперь я с ужасом ожидала, когда кто-нибудь из зала спросит кто я по профессии: психиатр или психолог, и мне придется ответить, что я просто терапевт, что повлечет за собой новые неприятные вопросы.

Шура поначалу не мог освоиться в ситуации последовательного перевода. Только через какое-то время он понял, что не нужно говорить больше двух-трех предложений сразу, чтобы Хектор успевал переводить. Обычно Шура говорит на подобных лекциях с дикой скоростью, и ему пришлось превозмогать эту пагубную привычку, зато впервые я услышала, как он читает лекцию с нормальной скоростью.

Задавались обычные для таких встреч вопросы. Время от времени, если дело, например, касалось медицинского применения МДМА, Шура или Хектор обращались ко мне. К своему удивлению, я совсем не чувствовала страха публичного выступления, наверное из-за того, что я была знакома с большей частью аудитории. А может быть из-за того, что я была полностью уверена в компетентности моих ответов – очень приятное чувство.

Через некоторое время Хектора на месте переводчика сменил доктор Леон, которого мы не встречали до этого. Он не только лучше знал английский, но и обладал даром публичного оратора, поэтому все чаще в зале звучали аплодисменты.

В зале собралось примерно двадцать человек, вместо запланированных полутора часов встреча продлилась целых три. Ближе к концу, я отвечала на несколько вопросов подряд, и уже готова была в любой момент покраснеть при вопросе о моем образовании и профессии, но никто почему-то не догадался спросить об этом.

Когда все кончилось, Шура подошел ко мне и сказал, что гордится мной, что я выступала превосходно и т.д. Это был лучший комплимент, и кроме того он исходил из уст человека, мнение которого для меня является наиболее ценным.

Мы ужинали в отеле вместе с доктором Роберто, Мариной и молодым доктором Леоном – нашим вторым переводчиком. Оказалось, что он руководит факультетом

фармакологии в университете и пользуется большим уважением своих коллег. Он рассказал нам, что сам он принимал много психоделиков, что эти опыты были очень разными, и что он с большим уважением относится к удивительной силе этих препаратов.

Заснули мы поздно, гордые тем, что, как сказал Шура: "выступили крайне удачно".

Вторник.

Проснулись в шесть утра - на сегодня намечено изготовление МДМА. Первоначально предполагалось, что на всю операцию уйдет три дня, но это при условии проведения работы в двух разных лабораториях, Постепенно нам стало ясно, что этот план был принят из-за того, что доктор Роберто и его друзья предлагали, что все вещество, изготовленное у них в клинике останется в их распоряжении, а другую партию - для будущей клиники - придется делать в другом месте. Но теперь было решено, что синтез будет происходить один день, в одном месте, и все споры о том, кому будет принадлежать препарат после нашего отъезда были оставлены на потом. Нас это дело не касалось.

В клинику нас отвозил Гиоргио, и разговор зашел о машинах - он подробно рассказал нам об правилах дорожного движения в городе: во-первых, никто не обращает внимание на разметку - главное знать примерное направление движения и стараться избегать столкновение с теми, кто едет в ту же сторону. Улицы Рио - как немецкие автобаны - на них выживают только лучшие водители. Во-вторых, после десяти часов вечера все перестают обращать внимание на светофоры - боятся ограблений. В 7.30, когда начинается рабочий день, водители снова начинают останавливаться на красный, но до этого - просто приходится быть очень осторожным (особенно, когда горит зеленый свет).

Мы переехали через мост и оказались в соседнем городе Нитерой. Дождь прекращался, такая погода продержалась неделю. Тропики лучше всего выглядят под дождем. Город Нитерой - скромный сосед Рио-де-Жанейро - показался мне "более бразильским". На улицах было много детей в шортах и грязных майках, то и дело мы проезжали небольшие кантины, здесь было гораздо меньше многоэтажек, Только граффити были те же.

Мы прибыли в клинику, расположенную на дальнем от Рио конце города, среди роскошных коттеджей.

Громадное здание клиники было целиком отдано пластической хирургии. Приемная изысканно отделана кожей и мрамором, видно, что большинство пациентов - очень богатые женщины.

Оказалось, что для наших целей выделена пустая старая лаборатория. Во всю длину комнаты вдоль одной стены стояла длинная скамья, в углу комнаты была раковина. Кто-то радостно сообщил нам заранее: "В лаборатории есть водопровод". После этого мы долго спорили, в каких условиях Шуре придется работать. Мы уже

знали, что все оборудование будет привезено из лаборатории доктора Сола, но что собой будет представлять лаборатория, мы боялись представить.

Войдя в лабораторию, мы прежде всего открыли все окна – во время реакции будет выделяться неприятный запах. Приехали Хектор, Драгго и доктор Роберто, который решил показать мне свою новую лабораторию. Он провел меня в отлично оборудованную новую лабораторию этажом выше, по поводу которой я выразила свое

истинное восхищение, потом он откланялся, так как ему предстояла операция: "Я желаю вам и вашему мужу успешной работы, надеюсь, я смогу присоединиться к вам позже".

Я вернулась в старую лабораторию. Приехал доктор Сол. Гиоргио сказал, что ему придется отлучиться в Рио, где у него назначена встреча с одним бригадным генералом.

Кто-то постоянно заглядывал в дверь лаборатории, видимо до персонала клиники дошли слухи о каких-то таинственных приготовлениях, но мы не обращали на это внимание. Шура и Сол в это время уже распаковывали оборудование, причем Шура

постоянно тихо сыпал проклятиями по поводу того, с чем ему придется работать.

Он отозвал меня в дальний угол комнаты, где лежали все реактивы для синтеза.

- Обрати внимание на местную алюминиевую фольгу – нужно было брать с собой американскую, эта – гораздо тоньше.

- Да, на ощупь чувствуется. Но какая разница?

- Реакция будет происходить быстрее, температура будет гораздо больше, чем обычно.

- Понятно.

Я совершенно не разбираюсь в химии, но знакома со всеми стадиями приготовления МДМА. Давным-давно я принимала участие в приготовлении МДМА для моих друзей психиатров, к тому же я пыталась выяснить таким образом, есть ли у меня склонность к химии. Мы очень быстро выяснили, что – нет.

Я отлично помню одну из стадий синтеза, когда в большую колбу помещается большое количество мелко нарезанной фольги, после этого добавляются разные реактивы, и начинается реакция. Смесь очень сильно нагревается, поэтому колба опускается в холодную воду, при непрерывном помешивании.

Я решила лично провести данную стадию синтеза, и теперь я полностью разделяла Шурину озабоченность: если смесь закипит, часть ценного сырья будет потеряно – выльется из колбы.

Но сначала нам нужно было порвать фольгу на мелкие кусочки, мне вызвался помогать в этом доктор Хектор. На беднягу сразу обрушился поток шуток от Шуры и

Сола: "Кто бы мог подумать, что бывший зам министра будет сидеть на табуретке и

рвать фольгу на мелкие клочки! Да что здесь происходит?" Хектор только заговорщицки улыбался и с еще большим ожесточением рвал фольгу.

Сол привез несколько коробок с оборудованием, некоторые приборы были в полном порядке, другие – оставляли желать лучшего. Старый ротационный испаритель

опасно качался – пришлось закрепить его при помощи изоленты. Среди оборудования

оказалась отличная воронка Бухнера, но фильтров подходящего размера не оказалось

- пришлось вырезать их из больших бумажных салфеток.

Шура впал в радостно-маниакальное состояние, постоянно отпускал шутки по поводу третьего мира, зараженный энтузиазмом Сол бойко ему отвечал. Химики носились по лаборатории, как сумасшедшие, устанавливали оборудование, громко выражали сомнения в успехе операции, но сразу же находили выход из положения. Они уже имели полное представление о том, что им не хватает - что придется изобретать на ходу, без чего придется обойтись. Доктор Хектор потом так охарактеризовал происходящее: "Мы присутствовали на настоящем балете творческой

мысли, во время которого Сол точно выполнял инструкции Шуры, исполнявшего сольную партию. Время от времени я ловила дикий взгляд "Папы римского" и улыбалась в ответ.

Я должна заметить, что наши богатые друзья не возражали, когда их страну называли страной третьего мира - может быть из-за снобизма. Наоборот, они всячески подчеркивали этот факт. Все равно, я попросила Шуру поменьше употреблять термины типа "четвертый", "пятый" и "седьмой мир". (Последний термин

он использовал по поводу оборудования, которое привез доктор Сол).

Когда я уже занялась наблюдением над первой реакцией, чтобы заметить, когда

надо будет опускать колбу в ведро с холодной водой в углу комнаты, я вдруг поняла, что неправильно выбрала место для этого. Здесь в углу не было сквозняка,

и ничто не могло спасти меня от вонючих испарений, которыми сопровождается реакция. Но теперь было поздно что-то менять - реакция уже началась.

Из-за того, что фольга была тоньше обычного, реакция проходила гораздо быстрее обычного и сопровождалась выделением гораздо большего тепла. Вдруг жидкость закипела, и я не успела вовремя охладить колбу - часть вещества "убежала". Я продолжала помешивать жидкость, когда кипение уже прекратилось. Кто-то предложил принести лед, чтобы вода оставалась холодной. Доктор Хектор присел рядом со мной на маленькую табуретку - он стал обмахивать мое лицо сложенным журналом, я кашляла от испарений метиламина.

Во время второй попытки меня усадили рядом с раковиной, в комнату был принесен вентилятор, единственным недостатком которого было то, что у него не было защитной решетки. В этот раз реакция проходила нормально - Шура внес какие-то изменения, и судя по всему, они сработали.

На этом мое участие закончилось, и я пошла гулять по коридорам клиники и вернулась в лабораторию. Доктор Хектор сидел на табуретке, наблюдая, как два химика взвешивают, перемешивают и переливают реактивы.

Я подошла к Хектору, и он потянул меня за рукав, чтобы прошептать на ухо:

"Я хочу присутствовать на рождении этого королевского ребенка". Я улыбнулась, похлопав его по плечу.

Милый, добрый романтик - не могу представить его в роли политика. Но с другой стороны, это - Бразилия, и здесь все по-другому.

Доктор Роберто заглянул в лабораторию вместе со своим сыном - они шли на операцию, и хотели посмотреть, все ли идет нормально.

Я налила нам всем крепкий кофе, а потом Роберто показал мне комнату, где я могу отдохнуть. В комнате была дверь в маленькую ванную, и я умылась и причесалась.

Доктор Роберто отвез нас обедать в еще один ресторан "Поршо". На этот раз

мы постарались не объедаться. Разговор зашел о тропических лесах. Доктор Роберто

полностью отмел любые предположения об уничтожении индейских племен. Мы постарались сменить тему – видно было, что доктор не очень хочет говорить об этом.

После обеда Роберто отвез нас на старую смотровую площадку на вершине холма

– мне кажется, что именно это место мне больше всего понравилось во всем путешествии. Мы проезжали банановые деревья, которые я никогда в жизни не видела. С каждого дерева свисала огромная гроздь, состоящая из многих связок бананов.

На вершине холма была полуразрушенная смотровая площадка с лестницей в никуда – там когда-то была еще одна надстройка. С холма открывался прекрасный вид, вокруг нас цвели кустарники, росли пальмы – настоящие тропики. Мне ужасно

понравилось это место – здесь было тихо, и дождь сбил жару, так что я хотела остаться здесь на некоторое время, но мы уже спешили назад в лабораторию. На обратном пути доктор Роберто показал мне дерево манго, которое показалось мне похожим на мимозу.

Когда мы вернулись в лабораторию, и два химика снова принялись за работу, я

неожиданно вспомнила, что сегодня годовщина нашей свадьбы.

Как можно было лучше отметить день свадьбы, чем изготавляя партию МДМА для

исследований, результатом которых могут стать серьезные научные публикации? Под

взорами постоянно сменяющейся публики, которая следит, как два энергичных химика

пытаются преодолеть несовершенство оборудования, по-настоящему наслаждаются работой. Лучше способа отметить годовщину я не могу себе представить.

Я вернулась в свою комнату, и поспала часа два на больничной койке.

Когда я вернулась в лабораторию процесс синтеза завершился. Шура объяснил,

что у них нет оборудования для дистилляции, и что окончательная стадия пройдет в

лаборатории доктора Сола.

Они начали упаковывать оборудование и реактивы, уставшая публика молча наблюдала за ними. В лаборатории присутствовали Роберто, Марина и их малютка-дочь Катя. Там же были Хектор, Гиоргио и молодой человек, которого нам

представили, как ассистента доктора Сола.

Кто-то принес поднос с выпечкой, и все набросились на еду, радостно обсуждая произошедшее, поздравляя друг друга.

Наконец, гости ушли, оставив химиков одних – надо было убрать лабораторию.

Я стояла за дверью с очередной чашкой крепкого кофе, как вдруг услышала громкие

крики: "Получилось! Получилось!" Стараясь побороть смех, я открыла дверь и громко, по театральному прошептала: "Не забывайте, что вы находитесь в медицинском учреждении, прошу вас, ведите себя тихо". Они приставили пальцы к губам, смутившись, как нашкодившие школьники, и успокоились, последний раз похлопав друг друга по плечу.

Дома Гиоргио и Лена уселись перед телевизором, чтобы посмотреть знаменитый

фильм "Дюна" с португальским переводом. К их радости я заметила, что мой любимый

персонаж этого фильма маленькая голубоглазая сестренка главного героя – девочка

владевшая телекинезом.

Мы поднялись в спальню, записали события дня в дневник и заснули как убитые.

Среда.

Среда должна была быть тихим днем – до вечера мы собрались сидеть дома, работать над записями, отдыхать. На вечер мы были приглашены на день рождения доктора Роберто. Мы остались одни в доме, кроме нас здесь осталась только Курасон. Примерно в 11 часов она постучала в дверь маленького кабинета, сообщив, что принесла нам кофе. Мы поблагодарили ее за этот геройский поступок – она была на восьмом месяце беременности, и ей было трудно ходить по лестнице. Мы стали расспрашивать ее о новой работе ее мужа в Мато Гроссо, мы хотели выяснить, что такое Мато Гроссо – штат, город или фирма. Она охотно показала нам город на карте, и мне почудилось, что она говорит медленнее, чем обычно.

И вдруг она села рядом со мной и сказала: "Я должна вам признаться. Я очень странно себя чувствую – я только что приняла лекарство, которое было там в холодильнике. Делия (соседка) говорила, что лекарство помогает ей в сложных ситуациях, и что мне надо его попробовать"

Мы с Шурой переглянулись. Шура спросил сколько препарата она приняла. Курасон попыталась показать нам на пальцах, но потом решила, что мы пойдем посмотрим в холодильнике. Мы осторожно спустились вниз по лестнице – Курасон держалась за мою руку. Мы старались всячески ее успокоить, просили ее идти медленно, переступить телефонный провод, смотреть под ноги и не волноваться.

В холодильнике мы обнаружили две бутылки – одну пустую. Красная жидкость кончилась, осталась только желтая. Курасон показала нам сколько было в бутылке до того, как она из нее пила, и мы прикинули, что она употребила около 150 миллиграмм МДМА. мы помогли ей поставить бутылки на место и пообещали, что никому не скажем о случившемся.

(Немного странное обещание. Когда-нибудь хозяева обнаружат пропажу и спросят нас об этом. Но в тот момент мы предпочли не думать об этом).

Мы вернулись в гостиную, Курасон вцепилась в мою руку со словами: "Я вас так люблю". На что мы искренне отвечали, что мы тоже очень ее любим. Мы сидели на диване, она прижималась ко мне и не отпускала мою руку, кроме моментов, когда ей требовалось жестикулировать обеими руками. Ее глаза были широко открыты и можно было заметить нистагм – подергивание. Я поспешила предупредить ее, что это – нормальная реакция, и что скоро это пройдет, но она засмеялась, сказав, что это не беспокоит. Шура заметил, что она говорит не разжимая зубов, и она снова засмеялась, обнаружив, что он прав. Шура предложил ей закусить полотенце – скрежетание зубами тоже нормальное явление для первого приема МДМА. "Это неприятно, но неопасно, так бывает со всеми, кто пробует это лекарство первый раз".

Курасон отвечала, что ее совершенно не беспокоят эти проблемы, что все в порядке. Все в полном порядке.

Сейчас МДМА дает ей самый ценный опыт, когда вдруг понимаешь, что весь мир вокруг гармоничен, и несмотря на очевидные факты, доказывающие обратное – все в

мире в полном порядке.

Мы с Шурой вдруг увидели, что ее внешний вид преобразился. Морщины разгладились, лицо стало как у семнадцатилетней девушки, и мне показалось, что

Курасон одна из самых красивых людей на земле. Я видела по выражению лица Шуры,

что он тоже поражен этой трансформацией. Курасон заговорила:

- Я хочу рассказать вам о себе, потому что вы хорошие, добрые люди, и я не

хочу, чтобы вы воспринимали меня только как повара и служанку.

- Мы очень рады, что ты хочешь рассказать нам о себе.

Я улыбнулась и крепко сжала ее руку.

Она рассказала, как она приехала в Нью-Йорк, когда ей было шестнадцать, как

она вышла замуж за молодого итальянца, чья семья невзлюбила ее за смуглый цвет

кожи. "В моей семье смешалось много кровей, и некоторые дети рождаются светлыми,

а некоторые смуглыми, и мы гордимся своим происхождением".

Но итальянская семья требовала, чтобы молодой человек развелся с "негритянкой". Курасон никогда не сталкивалась с таким отношением в Бразилии, и

ей было очень трудно, но она смогла выстоять перед потоком издевательств.

Больше всего она гордилась своей бабушкой по отцовской линии - она была из

настоящего амазонского индейского племени, из тех, кто раскрашивает лица, и знала как употреблять различные лекарственные растения при разных болезнях.

"Она была прекрасной, очень мудрой женщиной. Я многому от нее научилась. Я

записала многие ее рецепты в маленькую тетрадку, которая всегда со мной".

Она работала в Нью-Йорке и высылала деньги своей большой семье в Бразилию,

ей нужно было самой на что-то жить - и она и ее муж жили в бедности. В конце концов она не выдержала: тяжелая работа, постоянные упреки со стороны родственников мужа, одиночество и просьбы выслать еще денег довели ее до того,

что она выбросилась из окна.

Мы не спрашивали, с какого этажа.

Курасон несколько раз повторила: "Я не собиралась совершать самоубийство,

просто я очень устала и мне захотелось отдохнуть, остановить все на минуту".

Мы кивнули.

Она провела в больнице восемь месяцев - множественные переломы.

"Наконец-то

я могла отдохнуть". Один доктор в больнице смог помочь ей встать на ноги.

После

выздоровления она с помощью этого доктора получила высокооплачиваемую работу в

дорогом ресторане.

Она решила вернуться в Бразилию и сообщила об этом своему мужу. Он отказался ехать с ней. Они любили друг друга, но этого оказалось недостаточно.

Он обещал ей, что в следующий раз назло родителям женится на негритянке. Она отправилась домой.

Курасон загадочно улыбнулась и спросила, не возражаем ли мы, если она откроет нам небольшую интимную тайну. Мы не возражали. Она освободила свою руку

и показала нам, что у нее вставные зубы – скулы и челюсти сделаны из синтетического материала. Она также приподняла юбку, чтобы мы смогли увидеть длинный шрам на ее ноге.

Мы искренне заверили ее, что она очень красивая.

Она снова взяла меня за руку.

"Я вернулась в Бразилию, и на сэкономленные деньги поступила в самую дорогую школу для поваров". Теперь она собиралась переезжать в городок Мато Кроссо, где ее муж работал плотником, потому что ее попросили обучить премудростям кулинарии поваров на одном ранчо. Эта работа была ей по душе. Она

направлялась в Мато Кроссо, как только мы уедем, и ее работа здесь закончится.

– Я хочу научиться всему, чему смогу, и я хотела бы общаться с добрыми, умными людьми, поэтому я счастлива, что встретила вас.

– Мы тоже счастливы. От тебя мы получили самую полную информацию о стране, гораздо больше, чем от всех остальных вместе взятых. Огромное тебе спасибо за твои рассказы.

Шура сжал другую руку Курасон – на его глазах выступили слезы.

Наконец действие препарата закончилось, и мы посоветовали Курасон пойти поспать, а сами тем временем занялись приготовлениями к дню рождения. Она сказала, что врачи предупредили ее, что ребенок – очень маленький, и что она очень хочет, чтобы он родился нормальным. Она также спросила, не могла ли она повредить себе и будущему ребенку тем, что приняла препарат. Мы поспешили заверить ее, что ничего страшного не произошло, хотя ей стоит воздерживаться от

подобных опытов, пока она не родила и не вскормила младенца. (Сейчас не время для нотаций). Она сказала, что все поняла.

Мы обняли ее, и она пошла в свою комнату.

– Никогда не знаешь, когда получишь очередной ценный урок.

– Просто нет слов.

Мы переоделись, и вскоре за нами заехали Гиоргио и Лена, Мы направились на большую вечеринку в доме доктора Роберто, там с нами должна была познакомиться

его очаровательная жена Клара. Ее очень уважали все окружающие. Она никаким образом не замечала существование Марины и маленькой Кати.

Шура, сидевший на переднем сидении, спросил Гиоргио: "Помните вчера в клинике? Мне кажется, сын Роберто и Марина с ребенком должны были встретиться".

Лена отвечала: "Вряд ли это произошло, но даже если это произошло, скорее всего они просто сделали вид, что не заметили друг друга".

Я сказала, что очень жалко, что братья не могут общаться с сестрой, наши друзья согласились со мной, заметив, что к сожалению дела обстоят именно так.

Мыльная опера из жизни богатых бразильцев.

Дом нашего друга-хирурга оказался громадным дворцом с невероятных размеров гостиной, где висели очень хорошие картины, большинство – современных бразильских живописцев, но я нашла одну, подписанную Кли. Нас встретила Клара, красавица с очень хорошей фигурой, одетая в платье с красными и черными блестками. При взгляде на роскошные наряды жен гостей вокруг становилось понятно, что блестки в этом сезоне в моде.

Гостиная выходила на большую веранду, где были накрыты столы для гостей.

Веранда кончалась неким подобием бассейна (я не сразу поняла, что мы на берегу залива) и только посмотрев чуть вправо, я увидела яхту и сообразила, что там

– море. Шура вышел на веранду вслед за мной, и я, схватив его за рукав показала ему на яхту. Он присвистнул от неожиданности, и мы с большим уважением стали рассматривать большую игрушку.

– Вот из-за чего люди становятся в Бразилии специалистами по пластической хирургии!

– Поздравляю тебя, очень верное наблюдение.

Через несколько минут начался дождь. Мы сели за столик на закрытой части веранды, и вскоре к нам подсели Гиоргио с Леной и Хектор с Ритой. Дождь перешел

в ливень, подул сильный порывистый ветер, и слуги быстро развернули брезентовые

стены с маленькими прозрачными окнами, чтобы оградить веранду от стихии. В одном

окошке сверкнула молния – обожаю молнии. К нашему столу подсели доктор Сол, сеньор Драгго и его жена Соня, на которой было дорогое элегантно платье из черного бархата. К нашему столу были приставлены дополнительные стулья. Звуки смеха и шумных разговоров, разносившиеся по закрытой веранде, заглушали канонаду

грома. Я сильно волновалась за яхту.

Рядом с Шурой происходила непрерывающаяся карусель: стоило одному гостю привстать со стула, чтобы поздороваться со знакомым, как его место сразу же занимал другой человек. Некоторое время с Шурой беседовал молодой хирург, которого мы встретили в первый день, он задавал обычные вопросы. Речь зашла о вчерашнем "балете", который наблюдали некоторые его друзья. Оказывается, сеньор

Шура танцевал вокруг приборов в лаборатории, показывая таким образом, что человек должен получать удовольствие от своей работы.

Вот так рождаются легенды.

Через маленькое окно напротив нашего столика мы могли наблюдать непрерывный поток прибывающих гостей. Казалось, что весь высший свет Рио пожаловал на праздник. За соседним столиком сидела женщина средних лет, и Лена узнала в ней знаменитую бразильскую певицу. К сожалению я не расслышала ее имени. На ней было платье с темно-красными блестками.

Всеобщее удивление вызвало то, что со мной всегда был мой блокнотик, и я объяснила, что сюда я записываю имена и адреса своих новых знакомых, я не стала

рассказывать об остальном содержимом дневника.

Слуги приносили закуски, среди всего прочего, конечно же, икру. Я украдкой

оглядела людей, сидящих за другими столиками: на женщинах были дорогие драгоценности, некоторые гости рассматривали нас, перешептывались между собой.

Одним из последних за наш столик сел мультимиллионер сеньор Карлос (продолжительные объятия и поцелуи). Видно было, что все гости знают его в лицо

(таких людей всегда знают в лицо), и когда он очень тепло поздоровался со мной и

Шурой, шепот за другими столиками возобновился с новой силой.

Все женщины были дорого и со вкусом одеты. Большинство носили европейские

прически, я не заметила ни одну женщину с короткой стрижкой. Почти все женщины имели очень стройную фигуру, и когда я обратила на это внимание Лены, она напомнила мне, что многие здесь прошли через клинику доктора Роберто. "Мы просто обожаем липо".

Я заметила, что начинаю сама подумывать о "липо" - липосакции. Не говоря уже об операции на веках, шее и скулах. Как я и ожидала, Шура посмотрел на меня крайне неодобрительно.

Я сказала, что Шура не хочет, чтобы я изменяла свой внешний вид. Женщины стали выражать мне искреннее сочувствие. Им было совершенно непонятно, как такое может быть. В то время я этого тоже не понимала.

Вскоре последовало приглашение в гостиную посмотреть на великолепно накрытый стол, пока трапеза еще не началась. В центре стола возвышалось монументальная композиция из цветов и фруктов, достойная украшать праздник сбора урожая в Рокфеллерском Центре.

Слуги стали подавать блюда. Возвращаясь к своему столику на свежий воздух, я увидела, что доктор Роберто тащит Шуру фотографироваться. Я улыбнулась и позволила толпе вынести меня на веранду. Шура пришел через несколько минут.

- Что случилось?

- Роберто потащил меня сниматься для какого-то журнала, наболтал бедным журналистам, что я величайший ученый Америки и все такое, потом отпустил меня...

Я получил тарелку еды - и вот я здесь.

- Но ты остался жив и теперь в полной безопасности, ведь правда?

- Конечно, открытой раны нет, но это не значит, что не произошла травма. Где-то в глубине, но все-таки травма.

- Придется за тобой проследить. На всякий случай.

На улице сверкали молнии, порывы ветра заставляли брезентовые стены хлопать. Роскошная гроза.

Доктор Хектор сообщил мне, что он собирается привести к нам еще двух людей,

которые собираются принять МДМА в первый раз в жизни, и он хочет, чтобы я провела с этими людьми терапевтический сеанс, при его посредничестве, как переводчика. Он очень хотел посмотреть на мои методы работы. Я поспешила отказаться, объясняя это тем, что во-первых я работаю только с одним пациентом,

и во-вторых, начинать подобную терапию можно только, если сможешь ее продолжить,

а я собираюсь скоро уезжать. Как выяснилось, одним из предполагаемых пациентов

был близкий родственник Хектора, страдающий депрессией.

Мой милый доктор Хектор обдумал мои аргументы, разочарованно пожал плечами

и сменил тему разговора.

(Другая важная причина моего отказа - невозможность проводить подобное интимное общение в присутствии третьего человека, в данном случае переводчика. Я

содрогнулась при попытке представить, как это будет выглядеть).

Когда мы собрались домой, доктор Роберто куда-то отлучился, и мы попрощались вместо него с его женой, горячо поблагодарив за отличный вечер. Она

с достоинством поклонилась, видимо не поняв ни слова по-английски (нас

предупреждали, что она не знает языка), но наши интонации были понятны. Мы поспешили откланяться.

Четверг.

Утром Шура принес мне кружку горячего кофе в постель – я никак не могла проснуться. Сегодня мы решили пройтись по магазинам.

– Наши хозяева совершенно не понимают разницу между "пройтись по магазинам" и экспедицией за конкретными покупками. Им кажется, что раз идешь в магазин – непременно должен что-то купить.

– Возможно они поймут термин "шоппинг", хотя я искренне в этом сомневаюсь, в любом случае это не имеет значение, потому что я собираюсь именно покупать.

Сначала мы зашли в несколько книжных магазинов, чтобы найти книги об Амазонии. Шура купил пару французско-португальских словарей, которых мы не смогли бы купить у себя дома, а я приобрела книгу рецептов бразильской кухни. Мы

также зашли в сувенирные лавки, где мне приглянулось много милых мелочей, цены

на которые были явно завышены. В Рио очень много ювелирных магазинов, и некоторые из них, прямо как экзотические калифорнийские ночные клубы, нанимают

завывал. Я очень сомневаюсь в качестве драгоценностей, которые продаются в подобных магазинах.

После похода по магазинам мы зашли к Соне, где к нам должен был присоединиться Гиоргио – он в этот день ходил к дантисту. Сонина квартира поражала своей роскошью: персидские ковры на стенах, много китайского фарфора – видимо, результат торговых сделок сеньора Драгго.

Соня заставила меня принять от нее в подарок два китайских рисунка на тонкой рисовой бумаге, кроме этого она подарила мне роскошную пепельницу с изображением "balagandans" – индейского амулета, похожего на тот, который я купила в сувенирной лавке. Обычно это металлический полумесяц, на котором висят

различные символические изображения фруктов и деревянные кулаки в виде фиги – бразильский символ (фаллический) успеха. В Рио их часто вешают на стены.

В углу стояла необычная статуя. Позднее Шура рассказал мне, что таких за пределами Китая единицы. Это был солдат терракотовой армии из Ксиана.

Мне понравилась Соня – они с Леной отлично провели нас по магазинам, и Курасон очень тепло о ней отзывалась. Она тоже очень хорошо относилась к Курасон, что было для нас с Шурой чрезвычайно важно.

По дороге домой речь в машине зашла о сложностях внутрисемейной политики.

Гиоргио сказал:

– Доктор Роберто хочет, чтобы доступ к МДМА имел только узкий круг посвященных – его друзей, конечно. Мы, естественно, не согласны с его позицией.

Мы тоже не согласны. Странно, что люди, получающие "духовное просветление" при приеме МДМА, тут же забывают об идеях, появившихся во время просветления, как только возвращаются в нормальное состояние.

– Но у каждого есть друг или родственник, которому, как мы считаем МДМА могло бы помочь.

– Так это значит, что доктор Роберто против новой клиники?

– Не беспокойтесь, мы не согласны с его позицией. Я просто хотел объяснить

вам некоторые внутрисемейные интриги.

Мы не должны забывать, что знаем точку зрения на эту проблему лишь одного человека.

Пятница.

За завтраком Гиоргио сообщил, что изготовленное МДМА будет завтра доставлено к нему домой, и члены закрытого клуба соберутся, чтобы его испробовать.

- Вы не возражаете, если мы снова соберемся небольшой группой, чтобы задать пару вопросов?

- Конечно нет.

Непонятно, какие новые вопросы могут появиться у этих людей. К этому времени мы уже устали от поездки и были готовы возвращаться в США.

До обеда мы провели время в кабинете, делая новые записи, потом спустились в гостиную, где уже сидели наши хозяева. Курасон приготовила национальное бразильское блюдо "фейджоада": фасоль, овощи и тонкие кусочки мяса - просто объединение. Обед, после которого не нужен ужин. Кушанье было подано на самом длинном блюде, которое я когда-либо видела.

После обеда мы с Гиоргио отправились по магазинам, пытаясь найти точные весы. Мы не смогли купить их ни в аптеках, ни в ювелирных магазинах. Без весов

мы не смогли бы взвесить точные дозировки МДМА, и Гиоргио надеялся, что сосед Томас сможет к завтрашнему дню найти нужные весы в Сан-Пауло. Третий мир - ничего не поделаешь. Никогда не знаешь, чего вдруг не окажется в магазине.

Во время нашего неудачного путешествия по магазинам произошел забавный случай. В Рио существует практика, когда, запарковав машину, ты поручаешь ее специальному человеку, за что он получает пару крузейро. Иначе машину могут обворовать, да и просто угнать. Таким образом зарабатывают на хлеб многие бедные жители Рио, и таким образом владельцы машин гарантируют себя от того, чтобы улучшить благосостояние Парагвайской армии - именно туда идут все краденые машины.

На этот раз, вернувшись к машине, мы не застали охранника. Может быть он отлучился попить кофе или в туалет. Мы думали, что Гиоргио просто уедет, но нет

- он долго искал паренька взглядом, а потом подозвал к себе полицейского, и попросил его передать человеку его плату, когда он придет. Полицейский (как потом рассказал Гиоргио) сказал, что ему не положено принимать деньги от незнакомцев в машине, и Гиоргио предложил просто пожать ему руку, при этом он умудрился передать купюру. Мы с Шурой поразились ходом переговоров и особенно тем, что Гиоргио во что бы ни стало хотел заплатить охраннику.

На вполне очевидный вопрос Гиоргио ответил, что он уверен, что полицейский передаст деньги.

Мы поехали в небольшую, но красиво отделанную физиотерапевтическую клинику доктора Хектора. (До этого мне не приходило в голову спросить его о том, чем он занимается после того, как ушел из правительства). Мы зашли в его маленький кабинет и познакомились с единственным местным врачом, которому не удалось добраться до наших презентаций. Доктор Жорж, кардиолог, оказался очень приятным человеком с редкими седыми волосами и скромной улыбкой, созданной словно

специально для того, чтобы будить в женщинах материнский инстинкт. Доктор лично попросил Хектора о встрече с нами.

Мы разговаривали с ним примерно час, он рассказывал нам о своих личных проблемах, о растущей с годами депрессией. Шура предоставил весь разговор мне и

только сочувственно кивал. Я предложила Жоржу воспользоваться услугами опытного

специалиста по гипнозу. На вопрос, сможет ли ему помочь МДМА, я отвечала, что препарат иногда используется в подобных случаях, но я бы посоветовала сначала гипноз. Причем я особо отметила важность правильного выбора терапевта -

нужно, чтобы у вас обязательно установился тесный контакт.

Когда позже Шура спрашивал меня, почему я отговорила Жоржа от приема МДМА,

я ответила, что главной причиной было то, что единственные люди, имеющие в этой

стране отношение к МДМА это так называемая "семья", а среди них нет людей, имеющих опыт терапии, среди них нет даже обычных психиатров. Может быть ситуация

изменится, после открытия клиники, но когда еще это будет? Этому человеку нужна

срочная квалифицированная помощь, и специалист по гипнозу мог бы ему помочь.

Доктор Жорж также поделился с нами проблемой, о которой он до этого никому

не рассказывал. Оказалось, что он часто во сне видит лица своих покойных друзей,

и по утрам никак не может избавиться от этих призраков. Жорж был испуган, и не

знал, что ему делать.

На секунду я представила себе этого милого человека, стоящего утром перед

зеркалом, в котором ему видятся облики умерших друзей, охваченного страхом перед

той неизбежностью, которую эти призраки олицетворяли.

Недолго подумав, я отвечала, что вместо того, чтобы стараться избавиться от

призраков, Жоржу нужно использовать их в качестве союзников. "Как только замечаешь их присутствие, предложи им посмотреть на мир через твои глаза, почувствовать мир через твою кожу, пускай они смогут разделить с тобой все твои

впечатления. Они приходят к тебе, чтобы проверить все ли в порядке - они до сих

пор любят тебя. Они не представляют никакой опасности и скоро уйдут по своим делам, оставив тебя в покое. Я понятно выражаюсь?"

Он откинулся в кресле, задумчиво посмотрел на меня, улыбнулся и сказал: "Да, вы полностью правы, почему я должен бояться моих друзей?" Он сердечно поблагодарил нас с Шурой за то, что мы его выслушали.

Слава Богу! Он мог воспринять мою идею неправильно, она могла еще больше напугать его. Теперь он не будет переживать из-за постоянной войны с призраками любимых людей.

На обратном пути мы зашли в небольшое кафе, и я с радостью заметила в меню

"чисбургер".

Суббота.

Мы решили оставить Курасон 40 долларов для ее будущего ребенка. Доллары не будут терять свой вес, в отличие от местной валюты - инфляция в Бразилии составляет 40 процентов в месяц. Мы надеемся, что Курасон не станет обменивать эти деньги до крайней необходимости.

Сегодняшняя встреча была назначена на 11-30 утра, но все гости опоздали - в Рио-де-Жанейро так принято. Всего в церемонии должны были участвовать 13 человек.

Обычный набор, включая милую мулатку и скромного массажиста сеньора Вальдо.

В 11 часов Томас привез обещанные весы, которые он одолжил у своего друга в Сан Пауло. Шура сказал, что такие приборы использовали в начале века. С помощью этого красивого прибора "Папа Римский" под взорами доктора Хектора, Сола, Гиоргио, Лены и меня отмерил тринадцать доз по 120 миллиграмм порошка. Для наших друзей это был совершенно новый способ принимать препарат, до этого они принимали МДМА растворенное в цветных жидкостях. Я достала нашу старую камеру и сфотографировала лица, выразившие напряженное ожидание и некое почтение, с которыми все следили за каждым Шуриным движением.

В полдень стали прибывать остальные гости.

Сеньор Лео и его жена Анита подарили нам красивый гербарий бразильских растений под стеклом, его можно было поставить на столе или повесить на стену.

Массажист подарил нам еще порошок гуараны.

Пока проходил сеанс, мы обедали остатками вчерашнего фейджоада, блюдо сохранило великолепный вкус. Мы показали Курасон коллекцию растений, и указав на какие-то сухие стебельки, она сказала, что это так называемая "колючая трава", и что если ты дотрагиваешься до нее, то в твою кожу попадает очень маленький колючий отросток, который укореняется, и в результате образуется бородавка, которых может стать несколько и даже много. Никакой опасности для здоровья эти бородавки не представляли, но от них было почти невозможно отделаться. У ее мужа такие "прыщики" были по всему телу.

Мы с ужасом смотрели на невинную коллекцию, и решили, что никогда не будем ее раскрывать.

После обеда я собирала вещи. Через час сеанс был окончен, и я услышала громкие голоса и смех в гостиной. Нас позвали фотографироваться, радостно рассказывали нам о своих впечатлениях - конечно же положительных. Две женщины заявили, что им удалось получить такие же яркие впечатления, как при первом приеме у мистера Борха. Карлос, по словам Лены, решил отказаться от препарата Борха и перейти на Шурин. В общем, всем понравилось, и ни у кого не было неприятных эмоций.

Когда мы остались одни Шура спросил меня, почему, по моему мнению, не было ни одного отрицательного отзыва. Я ответила, что скорее всего из-за того, что у всех членов семьи сложились так называемые "позитивные ожидания". Подсознательно

они ни в коем случае не хотели разочароваться в своем "Папе Римском". Шура сказал, что я, возможно, права.

На сегодня мы решили, что на этом наша сегодняшняя миссия закончена, и пора снова заняться работой. Мы считали, что наша постоянная работа очень полезна не только для нас, но и для наших хозяев – как только мы уставали от общения, мы могли удалиться, ссылаясь на работу, и мы не надоедали им своей компанией.

В пять часов нас позвали в гостиную, и доктор Хектор произнес небольшую речь о том, как Шура (и я) беззаветно и бескорыстно работает на благо человечества. Он призвал всех присутствующих последовать нашему примеру, и заняться работой во благо общества.

Ура! Ура! Мы искренне вам верим, мы – не циники. Особенно важно для нас, чтобы вы открыли клинику. Ее будущее совершенно непонятно, хотя Гиоргио и Хектор полны энтузиазма. Будем с нетерпением ждать новостей.

Потом выступал Гиоргио и сказал очень много добрых слов о нас, и Шура растрогался и в ответ поблагодарил наших хозяев. Я в это время думала о том, что будет со всеми этими идеалистическими планами после нашего отъезда.

Воскресенье.

Утром мы выпили кофе и отправились с хозяевами на прогулку по поселку, фотографируя красивые особняки, цветущие сады и друг друга.

В 12-30 мы загрузили весь наш багаж в машину Гиоргио и поехали в большой отель на побережье, где сеньор Лео устраивал прощальный обед в нашу честь. На обеде играла испано-язычная группа, и Шура с удивлением заметил, что слышит разницу между испанским и португальским – еще неделю назад он ее не слышал. Музыканты были одеты в яркие рубашки, которые я ожидала увидеть в Рио на каждом шагу, но видела первый раз. Группа была из Парагвая.

На берегу разыгрался шторм.

К нам подошел сеньор Паро – плотный черноволосый крист с веселым лицом, который не говорил по-английски, поэтому Гиоргио переводил для него. Он пригласил Шуру в следующем году посетить город Манаос на Амазонке: "Я владею большим количеством информации по поводу использования аяхуаски в религиозных обрядах индейцев, и хотел бы, чтобы вы смогли посетить одну из индейских церемоний".

Шура встал со стула, чтобы пожать кристу руку. "Я сердечно благодарю Вас за приглашение, для меня это было бы очень интересным опытом. Я буду ждать письма от Вас".

Они раскланялись, и сеньор Паро вернулся за свой столик.

Гиоргио сказал, что после обеда Лео отвезет нас в аэропорт.

Вот что я писала в своем дневнике:

– Ночью мне снилось, что в нашей комнате спит громадный тигр, почему-то без полосок на спине. Его шкура была пыльной, его лапы сжимали маленькую подушечку – счастливый, спящий тигр. Надо бы отряхнуть его, но как это сделать?

Даже если он ручной. Я вдруг вспомнила, что не кормила бедное животное уже несколько дней. Чем же бедняжка питается? Ага, поняла: остатками корма для кошек. (Когда мы уезжали, мы всегда оставляли кошкам много сухого кошачьего корма).

– Наверное, тигр символизирует Бразилию. Сначала мы боялись ее, не имея ни

малейшего представления о ее законах по поводу наркотиков, о возможности создания подобной клиники. А теперь тигр спит и не опасен. Нужно его почистить, но этим можно заняться позднее.

Мы последний раз со всеми попрощались и отправились в аэропорт. Там нас уже ждал толстый работник таможни, который помог нам избежать всех формальностей. Он всегда помогал с этим Лео, видимо, за определенную плату. Человек поставил нас в очередь для пассажиров первого класса, хотя мы летели бизнес классом. Он забрал наши документы и пошел оформлять билеты. Вот бы у нас в аэропортах существовала такая практика. Сначала нам дали места, находящиеся друг от друга на расстоянии полсамолета, причем билетов было продано на сорок больше, чем планировалось – самолет был переполнен. Но проведя переговоры в зале для особо важных гостей, нашим друзьям удалось достать для нас места почти рядом друг с другом – а в самолете мы без проблем поменялись с соседом, и сели вместе.

Мы то и дело говорили друг другу вещи типа: "Невероятное путешествие!", "Ты представляешь, как удивится Патрик, когда узнает, что я приглашен на индейскую

церемонию с приемом аяхуаски?" (Патрик – наш друг, этноботаник, занимающийся изучением использования галлюциногенных растений шаманами разных племен).

– Только не говори ему, что туда тебя пригласил человек, не знающий ни слова по-английски.

Мы обсудили возможность этой поездки в следующем году, и Шура сказал, что очень хочет увидеть реку Ориноко, на что я заметила, что в ней водятся пираньи.

(Приходится добавить, что эта поездка так и не состоялась – Шура так и не дождался вестей от сеньора Паро).

– Интересно, откроется ли клиника.

– Сомневаюсь, но с другой стороны мне хочется, чтобы я ошибалась. В конце

концов Гиоргио и Хектор полны энтузиазма. Но просто...

– Просто в странах третьего мира ничего не доводится до конца.

– Что-то типа этого.

Я пожала плечами, как это любят делать бразильцы.

В Майами мы два часа поспали в зарезервированном для нас номере гостиницы,

телевизор не включали – 12 дней я не смотрела американское телевидение, но мы были уже почти дома и ностальгии не чувствовалось.

Я писала в своем дневнике:

– Из Бразилии США кажутся огромным монстром, Большим Братом, который диктует свою политику всем вокруг. Но с другой стороны, любая супердержава покажется агрессивным диктатором из маленькой страны. Не бывает милых и добрых

супердержав. Страна тем мягче, чем ближе к обочине она находится, чем больше ей

приходится подстраиваться под политику больших стран.

– Когда мы приехали в Рио, нас предупредили о небывалом разгуле преступности, особенно краж. Но к моему собственному удивлению, прибывши в аэропорт Сан-Франциско, я первым делом крепко привязала верхние чемоданы к

тележке, чтобы их не украли.

- Бразильцы отлично знают, что их правительство сильно коррумпировано, что чиновники обогащаются за счет простых людей. Любой кандидат в президенты или на другой ответственный пост первым делом заявляет в своей предвыборной программе, что будет бороться с коррупцией. Но у нас в милой доброй Америке коррупция также распространена, и любой умный человек догадывается об этом.

- Теперь мы с Шурой гораздо лучше понимаем, что такое страны третьего мира. Например, слово "инфляция" никогда не будет для нас отвлеченным понятием. Но прежде всего я смогла убедиться, что все страны мира в наше время тесно связаны друг с другом, и стране невозможно существовать в изоляции. То что делает одна страна может повлиять на судьбу других стран, на каждого отдельного человека. Закончим на этом философские размышления.

Как хорошо снова быть дома, как хорошо иметь дом, в который ты можешь вернуться.

Послесловие.

Клиника до сих пор не открыта. Никаких научных публикаций об использовании МДМА в медицинских целях в Бразилии не появлялось. Наши добрые бразильские друзья скорее всего занялись какими-то новыми увлекательными проектами. Некоторые из наших друзей уехали из Бразилии, опасаясь последствий экономического кризиса. Некоторые продолжили исследования действия психоделиков, очень немногие открыли для себя 2С-В.

Все эти люди очень заинтересованы в своем духовном развитии, мне хочется только, чтобы при этом они старались бы помогать не только своим близким, но и всем остальным людям.

Сколько вы знаете употребляющих психоделики людей, которые участвовали бы в благотворительной деятельности? Сколько нас, получивших во время приема психоделиков откровение свыше, увидевших, что все живое – инкарнация Бога, помогают несчастным, облегчают их страдания в больницах или домах престарелых или в тюрьмах?

Занималась ли я подобными вещами? По правде сказать почти нет. Как и многие другие люди, экспериментирующие с психоделиками, я была слишком занята делами. Можно найти себе много оправданий, но правда такова, что если мы претендуем на то, что эти вещества помогают открыть непознанные глубины человеческой души, то нам нужно как следует задуматься над тем, как доказать людям ценность этих препаратов на примере своей собственной деятельности. Мы должны помогать не только нашим родственникам и знакомым, мы должны помогать нашему обществу.

Какие ценности открывают нам психоделики? Это те же ценности, которые пропагандируют все большие религии: терпимость, прощение, поиск истины, уважение ко всем проявлениям жизни, уважение к Матери Земле, на которой мы живем.

С тех пор как мы посетили Бразилию, там произошло одно значительное событие: аяхуаска – смесь из растений, обладающая галлюциногенным эффектом, была официально разрешена к применению представителям двух местных религий. Таким образом правительство признало ценность психоделика для духовного опыта и развития.

Нам до сих пор неизвестны подробности о соответствующем бразильском законодательстве, мне кажется, что наши бразильские друзья тоже не разбирались в данном вопросе. Мы знаем, что США стремится распространить безумную войну против наркотиков на все страны мира, поэтому до тех пор пока Бразилия финансово зависит от нашей страны, им придется учитывать американскую политику по данному вопросу, как и по многим другим вопросам.

Несмотря на кризис бразильской экономики, наши богатые бразильские друзья до сих пор процветают. Наша дорогая домохозяйка Курасон родила мальчика, и часто меняла место работы. Мы переписывались с ней некоторое время, но потом она перестала писать. Она дала нам очень много полезной информации за те десять дней, и мы надеемся, что у ней и ее ребенка все в порядке.

Когда я вспоминаю те сумасшедшие десять дней чаще всего передо мной встают образы красивых девушек из представления, шампур с всевозможными видами мяса в "Поршо", громадные гроздья бананов, свисающих с деревьев, торжественное великолепие созвездия Южного Креста и прежде всего – сияющее лицо Курасон в тот необычный день, когда ее красивые карие глаза смотрели на нас с такой любовью и радостью, когда она не отпускала мою руку и повторяла: "Все в порядке. Все в полном порядке".

ГЛАВА 5. 'SHROOMS

(Рассказывает Алиса)

Из моих записок:

"Около шести часов вечера мы с мужем приняли по 1,5 грамма измельченной сырой мякоти *Psilocybe cubensis* с небольшой примесью других грибов. Вкус был приятным.

Последствия начали ощущаться уже через 10 минут. Вскоре весь мир покрылся узорами. Узоры были на всем. Они как бы заполняли все пространство между мною и всем, что меня окружало. Самым распространенным мотивом узоры были какие-то квадратные амебы с черными ядрышками в центре; их было невероятно много, и они образовывали объемный рисунок, напоминавший мелкую проволочную сетку с маленькими черными точками в центре каждой ячейки. Сетку, развешенную во всех трех измерениях.

Где-то в четверть восьмого эффект достиг своего пика. Эта стадия продолжалась у меня еще около трех часов, а у Шуры – около двух (впоследствии он пришел к заключению, что опыт, произведенный два дня назад, притупил его

восприимчивость).

Я села за компьютер, чтобы сделать записи, но это оказалось необычайно трудно.

Да! Я хотела пережить действительно интенсивные психоделические ощущения, чтобы описать их. И вот это случилось. Слава Богу, что мы не приняли больше. Полтора грамма - вполне достаточно".

Я сидела, пытаюсь разглядеть комнату за лесом линий, точек и полос цвета красной и зеленой плесени. Окружающий мир стал странным, каким-то чуждым, и я чувствовала, что в нем присутствует некто недружелюбный. От него веяло нелюбовью, эмоциональным холодом и недоброй насмешливостью.

Тут я вспомнила о себе: "Этот некто - всего лишь проекция меня самой. Я должна овладеть им. Ведь все это - я сама. Нравится мне или нет - но это я".

Я покосилась на клавиатуру, пытаюсь сфокусировать зрение, и наконец-то смогла выйти из X-tree (ура!) и вернуться в WordStar. Я создала новый файл под

названием 'shrooms (от английского mushrooms - грибы), напечатала дату в правом

верхнем углу чистого листа, но дальше дело не пошло. Клавиатура совсем исчезла в

зарослях разноцветных узоров, а та часть меня самой, которая превращала предметы

в слова и мысли, уступила свое место другой части, которая хотела только погрузиться в этот мир трехмерных узоров или хотя бы обнаружить, каким образом

она связана с ним. И тут я подумала: ладно, потом напишу. Сейчас все равно ничего не получится.

Мы с мужем пошли в спальню. Все вокруг шевелилось. Шевелились стены, одеяла, простыни и подушки были покрыты копошащимися амебами и черными точечками

впережку с красными, желтыми, черными, зелеными и оранжевыми ленточками, очень

мутными и тусклыми с виду.

Шура разделся и влез под одеяло. Я уселась на одеяло, поджала под себя ноги

и принялась объяснять ему, почему я так сижу. В тот момент я поняла -- и сказала

ему - что секс меня совсем не интересует. Чтобы мои мысли направились в эту сторону, все вокруг должно перестать шевелиться.

Я объяснила Шуре, что гораздо больше меня интересует и беспокоит совсем другое: мне очень нелегко подобрать слова для описания того, что я вижу. Обычно

мне нетрудно выражать свои мысли в словах, но тут дар речи как будто покинул меня, и я не знала, где его искать. В левом полушарии? В правом полушарии? Нигде. И я сказала Шуре, что у меня, похоже, пропала связь между полушариями мозга и между соответствующими аспектами моей личности.

-- Тогда закрой глаза, -- посоветовал он, -- и расскажи мне, что ты видишь

на внутренней поверхности своих век.

Я выпрямила спину и закрыла глаза. То, что я увидело, напоминало поток из

мелких корявых обломков разноцветных леденцов, а на вершине каждого обломка виднелся совершенно ровный квадратик. На каждом обломке было ровно три

квадратика, и все это было раскрашено в серовато-белый, темно-красный, зеленый и желтый цвета. Все это показалось мне уродливым и скучным, как дешевый безвкусный

линолеум 30-х годов. Я хотела описать эту картину Шура, но не могла говорить. Самое странное (как я поняла впоследствии) заключалось в том, что мне совсем нетрудно было говорить о чем угодно, кроме образов, которые я видела внутри своей головы.

-- Оно такое странное, просто нет слов, -- сказала я.

Шура, обычно очень понятливый, тут не понял меня и ласково переспросил:

-- Это нечто неопишное? Ты это имела в виду?

-- Нет! Неопишное - не то слово! Оно такое скучное, неинтересное и до боли обыкновенное, но у меня нет слов, чтобы его описать. Как только я пытаюсь

это сделать, происходит полный обрыв связи.

-- Хорошо, -- сказал он теплым и ободряющим голосом. - Тогда перестань пытаться и погрузись в свои ощущения. Слова придут позже.

-- Я знаю. Я знаю. Но это такая ДОСАДА - ведь я могу говорить о чем угодно,

и при этом не могу описать то, что вижу!

Я расчесала волосы и улеглась рядом с Шурой.

Некая часть моей личности тут же захотела поплавать в мире образов. Это было что-то вроде ощущения утраты собственного "я". Эта часть личности не заботилась о контроле над ситуацией: она стремилась только к блужданиям и (как

говорит Шура) к чистому опыту. Но другая часть личности стремилась контролировать процесс и буквально бесилась от того, что ей не удастся взять его

под контроль и, в особенности, описать словами. Но выбора не было, поскольку между двумя половинами личности не существовало никакой связи. Может быть, полушария моего мозга действительно отделились друг от друга?

Тут я непроизвольно предприняла нечто вроде эксперимента с контролем. Я спросила себя (вслух, чтобы это услышал Шура): а могла бы я в случае реальной опасности для жизни "собрать себя в кулак", чтобы защититься? Это оказалось очень просто. Без проблем. По крайней мере, на какое-то мгновение.

Спустя мгновение я поняла, что мое чувство собственного "я", чувство централизованности, постепенно возрастает. И вместе с ним возрастал интерес к собственной внутренней вселенной. Но я не могла там ничего понять. Ведь узоры были только поверхностным слоем. А за ними простиралась область бытия-знания-видения, которая мне совершенно не нравилась.

Почему она мне не нравится? Потому что там нет никаких знакомых эмоций и чувств, к которым я привыкла. Это чужое место. Совершенно чужое для меня.

Я осмотрела пространство над собой. Узоры все еще висели в воздухе, колыхаясь между мною и потолком.

Какими средствами я обладаю, чтобы исследовать и изучить это, освоить все аспекты самой себя, которые представлены этим? Может быть это просто мой Наблюдатель?

По радио передавали музыку. После приема психоделиков в музыке обычно открываются новые глубины, она становится гораздо интереснее и рождает повышенный эмоциональный отклик. Но в этот раз не произошло ничего подобного. Музыка была просто музыкой, довольно милой, но не имеющей никакого отношения к происходящему. Она просто была рядом.

Я посмотрела на своего мужа: его лицо было испещрено оранжевыми, желтыми и

коричневыми пятнышками. Довольно неприятный, слегка землистый цвет, как и во

время предыдущих опытов с грибами.

Мое лицо, наверное, кажется ему таким же.

- Бетховен, - сказал Шура. - Тебе не мешает эта музыка?

Я кивнула и ответила:

- На самом деле мне все равно. Хотя музыка славная. Знакомая.

Но, едва сказав это, я поняла, что уже не цепляюсь за такие вещи, как знакомая музыка, потому что осознаю более важные зацепки внутри себя самой. И тут же почувствовала, что проволочные сетки и непрерывные потоки цвета напирают

на меня уже не так сильно, хотя где-то внутри меня они становятся гораздо мощнее.

Я взглянула на Шуру. Он все еще был моим "вторым я", плотью от моей плоти и

кровью от моей крови. При этом я не испытала никакого всплеска эмоций: я просто

осознала, кто он для меня, и кто мы друг для друга.

Я вернулась к узорам в воздухе над моей головой, пытаюсь различить там присутствие какой-либо формы сознания. Но я ощутила лишь некий разум, который принимал этот мир, со всеми его противоречиями и хаосом, как нечто само собой разумеющееся. Он как бы говорил: "Таков этот путь; ты не выиграешь ничего, если

будешь сопротивляться или жаловаться. Просто прими его". Это было немилосердно,

просто спокойно и холодно, как-то приземляюще.

О, да я знаю, кто это. Это просто очередная версия моего Наблюдателя. Я проецирую ее на что-то "внешнее", но это часть моей собственной психики, нравится мне это или не нравится.

Я легла на спину, глядя на бездарную возню летающих кусочков и точек.

Что

общего у меня с ними? Ладно, я уже распознала здесь проекцию своего Наблюдателя;

но зачем мне все это?

Усвоение всего этого как части самой себя улучшило мое чувство самоконтроля, но я все еще не могла ответить на истерзавший меня вопрос: что представляет собой этот аспект моего сознания? Не является ли он, в то же время,

аспектом вселенского сознания? Да, конечно. И тут я снова попала в старую ловушку. Чем бы ни было вселенское сознание, наше собственное сознание - это его

отражение. Та часть самих себя, которую мы предпочитаем - удобная, эмоциональная, любящая, заботливая - уравновешена другими частями, включая и ту,

которая проявилась во время сегодняшнего опыта и характеризуется холодным знанием, приятием реальности, нехваткой эмоциональной теплоты или отзывчивости.

Она не враждебна этим чувствам, но не вовлекается в них. И, конечно же, это описание моего Наблюдателя, ибо его функция состоит в том, чтобы наблюдать и учиться.

Мы с Шурой лежали рядом, держась за руки и слушая одно из моих любимых музыкальных произведений Рахманинова. На потолке по-прежнему возились слегка пульсирующие квадратные амебы со своими ядрышками, но я уже не пыталась в них разобраться.

И вдруг я вспомнила об одной вещи, которая взволновала меня вчера, и рассказала о ней Шуре:

- Я думаю про тот сон, который я нашла в компьютере. Я записала его очень

давно, и когда я вчера его прочитала, я даже не смогла вспомнить, видела ли я

его на самом деле. Странно, но в моей памяти не осталось и следа. Я прочла это как рассказ о ком-то другом. Это обеспокоило меня. А сейчас мне кажется, что, если я в свое время хорошо поняла этот сон и записала его, у моей памяти просто отпала необходимость сохранять его.

- А что тебе снилось? -- спросил Шура.

- Ты и наши дети, и мы все время превращались друг в друга; мы все были и собой, и друг другом. Мы все находились в одном месте, и там было ужасно сильное энергетическое поле, то есть: мы сами были энергетическим полем. Хороший сон. Вроде тех, что ты называешь "снами самадхи" - такое блаженство.

Мы сделали попытку заняться сексом, но мои усилия были неискренни, и в конце концов я сказала Шуре, что слишком расщеплена:

- Никак не могу сосредоточиться, дорогой. Знаешь, а давай попозже?

Он положил мою голову на свое плечо:

- Сейчас тебя ведет инстинкт, милая. Просто лежи и говори мне обо всем, что происходит.

Тут мне наконец пришло в голову спросить его, что же чувствует он сам.

Он

задумался, потом ответил:

- В общем, наслаждаюсь музыкой и чувствую себя в хорошем месте. Но, - хочешь верь, хочешь нет - у меня нет абсолютно никаких визуальных эффектов.

Я подняла голову и взглянула на него сквозь вуаль гнилой расцветки (большей частью коричневую и темно-красную):

- Ну, ты даешь! Неужели СОВСЕМ никаких видений?

Он пожал плечами и покачал головой:

- Пожалуй, этого следовало бы ожидать, особенно после всех экспериментов, что были на этой неделе. Но ничего, все в порядке. Зато твоих видений, похоже, хватит на нас двоих!

Полежав рядом с ним еще немного, я сказала, что хочу снова попробовать что-то записать, если, конечно, он не против. Он сказал:

- Конечно. Иди, пиши. А я полежу здесь и послушаю музыку.

Уже пройдя в кабинет за столовой, я поняла, какая я эгоистка и как много внимания я уделяю собственным ощущениям. Я задумалась о том, почему я проявляю

так мало чуткости к Шуре. Но, что удивительнее всего, моя самопоглощенность совсем не беспокоила меня.

Я не знаю, стоит ли притворяться, будто я что-то чувствую. Ведь он же знает, что я его люблю; он знает, что я обычно подстраиваюсь под него с ним. Сейчас это просто мой способ действий. Я должна следовать своему инстинкту и не

предпринимать никаких действий. Если бы я попыталась его обмануть - вот это бы обидело его по-настоящему.

Я села за компьютер. На этот раз клавиатура была уже ясно видна, и когда я начала описывать то, что казалось неопишваемым, мне стало ясно, что досадное разделение моего ума уже прошло, и я вполне способна подыскать слова для описания пережитого. Я снова в строю: я могу пользоваться словами, могу сказать все, что хочу. С другой стороны, узоры, которые заполняли все пространство еще

полчаса назад, сильно поблекли. Они фактически совсем исчезли. Теперь ни один из внутренних образов не мешал мне работать.

Где-то в половине второго мы вернулись в спальню. Секс получился сам собой, но мы никак не могли достичь оргазма. В этот раз меня вроде бы ничто не отвлекало: видения исчезли. Звучала милая музыка Шумана, которую мы оба знали с детства, и мы вместе подпевали знакомые мелодии. Но я все еще не могла отделаться от чувства, что очень большая часть моей умственной и эмоциональной сосредоточенности находится где-то далеко от моих бедер.

Из моих заметок, сделанных на следующий день:

"Сон был приятным, сновидения -- ясными и с чистой цветовой гаммой, а абсолютно не похожими на сны после приема 2С-В, с их блеклыми цветами и назойливыми повторениями.

Проспав довольно долго, я проснулась энергичной, спокойной и удовлетворенной. Было желание писать, заглянуть в кухню, наслаждаться любой деятельностью. Вполне обычной.

Удивительный опыт, и я решила в другой раз попробовать другие грибы и посмотреть, что получится. Это было сложно и повергало в отчаяние, но в этом был некий вызов и, как ни странно, я чувствовала себя вознагражденной. Здесь есть чему учиться".

Некоторое время спустя я побывала на фуршете у одного моего друга. Здесь присутствовало еще около четырех десятков "людей Системы" (так мы называем своих многочисленных друзей, интересующихся изучением человеческой психики). Я сидела

в безлюдном уголке на первом этаже, с сигаретой и фруктовым напитком. Сквозь большое окно я наблюдала, как Шура, драматически жестикулируя, увлеченно беседует с каким-то светловолосым молодым человеком. Я люблю наблюдать за ним:

за его энтузиазмом, за удовольствием, которое он получает от новых от идей. Все его 69-летнее тело в такие минуты буквально излучает живой свет его восемнадцатилетней души.

Тут мое уединение нарушила моя подруга. Это была Сара Винсент, еще одна юная душа в пожилом теле. К тому времени она уже опубликовала книгу о своих экспериментах с телепатией.

Сара - выдающаяся женщина. Она прошла через брак, развод, материнство, поражения и победы, но даже сейчас, в свои шестьдесят, почти совсем седая, она постоянно крутит романы, иногда даже с более молодыми мужчинами. Ее доброе живое лицо светится материнской теплотой, а умный и пронизательный взор говорит о причастности к запредельной шаманской мудрости. Я всегда узнаю от нее что-нибудь новое. Сара участвует в психоделическом движении с самого начала, и ее

увлеченность исследованиями работы сознания, стимулируемая тем, что она увидела и пережила после приема психоделических препаратов, привела ее к исследованию мозговых волн и телепатии.

Мы немного поговорили о ее книге и работе; потом разговор зашел о моем эксперименте с грибами. Меня все еще волновало то, что на пике эффекта я не смогла описать свои видения, и я рассказала ей об этом:

- Понимаешь, Сара: я могла описать все, что угодно, я могла говорить о чем угодно; но, когда я пыталась подобрать слова для того, что видела вокруг - для всех этих узоров, видений и даже для тех, что были при закрытых глазах, -- я теряла дар речи. И только потом, когда видения поблекли, я смогла снова пользоваться словами и описать все без особых проблем. Но что же мне мешало прежде?

- А какие узоры ты видела? -- поинтересовалась Сара.

- Что-то вроде переплетения веток и листьев - нет, не то! Это было как мелкая проволочная сетка, но ячейки там были не квадратными, а напоминали амеб, и в центре каждой была черная точка, вроде ядра амебы. Вот, примерно так они и выглядели.

- Плоские или объемные?

- Объемные. Ими было заполнено все пространство вокруг меня - понимаешь, мне казалось, что воздух буквально кишит ими, куда бы я ни взглянула.

- Верно, верно.

-- И все это имело очень мрачный оттенок. Зрелище не из приятных, но, - это самое главное, - я не могла его описать. Я могла рассказать Шуре о чем угодно, но не могла сказать ни слова о том, что я вижу, и я подумала, что между двумя полушариями моего мозга, наверное, возникла какая-то преграда.

- Да. Так оно и есть, - сказала Сара, отхлебнув из своего стакана.

- Неужели?

Просто удивительно!

- Ладно, - сказала я. - Но меня интересует другое: что это значит, когда ты смотришь на совершенно простую вещь, и не можешь воспользоваться той частью своего разума - своего мозга, - чтобы найти слова. Ты здесь что-нибудь понимаешь?

- Здесь очень важно фокусирование внимания, -- ответила Сара. - У меня часто бывает так: когда я хочу вспомнить чье-то имя, я как бы вижу этого человека, слышу его голос, а иногда вспоминаю даже его запах или костюм. Но имени-то при этом я как раз и не могу вспомнить!

- Ну, и...?

- Ну, и это, большей частью, происходит оттого, что я привыкла использовать визуальную систему в качестве доминирующего когнитивного инструмента, причем часто вне всякой связи с вербальной системой. В результате, чем сильнее визуальный стимул, тем меньше шансов вспомнить его название.

- Ага, ага!

- Вот так и возникает разделение, - тут Сара прикрыла глаза, как бы приглядываясь к чему-то внутри себя. - И даже в нашей телепатической работе часто бывает, что два человека описывают одну и ту же картинку совершенно по-разному.

Наверное, она имеет в виду эксперименты по дальновидению.

- А когда кто-нибудь пытается принять картинку, - продолжала она, - то

иногда он видит ее правильно, а описывает неправильно, а иногда описывает правильно, но видит неправильно.

- Как странно! - сказала я.

- Да, странно, - подтвердила Сара. - И с той же странностью мы сталкиваемся

и в твоём случае. Вербальная система может быть совершенно независима от визуальной. Понимаешь ли, у некоторых людей вербальная система играет доминирующую роль в процессе мышления; и когда они говорят какие-нибудь каламбуры, я просто теряюсь. Пока они говорят о каком-нибудь предмете, я представляю себе этот предмет, и вдруг - каламбур! Слово меняет значение, и мне

приходится перестраивать всю линию своего мышления. "Да, - говорю я себе, - это,

наверное, просто шутка". Но для меня-то это не шутка, я как на стену натыкаюсь,

потому что мой доминирующий когнитивный процесс не вербальный, а визуальный! И

все шутники смеются, что юмор до меня туго доходит, но все это происходит лишь

потому, что я использую соответствующую часть своего мозга совсем не так, как они.

- И видения, о которых я рассказывала... - начала я.

- ...представляют собой что-то вроде проекции изнутри тебя самой. Ты проецируешь их на поверхность того, что происходит в твоих визуальных процессах,

и если они у тебя и в самом деле доминантны, то они могут быть совсем не связаны

с вербальными. Поэтому иногда ты не можешь рассказать о том, что видишь.

- Но почему же при этом я могу говорить обо всем остальном?

- Потому что это уже совсем другой процесс. Ты можешь - ты видишь; но ты просто не создаешь вербальной связи...

- ...с тем, что происходит в визуальной сфере, - закончила я.

Я могла говорить с Шурой, поскольку речь шла не о том, что я видела, а о мыслях и чувствах, которые я не воспринимала визуально.

- Для тех, кто не умеет мыслить визуально, - продолжала Сара, - основная трудность при овладении этим стилем мышления заключается... ну, ты понимаешь: например, кто-то что-то нарисовал (тут она поводила в воздухе воображаемой кисточкой со звуком "чш-чш-чш" - очевидно, подражая шуршанию щетины). Так вот:

кто-то что-то нарисовал, а другие спрашивают: "Что это такое?", потому что они

же должны прилепить к этому какое-нибудь слово: это должно быть, например, "листочком", или ЧЕМ-то там еще должно быть, верно ведь?

- Пусть они потренируются на картинах Клиффорда Стила, - предложила я.

Сара

рассмеялась: она явно знала этого художника.

- Если ты мыслишь в красках, - сказала она, - если у тебя функционирует цветовой разум и формальный разум, то слова тебе вовсе не нужны. Допустим, ты ищешь Мэрион Стрит, видишь табличку "Мэрин Стрит" - и тут же поворачиваешь на эту улицу, и уже потом понимаешь, что ошиблась. Потому что ты только взглянула

на первые буквы и уже решила, что нашла то, что искала. Таким образом и происходит... (тут она запнулась, то ли подбирая слова, то ли заметив, что я начинаю терять нить разговора смущение) ...происходит смешение в области намерения.

- Намерения, - повторила я. - То есть фокусировки.

- Пусть так. Я думаю, ты знаешь, что все, кроме запахов, прежде чем попасть в кору головного мозга, сперва проходит через таламус, а таламус-то как раз и является областью намерения. Он играет роль переключателя: вот он, как раз здесь, в центре, на полпути от глаз к затылку, точно между ушей - такой себе переключатель (все это Сара показала пальцем на собственной голове). И иногда возникает синестезия, когда человек чувствует запах звука (она переплела пальцы; я с улыбкой кивнула ей, потому что хорошо знала и любила ощущения такого рода) или слышит цвета, и все такое. Об этом есть целый раздел в Тибетской Книге Мертвых, которую перевел Тим Лири и другие ребята - это и есть Психоделический

Опыт. Кстати: а у тебя есть эта книга?

- Тибетская Книга Мертвых? Есть. Я не помню точно, где она лежит, но она у нас есть.

- Так вот: когда Лири, Метцнер и Альперт переводили ее, они сами находились в одном из Бардо. И когда ты видишь все эти узоры и формы, и полностью вовлекаешься в эти узоры и формы, то они становятся местом, куда ты можешь пойти, и обычно - увы! -- это не слишком продвинутый уровень: он может тебе даже не понравиться, ты его можешь совсем не принять.

- Так оно и было, - сказала я; но потом, немного подумав, добавила: - Хотя, знаешь, Сара - все эти плавающие сетки были мне знакомы, я их уже много раз видела перед этим. Там не было ничего нового: просто узоры, как на змеиной коже. В общем, ничего такого, что бывает после настоящих психоделиков, - ну, ты знаешь о чем я говорю.

- Да, - кивнула Сара. - Мы все это видели.

- То есть, и этих летающих амеб - ты их тоже видела?

- Не совсем, но что-то подобное приходилось видеть. Бывают энергетические контуры предметов, и бывают такие вот маленькие прозрачные штучки - и то, что мы видим, частично приходит из предсознания, частично - выдергивается из окружающей среды, а часть того, что ты видела, - это просто проекции твоих собственных палочек и колбочек и узоров, которые они образуют.

Палочки и колбочки! Господи мой Боже!

Сара села на место, и, улыбнувшись, продолжила:

- Года четыре тому назад, когда я преподавала студентам, которым не терпелось поиграть в психические игры, я использовала в качестве мягкого стробоскопа старый 16-миллиметровый проектор. Частоту мерцания можно было изменять таким образом, чтобы она входила в резонанс с мозговыми волнами. Старый

кинопроектор дает 18 кадров в секунду, и этого почти достаточно, чтобы видеть серию непрерывных картинок как одну постоянно движущуюся. Но при 13 кадрах в секунду мои студенты уже рисовали четкую картину интерференции волновых форм.

Интерференция волновых форм: интересно, а как это выглядит?

- При частоте от 6 до 10 кадров в секунду, которая соответствует тета- и альфа-ритмам головного мозга, - продолжала Сара, уже полностью поглощенная своим предметом и сияющая от удовольствия и возбуждения, - большинство студентов

рисовало мандалоподобные узоры с раскраской в горошек. Они описывали эти узоры

как постоянно изменяющиеся от красного к зеленому, или от красно-оранжевого к синему, где цвета перетекали один в другой, двигаясь в противоположных направлениях. Таким образом, если мы посылаем глазу сигнал в том диапазоне, в котором работает глаз, то человек видит не то, что он видит, а то, чем он видит.

Я собрала больше сотни подобных рисунков, и поэтому смогла основательно изучить результаты опыта.

- Да, - сказала я с некоторым недоумением, вежливо давая понять, что ее рассказ требует дополнительных объяснений.

- Ну вот, - сказала Сара, слегка наклонившись ко мне, - допустим, мы берем обычный проектор, включаем, направляем на экран и закрываем отверстие объектива.

И, в результате, что мы видим на экране? Конечно же, нить накала самой проекторной лампы! То же самое происходит, если мы заставляем свет мерцать с той

же частотой, на которой работает зрительный центр головного мозга. В этом случае

свет служит как бы экраном, на который проецируются палочки и колбочки нашей сетчатки. А иногда среди всего этого можно увидеть даже собственные мыслеформы.

Мыслеформы?

- В этом случае, - продолжала Сара, - фокусирование визуальной системы становится таким интенсивным, что ее режим начинает доминировать, и вербальная

система оказывается как бы не связанной с тем, что ты видишь. Но мерцающий свет

- не единственный способ стимуляции этого процесса. Как ты уже знаешь, это можно

сделать и с помощью некоторых препаратов. Картина получается почти та же самая:

ты смотришь на человека, но то, что ты при этом видишь, частично состоит из его

энергетических полей, а частично - из того, что находится внутри твоих собственных органов зрения. Это очень-очень древнее, изначальное состояние зрения. И оно очень плодотворно. Некоторые основные шаблоны видений могут показаться нам бессмысленными, но, в любом случае, это Бардо, и в нем всегда можно застрять.

- Ты назвала это состояние "плодотворным" - но почему? Ты считаешь, оно плодотворно потому что оно выводит нас в глубинные слои нашего разума? Или потому что оно открывает подсознание и создает свободный поток понятий?

Сара отхлебнула из стакана, поставила его на поднос, улыбнулась и ответила:

- Понимаешь ли, мы всего лишь скользим по поверхности этого плодотворного

пространства - но даже это поверхностное проникновение позволяет нам осознать глубинный слой своего мышления. Вот почему я так интересуюсь телепатическими образами. Я собрала сотни отчетов о телепатических беседах между парами, которые

пытались углубить свое общение друг с другом. Часто они обнаруживают, что некоторые глубинные мысли, которые они никак не могли сообщить не то что бы друг

другу, а даже самим себе, вдруг выходят на поверхность. В раскрытии предсознательных понятий разум визуальной системы часто оказывается более

откровенным, чем вербальный разум.

- Это понятно, - согласилась я. - Но вот другой вопрос: если принимать грибы достаточно часто, то можно ли все-таки научиться описывать то, что видишь при этом? Или все, что можно сделать - это просто сидеть и ждать, пока к тебе вернется дар речи?

- Ну... - начала Сара, но я перебила ее:

- Что, по-твоему, нужно делать, чтобы научиться...

- ...видеть и описывать одновременно? По-моему, ничего. То, что ты видишь, ценно само по себе.

- А как же тогда фиксировать результаты эксперимента?

- Но ведь ты же можешь описать их потом, как, например, сегодня пересказала мне.

- Конечно, причем без особого труда.

- Нельзя одновременно заниматься любовью и сочинять стихи о любви. Стихи придут потом. Когда ты полностью сосредоточена на синхронизации своих мозговых

волн с волнами своего партнера, ты можешь заниматься только этим. Любое постороннее действие - и синхронизация уже нарушена. Если ты начнешь говорить о

синхронизации - ты сдвинешь всю энцефалограмму, и вы уже не сможете продолжить то, что начали.

- Но неужели здесь ничего нельзя сделать?

- Кое-что можно. Под гипнозом. Я погружаю человека в глубокий сон и внимательно наблюдаю за его лицом, так что я могу понять, когда у него начинаются видения, когда он думает о чем-то эмоциональном,...

(Я кивнула. Когда-то я сама работала психотерапевтом, и поэтому знала, как много можно понять по выражению лиц пациентов, погруженных в глубокий транс.)
-...и потом, в определенный момент, я прошу его описать, что он видит и ощущает, чтобы стабилизировать процесс запоминания и интегрировать ментальные функции. Но и в таком эксперименте всегда есть длительный период времени, когда

пациент не может ничего описать - хотя явно переживает какие-то видения!

- Понимаю, - кивнула я. - Да, я поняла, что ты имеешь в виду. Попытки задействовать речевую функцию изолируют меня от реального опыта и не дают ничего

полезного - если учесть, что способность описывать увиденное со временем восстанавливается сама по себе.

Сара потянулась через стол и прикоснулась к моей руке:

- Да. Именно это я и имею в виду.

- Спасибо, моя дорогая, - ответила я. - У меня была проблема - вернее, я считала, что у меня есть проблема. А ты дала мне новый подход, который я так искала.

- Пожалуйста, заходите еще, - улыбнулась она, и мы стали беседовать о чем-то другом.

Так, благодаря Саре, я избавилась от своих вечных попыток контролировать ход эксперимента и научилась просто переживать все, что со мной происходит. Может быть, иногда мне все-таки приходится "застревать" в каком-нибудь Бардо

- тут стоит пояснить, что этот буддийский термин означает промежуточные миры, по которым странствует душа после смерти. Образы Бардо варьируются от простеньких,

почти карикатурных фигур, не имеющих ни глубины, ни смысла, до вполне реальных демонов и монстров, воплощающих в себе сокровенные темные стороны нашей души. Однако я верю, что Бардо дается нам не просто так. Это место, где душа, освободившаяся от тела (в результате смерти или после приема психоделических препаратов) должна встретить и осознать все эти отражения своего бессознательного "я" - и проникнуть в их суть.

Но как же быть с летающими амебами или кусочками леденцов? Наверное, их просто нужно переждать - терпеливо и спокойно. В конце концов, время изменит все - если дать ему шанс.

И все-таки, когда я снова встречу с Сарой, я спрошу ее об этом.

ГЛАВА 6. ПАНСОФ-2

(Говорит Шура)

Состояние моих сновидений всегда казалось мне весьма неудовлетворительным.

Не то чтобы во снах не было ничего интересного - просто мне слишком редко удавалось запомнить их как следует. Конечно, я уже много раз слышал этот совет:

едва проснувшись, спроси себя: "Что мне снилось?", и тогда ты вспомнишь все. Но

в этом случае одна проблема просто-напросто заменяется другой, потому что лично я всегда забываю задать себе этот вопрос.

Но у моих снов есть одно индивидуальное свойство, о котором я знаю наверняка. Мне никогда не снятся цветные сны. Если там и появляется какой-нибудь

цвет, то я просто понимаю его из контекста, чисто логически. Например, переходить дорогу нужно на зеленый свет. Я вижу зеленый свет и иду. Но на самом

деле он не зеленый, а один из оттенков серого. Лишь изредка здесь может появиться что-то цветное - вроде клумбы желтых цветов среди серого пейзажа; но

тут я сразу же просыпаюсь, как будто произошло что-то недозволенное. Да, все выглядит именно так, как будто что-то не позволяет мне видеть цветные сны.

Один из редких случаев, когда моя сновидческая амнезия дала осечку, произошел после группового эксперимента с альфа-О-ДМТ. На следующий день двое участников опыта сообщили о жутких сновидениях: им снились катастрофы, рушащиеся

здания и умирающие люди. И я вполне мог почувствовать себя на их месте, поскольку в ту ночь мне тоже приснился весьма примечательный сон, и главное - когда я проснулся, я смог ясно вспомнить его. Тогда я просто сказал себе: такое

нельзя забыть. Этот сон был построен как кинофильм, разбитый на сцены и диалоги.

И сейчас, пятнадцать лет спустя, когда я записываю его, он все еще стоит у меня

перед глазами. Я ясно вижу название этого фильма: ГОЛЫЙ ЗАД; это ехидная шуточка, обыгрывающая название одного космического корабля, "ПанСоф-2", которое

произносится почти как pants-off, too ("тоже без штанов"). Быть может, кому-то

этот сон покажется кошмарным; я же посчитал его чрезвычайно занятным.

Разумеется, он был черно-белым - как и все мои сны.

ГОЛЫЙ ЗАД: ИСТОРИЯ ОБ ИНФОРМАЦИИ

ВТОРНИК: ДЕНЬ ЛЮБОПЫТСТВА

Небо было невероятно густо полито черной красной и посыпано бесчисленными звездами, разбросанными там и сям в случайном порядке. Некоторые из них напоминали белые кляксы: наверное, то были галактики. Другие проявляли индивидуализм и стояли сами по себе. Ни одно из созвездий не было похоже на то, что привыкли видеть над собой многие поколения людей. Конечно, все звезды остались на своих местах, но точка обзора сильно сместилась и продолжала стремительно смещаться.

Виллард был сыном дочери одного из членов первоначальной команды космического корабля "ПанСоф-2". Корабль стартовал 62 года назад, и за это время бабушка Вилларда, Джейн Виллард Робертсон, уже стала мифом и превратилась в фотографию на рабочем столе. Какая странная роскошь: иметь три имени, когда вполне можно обойтись одним!

Сегодня Виллард был дежурным по исследованиям и сообщениям. Он закончил обзор возможных результатов одночасового пеленг-теста, проведенного сегодня утром. Все они (как всегда) были отрицательными. Сделав дело, Виллард перебрался в кормовой отсек и сел в удобное обзорное кресло. Он включил экран телескопа и снова подумал о том, что одна из этих бесчисленных светящихся точек когда-то дала начало его роду, а значит, и чуду его собственной жизни, и что он едва ли сможет когда-нибудь увидеть этот исходный пункт таким, как он есть. От этой мысли веяло неутолимой печалью.

Накрыв экран гелиоспектроскопическим фильтром, Виллард быстро отыскал нужную точку. Она стояла там же, где и всегда, рядом с крестиком прицела, и ярко светилась в окружающем мраке. Это было Солнце - та звезда, откуда он родом.

Виллард вручную вывел Солнце точно на середину экрана и тщательно измерил микрометрические параметры, по которым на Земле будут судить об отклонениях гравитационного поля, порождающих ошибки в расчетах. Эта операция позволяла подкорректировать расположение антенн передатчика и отправить на Землю очередное сообщение.

Вокруг Вилларда простирался чуждый и бесплодный мир, но сам он воспринимал его совсем иначе, поскольку жил здесь с самого рождения. Он родился на корабле, несколько десятилетий тому назад, затем подвергся ритуальной вазэктомии и был

обучен работать с часами, поддерживать связь с Землей и обслуживать базы данных. Теперь он был одним из четырех навигаторов, работал "сутки через трое" и делил со своими коллегами знание о том, где они находятся и куда летят. Он знал, что через пару лет молодой Бродерик подрастет, и навигаторов снова станет пятеро; а если Сара родит мальчика, то через пару десятилетий будет и шестой им на подмену.

Подключившись к радиоантенне, Виллард начал прием сообщений с Земли. Это произошло точно в 14:22.37, согласно показаниям его наручных часов и маленького прямоугольничка в правом нижнем углу экрана. В ответ на запрос он привычно ввел свой пароль и получил несколько строчек текста. Это были новости из жизни человечества, оставшегося на Земле. Правительство Сербии выдвигает очередное политическое требование; ученые предлагают новую методику изучения изменений в окружающей среде; обнаружен вирусный возбудитель заболевания, которое прежде считалось наследственным. Он подумал, что внесет эти информационные крохи во временную энциклопедию. Базовая память в любом случае должна была остаться неприкосновенной.

Виллард очистил экран, переключился на передачу и отослал данные о тонкой настройке на центр Солнца, чтобы те, кто остались на Земле, могли проследить за гравитационными отклонениями курса "ПанСофа-2" в настоящий момент. Расчеты заняли всего несколько минут; но до Земли они дойдут не раньше, чем через три года.

Виллард совсем не знал о том, что, пока их корабль летел в безбрежном пространстве, на Земле произошло много неприятностей и перемен. Новости с Земли всегда были скромными, поскольку их приходилось излагать в форме, понятной для экипажа корабля. Последним живым членом экипажа, еще помнившим жизнь за пределами корабля, была Матушка Бесс, рассказывавшая невероятные истории о своем детстве. Хотя она уже умерла, ее рассказы сохранились на пленках, и их слушали снова и снова. А в базовой памяти хранилось огромное множество историй, которые можно было свободно копировать и читать на досуге. Но все эти истории, конечно же, были современными лишь в момент отлета с Земли, много лет тому назад. Виллард знал о том, что первый "ПанСоф", по-видимому, исчез, и судьба его до сих пор оставалась неизвестной. Вот почему связь с "ПанСофом-2" возобновлялась ежедневно, как некий строгий ритуал.

Информация, хранившаяся в базовой памяти, в сущности, была единственным предназначением корабля и основной причиной его существования. Здесь содержалась огромная база фактических данных об истории Земли, обо всех научных открытиях и изобретениях, искусствах, музыке и литературе рода человеческого. Это была полнейшая из записей, которая должна была сохраниться даже в том случае, если Земля погибнет. Любой из элементов этого собрания мог быть скопирован из

головного компьютера на любой из существующих компьютеров корабля – для работы или для развлечения; а потом его всегда можно было стереть за ненадобностью. Но

существовало одно жесткое операционное правило, не подлежащее сомнению – скорее,

даже не правило, а нечто вроде священной догмы. Базовый банк данных был самой полной записью Земли на день отлета корабля, и он должен был оставаться неизменным. Этот закон не был нарушен ни разу.

Поиск ответа на одночасовую передачу радиопеленга корабля был частью рабочего распорядка навигатора; после этого ему полагалось заняться изучением какой-либо научной дисциплины, чтобы скоротать оставшееся время дежурства. Виллард был доволен тем, что сеанс связи завершен; он знал, что беременная Сара

сидит дома и занимается хозяйством. Остаток дня он мог провести по своему усмотрению. Он еще раз осмотрел все контрольные лампочки – гироскоп, редуктор углекислоты, реактивные двигатели, питание базовой памяти и банк спермы, записи

поиска радиопеленгов, – все было в полном порядке. Поэтому Виллард расслабился и

занялся своим личным научным заданием – игрой с числом "пи" на многомерных матрицах.

Его нынешнее хобби заключалось в том, чтобы выразить число "пи" в какой-нибудь четной системе счисления, а затем производить случайное блуждание в

системе, мерность которой составляла половину от основания выбранной системы счисления, и при этом выражать все наугад выбранные числа через реальное значение "пи". Он вызвал из базовой памяти в головной компьютер (обычно его называли "энциклопедией") значение "пи", которое сохранялось там как чистый факт, точно вычисленное до десятого в десятой степени знака после запятой. Затем

он начал манипулировать им в шестеричной системе счисления. Началось великолепное шествие нулей, единиц, двоек, троек, четверок и пятерок, выскакивавших одна за другой как бы в случайном, но на самом деле в

случайном порядке. Где бы он ни остановился, следующее число было ему неизвестно, но он понимал, что при простом запросе об очередном выражении какого-либо степенного ряда ему покажут следующую цифру. Какой она будет – предсказать невозможно, и все же это жестко предопределено. О, как это сладостно

и жутко – ждать новой цифры, абсолютно неизвестной ему, но полностью зафиксированной в самой природе вещей.

Всего лишь на одно мгновение Виллард отвлекся, утратил внимание, но это мгновение могло изменить все данные совершенно неожиданным образом. Он сохранил

результат своей дневной теоретической игры, внося слегка расширенное значение числа "пи" в память. В головном компьютере его могли стереть или переложить в чужую папку; но Виллард присвоил файлу код галактической информации и, таким образом, значение числа "пи" возвратилось в базовую память уже исправленным. Так

было нарушено основное правило.

СРЕДА: ДЕНЬ НЕСОВПАДЕНИЯ

На следующий день на дежурство заступил Чарльз, который опять провел пеленг-тест и снова совершил ритуальный (и столь же безуспешный) поиск откликов.

Перебравшись в кормовой отсек, он включил экран телескопа и, произведя традиционную проверку часов, обнаружил, что здесь возникла неполадка. Часы на экране отставали от его наручных часов на целых три секунды! О, как он обеспокоился! Он послал запрос на корабельный компьютер: там показания часов в точности совпадали с теми, что он видел на экране. Он проверил батарейку в своих часах: она была в полном порядке. Тогда он подключил свои часы к трансферной плате терминала и перезагрузил их. Теперь их показания совпадали с показаниями компьютера, и все было в полном порядке. Тем не менее, он отметил это событие в корабельном журнале.

Приемное время в этот день было установлено с обычным приращением – 14:23.37. У Чарльза мелькнуло сомнение: сверять это время по собственным наручным часам, или же по бортовому компьютеру? Но он решил, что, скорее всего, прав компьютер. Он вывел на экран участок, где находилось Солнце, и впервые в жизни увидел, что ни одна из нескольких звезд не находится рядом с прицелом. Очевидно, в изображение вкралась еще какая-нибудь ошибка. Спектроскоп быстро обнаружил, какая из звезд является настоящим Солнцем, но на этот раз Солнце оказалось гораздо правее, чем когда бы то ни было. Наверное, корабль вошел в поле притяжения какого-нибудь массивного невидимого тела. Чарльз установил Солнце в центр экрана, но тщательно записал необычно большие показания микрометра и верньера. Он посмотрел в телескоп, настроил радиоантенны и еще раз проверил их.

Приемник был включен, и тут случилась еще одна неожиданность. Сообщение с Земли, которое обычно печаталось в нижней части экрана, уже пошло. Часть его была утрачена. Закончив прием, он отметил потери порядка нескольких секунд. И тут он с ужасом осознал, что при утренней проверке времени ошибка была не в его часах, а в часах бортового компьютера! Переключившись в режим передачи, он послал на Землю показания верньера и обычные отрицательные результаты пеленг-теста. Слегка поколебавшись, он решил не сообщать на Землю ни о нарушениях в работе часов, ни об отклонении реального положения Солнца от расчетного. Он хотел сперва поработать с этим сам. Если здесь действительно возникло какое-то новое гравитационное поле, влияющее на курс корабля, то его можно быстро проанализировать и внести соответствующие изменения в бортовые программы корабля. По крайней мере, это лучше, чем ждать указаний с Земли.

Что же произошло? Тот факт, что Чарльз все-таки нашел Солнце (и получил передачу с Земли), наметнул ему, что правильнее всего было бы начать с проверки часов. Он вывел на монитор точное время из головного компьютера и, подключив свои часы к трансферной плате, спроецировал точное время с них на экран. Данные были напечатаны одно над другим – и снова разошлись! Его часы обгоняли головной компьютер почти на секунду. Может быть, эти опасные изменения в главном часовом

кристалле корабля возникли из-за вхождения в гравитационное поле какого-нибудь удаленного массивного тела?

Чарльз направился в спальные каюты, нашел койку Джонатана, высвободил руку своего друга из-под одеяла и осторожно отстегнул его часы. Затем он вернулся к главной консоли, спроецировал их показания на монитор и обнаружил, что их показания отличаются и от его наручных часов, и от корабельных. Корабельные часы шли медленнее всего, часы Чарльза были посередке, а часы Джонатана шли быстрее всех. Он вернулся в каюты, быстро собрал еще десять часов и вывел их показания на монитор. Все они до сотых долей секунды совпадали с показаниями часов Джонатана. Чарльз понял, что его часы отстают от всех остальных из-за того что он подкорректировал их показания по корабельным часам. Да, компьютер был совершенно не прав.

Что же делать? Попытаться подкорректировать корабельные часы? Это довольно просто, но это только скроет проблему, а не решит ее. Самый логичный первый шаг – запустить проверку системы. И вот по экрану пошли верификационные строчки, но, если при обычных обстоятельствах каждая строчка точно совпадала со своей контрольной формой, на этот раз Чарльз увидел, что здесь даже не один, а целых два сигнала тревоги. Он читал о подобных случаях в учебниках и знал, с какой опасностью это связано. Но за всю свою жизнь и за всю свою практику с радио и навигационной работой он еще ни разу не видел настоящего сигнала тревоги.

Одна ошибка была в памяти головного компьютера, другая – в базовой памяти корабля. Последнее было еще терпимо, поскольку не угрожало жизненным функциям корабля. Чарльз подумал о том, чтобы поднять остальных членов команды: он должен был бы это сделать в случае любой серьезной опасности. Но, в конце концов, все это может быть связано с одной-единственной ошибкой, да еще со сбоем его собственных часов. Он вполне в состоянии исправить это самостоятельно. Конечно же, первым сигналом тревоги было расхождение между наручными и компьютерными часами. Очевидно, в кристаллическом хронометре возникла погрешность. Хорошо еще, что он настроил по этим ошибочным показаниям только свои часы: все остальные часы согласовывались друг с другом, и их показания можно было использовать для перенастройки корабельных часов.

Углубившись в проблему измерения времени, Чарльз стал искать, где спрятана неполадка и как ее исправить. При более детальном рассмотрении обнаружилось, что проблема заключается не в цезиевом осцилляторе, а в программе, которая преобразует его первичные сигналы в секунды, а затем в минуты, часы и дни. Ошибка была не в оборудовании, а в расчетах. Очевидно, сам механизм часов разладился. Однако нет: все платы и чипы были в полном порядке. Провести серию

испытаний под напряжением. Все данные в допустимом диапазоне. Материальная часть компьютера без дефектов. Провести динамический тест.

Чарльз ввел проверочное уравнение. Прошло время, которое уже почти (но еще не совсем) превышало установленный лимит, и уравнение было решено. Ответ, появившийся на экране, был неправильным.

Похоже, что-то вышло из-под контроля. Чарльз поспешил к каютам членов команды и включил систему, которая должна была за несколько секунд вернуть им чувство и сознание.

ЧЕТВЕРГ: ДЕНЬ ХАОСА

Собралась вся команда, кроме детей, их няньки и Джерома, который сегодня был дежурным по пеленг-тесту и передаче информации. Они сидели вокруг большого стола в центральной рубке. Обсуждением руководил Хьюго, старший навигатор корабля:

- Давайте попробуем выяснить, как далеко мы зашли на данный момент. Мы уже получили четыре сигнала тревоги из головной компьютерной системы. Первый - тот, что вчера был получен Чарльзом. Сегодня ошибки были отмечены в некоторых аспектах счисления пути, в доплеровском анализе возможных ответов на пеленги и

кое-где в связи с работой ядерного двигателя. Может быть, во всех случаях мы имеем дело с разными выражениями одной и той же ошибки - или это вся корабельная

система вдруг начала разваливаться на части?

- Не забывай о вчерашней ошибке в базовой памяти, - напомнил Чарльз.

- Спасибо, что напомнил. Таким образом, всего пять ошибок. Что в них общего?

- Может быть то, что все они связаны с расчетами? - предположил Джеймс.

- Надо проверить калькулятор, - предложила Мэри. - Если он дает правильные

ответы - значит, с ним все в порядке.

Это вызвало оживленные комментарии всех присутствующих:

- Но ведь ответы-то неправильные!

- А как узнать, какой ответ правильный, если калькулятор врет? Может быть,

твой "правильный" ответ как раз и есть неправильный?

- Это очень просто: выполни один и тот же расчет дважды, и ты получишь два разных ответа!

- Но ведь мы же этого не делали! Мы просто сравнили результат с тем, что было написано в справочнике!

- За исключением Чарльза, показания всех наших наручных часов совпадают.

Но

при этом отличаются от показаний часов головного компьютера.

- Но это уже полный абсурд!

Свободное обсуждение было прервано появлением крайне взволнованного Джерома.

- Я не могу найти Солнце! - воскликнул он. - Ни одна звезда на соответствующем участке не дает нужного спектра. Я потерял распорядок связи! Не могу его найти!

И тут Хьюго взорвался:

- Как же ты найдешь нужный спектр, если он вычисляется с помощью расчетов, а калькулятор врет?

В помещении повисло испуганное молчание. Всем вдруг стало ясно: возникла серьезная ошибка, и проверенные средства для выявления этой ошибки тоже могут ошибаться.

- Это значит, - сказал наконец Виллард, - что каждый неправильный расчет порождает неверную последовательность степенных рядов. Может быть, это просто зарубился тот участок встроеной программы, который имеет дело со степенными рядами?

- Да, но как проверить эту гипотезу? - спросил Хьюго.

- Я могу сделать это непосредственно исходя из расчета числа "пи". В моей папке лежат все степенные ряды и точный ответ.

- А откуда ты знаешь, что этот ответ правильный?

- Я переписал его из базовой памяти, вплоть до бог весть какого знака после запятой.

- Тогда приступай.

Тут вмешался Джером:

- Кто-нибудь, пожалуйста, пройдите со мной и помогите найти Землю. Последите за моей работой - может быть, я делаю что-то не так?

Группа разделилась. И никто не расслышал тихий шипящий звук, постепенно заполнявший весь корабль. По крайней мере, никто не прокомментировал его. Виллард сел за ближайший монитор, открыл свою личную папку и запустил текущие степенные ряды, которые он использовал для расчета числа "пи". Экран тут же покрывлся множеством единиц и нулей.

- Последней формой, с которой я работал, была шестеричная система счисления. Давайте преобразуем ее.

Еще несколько ударов по клавишам - и экран заполнился цифрами от нуля до пятерки.

- Смотрите: все работает нормально! - удовлетворенно произнес Виллард.

- А это правильный ответ? - поинтересовался Хьюго.

- Давайте вычтем его из базового параметра.

Еще несколько ударов по клавишам - но на этот раз никаких изменений не произошло.

- Базовый параметр исчез!

- Может быть, ты его стер?

- Да нет же! Я его сохранил.

- Где именно?

- Да вот здесь же, в моей... - и тут Виллард запнулся. - А не могло ли оно сохраниться в базовой памяти?

Хьюго тут же запустил проверку системы, чтобы отследить все сообщения об ошибках. Правила по использованию информации из базовой памяти были очень четкими. Все сведения подразделялись здесь на три класса:

Галактическое знание - универсальные факты, понятные для любых разумных существ Вселенной. Здесь были и физические константы, такие как скорость света и

Постоянная Планка. Здесь была записана масса протона и скорость полураспада углерода-14. Эти числа были одинаковы и на Земле, и на каком-нибудь Арктуре 4Б.

Такие данные считались основополагающими; они никогда не подвергались исправлению или проверке, но введены они могли быть только с помощью квантового

ключа. К числу таких данных принадлежало и число "пи".

Земное знание – факты, касающиеся исключительно Земли. Физические параметры

– например, о концентрации кислорода в атмосфере или о солености морской воды.

Хлорофилл и ДНК. Что-то подобное может быть и в других мирах, но эти параметры

свойственны только Земле и отражают историю ее развития. Они фактически точны,

но не универсальны. В основной памяти они лежали под историческим ключом, и их

позволялось свободно копировать. Изменениям они не подлежали. Ни один чуждый разум не мог внести сюда свою информацию, поскольку для нее здесь не было места.

Человеческое знание – все, созданное человеческим разумом. История человечества, произведения Шекспира, речи Цицерона, структура психоактивных веществ, причины, вызывающие депрессию. Эта информация была закодирована духовным ключом; но, поскольку она находилась в базовой памяти, она тоже оставалась неприкосновенной. Ее можно было копировать и хранить в личных файлах

или стирать оттуда – по усмотрению пользователей.

Итак, галактический ключ, исторический ключ и духовный ключ. Все они должны

были использоваться для загрузки базового компьютера, этого пан-софистического

хранилища всех человеческих знаний. Но все эти ключи остались на Земле, и таким

образом весь этот корпус знаний мог быть сохранен неизменным для будущих исследователей.

Между тем шипение, исходившее отовсюду, стало немного громче. Но его все еще никто не замечал.

Проверка, которую произвел Хьюго, выявила два сигнала тревоги. Он открыл то

самое сообщение ошибке в базовой памяти, которое было зарегистрировано еще вчера, но полностью проигнорирован. В нем значилось:

"Обнаружен несанкционированный документ. Система декомпилируется."

Хьюго нажал "Далее", и на экране появилось

ВСЕ ДАННЫЕ БУДУТ ДЕКОМПИЛИРОВАНЫ, МАТЕРИАЛИЗОВАНЫ И УСТРАНЕНЫ.

– Что же нам делать? Как это остановить?

Тут в помещение вбежала няня:

– С Салли что-то случилось, похоже на судорожный припадок. Помогите мне!

Джонатан тут же побежал с няней. Виллард взглянул на Хьюго и прочел в его

лице отчаяние. Между тем шипение становилось все громче.

– Если мне все-таки удалось сохранить мою "пи"-игру в базовой памяти, -- сказал Виллард, – то я, по крайней мере, могу вызвать ее оттуда и проверить все цифры.

– Попытайся, – сказал Хьюго. – Но я почти уверен, что ты ее уже не найдешь.

Виллард открыл в базовой памяти меню "только для чтения" и просканировал меню теории чисел. Оно было пустым. Единственное сохранившееся там сообщение гласило:

СЕКТОР СТЕПЕННЫХ РЯДОВ МАТЕРИАЛИЗОВАН И УСТРАНЕН

Охваченный ужасом, он вызвал главное меню. Файлы античной истории и языков тоже оказались пустыми, и только рядом с биологическим файлом стояла красная звездочка. Виллард мгновенно открыл его и обнаружил, что активен только файл родов. В мгновенном прозрении он понял, что вся информация о ДНК уже устранена.

Но все это сперва должно было материализоваться. По неведомой причине, которой мы, должно быть, никогда не узнаем, простейшие формы сперва должны были быть преобразованы из генетических записей в свое реальное выражение. Если в банке содержался миллион генетических кодов, то вместо записей здесь должен был возникнуть миллион живых существ. И все эти существа – будь они пи-мезонами или вирусами, бактериями или дрожжевыми грибочками – уже материализовались в пространстве вокруг Вилларда. Он ощутил что-то вроде облака, серого прозрачного облака, которое все сгущалось и сгущалось. Звуки становились все громче, и мир вокруг него становился все более и более мерзким.

Шипение уже можно было расслышать без труда – так шипела бы пожарная сигнализация, если бы ее звук не пульсировал. Это был просто беспрестанный вой.

Оно становилось все интенсивнее, и вскоре Виллард стал замечать вокруг себя кое-какие предметы. Предметы, которые исторгались из утробы корабля. Сперва они напоминали сгустки пыли, но вскоре стали более плотными и приняли формы, которые показались бы Вилларду знакомыми, если бы он имел время их рассмотреть.

Но шипение –

Шипение уже превратилось в рев. Виллард попятился от контрольных экранов и буквально врос спиной в прочную обшивку корабля. Он вытянул руки перед собой, как бы защищаясь от невидимых агрессоров. Он озирался по сторонам, как будто неведомые формы жизни уже касались его щек. Его разум говорил: НЕТ! Но он уже понял, что все формы жизни, когда-либо известные на земле и содержавшие в себе ДНК, сейчас будут воссозданы здесь, на борту этого одинокого космического корабля. И тут он закричал.

Но его крика никто не услышал. Шум внутри космического корабля уже стал просто оглушительным. Саблезубые тигры, летучие мыши, пауки и ястребы; бесконечное разнообразие форм и видов выходило из базовой памяти. В последние несколько секунд своей жизни Виллард понял, что связи с Землей больше не будет,

и никто никогда не узнает о судьбе "ПанСофа-2". Может быть, так погиб и первый

"ПанСоф" – необъяснимая история, возникшая из любопытства и ошибки одного из членов команды. Что ж, человек любопытен от природы – и ему свойственно ошибаться.

Теперь же корабль Вилларда, за миллионы миль от родных мест, безмолвно продолжал свой путь с грузом мертвецов на борту – в пустоту, где не было и понятия о знании или сознании.

Может быть, когда-нибудь кто-нибудь возьмется построить "ПанСоф-3". Но поверить в это очень трудно. Скорее всего, к тому времени у жителей Земли уже пропадет желание увековечить память о чуде человеческой жизни, ее истории и смысле существования.

ГЛАВА 7. МАРКИ

(Говорит Шура)

Предмет моего нынешнего увлечения - химические препараты, - в особенности, те, что способны влиять на деятельность мозга. Раньше я точно так же увлекался коллекционированием и изучением марок. В своей книге PINKAL я уже рассказывал о том, как в детстве жил по соседству с одним стариком, неким мистером Смитом, который занимался продажей книг. Он получал их по почте практически со всего мира, и на бандеролях, конечно же, были марки. Книги он забирал себе, а марки отдавал мне. Я уносил упаковки в свою комнату, отмачивал марки холодной водой, просушивал газетной бумагой, промокашками и тяжелыми книгами для веса, а затем идентифицировал их с помощью моей бесценной личной копии каталога Скотта за 1930 год. Интерес к маркам развила во мне моя мать, причем довольно необычным способом. Во время и после Великой войны (1914-1918) она была надомным учителем и работала во многих городах Нильского бассейна. Впоследствии она подарила мне конверты от писем, которые посылала оттуда домой. Так Хартум и Каир стали для меня хорошо знакомыми словами, а арабские идентификационные номера - первым путешествием в иностранную литературу. Я получил от нее (и до сих пор храню, чтобы разобраться на досуге) целые сотни обычных "сфинксов" и "пирамид" и множество больших марок с верблюдами, все на конвертах, и иногда с редкими штемпелями. Все это обеспечило меня материалом для чрезвычайно занимательных исследований.

Уже во время Второй Мировой войны (после которой Великая Война превратилась в Первую) я открыл для себя Австро-венгерскую империю и земскую почтовую систему старой России. Это отбросило меня в девятнадцатый век, и я решил, что ограничить свою коллекцию марками, изданными до 1900 года - это весьма крутое и остроумное решение. Все деньги, которые я мог накопить, я тратил на приобретение лотов на филателистических аукционах, и я собрал (но до сих пор так и не привел в порядок) большую коллекцию старых и милых марок. Газетные марки, марки паровозных линий и, наконец, гербовые марки, подготовившие почву для моего Вашингтонского приключения, о котором будет рассказано ниже.

Интерес к психотропным препаратам возник у меня лишь в 1950-е годы, после того как я принял участие в экспериментах с мескалином. Психотропы увлекли меня точно так же, как когда-то суданские открытки. Я обнаружил, что в этой области тоже есть множество простых вещей (уже не марок, а веществ), которые способны вызывать изменения в сознании.

"Список Гаррисона", принятый в 1914 г., стал первым федеральным законом, запрещавшим наркотики. Он был посвящен преимущественно двум веществам: кокаину (а также самому кустарнику коки и всем его компонентам) и героину (а также

опиумному маку и всем его компонентам и производным). На протяжении двух десятилетий это были два главных фармакологических зла в нашей культуре. Никто не говорил о неполноценных расах: просто так уж вышло, что кокаином баловались, в основном, черные, а опиумом – китайцы. Просто в Нью-Орлеане чересчур расплодились "клубы горячего джаза", а в Сан-Франциско – курильни опиума. В результате проблемой наркотиков вместо медиков занялись юристы: отныне потребители наркотиков рассматривались уже скорее как преступники, чем как пациенты. А врачам приказали и не пытаться лечить наркоманов – иначе они могут быть наказаны по закону. Впрочем, закон был сформулирован в физических, а не в юридических терминах, и предусматривал выдачу лицензий и взимание пошлин за право пользоваться данными препаратами. Его исполнение было возложено скорее на Министерство Финансов, чем на Министерство Юстиции. Чтобы владеть этими наркотиками, человек должен был покупать особые гербовые марки; при отсутствии этих марок он считался преступником.

В 1930-х еще одно национальное меньшинство – мексиканские иммигранты – послужило поводом для нового федерального закона о препаратах. Этим препаратом была марихуана. В 1932 г. при Министерстве Финансов было создано Федеральное Бюро по Наркотикам, уполномоченное решать любые наркотические проблемы, которые могли возникнуть после введения "сухого закона". Комиссар этого Бюро, амбициозный полисмен Гарри Т. Энслинджер, увидел в борьбе с марихуаной мощное средство для достижения власти и славы и лично руководил весьма прямолинейной и позорной пропагандистской кампанией. Такие фильмы, как "Смертельное зелье" ("Weed that Kills") и "Папироска с безумием" ("Reefer Madness") имели большой общественный резонанс и непосредственно способствовали принятию закона о запрете марихуаны 1937 г., который был составлен по образцу Списка Гаррисона. Медицинская полезность марихуаны, впрочем, открыто признавалась, и терапевты, дантисты и ветеринары могли продолжать прописывать ее, если платили соответствующий гербовый сбор. Все врачи, желавшие использовать данные препараты в своей практике, должны были считаться с этим законодательством. Большинство штатов приняло подобные законы по образцу федерального, и вскоре доступ к немедицинскому потреблению марихуаны был перекрыт повсеместно. Таков был климат, породивший антимахуановый закон 1937-го и гербовые марки на марихуану, выпущенные в том же году.

Здесь-то и соприкоснулись две области моего профессионального интереса – марки и психоактивные препараты. Исследуя препараты, я искал ответов на вопросы, на которые до сих пор никто не смог ответить. Некоторые из этих вопросов даже никогда не формулировались. Содержится ли весь потенциал психоактивности в семенах растений, или же решающую роль играет место произрастания? Какова связь между "силой" данного сорта марихуаны и веществами, которые в нем содержатся? Какие генетические особенности растения ответственны за его морфологию? Я решил произвести некоторые исследования в этом направлении и вырастить некоторое количество марихуаны на своей ферме. Для этого мне понадобилось разрешение

калифорнийской Экспертной Комиссии по научным исследованиям. Я послал им план исследований, и они утвердили его. Затем я заказал и получил федеральную лицензию на операции с наркотиками. Так я вырастил, убрал и проанализировал значительный урожай марихуаны на ферме, где я жил, и все это с благословения официальных организаций. Но мне стало очевидно, что для завершения своих исследований я должен сверить полученные данные с наиболее сильными сортами марихуаны, произрастающими на крайнем юге США и включенными в Федеральный Стандарт.

Поэтому я решил еще раз поэкспериментировать с административными играми. Если власти уже получили свою прибыль от моего государственного разрешения и лицензии на стено, то пусть объяснят мне дальнейшие ходы, необходимые для получения образцов травы с берегов Миссисипи. Я написал соответствующим властям,

и тут-то и выяснилось, что весь вопрос заключается не в законе, а в лицензиях, и

я точно так же должен приобрести гербовые марки. Чтобы легально получить марихуану, я оплатил марки и отправил их обратно в IRS вместе с заказом на марихуану. Так я сыграл в эту игру, и в результате получил два фунта травы с Миссисипи плюс четыре унции семян и экстрактов. Первым этапом этой сделки стала

покупка большого листа акцизных марок, на сорок или пятьдесят штук, по доллару каждая, которые были зарегистрированы и возвращены государству вместе с заказом

и чеком. Растения я получил очень быстро. Марки, конечно же, вернулись в лоно системы, их породившей, но, пока они были у меня, я снял с них фотокопии.

Именно тогда я и понял, что два моих увлечения пересеклись удивительным, почти магическим образом. К тому времени мне уже стало ясно, что в результате всех этих игр филателист выиграет гораздо больше, чем ученый. Поэтому я снова заказал четыре унции травы, купил четыре долларовых акцизных марки 1937 года (по

доллару за унцию плюс 2 цента за покупку), оплатил их, а затем свернул программу

исследований и просто сохранил марки у себя. Я решил включить их в свою коллекцию. Так рядом с марками Африки и Австралии появились гербовые марки США.

Это случилось в феврале 1971-го. Я даже не предвидел, что столь тривиальное

событие вызовет невероятную лавину последствий. Первый акт этой драмы был разыгран год спустя, когда мне позвонил один мой приятель. Он писал книгу о медицинском использовании марихуаны и каким-то образом узнал, что я вполне официально получил некоторое количество травы через Министерство Финансов с помощью марок госпошлины. Он тут же захотел включить фотографию заполненного бланка заказа вместе с марками в свою книгу. Я сделал ему фотокопию заказа и четырех марок, но закрасил на ней свое имя и прочие детали, которые могли бы меня выдать. Она была помещена в его книге "Медицинские материалы о марихуане, 1839-1972" в главе, написанной доктором Дэвидом Мусто и посвященной печально известному закону 1937 года.

Эта-то книга, вышедшая в свет в 1973 году, и стала искрой, из которой возгорелось пламя. Вскоре мне позвонил, а затем и нанес визит один джентльмен,

представившийся фармакологом из Сиэтла. Этот молодой человек был страстным филателистом. Он увидел в книге моего друга фотографию четырех гербовых марок,

связался с ним и узнал мое имя и адрес. Этот человек посетил меня, и мы полдня

обсуждали разные аспекты филателии, наркотиков и законодательства. Он сказал, что давно интересуется юридической ситуацией, связанной с марихуаной; лично он убежден, что закон 1937 года был принят исключительно для манипулирования иммигрантами. Но я понял, что по-настоящему он хочет только одного: взглянуть на эти марки и хотя бы прикоснуться к ним. Я пошел ему навстречу, но тут выяснилось, что документ с приклеенными к нему четырьмя марками куда-то запропастился. Мой гость был очень огорчен; я же (как выяснилось впоследствии) избежал тем самым некоторых неприятностей. Гость тут же принялся расспрашивать меня: может быть, документ кто-нибудь взял? Может быть, его не вернул мой друг, который делал с него фотокопию? Может быть, он просто затерялся в кучах бумаг, из которых состоит мир, где я живу? Причина была неизвестна, но документа нигде не было. Фармаколог очень расстроился и вернулся в Сиэтл ни с чем.

В 1990-м тема гербовых марок возникла снова, и уже с совсем неожиданной стороны. Я получил повестку от Особого Агента Шмитца из оклендского управления ФБР. Он писал, что хотел бы побеседовать со мной и задать несколько вопросов. Он

заехал ко мне на ферму, и у нас состоялся следующий диалог:

- Вы знаете фармаколога из Сиэтла, который интересовался гербовыми марками 1937-го года?

- Да.
- Он посещал вас?
- Да.
- Вы продавали ему какие-либо марки?
- Нет.

Агент задал мне еще много дополнительных вопросов, но постепенно я понял цель его визита. Я добровольно сообщил ему всю информацию, которой располагал, включая тот факт, что марок я не нашел до сих пор, и что любопытный филателист вернулся домой, даже не взглянув на них. Агент спросил, могу ли я хотя бы приблизительно назвать дату визита; это оказалось довольно легко, поскольку я заносил все "исторические" встречи в специальный журнал и сразу же отыскал дату. Агент одолжил у меня журнал и сразу же вернул после того, как с него была снята копия. Все это пахивало каким-то криминалом, и, когда агент спросил меня, не мог бы я подтвердить свои показания под присягой, я сказал, что не имею ничего против.

Тут все стало гораздо сложнее. Через несколько месяцев меня вызвали в вашингтонское "большое жюри". Строго говоря, не вызвали, а попросили явиться. Я приехал и провел весьма информативный вечер с ассистентом Генпрокурора США, который сообщил мне многие подробности этой истории. Оказывается, что в Смитсоновском институте, куда правительство США отправило несколько таких марок

на выставку, произошли некоторые странные события. Некий молодой человек проявил живейший интерес к этим маркам и, подробнейшим образом их изучив, вернул устроителям выставки. Но в тот же день марки пропали. Впоследствии этот же молодой человек был замечен при попытке обменять их на филателистической ярмарке в Сан-Франциско. Когда федеральная полиция допросила его, он сказал, что купил марки у меня. Но дотошные детективы тут же выяснили, что копии, которые были у него на руках, были взяты именно из Вашингтонского музея.

Мои показания должны были подтвердить, что я не давал ему этих марок. Я сделал это, не скрыв от суда и тот прискорбный факт, что мои экземпляры утеряны, но я не теряю надежды, что когда-нибудь они найдутся. Суду это было совершенно безразлично, но я говорил от чистого сердца и был очень рад вернуться домой и забыть все это дело.

За моим столом стоит целая батарея выдвижных ящиков, где я храню сообщения, письма и рукописи. Около двух лет назад мне понадобилось одно письмо и одна копия статьи, связанной с определенным видом грибов *Psilocybe*, но я никак не мог найти "грибной" ящик. Я знал, что переложил папку из одного ящика в другой, поскольку там скопилось слишком много материалов. Наконец я нашел ее на дне одного из ящиков; под ней была раскрытая прозрачная папочка, на которой значилось "Правит. корресп. по траве". Я открыл ее и обнаружил материалы своей более чем двадцатилетней переписки с FDA, BNDD, DEA и IRS. С радостным чувством человека, вернувшегося домой из дальних странствий, перелистывал я эти письма, запросы и копии чеков. Где-то в самом низу папки была фотокопия сорока с чем-то марок и бланк заказа на два фунта марихуаны. Мои поиски были почти завершены: в ящике остался только один листок. Я перевернул его и обнаружил неотправленный бланк заказа и четыре прекрасных марки госпошлины, все еще не отклеившиеся. Несколько минут я просто не мог сдвинуться с места. Потерянное нашлось, завершив тем самым захватывающий рассказ об ушедшей эпохе фармакологической и налоговой истории.

Я не знаю, сколько экземпляров этих марок еще находится в частных руках. Лично я видел в своей жизни пятьдесят одну, и четыре из них заняли теперь отдельный лист в моем альбоме. Но вполне возможно, что кроме меня, Смитсоновского института и архивов IRC, такие марки есть и у кого-нибудь еще.

ГЛАВА 8. ПИСЬМА ИЗ ЛЕНИНГРАДА.

(Рассказывает Шура)

Нелишне напомнить, что в 1985 году Советский Союз оставался тоталитарным государством, и не было никаких признаков возможности нынешнего упадка центральной власти. Государство осуществляло полный контроль (и у меня есть основания считать, что с тех пор мало что изменилось) над человеком: над его передвижениями, высказываниями. Все средства связи и информации жестко

контролировались правительством. К этому добавлялось патологическое недоверие к иностранцам, не так выраженное среди простых людей, но очевидное среди официальных лиц.

Когда я получил первое письмо из Ленинграда, меня больше всего поразило его внешний вид. Мое имя и адрес - с ними было все в порядке, имя отправителя, судя по обратному адресу - Анатолий Жоборов, и он, по словам одного моего русского друга, жил в довольно фешенебельном районе Ленинграда. На этом нормальное оформление конверта кончалось. Прежде всего бросалась в глаза яркая красная надпись на обороте конверта. Слова были написаны из угла в угол и образовывали андреевский крест. Надпись гласила: "Боже, помилуй меня, грешного" и "Да будет мир во всем мире!" Я внимательно осмотрел конверт, и даже моему неопытному глазу стало ясно, что конверт вскрывали. Были видны следы клея, использовавшегося, чтобы запечатать конверт снова, причем он был заклеен неровно, так, что часть красной надписи оказалась закрыта.

Я аккуратно вскрыл конверт при помощи острого ножа, стараясь не повредить письмо. Письмо было написано на английском, буквы стояли отдельно друг от друга, с небольшим наклоном. Все письмо было посвящено наркотикам. В нем была собрана информация о распространенности, методах производства и употребления опиума и морфия (героин не упоминался), амфетамина (метамфетамин не упоминался), РСР, мескалина и гашиша. Сообщались цены, города производства, а также сведения о популярности каждого наркотика. И все это из Советского Союза, где, если верить официальной пропаганде, проблемы наркотиков не существует!

Прилагаемые комментарии содержали более подробную информацию. Методы синтеза, химические формулы веществ были написаны человеком, явно с высшим химическим образованием. В конце письма Анатолий просил поддерживать обмен информацией. Я терялся в догадках, кем мог быть отправитель такого письма. В продолжение переписки он так и не рассказал о себе, поэтому все, что мне удалось узнать: первое - он отлично разбирается в некоторых препаратах, второе - он хорошо владеет английским, третье - он скорее всего русский - пропускает артикли, пишет маленькую русскую букву "г" с точкой перед датой, и последнее - у него полностью отсутствует чувство самосохранения. Писать о таких вещах и так "украшать" конверт.

Оказалось также, что Анатолий достаточно постоянен в своих привычках. Я безуспешно старался представить, какое место в незнакомом мне обществе может занимать этот человек. Может быть он на самом деле - молодой химик, связанный с незаконным оборотом наркотиков? Или пациент психбольницы, когда-то связанный с незаконным оборотом наркотиков? А может это группа лиц? Например, из КГБ - желающих получить информацию об американском рынке наркотиков. Или из ЦРУ - по непонятной причине, решивших действовать из Ленинграда. Красный крест на конверте естественно привлек внимание, письмо вскрыли и, по всей вероятности, прочитали. Но после этого письмо было снова заклеено, причем никаких попыток это

скрыть не проводилось. Судя по тому, что на конверте небольшое количество марок, вряд ли из письма вынули что-либо значительное. Все это более чем странно, и не давало никаких намеков на то, кто такой этот Анатолий. Я сторгал от любопытства.

Мой ответ являл собой образец предусмотрительности и осторожности. Я аккуратно ответил на все вопросы, иногда давая небольшие комментарии, например я заметил, что в США растет популярность МДМА и метамфетамина, что героин и другие синтетические наркотики вытеснили опиум и морфий. Я напечатал письмо на компьютере, но специально подписался по-русски от руки: "Шура", употребив свое имя в уменьшительной форме. Я надеялся, что этим я вызову Анатолия на ответный шаг, и он тоже подпишется как-нибудь по-другому. Но Анатолий всегда подписывался полным именем.

Я отправил свое письмо, постаравшись также ярко его "украсить". В левом верхнем углу конверта с помощью печатной машинки я напечатал адрес обычным образом, как это делается в Америке: сначала имя, потом дом, улица, город и страна. В правом верхнем углу я напечатал адрес по-русски (у меня была машинка с соответствующим шрифтом). При этом я напечатал адрес, как это принято в России: сначала страна – СССР, потом город, улца, дом, квартира и уже потом – имя. Я решил, что такой способ написания адреса должен обязательно привлечь внимание КГБ, ЦРУ и тому подобных организаций. Я наклеил нужное количество марок, и опустил письмо в почтовый ящик. К моему удивлению оно достигло адресата.

Ответное письмо Анатолия содержало больше подробностей, и впервые, в числе прочего, Анатолий упомянул различные разновидности фентанила. Я ни сколько не приблизился к пониманию того, кем был загадочный Анатолий – вопросов возникало еще больше. А упоминание фентанила вызвало у меня целый ряд размышлений на темы, связанные с фармакологией и химическим оружием.

Незадолго до этого в Калифорнии появилась новая разновидность "героина" – на сленге ее называли "china white" – "белый Китай". Никакие обычные тесты на героин не могли распознать это вещество. В случаях передозировки в крови невозможно было обнаружить обычные метаболиты героина: морфин и ацетил морфин. При этом присутствовали все внешние признаки героиновой передозировки: почти исчезнувшие зрачки, затрудненное дыхание, кома. Вскоре, тщательное исследование пришло к выводу, что перед нами вещество – близкий родственник фентанила. Это был не сам фентанил, но вещество очень похожее по химической формуле. Образец вещества был отправлен в лаборатории DEA на "дополнительный анализ" ("очень длительный анализ" – как его называют нетерпеливые полицейские), и там ученые установили, что препарат является метиловым гомологом фентанила. Таким образом в его формуле присутствовал один дополнительный атом углерода – такое вещество было известно науке, и, видимо, теперь производилось неким предприимчивым химиком. При этом, активная доза препарата была настолько мала, что можно было

произвести очень большую партию вещества, затратив на это минимальные усилия. Как сказал один конгрессмен: "На оборудовании, стоящем несколько сот долларом, можно синтезировать сто миллионов доз"

Вещество сразу же стало запрещенным. Но вскоре последовали события, серьезно усложнившие ситуацию. Оказалось, что атом углерода в молекуле нового наркотика находится не в той позиции, где первоначально считалось. Но в тот момент, когда судмедэксперты опубликовали исправление, полиция захватила партию препарата, где атом углерода стоял именно в той позиции, как считалось раньше.

Этот "белый Китай-младший" обладал таким же сильным действием, и вскоре за ним

последовали новые варианты фентанила, с небольшими изменениями в формуле: менялось позиция метиловых групп, длинна углеродных цепочек, добавлялись атомы фтора или серы.

Кто занимался синтезом новых разновидностей препарата? Химик-одиночка?

Где

он мог это делать? Власти предприняли серьезные усилия, чтобы найти источник новых наркотиков, но все – напрасно. Я выдвинул собственную версию происхождения

этих веществ, решив, что ключ к разгадке дает само название препарата. Дело в том, что я заметил, что некогда большой поток научных публикаций по поводу фторосодержащих фентанилов из КНР вдруг резко прекратился. Однажды я уже наблюдал подобное "затишье перед бурей". Нечто похожее произошло, когда в Советском Союзе прекратили печалать работы на темы, связанные с квинуклидином.

Судя по всему, советские ученые занялись проблемой военного использования данного вещества, поскольку тогда же мне стало известно из надежного армейского

источника, что бензилат квинуклидина рассматривается американскими военными как

боевое отравляющее вещество.

Так может быть Китай разрабатывает новый вид химического оружия, на базе фентанила, используя при этом калифорнийских наркоманов, как подопытных кроликов? В конце концов, у нас есть прецеденты подобной практики: не так давно

некоторые американские компании решили испытывать новые контрацептивы на людях

"второго сорта" – например, на пуэрториканцах, у которых очень высокая рождаемость.

Если развивать эту версию, появляются новые вопросы: кто осуществляет импорт наркотика, каким образом деньги за продажу наркотика возвращаются в Азию,

или, может быть, они оседают здесь? Появляются ли в китайской научной литературе

какие-либо результаты исследований?

Другая версия иностранного происхождения нового наркотика была более правдоподобна: дело в том, что все официальное производство разновидностей фентанила было сосредоточено в Бельгии. Здесь изучали свойства этих препаратов

как потенциальных анестетиков: прежде всего врачам требовалось усилить действие

препарата – от этого зависела безопасность пациента, кроме этого, важно было, чтобы действие препарата было кратковременным – это важно в хирургии.

Бельгийские лаборатории разработали и внедрили во врачебную практику такие

производные фентанила как карфентанил, суфентанил и альфентанил. Там же было замечено, что препараты с некой особенной формулой были абсолютно прозрачны, таким образом, употребление этих наркотиков невозможно было бы выявить путем анализа мочи. Данное наблюдение и было известно лишь узкому кругу химиков, и

в этом свете последующие события становятся еще более необъяснимыми.

Вернемся к содержанию писем. Во втором письме я нашел очень много полезной

информации о фентаниле. Мои догадки ничем не обоснованы, но все же: может быть

Китай проводит опыты над ленинградскими наркоманами? Или Ленинград – только верхушка айсберга? В своем ответном письме я подробно расспрашивал Анатолия о фентаниле.

Его третье письмо только добавило загадок. Наркотики в нем не упоминались –

все письмо было о взрывчатых веществах! Великолепные химические формулы, с подробным указанием температур плавления, детонации, разрушительной силы – все

это с использованием специального жаргона, так что становится ясно, что автор очень хорошо разбирается в данном вопросе. При чем тут взрывчатые вещества?

При

чем тут я? В конце письма Анатолий (или КГБ, или ЦРУ) просил меня послать копии

данного письма двум американским военным по указанным адресам. Меня просят быть

посредником в обмене информацией между неким русским и местными военными специалистами по взрывчатым веществам? Это явный перебор. Я написал по адресам,

указанным в письме, с просьбой подтвердить желание получить информацию о взрывчатых веществах от мистера Жоборова из России. Одно письмо пришло обратно –

такого адресата не существовало в природе, другое – осталось без ответа. Я также

не ответил на письмо Анатолия. После этого Анатолий больше не возвращался к теме

взрывчатых веществ.

И вот новая бомба. Снова красная надпись: "Храни нас Бог". Очевидно, что надпись должна была специально привлечь внимание – на почте девушка удивленно спросила: "Это? Из России?" Я сказал, что это так, и что я тоже ничего не понимаю. И в этом, четвертом письме, я получил всю возможную информацию о фентаниле. Анатолий давал конкретный рецепт, как путем нехитрых операций можно

получить полкило фентанила или его разновидности – около 500000 долларов по ценам черного рынка.

Я был в ужасе. Мне прислали подробную инструкцию по изготовлению фентанила

в промышленных масштабах. При дозе в 50 микрограмм – десять миллионов доз. И

в

дополнение – самая провокационная информация: Анатолий описал как можно сделать

данное вещество совершенно прозрачным для обычных тестов. Таким образом у него

имелся доступ не только к информации о синтезе вещества, он также хорошо разбирался в анализе данного вещества.

Наша переписка продолжалась около года. Анатолий рассказывал о своих походах в "большой дом", где он консультировал руководство КГБ, о том, как ему

приходится скрываться, чтобы сохранить свою жизнь, о том, что за ним охотится наркомафия, и ему приходится исчезать в Москву. Он также описывал свои посещения

крупным химическим производств в Прибалтике. Он прислал мне несколько превосходных учебников и справочников, которые используются в научно-исследовательских лабораториях Советского Союза. Он писал, что мечтает путешествовать, о том что он собирается эмигрировать из страны. Но в следующем

письме он выступал уже не как бедная жертва мафии и властей, а как человек, которому крайне нужны мои знания. Я не могу сказать, что у меня сложилось о нем

впечатление, что он ненормальный – но с другой стороны на его письмах лежал отпечаток легкого сумасшествия.

И вдруг все изменилось. Он неожиданно смог получить европейскую визу, случайно (или нарочно) изменив написание своей фамилии в паспорте – он написал

его в французской, а не английской транскрипции. Таким образом его имени не оказалось в компьютере, и ничто не смогло помешать его эмиграции. Теперь он живет в одной западноевропейской стране, снова балансируя между своей любовью к

органической химии и к службам правопорядка. Он устроился в одну химическую лабораторию, а также консультирует полицию своей новой родины по вопросам борьбы

с наркобизнесом. В завершение я вынужден признать, что проблема наркотиков существует в любой стране.

Вскоре наше переписка прекратилась. И я не могу сказать, как отреагировал

черный рынок наркотиков на эмиграцию такого активного деятеля. Хотя есть вероятность, что информация будет продолжать поступать – через три недели после

того, как Жоборов покинул страну, я получил еще одно письмо с неизвестным обратным адресом. Снова из Ленинграда.

ГЛАВА 9. LA RUTA DEL BAKALAO.

(Рассказывает Шура)

Я много путешествовал по всему миру. Я бывал в Азии (Турция), Центральной Америке (Панама), Южной Америке (Бразилия), в Австралии, но большинство моих заграничных поездок было по Европе. Там я не был только в Ирландии, странах восточного блока (за исключением Чехословакии), Греции, Сан-Марино и Андорры. До недавнего времени в этот список входила Испания.

В Испанию я попал в результате приглашения совсем в другую страну. В начале

1992 меня пригласили выступить в Мексике на открытии большой научной конференции

по шаманизму и психотропным растениям. Конференция должна была состояться осенью

в городе-столице одноименного штата Сан Луи Потоси, честно признаюсь, я никогда

не слышал о таком месте. На конференцию должны были собраться крупные специалисты антропологи, ботаники, химики и фармакологи. Официальными языками должны были быть испанский и английский, но в результате почти все доклады читались на испанском. А я тогда знал только две фразы на испанском: "No tengo

dinero" и "Hecho en Mexico por Mexicanos" (это все, что я запомнил из моего предыдущего и единственного посещения Мексики в конце 50х: первое – стандартный ответ попрошайкам, второе – надпись на стекле автомобиля).

Хотя, я не совсем прав – первый раз я оказался в Мексике, когда мои родители на только что купленном "Форде" модели "А" отправились в Тигуану. На обратном пути мы заехали в горы и очень спешили быстрее добраться до границы, так как в то время она закрывалась на ночь в восемь или девять часов. На извилистой дороге постоянно мелькали таблички с двумя буквами "D.C." Мы опоздали

на несколько минут, и нам пришлось заночевать в мексиканской придорожной гостинице, где нам в том числе объяснили, что "D.C." означало "Desparados Curvasos" – "опасные повороты". И еще я почему-то вспомнил, как отец бросил меня

в воду, чтобы я научился плавать. Хотя данный случай скорее всего больше касается развития моих отношений с отцом, чем испанского языка. Надо будет попробовать оживить память об этом событии с помощью соответствующих психоделиков.

Но вернемся в современную Мексику. Мой доклад прошел успешно – я зачитывал его по своим записям, при этом копия этих записей была у Мануэля Санчеса, и он переводил мой доклад по ней в режиме реального времени. Мы с Алисой подружились с ним и его женой Софией.

У нас было много свободного времени, и мы могли много гулять по городу. Я помню, с какими сложностями я столкнулся, пытаюсь ориентироваться в городе. При этом у меня была подробная карта, но я никак не мог найти по ней ни гостиницу в которой мы жили ("Кактус мотель"), ни место, где мы обедали ("Мотель Тюна") ни Casa de la Cultura, где проходили все встречи. Обычно я горжусь тем, что через сутки уже ориентируюсь в любом незнакомом городе. И притом, что нас возили на автобусе все время разными маршрутами. Наконец я понял, что моя карта города представляла собой типичный образец ситуации, когда желаемое принимают за действительное. Все главные проспекты и автомобильные развязки, которые на карте были отмечены красным цветом, не были еще построены. Как только я перестал обращать на них внимание, я сразу же нашел на карте все что нужно.

Нас свозили на волшебную экскурсию на север к Матагуала и потом на запад через Седрал в Реал дель Каторсе – заброшенную серебряную шахту, где в полной нищете жили индейцы. Нет, я преувеличиваю, не в полной – время от времени я видел тарелки антенн спутникового телевидения, а по улочкам ходили совсем не голодные собаки, но в принципе весь поселок жил за счет торговли сувенирами – этот район был паломнической Меккой для индейцев племени Гуичол. Местные горы считались святыми, поэтому не удивительно, что наряду с безделушками с христианскими мотивами, на местном уличном рынке можно было купить только что срезанные кактусы пейотля. Большинство из нас решили собраться через несколько

часов на стоянке рядом с заброшенной церковью, а пока попробовать ощутить мистическую силу данного места с помощью еще не запрещенного 2С-В. В четыре мы собрались в единственном в поселке кафе и вернулись в Сан Луи Потоши к ужину.

Как всегда на подобных конференциях, основная ценность этих встреч была в личном общении. Так я получил приглашение от обаятельного писателя-философа, специалиста по психоделикам Антонио Эскохотадо прочитать курс лекций в летней школе недалеко от Мадрида следующим летом и поучаствовать во второй конференции на эту тему в Барселоне через два года. Неожиданно у меня появилось два повода ехать в Испанию, хотя еще недавно я совсем туда не собирался.

Но мало того, когда мы вернулись с конференции, дома нас ждало письмо из Испании от одной адвокатской конторы, которая просила меня письменно выразить свое мнение по поводу вредности МДМА. Мне часто задают подобные вопросы, поэтому я сразу же написал ответ, где очень категорично утверждал, что МДМА является одним из самых безопасных химических веществ, с которыми мне приходилось работать. Я думал, что на этом наша переписка закончится.

Через несколько недель пришло официальное приглашение от Антонио. Курс, в котором я должен был участвовать, назывался "Гражданское неповиновение, контркультура и утопическая фармацевтика". Сообщалось так же, что приглашающие готовы также оплатить мне еще один недельный курс лекций – на Канарских островах. Я вдруг понял, что Испания до сих пор ассоциировалась у меня с Франко и фашизмом, и поймал себя на том, что я невероятно удивлен, что государство финансирует образовательные курсы по таким темам. Опять практически все общение – на испанском, и опять – удивительная возможность познакомиться с интересными людьми, участвующими в проекте. Антонио занимался организацией – кроме меня, лекции читали Отт, Томас Зац и Алберт Хофман. С этими людьми мы общались довольно плотно, но кроме них были еще жена Антонио Моника и Хосе Мария – обаятельный психиатр, который приглашал нас к себе на ужин, он жил примерно в часе езды от школы.

Испанская система летних школ заслуживает всеобщего внимания, как отличный образец того, как государство обязано расходовать деньги на образование. Проживание и питание (в первоклассной гостинице) большей частью оплачивается правительством, а все крупные расходы (гонорары и стоимость авиабилетов) оплачиваются из специального фонда, куда каждая индустрия выделяет 1% своих доходов (в данном случае финансовая поддержка шла от банковских учреждений).

В результате студент получает возможность пройти недельный курс за какие-то 200\$.

В Эль Эскориале, где расположилась летняя школа, проходило сразу несколько подобных курсов, а вообще летом программа проходит в течение десяти недель. И таких мест, как Эль Эскориаль по стране несколько. Прекрасные знания за небольшие деньги – нам стоит перенять этот опыт.

Когда я вернулся домой, я решил, что теперь было бы логично начать изучать испанский, на случай, если в 1994 году нужно будет участвовать в конференции в

Барселоне. Скорее всего, конференция опять будет проходить на двух языках, и испанский, судя по прошлому опыту, будет основным. Тогда я обнаружил, что в Барселоне (а также на всем побережье от Пиренеев до Валенсии и на Балеарских островах) говорят на каталонском, и мне пришла в голову смелая мысль.

Когда-то давно я присутствовал на докладе одного знаменитого французского химика. Конференция проходила в Лондоне, и официальным языком конференции был, конечно же, английский. Но в то время французское правительство постановило, что доклады об исследованиях, финансируемых Францией, должны быть зачитаны только на французском, где бы конференция не происходила. Ученый начал свой доклад по-французски:

- Я получил инструкцию от правительства своей страны о том, что я обязан зачитать вам доклад на французском языке.

Зал, большинство в котором составляли англо-говорящие, недоуменно зашумел.

Мсье профессор продолжал:

- Я решил пойти на компромисс. Я прочту половину доклада по-французски, а другую половину - по-английски. На этом разрешите закончить французскую половину доклада.

После этого введения, к большой радости аудитории, последовал часовой доклад на английском. Я подумал, а почему бы не начать свой доклад в Барселоне на каталонском, объявив, что таким образом я выражаю свое уважение организаторам конференции, а потом перейти на английский. Ребяческая фантазия, учитывая то, что в тот момент у меня еще не было приглашения на конференцию. Несмотря на это, я стал брать уроки разговорного каталонского - язык оказался очень красивым.

Примерно в это время все, что касалось Испании, начало удивительным образом синхронизироваться, пересекаться, я стал сталкиваться с постоянными совпадениями. Одна мадридская адвокатская контора прислала мне по факсу приглашение выступить свидетелем со стороны защиты на суде по делу, касающемуся МДМА. Я завел третий "испанский" блокнот и отправил ответ, в котором указал, что я потребую значительного вознаграждения за те два дня, которые мне нужно будет давать показания, и что они должны оплатить мне полет бизнес классом (чтобы можно было вытянуть ноги, и салон не был переполнен). Я думал, что подобный ответ заставит их отказаться от своей идеи. Но вскоре я получил чек на 4000 долларов, для покупки авиабилетов - я снова летел в Испанию.

Неделя перед Рождеством была наполнена событиями. Мне нужно было принять экзамены у 75 студентов в Беркли, проверить результаты и сдать ведомости к четырем часам вечера пятницы, потом нужно было сходить на два праздничных ужина, потом - собрать все документы, которые могли понадобиться в испанском суде, и в пять часов утра меня ждало такси в аэропорт. Впереди четыре перелета, консультации с юристами, по крайней мере, на двух языках (я надеялся, что кто-нибудь из них будет говорить по-французски, поскольку мой испанский оставляет желать лучшего), а потом два дня умственного напряжения и попыток разобраться в чужой судебной системе. Мне не хотелось и думать о том, что иногда еще бывают задержки рейсов.

Как часто случается в подобных случаях, мое приключение началось на

радостной ноте, и становилось чем дальше, тем лучше. Уже в такси я понял, что поездка будет необыкновенной – водитель оказался бывшим химиком, производителем запрещенных стимуляторов. Лет семь назад он бросил наркобизнес и стал глубоко верующим христианином. Примерно час мы ехали в предрассветной темноте, и наш разговор переключался с реакции Пфаудлера на любовь к Христу.

Первый перелет прошел отлично – я сидел в первом ряду кресел, и у меня было сколько угодно места для ног, а мой сосед, молодой человек читал книги под названием "Синхронность" (я не помню автора) и "Второе кольцо силы" Карлоса Кастанеды. Завязался разговор, и Дуглас – так звали моего собеседника – открыл мне, что он совсем недавно встал на путь духовного самосовершенствования, и что он знаком со всеми основными книгами про психоделики, слышал о РИНКАЛе, но не знает, где его можно купить. Я записал его имя и адрес.

Второй отрезок пути я проговорил с Анной – молодой женщиной, кардиологом, которая вышла замуж за мексиканца и родила ему двоих детей, а теперь возвращалась к родителям в южную Испанию, чтобы продолжить свою медицинскую карьеру. Она очень хорошо разбиралась в пейотле и индейских обрядах, грибах Оаксака, алкалоидах спорыньи. Она слышала о РИНКАЛе, но не знала, как его можно заказать. Я опять записал адрес. Похоже, я нашел способ окупать все свои последующие перелеты!

В Мадриде меня ждала лекция адвокатов о местном эквиваленте наших рейвов. Подобные собрания на всю ночь – музыка-танцы-наркотики – происходят здесь не в одном месте, как в Англии и США. Психоделическое "путешествие" сопровождают здесь физическим путешествием. В пятницу вечером толпы молодежи отправляются из Мадрида на побережье в Валенсию. По дороге они останавливаются в маленьких барах, чтобы принять еще одну дозу веществ и раскупить всю воду по 5\$ за бутылку. Даже если вечеринка никогда не доберется до Валенсии – она точно возвратится в Мадрид в воскресенье вечером или даже в понедельник утром. Все участники снова пойдут на учебу или на работу. Дорога из Мадрида в Валенсию называется на сленге "дорогой трески" – "Ruta del Bakalao". Вся концепция британского "эсид-хауса" была переименована в название простой рыбы – я не понимаю, по какой причине, если причина вообще существовала. Пресса осуждает подобные вечеринки, считая, что МДМА губит испанскую молодежь, хотя не имелось никаких точных сведений насчет того, какие именно наркотики молодежь употребляет. Но главная тема всех газетных статей – "экстази", и именно этому препарату приписывается особый вред. И в этих условиях мне предстоит убеждать суд (а ведь юристы наверняка читают газеты) в том, что МДМА совсем не "особо опасное для здоровья вещество". Если МДМА будет причислено к особо опасным наркотикам, как кокаин, героин и ЛСД, подзащитный получал за сбыт нескольких таблеток десять лет тюрьмы. Но если после моих показаний суд решит, что МДМА – слабый наркотик, как марихуана и гашиш, то срок наказания будет меньше трех лет. Причем бедняга уже провел два года из этого срока в предварительной тюрьме, ожидая суда. Учитывая активную пропаганду в средствах массовой информации, мне предстояла очень непростая работа, и я с ужасом ожидал перекрестного допроса.

В это же время я совершил другое, гораздо более приятное путешествие, я бы назвал бы его "La Ruta de las Tapas" – мой друг Антонио каким-то образом узнал о том, что я собираюсь в Мадрид, и решил провести меня своим любимым маршрутом по мадридским ресторанам. "Tapas" по-испански означает совсем не название рыбы – это "маленькие кусочки", "ломтики" – особый, исключительно испанский вид обеда – я был наслышан о нем, и его рекомендовали все путеводители по Испании, но нигде не объяснялись конкретно правила проведения подобной трапезы. В прошлый раз в Мадриде мы с Мануэлем и Софией заходили в тапас-бар, но на вид никаких особых отличий от простого ресторана не наблюдалось. Совершенно непонятно, как нам положено заказывать тапас? Мы совершенно не знали традиций, и поэтому решили просто сесть за столик и заказать что-нибудь из обычного меню.

Мы с Антонио договорились о встрече в ресторане "Куэвлас" недалеко от моей гостиницы. Я пришел туда немного раньше и минут десять стоял в дверях – официанты не обращали на меня внимания. Потом я сел за стойку бара и заказал бокал красного. Мне налили из бутылки с незнакомой этикеткой – я заметил только знакомое слово "Rajio" и год "1989" – вино было превосходным. К вину прилагались два бутерброда, и я подумал, что это и есть мои первые тапас, но это были только закуски – настоящее пиршество было впереди.

В ожидании вина, я успел рассмотреть интерьер ресторана. Это было первоклассное заведение – я сидел в зале закусок и тапас. Вокруг стойки бара стояли высокие деревянные стулья. На стойке стояли большие подносы с набором бутербродов и холодных закусок. Вся стена за баром была уставлена бутылками вина и бренди. В зале постоянно мелькали официанты, спешащие из кухни в соседний зал. За стойкой было пара пивных кранов, и бармен время от времени наливал пиво в разнообразные стаканы. Стаканов, бокалов было больше десяти разных видов.

Антонио появился через несколько минут. Он долго не мог запарковать машину – в центре Мадрида это было проблематично. Бармен сразу же поставил перед ним бокал красного вина и стандартную закуску – Антонио ознакомился с меню и для начала заказал нечто небольшое розового и кремового цвета. Розовым оказалось искусно приготовленное свиное филе – второе блюдо я так и не определил.

После этого Антонио заказал первую порцию настоящих тапас и Шардоне к ним. Я выразил сомнение по поводу того, может ли белое вино следовать за красным, на что Антонио ответил, что еда определяет вино, но вино никогда не должно влиять на выбор еды. Нам принесли поднос с шестью маленькими бутербродиками – и по бокалу отличного вина. Вкус у тапас оказался довольно острый и превосходный. Они были приготовлены из икры морского ежа, смешанной с чем-то непонятным. За этим последовали более опознаваемые деликатесы из гусиной печени, тосты и сухое вино. Последним нам принесли блюдо с тонкими ломтиками ветчины, сделанной из свиней, которых кормили строго определенным видом желудей. К ветчине полагалось

более темное красное вино, название которого я не запомнил.

В самом конце – чашечка кофе, богатый выбор кальвадос и других крепких напитков. Вот что такое испанские тапас. Это не закуски – это просто пиршество.

Если бы я мог себе позволить каждый день тратить 70 долларов на обед, я бы обедал именно так.

После обеда я вернулся в гостиницу, и вскоре консультации с юристами продолжились.

На следующее утро в 9-45 я должен был встретиться с Марио – главным адвокатом на процессе, но как всегда из-за страшных пробок в центре города мы встретились только в 10-15 и сразу же поспешили на заседание суда. Здесь я впервые увидел с людьми, имевшими прямое отношение к обвиняемому. Его мать, красивая женщина примерно 50 лет жила в Пуэрто-Рико и отлично говорила на английском – именно она оплатила мои билеты, его брат (живет в США –

прекрасно владеет английским) и его жена (похожа на мышку, одета как хиппи, много бисера –

по-английски не говорит) собрались в фойе рядом с залом суда. Появлялись все новые и новые люди – мне представили экспертов, которых на суде будет по шесть с

каждой стороны, и молодую переводчицу, которая будет переводить мои слова.

Наша

стратегия заключалась в том, чтобы попросить суд, чтобы все эксперты давали показания одновременно, а не по очереди (в испанском суде должно быть по два эксперта по каждой области – от защиты и от обвинения). Сначала

судмедэксперты,

потом доктора, потом ученые. Главный судья согласился с этим предложением, но взамен заявил, что всем ходом предстоящей "конференции" будет управлять сам.

Мы

остались в фойе, пока наш главный адвокат брал показания у судмедэкспертов, о том, каким образом они обнаружили данное количество запрещенного вещества в образцах. Один из химиков упомянул о том, что МДМА очень опасное вещество, но его сразу заткнули. При этом никаких замечаний с места по ходу свидетельских показаний со стороны обвинения делать не разрешалось – власть была на их стороне.

Наконец мы зашли в зал суда. Второй раз у меня появилась возможность изучить и описать незнакомый интерьер. Он совсем не был похож на тапас-бар. Это

было мрачное квадратное помещение примерно 10 на 10 метров. У одной стены стояла

громадная камера из пуленепробиваемого стекла – на случай суда над террористами.

Перед нами стоял на некотором возвышении громадный стол буквой "П". Напротив нас

сидели три главных судьи. Все они были одеты в черные сутаны с белыми кружевами

по локоть. Центральной фигурой был пятидесятилетний судья с короткой стрижкой и

острой бородкой в стиле Эль Греко. Только он говорил – остальные судьи молчали.

Справа от него сидел судья, который, как мне показалось, все заседание проспал с

открытыми глазами. Третий судья – сорокалетняя женщина без каких-либо следов макияжа на лице, она все время почти улыбалась и крутила головой, словно высматривала кого-то в зале, но не пересекалась взглядом ни с кем конкретно.

Слева от судей сидел молодой усатый прокурор. Справа расположились адвокаты

- главный адвокат ближе всех к судьям. На нем был не вполне подходящий галстук, а из-под сутаны выглядывала мятая рубашка. Два других адвоката не сказали ни слова во время слушания. Всего было пять представителей обвинения и пять - защиты, оставшиеся двое с каждой стороны сидели на скамьях, продолжающих линии стола на общем уровне - ниже, чем главный стол. С ними сидел переводчик. Мы - шесть свидетелей сидели на скамье напротив главных судей, замыкая, таким образом, прямоугольник. Обвиняемый в сопровождении судебного пристава сидел прямо за нами. За ним на скамейках расположилась вся остальная публика.

Механизм вопросов-ответов был для меня совершенно новым. Главный судья задавал вопрос, а потом все эксперты по очереди получали возможность на него ответить. Я отвечал последним, при этом мне не переводили ответы других экспертов, поэтому я слышал только длину их ответов. Мне стало очень одиноко.

Я "завалил" только один вопрос - последний до небольшого перерыва и единственный, который задал не судья, а прокурор. Он интересовался, какой, по нашему мнению, вред приносит человеческому организму употребление кокаина. К этому моменту я уже знал, что лейтмотивом всего процесса было деление наркотиков в испанском законодательстве на "опасные" (героин, кокаин, ЛСД) и "слабые" (марихуана, гашиш). МДМА еще ни разу не было официально отнесено к одной из категорий, и если его признали бы "опасным наркотиком", то обвиняемый получал бы

за сбыт нескольких таблеток еще десять лет тюрьмы, а если - "слабым наркотиком",

то беднягу могли отпустить прямо из зала суда.

Так вот, на вопрос, вредит ли кокаин организму, я честно, но не очень умно

ответил, что согласно моим данным, единственным негативным эффектом кокаина на

человеческий организм может быть эрозия носовой перегородки. Все остальные эксперты выступили против кокаина, и я, как мне потом сказали, был сразу причислен к сумасшедшим калифорнийским фанатикам, выступающим за легализацию наркотиков. Когда микрофон снова дошел до меня, я поспешил исправить ситуацию. Я

заявил, что не совсем понял вопроса, я думал, что имеется в виду ситуация, когда

привыкание уже вылечено - на стадии привыкания и кокаин, и героин крайне отрицательно влияют на парадигму поведения наркомана, так как ему постоянно приходится искать себе новую дозу. В случае с МДМА такого не наблюдается, так как это вещество не вызывает привыкания. Я исправился и решил больше не сбиваться с верного курса.

После этого наш диалог с судьей стал более расслабленным. Небольшие недоразумения возникали только из-за ошибок переводчицы, которая путала "привычку" и "привыкание" и т.п. В конце концов, судья и адвокат стали все чаще

обращаться с вопросами только ко мне, не слушая других экспертов. Оказалось, что

я единственный, кто наблюдал медицинские исследования МДМА на пациентах. Вопросы

были примерно следующие:

- Считаете ли вы, что МДМА должен быть отнесен к особо опасным наркотикам?

- Ни в коем случае.

- Существуют ли сведения о медицинском использовании МДМА?

- В нескольких странах ведутся подобные клинические исследования, ценность

МДМА для медицины доказана.

- Известны ли вам случаи летального исхода после передозировки данным препаратом?

- Считается, что около пяти миллионов человек в одной только Великобритании

употребляли данное вещество. Зарегистрированных смертельных случаев только пять.

Я считаю, что МДМА один из самых безопасных лекарственных препаратов.

- Правда ли, что МДМА вызывает острый сердечно-сосудистый криз?

- Не больший, чем пара чашек кофе.

Мой последний ответ (я слегка преувеличивал) очень не понравился эксперту-токсикологу. Но адвокат сразу же заткнул его вопросом: "На чем, помимо

газетных фельетонов доктора Зигеля, вы строите ваши суждения?" Токсиколог не смог ничего возразить в ответ.

Но самое интересное случилось в конце. Прокурор явно до последнего момента

прятал какой-то очень веский аргумент, и вот теперь он осторожно достал из портфеля какую-то папку. Он сообщил, что суд недавно получил самую последнюю информацию по МДМА от ЮНЕСКО. Он спросил меня, не знаком ли я с этой книгой. Переводчица взяла кипу бумаг и стала переводить первую страницу:

- МДМА - метилин-диокси-метамфетамина...

- Нет, я прошу вас зачитать название публикации.

- "PIN-KAL"

- Вам знакома эта книга? - спросил меня прокурор.

- Мы с женой ее написали.

- Вы являетесь ее автором?

- Да.

Первый раз за все заседание я увидел, что главный судья слегка улыбнулся.

Через двадцать минут мы со всей компанией адвокатов и кристов уже переместилась

в ближайший тапас-бар "Рио Фрео" и пили красное вино.

Через шесть месяцев мне позвонил один мой мадридский знакомый, сообщивший,

что мое лицо весь день не сходит со страниц газет и экранов телевизоров - МДМА был признан легким наркотиком - мы победили.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. ПСИХОДЕЛИКИ И ТРАНСФОРМАЦИЯ ЛИЧНОСТИ.

ГЛАВА 10. ТЕРРИТОРИЯ СОЗНАНИЯ.

(Рассказывает Алиса)

Некоторые формы изменения сознания могут случиться с каждым без особых причин и в любое время. Это могут быть и кратковременные нарушения ориентации, и

длительные, серьезные изменения в восприятии и мышлении. Человек, впервые испытывающий такие изменения, обычно пугается. Этот страх не дает извлечь уроки

из подобных состояний, уроки, которые можно легко получить, если знаешь, что это

состояние пройдет и что оно не свидетельствует о каком-либо физическом или душевном расстройстве.

Я не говорю о тех случаях, когда присутствуют явные признаки психического

заболевания или нарушения работы мозга, типа сильной головной боли или изменения личности (например, неоправданная агрессивность). Все подобные симптомы хорошо известны медицинскому сообществу, и в таких случаях стоит немедленно обратиться к врачу. В этой главе речь пойдет об измененных состояниях, во время которых человек не теряет способности контролировать свое поведение и мыслить логически.

К огромному сожалению большинство психиатров не имеют ни малейшего представления о том, как поступать со случаями так называемого "трансформативного процесса". Обычно они прописывают транквилизаторы или, что еще хуже, нейролептики, считая подобный опыт психозом (чем он ни в коем случае не является). Эти препараты закрывают двери, открывшиеся между сознанием и подсознанием.

Если человек, переживший такой опыт, обратится в службу "Душевной скорой помощи", то он может надеяться, что его выслушает терапевт или психиатр, который не будет считать его душевнобольным. Но мало кто знает об этой службе.

Я хочу обратить особое внимание на то, что даже если человек, испытавший такое неожиданное изменение восприятия, и употреблял когда-либо психоделики, нельзя рассматривать этот опыт, как "флэшбэк" - "возврат состояния". О флэшбэке я буду говорить отдельно.

Поскольку мне известно много подобных случаев, у меня складывается впечатление, что в человеческой душе существует некая заданная программа духовного развития, некий подсознательный центр, который вне зависимости от нашего сознания решает время от времени, согласно собственному расписанию, устроить себе "психоделическую разминку". При этом не учитывается, что подобное, даже кратковременное, изменение восприятия может серьезно шокировать неподготовленного человека. Подсознательный "центр управления" совершенно не заинтересован в том, чтобы сознание человека понимало, что происходит. Единственный способ общения между нашим подсознательным и сознательным разумом - язык снов. Но даже если мы помним свои сны, расшифровать их бывает достаточно трудно. У каждого человека свой собственный язык снов, и интерпретация чужих снов возможна, только когда ты полностью его изучил.

Речь в этой книге идет не об анализе снов, но все же я хочу привести основные правила, которые могу помочь вам лучше понять ваши сны. Первое: за исключением "больших снов" (термин Юнга) и "ясных снов", все сны - это прямой репортаж из вашего подсознания. Второе: главное в сне - не образы и символы, а чувства и эмоции, которые вы испытываете. Они служат ключами к расшифровке послания. Третье: интерпретация станет проще, если помнить о том, что подсознание никоим образом не редактирует информацию, не подгоняет ее под мораль или правила вашей религии и культуры. Оно просто дает отчет о том, что происходит в вашей душе, не обращая внимания на то, одобряете вы эти процессы или нет.

Многие спрашивают, зачем вообще запоминать и изучать свои сны. Лучшим ответом будет: "Чтобы оставаться честным перед самим собой", не говоря уже о том, что изучение сновидений помогает узнать много нового о природе человеческого сознания.

Так вот, если вы когда-либо испытывали неожиданные изменения восприятия, то

основная проблема – понять и проанализировать это состояние, а также получить с его помощью некоторый урок.

Я бы хотела дать несколько советов по поводу ситуаций, когда без употребления психотропных препаратов человек испытывает измененное состояние. Иногда это состояние похоже на то, которое человек испытывает при приеме психоделиков, с той только разницей, что при приеме препаратов время нахождения

в измененном состоянии ограничено временем действия вещества, а в описываемых случаях состояние может длиться несколько дней или даже недель.

Если вы обнаружили себя в подобном состоянии и при этом не употребляли никаких психоделиков незадолго до этого, главное – помнить, что это не навсегда,

что это пройдет через несколько часов или в крайнем случае дней. А пока вы можете заняться следующим:

Позвоните хорошему другу и попросите приехать, объяснив, что вы неожиданно оказались в необычном состоянии, и вам нужно, чтобы кто-нибудь находился рядом до тех пор, пока оно не пройдет. При этом человек, который будет рядом с вами, должен обладать большим терпением и выдержкой, так как никто не знает, через что вам придется пройти до того, как вы вернетесь в нормальное состояние. В то же время поспешите успокоить вашего друга, объяснив ему, что вы можете контролировать свое поведение в рамках не причинения вреда себе и окружающим. Подобные состояния не сопровождаются психотическими расстройствами в поведении.

Друг может оказать самую простую помощь по хозяйству, проследить за тем, чтобы обычный порядок вещей не нарушался, отвечать на телефонные звонки и т.п.

Но самая большая помощь – это выслушать вас. Он не должен как-то объяснять вам,

что с вами происходит – это ваша задача, может быть сначала у вас ничего не получится, но в конце концов вы придете к нужному результату.

(Если вам нужна более профессиональная помощь, я советую вам связаться с вышеупомянутой службой "Душевной скорой". Вам могут также помочь члены организации "Субуд" – если в вашем городе существует их отделение. В принципе помощь может оказать представитель любой духовной организации. Если у вас нет доступа к подобным людям, то советую вам дойти до ближайшей библиотеки и обратиться к книгам. Я рекомендую "Душевную скорую помощь" доктора Станислава Грофа и Кристины Гроф, а также другие работы Грофа; книги Юнга, Перри и работы

Хаксли "Двери восприятия", "Рай и ад" и "Мокша").

Даже если вам не удастся найти человека, который мог бы посидеть с вами, я

советую не заниматься никакими делами и не ходить на работу до тех пор, пока сознание не придет в норму (всегда можно сослаться на грипп), так как изменения

в восприятии пространства и времени, а также повышенная чувствительность к звуку, цвету и эмоциям, может серьезно помешать нормальной работе. Отдохните, проведите весь день дома, постарайтесь разобраться в своих ощущениях и сделать

для себя правильные выводы.

Некоторые легко переносят подобный опыт, некоторые очень тяжело.

Предсказать реакцию конкретного человека невозможно. Впрочем я склоняюсь к тому,

что многое зависит от семьи, общества и культурной традиции в которой человек воспитывался. Говоря конкретнее, от того, как в этой семье (традиции, обществе) относятся к нематериальному миру.

Например, в Индии, где, по мнению местных жителей, боги активно участвуют в делах людей, вероятность того, что человек испугается подобного опыта, гораздо меньше, чем в Америке. В нашей стране считается, что духовный мир либо вообще не существует, либо ему отводится место в особых зданиях, где желающие один раз в неделю могут с ним общаться при помощи посредника в лице священника.

То же самое можно сказать о семье, где сны воспринимаются как послания из подсознания. Ребенок выросший в семье, где не боятся изучать различные аспекты человеческого сознания, легче перенесет неожиданное изменение восприятия и извлечет из него максимум пользы.

Однажды, когда я сама оказалась подобном состоянии, мудрый старый психолог (по имени Адам) сказал мне: "То что происходит с тобой – особый процесс. Твоя задача – просто не стоять у него на пути". Он также учил меня стараться извлечь выгоду из измененного состояния, пока оно продолжается, чтобы получить ценную информацию о своем сознании. В конце нашей беседы он заверил меня, что пройдет пара дней, и я буду в порядке. Так и произошло. Наверное мой подсознательный разум услышал его слова и поверил в них или решил, что неплохо было бы к ним прислушаться.

Главное, по словам Адама – записывать все свои ощущения, все мысли, фиксировать изменения состояния. В будущем эти записи могут представлять для вас огромный интерес. Но вот главная ценность этих записей: вы можете проследить свое состояние в развитии, чтобы лучше себя понять.

Например, если подобные состояния сопровождаются паникой или чувством полной беспомощности, то концентрация на словах (написанных на бумаге или записанных на пленку), которые лучше всего описывают это состояние сможет постепенно вернуть чувство полного контроля над ситуацией.

Почему это происходит? Потому что во время таких состояний трудно справиться с огромным потоком смыслов, цвета, идей и эмоций, и записывая их мы

стараемся зафиксировать как можно больше из этого потока. Таким образом мы упорядочиваем весь внутренний хаос, и потихоньку перестаем воспринимать себя жертвой потока информации, начинаем участвовать в нем, влиять на него. Мы побеждаем свой страх и становимся открытыми для информации, которую захотела усвоить душа.

Если вы не хотите записывать свои впечатления словами, постарайтесь выплеснуть их в любой форме творческой активности, например в живописи, чтобы выразить свои эмоции, обретая контроль над ними.

Для тех, кто умеет молиться такие состояния – отличный способ как следует осознать истинный смысл молитвы, когда ты молишь-просишь своего бога или ангела хранителя о защите и благословении.

Через некоторое время "правильное" сознание победит и вы вернетесь к своему

нормальному состоянию или по крайней мере к состоянию, настолько близкому к нормальному, что вы сможете функционировать в привычной реальности. Останется ощущение новых горизонтов и возросшее уважение к миру, который лежит за пределами нашего обычного восприятия. В нас сокрыты удивительные сокровища – тайны света и тьмы, и нам нужно открывать и изучать их, чтобы в результате понять их.

В случае, если вы выбрали путь духовного развития, связанный с психоделиками или, например, медитацией и голотропным дыханием, то вы неизбежно будете сталкиваться с измененными состояниями.

Вы можете попасть на такие территории сознания, которые будут совершенно незнакомы. На этих территориях вы можете получить просветление, но с той же степенью вероятности – много крайне отрицательных эмоций. Нужно найти свой путь через все эти территории, потому что только так можно ознакомиться с глубинными уровнями своего подсознания, прийти к пониманию того, что ты из себя представляешь.

Человек определяет себя посредством выбора в разных ситуациях. Совокупность этих поступков, действий, привычек образует личность человека. Эту социальную часть человека видят окружающие. Но за этим скрывается истинная сущность, не видимая другому человеку, и осознание этого внутреннего Я может стать надежной опорой если ты теряешься в незнакомом состоянии. Внутреннее Я – не твоя личность, она не может быть определена – это форма духовной энергии, которая находится в вечном движении, в то же время оставаясь неизменной. Поэтому, если твое сознание захлестывает хаос, ты всегда сможешь держаться своего внутреннего Я.

Я могу компетентно описать только те состояния, через которые я прошла лично. Большинство из них были вызваны химическими или растительными психоделиками. Этот способ изучения своего внутреннего мира наиболее удобен, так как у него всегда есть три явных фазы: начало действия, кульминация действия и окончание действия. Поэтому как бы не ужасен был путь через незнакомую территорию сознания, ты всегда знаешь, что в конце весь страх уйдет и вернется обычное восприятие реальности.

То же можно сказать о многих других способах сознательного изменения сознания, все подобные учения помогают человеку понять, как можно входить в такие состояния и выходить из них.

Я хотела бы опровергнуть два самых частых заблуждения по поводу психоделиков. Во-первых, считается, что они вызывают привыкание, во-вторых – что люди, которые их принимают пытаются убежать от реальности.

Прежде всего хочу отметить, что науке не известен ни один психоделик, вызывающий зависимость. Есть много людей, которые готовы быть зависимыми от чего угодно: от еды, азартных игр, препаратов, но в целом – психоделики не вызывают зависимости.

На вторую неправду я бы ответила так: на самом деле, иногда психоделический

опыт сопровождается красивыми образами и беспричинной радостью, но при этом всегда приходится проделывать серьезную внутреннюю работу.

Я не имею в виду, что само понятие "бегство от реальности" непременно означает что-то плохое и вредное, если это бегство осуществляется изредка и в гармонии с обычной жизнью. Таким бегством можно назвать чтение книги, или просмотр фильма, или занятие сексом, или просто прогулку на свежем воздухе. Если

твоя реальность мрачна, то все вышеперечисленное будет бегством от этой реальности.

Молодые экспериментаторы, которые употребляют психоделики на рейвах, очевидно совершают побег из тусклой реальности, а не стараются достичь чего-либо

поучительного. По словам некоторых людей, это не самое достойное использование

данных препаратов. Но я не уверена в этом. Для многих посетителей рейв-дискотек

небольшая доза МДМА или ЛСД, в сочетании с трансовой музыкой предоставляет уникальный шанс полностью освободить свои эмоции, почувствовать физическую близость с другими людьми и испытать эйфорию, которую они не могли бы себе представить в своей обычной реальности. Остается открытым вопрос, каким образом

они достигают этого состояния – с помощью музыки или с помощью препаратов, но в

любом случае мне кажется, что эйфория полезна человеку, особенно, если она достигается не за счет других людей.

Большинство молодых людей, которые ходят на рейв мероприятия проводят свою

жизнь в городе, в обстановке, где не принято доверять незнакомому человеку, испытывать симпатию по отношению к нему. На самом деле почти во всех крупных городах приходится все время быть начеку и ждать агрессии, если ты покидаешь пределы своего дома. Рейв для многих единственная возможность на некоторое время

избавиться от постоянного страха перед незнакомыми людьми. Здесь они могут испытать ощущения счастья, надежды и товарищества в большом коллективе.

По-моему, никакой угрозы общественному порядку при этом не возникает.

Для меня психоделические исследования это большая работа по изучению своего

внутреннего мира, своих недостатков, своих поступков, попытка ответить на глобальные вопросы о природе мира, космоса и Бога. Я экспериментировала с психоделиками больше, чем тысячу раз. И ни разу это не было бегством от реальности, каждый раз, когда я возвращалась в привычный мир, я была очень рада,

несмотря на то, насколько положительными были мои ощущения. Но с другой стороны,

мне повезло – мне есть к чему возвращаться. Для тех, у кого жизнь не наполнена

таким счастьем и смыслом, психоделики могут послужить способом вернуть себе ощущение осмысленности бытия и снова дать себе возможность радоваться жизни.

ПЕРЕОЦЕНКА СВОИХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ

(ВЫСШЕЕ СУЩЕСТВО)

Я очень ярко помню тот день, когда я оказалась на территории переоценки своих возможностей. Мы с Шурой были дома – на ферме, и у нас собрались почти все

члены исследовательской группы – отсутствовали только Данте и Джинджер. Мы приняли 2С-Т-8 (2,5-диметокси-4-циклопропилметилтиофенетиламин) Я решила принять

42 миллиграмма – до этого я принимала этот препарат два раза: 35 и 40 миллиграмм, и впечатления мне в общем понравились.

(Другие члены исследовательской группы недолюбливали данный препарат, говоря, что испытали некоторые трудности во время трипа, но я не испытывала ничего неприятного, кроме того, что сексом под действием этого вещества было заниматься невозможно. С другой стороны одна художница обожала 2С-Т-8 за то, что

он помогал ей рисовать необычно динамичные и экспрессивные картины).

Я хочу отметить, что сам психоделик не несет никакого опыта – он просто помогает открыть двери, через которые этот опыт может прийти. ДМТ, например, открывает совершенно другие двери, чем мескалин, но как только двери открыты, все что ты имеешь – только содержание твоего собственного подсознания.

Мы уже провели церемонию всеобщего собрания за столом, чоканья бокалов и пожеланий успеха. Теперь все члены группы разошлись по разным углам дома, чтобы

каждый по-своему встретить первые признаки изменения сознания.

Руфь и Джордж, как обычно при приеме нового вещества, сидели на диване обнявшись. Джон расхаживал по гостиной руки в карманах, разглядывая корешки книг

и безделушки на полках. Дэвид и Шура сидели за столом на кухне и разговаривали

на свою любимую тему – о химии. Лия и Бен отправились по садовой дорожке в сторону старого амбара.

Я обошла все комнаты и, убедившись, что все в порядке, я пошла искать место, где я смогла бы остаться совсем одна – я всегда так поступаю, вне зависимости от того, является ли вещество хорошо знакомым или я употребляю его впервые.

Я вышла из дома и тихо закрыла за собой дверь. Воздух был удивительно свеж,

на дворе была ранняя весна. Я пошла на дворик, где мы обычно устраивали костер –

там был выложен в земле большой кирпичный полукруг, и уселась на заросшем плуцком

и геранью склоне. Я села на маленькую скамеечку – передо мной открывался роскошный вид на окрестные холмы, все еще ярко зеленые после зимних дождей на которых выделялись силуэты деревьев. На севере за холмами была видна размытая линия горизонта, над ней – светло-голубое небо.

Я расправила плечи, потянулась руками к небу и легла на траву.

Я чувствую это – тело наполняется энергией, хочется танцевать, все тело хочет танцевать. Пока что все в порядке.

Я закурила сигарету. Мои глаза сконцентрировались на деревьях на ближайшем

холме – отсюда они казались скульптурами на ярко-зеленом фоне.

Нужно наслаждаться этим видом сейчас – скоро наступит лето, и солнце выжжет

траву, холмы станут желтыми, и ты уже не вспомнишь, как прекрасны они были весной.

Вдруг глубоко во мне появилось ощущение непонятной эйфории, я не смогла уловить момент, когда оно в меня вошло. Я вдруг наполнилась чистой энергией – я

села, расправила спину – энергия текла в меня непрерывным потоком, наполняла меня всю. Пропало желание активно двигаться, энергия медленно и тихо входила в меня и я была полностью открыта для нее.

Я обладала невероятной силой и бесконечной мудростью.

Я заметила про себя, что хотя мое сознание наполнено чистейшим наслаждением, все мысли отчетливы и ясны, никакого замутнения сознания, никакой физической слабости я не испытывала.

О, господи! Это же настоящее просветление! Все мое тело – энергия, мой разум кристалл, и нет вопросов во всей вселенной, на которые я бы не смогла бы ответить. Я совершенно самодостаточна, вся жизнь и все знание мира сосредоточено во мне.

Появилось небольшое сомнение, а что если кто-нибудь сейчас увидит меня в таком состоянии, просто захочет проверить, что со мной все в порядке?

Не хочу пугать своих друзей – они наверняка увидят мою энергию, она слишком сильна, чтобы ее не увидеть. Мне нужно будет как-нибудь ее ослабить, если кто-либо появится. А может быть никто и не придет.

Я неожиданно вспомнила образ, который я не включила в свое подробное описание моего первого опыта с пейотлем в "PINKAL"е. Я хотела записать его, но

почему-то до него просто не дошли руки, и мне пришлось признать, что воспоминание об этом образе мне до сих пор не совсем приятны, поскольку открывают часть моей темной стороны, и мне нужно обращаться с этим образом очень осторожно, особенно во время психоделических опытов.

Этот образ появился в моем сознании во время первых нескольких часов после приема пейотля, когда мы с Сэмом Голдингом лежали в постели и ждали первых признаков действия. За несколько минут до того, как мы полностью погрузились в чудесный мир пейотля, я повернулась к Сэму и хотела что-то сказать, как вдруг я неожиданно увидела себя на троне, в длинных дорогих синих и фиолетовых одеяниях, на моей голове была золотая корона. Я была исполненной мудрости и силой богиней, возвышавшейся над остальным человечеством. От этого образа веяло исключительной гордыней, и я решила, что этот аспект моего подсознания я должна держать под особым контролем. Образ находился в моем сознании всего несколько секунд.

И вот теперь я нахожусь в высшей форме того же состояния, я чувствую, что я

абсолютно самодостаточна и мне никто не нужен и ничто не нужно. И это будет продолжаться до тех пор, пока я не захочу выйти из этого состояния. Я представляю собой цельную сущность.

Обычная переоценка собственных возможностей, мне совсем не нравится эта богиня, больше скажу: я ненавижу эту богиню, и мне было стыдно за нее все эти годы. А теперь я снова вошла в этот образ, и мне ужасно нравится чувство цельности, самодостаточности. Я бы осталась в этом состоянии навечно, купаясь в океане энергии, при этом мой разум совершенно чист.

И вот посреди всего этого великолепия начался внутренний диалог, одна часть моего сознания отделилась от образа и начала задавать вопросы:

- Как ты думаешь, есть ли недостатки у данного состояния?
- Никаких - это просто рай.
- А почему тогда это состояние вызывало у тебя неловкость?
- Потому что я не хочу быть "богиней".
- А почему, ты не хочешь быть богиней?
- Потому что она не может принести никому в мире никакой пользы.
- А что же в этом плохого?
- Мне больше нравится общаться с людьми, любить Шуру и растить своих детей.

Мне просто не очень нравится эта роль. Зато сколько кайфа! Какой приятный

опыт - побыть сверхчеловеком, хотя бы на время.

- И что ты теперь будешь делать?
- Уходить с этой территории сознания.
- И не будешь жалеть об этом?
- Конечно буду, и буду надеяться, что мне удастся повторить этот опыт,

но честно говоря мне нравится и мое обычное состояние. И мне нравится общаться с людьми, нравится быть женой и матерью и другом.

- Значит, мы прощаемся с могущественной богиней и надеемся, что когда-нибудь встретимся с ней опять.

Теперь, когда решение было принято, я снова ненадолго погрузилась в эйфорию, но через несколько минут образ стал потихоньку рассеиваться, словно свежий акварельный рисунок, на который попала вода.

Наконец, я смогла встать и пошла по направлению к дому, чтобы поделиться моим опытом с Шурой и остальными. Смутный образ богини еще не полностью выветрился из моего сознания.

Когда я вспоминаю тот день, я задаю себе очевидный вопрос: а что бы было, если бы я тогда решила остаться в роле богини. Скорее всего через час я бы вышла из этого состояния, потому что вряд ли в нем можно оставаться дольше.

Но в течение этого часа я вела бы себя соответственно своей роли, чем бы вызвала большое удивление окружающих, скорее всего я бы произносила напыщенные речи, пыталась бы применить мою силу и знание, в общем - вела бы себя по-идиотски. Даже если бы мое вдохновение продолжалось бы долгое время, вряд ли бы оно принесло окружающим что-либо кроме растерянности. Общаться с людьми с позиции силы - не самый лучший способ расположить их к себе.

Образ бога или богини является, по-моему, одним из архетипов человеческого

подсознания, и любой человек, который хочет изучить природу своей души (как впрочем и души любого другого человека) должен испытать и изучить это состояние.

Особая ценность этого аспекта подсознания состоит в том, что ты сталкиваешься с соблазном остаться в этом состоянии. И когда ты хорошо изучишь это состояние, ты сможешь по достоинству оценить свою настоящую личность, без переоценки ее способностей. Это то твое состояние, которое ты предпочитаешь - потому что в нем ты можешь общаться с людьми, совершать ошибки, как любой человек, и в этом реальном состоянии ты не любишь наглость и высокомерие как в других людях, так и в себе.

Я имею в виду - нужно полностью пройти через этот опыт, насладиться

ощущением силы, власти и самодостаточности. Постарайся не общаться при этом с другими людьми, найди место, где ты сможешь побыть наедине. После того, как ты полностью прочувствовал это состояние постарайся связаться с наблюдателем внутри себя, той частью твоего сознания, которая аккумулирует опыт и не поддается влиянию чувств и эмоций. Эта часть твоего сознания поможет тебе найти точку опоры во время кульминации эйфории.

Определись в том, что, хотя тот образ, в котором ты находишься и имеет большую ценность, но в то же время это только одна из возможных твоих ролей, и ты выбрал не ее.

Пускай постепенно чувство собственной важности ослабеет. Приди к выводу, что такой твой образ не может заменить тебя живого, в твоём нормальном состоянии.

УВЕРЕННОСТЬ И ЗНАНИЕ.

Полная уверенность в собственной правоте, отсутствие сомнений по какому-либо поводу – ощущение хорошо знакомое любому взрослому человеку. Это часть нашей повседневной жизни, законный результат нашего мыслительного процесса.

Такое же чувство полной уверенности, убежденности в чем-то (или во всем) может стать частью психоделического опыта. Это состояние может наступать вместе с вышеописанным состоянием высшего существа, но может принимать форму неожиданного кратковременного прорыва высокой самооценки.

Подобный опыт может вызвать ряд нежелательных проблем. В принципе ощущение очень приятное, но в то же время тебе кажется, что ты – носитель Высшей Истины, и ты не можешь посмотреть на себя со стороны, тебе кажется, что ты абсолютно прав и не можешь ошибаться.

Это всего лишь положительные эмоции, как и многие другие аспекты самолюбования, и эти эмоции не принесут тебе никакого вреда. Но если ты не будешь себя сдерживать, ты можешь говорить слова, о которых ты потом, когда действие препарата пройдет, пожалеешь (например, ты можешь начать при людях анализировать недостатки своих друзей).

Главное правило в подобных случаях: под воздействием любого психотропного препарата не следует звонить по телефону, отправлять письма, произносить категорические суждения. Постарайся просто насладиться ощущением, расскажи друзьям о состоянии, в котором ты находишься и покинь теплую компанию или, если ты хочешь остаться, ни говори ни слова, держи все свои мысли при себе – после этого об этом не пожалеешь.

Теперь – самый сложный вопрос. Как узнать, имеет ли какую-либо ценность откровение, которое ты получил во время психоделического опыта? Можно ли вообще доверять чувству полной уверенности в чем-либо. Единственный возможный ответ:

подожди до следующего утра, когда ты окажешься в своем нормальном состоянии, и мысленно вернись ко всем вчерашним откровениям. Если ты и вправду приблизился к истине, получил новые ценные идеи и знания, то они никуда не уйдут за ночь, и ты сможешь опять насладиться ими, но на этот раз без завышенной самооценки, в трезвом состоянии и с чувством юмора.

ПУСТОТА.

Одна из самых ужасных территорий. У каждого это состояние проходит по-разному, но есть общие тенденции. Прежде всего – ты полностью теряешь ощущение какого-либо смысла жизни. Если это происходит с тобой под влиянием психоделика, то ты хотя бы можешь рассчитывать на то, что это чувство быстро пройдет. Если при этом рядом с тобой опытный человек, то он поможет тебе выйти из этого состояния. Но если такое случается спонтанно, без употребления веществ, то это состояние может тебя ужасно напугать. Некоторые чувствительные люди могут даже предпринять попытку самоубийства, неожиданно убедив себя в том, что главная истина в том, что жизнь абсолютно бессмысленна.

Медики назвали бы такое состояние "острой формой депрессии". Если это состояние продолжается больше одного дня и никакого прогресса не наблюдается, то вам следует немедленно обратиться к врачу, потому что существуют лекарства, которые вам помогут. Имейте в виду, что обычно депрессия – нарушение химического обмена в головном мозге, и ее можно лечить.

Если ты попал на территорию Пустоты (другие названия: долина смерти, скорбное место), откуда весь мир кажется серым, унылым и бессмысленным, то помни о том, что эта территория всего лишь маленькая часть огромной и прекрасной Вселенной. Судить по ней об остальных частях – то же, что судить о человечестве по отдельным его представителям типа Адольфа Гитлера.

Второе наблюдение: помни, что тебе не обязательно оставаться на этой территории. Нужно знать, что она существует и быть с ней знакомой. Например, для того, чтобы помогать другим выходить из подобных состояний, ведь на земле очень много людей, которые полностью утратили осмысленность своего существования, и при этом не получают должной медицинской помощи.

Лучший выход из таких состояний – сфокусироваться на определенном образе, например, образе смеющегося Будды, или образе Христа, или образе младенца, приносящего счастье своим родителям, или на образе твоего любимого человека, или на своей любимой музыке, на любом прекрасном и радостном образе. Как только ты

сконцентрируешься на выбранном образе, как только ты позволишь ему наполнить всего тебя, как только ты воспримешь его всей душой, пустота начнет рассеиваться, серый цвет сменится буйством красок, а жизнь снова обретет смысл.

У меня есть свое понимание значения слова "смысл", "осмысленность". Мне кажется, что все на Земле имеет свою определенную цель и задачу, что все мы часть одного большого замысла, все играем важную роль в глобальной истории Вселенной.

МАНИЯ ПРЕСЛЕДОВАНИЯ.

Это крайне неприятное состояние часто бывает у некоторых людей при употреблении марихуаны. Некоторые люди (я в том числе) не могут победить в себе это состояние, и им приходится просто избегать данное вещество. Но в принципе, любой психоделик может вызвать у вас паранойю. Единичный случай будет вам даже полезен, так как вы сможете на собственном примере увидеть, как работает параноидальное сознание, скорее всего вы узнаете, что психологи понимают под "проекцией". В вас может появиться интерес к анализу внутренних глубинных причин недоверия и осторожности в вас самих.

Если вы обнаружили себя в таком состоянии постарайтесь помнить несколько основных правил. При первых признаках паранойи, то есть как только вы начинаете замечать ненависть и агрессивность в любимых людях, сразу же включить "внутреннего наблюдателя" – это та часть вашего сознания, которая способна оценивать события беспристрастно (иногда обладая своеобразным чувством юмора). Наблюдатель всегда находится в вас и вы должны уметь его в себе найти. Он сразу же начнет говорить что-нибудь типа: "Ты принял вещество, которое изменило твое восприятие. Не дай негативным эмоциям захлестнуть тебя. Они – всего лишь часть твоего подсознания, реликты сознания древнего человека, для которого весь мир вокруг был враждебен. То что ты сейчас видишь в лицах твоих близких – проекция этой части твоего подсознания. Через некоторое время ты выйдешь из этого состояния".

Как только ты сам определил это состояние, как манию преследования, ты сможешь лучше контролировать ситуацию. Теперь остается только ждать, когда действие препарата окончится и постоянно напоминать себе не поддаваться панике, не действовать руководствуясь своей агрессивности. Судя по всему данное вещество имеет негативный эффект на тебя, и тебе не стоит больше с ним экспериментировать. Подумай также о том, что может быть такой опыт больше никогда не повторится, что ты просто изучил разовый потенциал человека видеть все окружающее, как нечто враждебное.

Если тебе кажется, что люди смотрят на тебя с ненавистью и неодобрением,

помни, что от кого бы эти негативные эмоции не исходили: от людей, от деревьев или от небес – они только проекции негативной информации о себе, спрятанной глубоко в подсознании каждого из нас. Какая-то часть твоего подсознания привыкла считать твою личность недостойной, гнусной и подлой, заслуживающей наказания. Обычно такие мысли попадают в нашу голову в раннем детстве. Именно эту самоуничижительную самооценку ты теперь наблюдаешь в лицах людей.

Пусть мания преследования поможет тебе лучше узнать об этой информации, спрятанной в твоём подсознании – обсуди с друзьями свои ощущения. Если паранойя продолжает доставлять тебе массу проблем – обратись к психологу, чтобы постараться обнаружить в своём подсознании эту программу саморазрушения и стереть ее.

НЕНАВИСТЬ К СЕБЕ.

Некоторые люди, употребляющие психоделики проходят одну из начальных стадий трипа, которую можно охарактеризовать, как отречение от своей личности, и в крайней форме это может перерасти в ненависть к себе. Это состояние может наступить при приеме любого психоделика, но крайне редко человек реагирует так на все без исключения психоделики.

Как и в случае с манией преследования, выйти из этого состояния помогает самоконтроль. Внутренний наблюдатель должен сообщить вам (если вы еще способны к нему прислушиваться), что нельзя заикливаться только на отрицательных сторонах, что все эти негативные эмоции не имеют ничего общего с объективной реальностью, а скорее всего исходят из той части твоего подсознания, которая была в детстве запрограммирована родителями или учителями на самоуничижение.

Задайте себе вопрос: осудили бы вы с тех же позиций своих лучших друзей? Если нет, то почему вы осуждаете себя? Где сочувствие, понимание, терпение и любовь – неужели я заслуживаю их меньше, чем другие люди?

Обычно эта фаза проходит в течении первого часа после приема препарата и сменяется фазой во время которой ты принимаешь себя таким, какой ты есть, без какой-либо агрессии и, наоборот, с юмором. Но именно из-за неприятной возможности прорыва этих негативных эмоций, нужно, чтобы во время приема нового психоделика с тобой рядом находился проводник или, как мы его называем, "нянька". Этот человек должен уметь определить, когда это состояние зарождается в вашем сознании и постараться с осторожностью и умом ее погасить, чтобы не допустить негативных последствий.

Дело в том, что у некоторых неопытных исследователей это состояние может иногда спровоцировать попытки причинить себе вред – в этот момент ненависть воспринимается, как высшая истина, и ни один человек не может спокойно перенести состояние, когда все, что ты ненавидишь и презираешь – внутри тебя самого.

Человек, знакомый с действием психоделиков, вряд ли будет пытаться совершить попытку самоубийства в подобном случае. Скорее всего он уже проанализировал источник такой агрессии, поскольку почти все люди активно занимающиеся психоделиками с ней сталкивались в той или иной форме. Он может отделить эту ненависть от самого себя и понимает, что она не имеет отношения к истинной сущности его души. Опыт учит нас, что стоит в этот момент собрать все свое оставшееся сострадание к себе и немного подождать, как ненависть рассеется, вернется спокойное, с юмором отношение к собственной личности.

Особая ценность подобного опыта состоит в том, что ты получаешь возможность вернуться в свое детство и посмотреть, откуда происходит вся подобная ненависть. Когда ты признаешь, что подобный взгляд на себя чаще всего - результат (непреднамеренный) родительских упреков, ты сможешь вплотную заняться преобразованием внутреннего "зверя" в "принца" или "принцессу".

ОКЕАН .

Великая Mircea Eliade называла это состояние "мистическим соучастием". Очень трудно найти точное название для этого состояние, так же трудно описать его словами. Это одна из первых территорий, на которую попадает человек, экспериментирующий с психоделиками. Этот опыт может глобально изменить твой взгляд на мир, особенно на окружающую среду. Многие люди, я в их числе, считают, что нынешнее экологическое движение берет свое начало не в знаменитой, очень важной и новаторской книге Рачел Карсон "Тихий источник", а в опытах с психоделиками в 60х годах.

Молодые люди, которые принимают психоделики на рейв-вечеринках, могут испытать похожее состояние всеобщей любви и радости, но чаще всего они не могут прочувствовать это состояние в полной форме. Для этого нужно находиться на природе, и чтобы внутри и снаружи тебя была полная тишина. Но для человеческой души нет четких правил, и если подобный опыт придет, он может наступить при любых обстоятельствах.

Основной признак этого состояния - ты начинаешь неожиданно ощущать эмоциональную и духовную связь со всеми живыми существами и со всей планетой в целом. Тебя переполняет чистое счастье. Ты чувствуешь огромную благодарность Богу за то, что ты жив, что ты являешься частью большого живого организма, системы, наполненной высшего смысла и всепрощающей любви. Все растения, животные и насекомые начинают казаться тебе необходимым составляющим системы, одной из главных составляющих которой являешься ты.

Существует более редкая форма этого же состояния (я не часто встречала ее у своих знакомых), при которой стадии блаженства предшествует стадия большой грусти. Эта грусть происходит от того, что ты вдруг начинаешь ощущать боль и

страдания всех живых существ, при этом испытывая все те же отрицательные эмоции.

Но через некоторое время тебе становится ясно, что бескрайняя любовь может победить все эти страдания, и потихоньку ты переходишь в состояние полного блаженства и эйфории. Причем это счастье не отрицает увиденные страдания, а включает их. Ты можешь оказаться на острие космического лезвия, балансируя между черной пустотой с одной стороны и бесконечным светом с другой. Именно здесь, на этом острие рождается смех.

После подобного опыта у человека навсегда остается ощущение того, что все, что его окружает – живое, родное и даже священное. В том числе те формы жизни, которые человек никогда не любил – теперь он уважает их право на существование на земле.

"Океанический" опыт испокон веков бывал у разных людей и без употребления каких-либо препаратов. Это очень ценное духовное состояние и я не слышала, чтобы кто-либо отзывался об этом опыте кроме как о "бесценном даре" – даже в тех случаях, когда подобное состояние наступало совершенно неожиданно. Это состояние подробно описано в великолепном стихотворении Эдны Миллэй. Я приведу некоторые отрывки из разных частей этого довольно внушительного по размеру произведения:

...Я видела, и слышала, и знала
Природу и реальность всех вещей
И время-бесконечность постигала
И обнаженный смысл Вселенной всей
Открылся вдруг пронзающему взору...

...И боль, и смерть чужая – как своя,
И каждое последнее дыханье,
Последний крик на грани бытия
Встречал в ответ мой крик и состраданье,
Была которым – я...

...И мир стоит вокруг такой огромный,
Как раз размера сердца твоего,
И купол неба – высоты бездонной,
Но выше наших душ – нет ничего.
И сердцем раздвигать моря и горы,
Душой – разрезать небо пополам,
Чтоб Бог раздвинул небеса, как шторы
И улыбался нам... (перевод В. Асаева)

Мне кажется, что после подобного опыта человек уже не может воспринимать деревья и растения, как "источник урожая", не сможет помыслить о том, чтобы убить животное без необходимости и не попросив у него перед этим прощения, строить дом без мысли о маленьких жителях того участка земли, который ты решил захватить у природы.

Для такого человека весть о исчезновении вида животных или растения –

личная трагедия. Он осознает, конечно, что бесчисленное количество видов сменяли друг друга на земле миллионы лет до того, как человек научился серьезно убыстрять этот процесс, но он воспринимает исчезновение этого вида, как смерть своего знакомого, с которым он не успел пообщаться.

Человек, прошедший через этот опыт, знает, он является частью природы, частью огромного живого организма, который представляет из себя наша планета – громадная система, со своим сознанием, которое не может понять человеческий разум. Он касался некой грани этого всемирного сознания и понял, что имеет связь с ним, точно такую же, какую имеет любое живое существо.

Во время нахождения в этом состоянии вам не понадобится внутренний наблюдатель, даже если оно будет начинаться с неприятной фазы. Когда вы выйдете из этого состояния, вы будете знать, что получили очень ценный дар.

СИНЕСТЕЗИЯ.

Одно из самых приятных состояний для людей, употребляющих психоделики. Словарь дает такое определение: "Одновременная реакция нескольких органов чувств на один раздражитель – например, когда определенный звук вызывает визуализацию определенного цвета". Под воздействием психоделиков ты можешь не только видеть музыку, но и слышать визуальные образы – цвет переходит в звук. Иногда эмоции становятся доступны осязанию, а идеи предстают в форме сложных объемов. Синестезия может возникать во сне, без приема каких-либо препаратов. Это обычная черта любого человеческого разума и подсознательная основа любого творчества. Поэты, художники и музыканты знакомы с этим опытом, потому что творческий процесс включает в себя измененное состояние – транс. При помощи психоделиков можно сознательно изучать переплетения всех этих образных связей.

Когда-то давно, незадолго до рождения моей первой дочки, мне приснился "большой сон" (то, что Юнг определил, как сон, полный огромного смысла, который всегда кончается тем, что человек просыпается, и надолго врежется в память). Мне приснилось, что я стою посреди сада и передо мной высокий золотой столб. На его вершине стояло роскошное блюдо полное фруктов-цветов – они были ярко-красные, и представляли собой одновременно и плоды и соцветия. Во сне я видела свою еще не рожденную дочь, она предстала передо мной в образе молодой девушки, ее звали Анна – я, конечно же, именно так ее и назвала, когда она родилась. Весь сон был очень ярким и подробным, но когда я проснулась, я никак не могла понять, каким образом мой разум мог во сне смешать две части растения, которые наяву я никак не могла себе представить, как единое целое.

Я могла логически осмыслить символику такого смешения, но не могла почувствовать его, как во сне.

Уровень синестезии зависит от препарата, дозировки, но так же и от чувствительности и любопытства человека. Если человек настроен на то, чтобы исследовать свое сознание, он будет уделять особое внимание пересечениям, которые возникают, когда сознание освобождается для подобной игры.

Вот отрывок из письма мистера Дэна Джоя о синестезии:

"Это очень разнообразное, тонкое явление, полное большого смысла. Оно - везде. В мультфильмах звук, идущий из музыкального инструмента изображается графически, иногда с помощью небольших нотных знаков... Феномены психоделического опыта неотделимы от спектра нормального человеческого процесса

восприятия, познания и мышления, а не существуют отдельно от них. Синестезия прочно вошла в язык - в нашем словаре одни и те же термины употребляются для обозначения явлений, за которые отвечают различные органы чувств. И цвета, и звуки имеют тона и полутона - эмоции тоже. Звук, как и цвет может быть "ярким"

или "тусклым", ноты могут быть "высокими" и "низкими" - таким образом звук и визуальные образы имеют общую терминологию. Известны случаи, когда запах вызывал

в памяти полный спектр ощущений: слуховых, визуальных и эмоциональных. Ведь все

"отдельные" каналы восприятия ведут в один мозг...

Синестезия, по всем известным мне отчетам, является очень приятным состоянием. Человеческой душе нравится это смешение чувств. Некоторые люди всегда живут в состоянии синестезии, считая это очень ценным даром. Мне кажется, что в теории синестезический опыт может быть и отрицательным - в ночных кошмарах или во время раздвоения личности, но мне неизвестны конкретные случаи такого рода. Для меня он всегда был приятным и радостным. Кроме того, он поднимает много вопросов о том, как функционирует человеческое восприятие, мозг и сознание.

СМЕХ.

Каждый, кто когда-либо употреблял марихуану знаком с беспричинным смехом, который она вызывает, а так как трава - препарат, который обычно употребляют в

компании, это приводит обычно к тому, что все до упада смеются над каждой фразой, над каждым событием. Этот эффект травы довольно известен, но другие психоделики, особенно псилоцибин тоже могут его вызывать. Может быть это связано

со снятием обычных социальных барьеров, которые присутствуют в каждом взрослом

человеке в нашей западной цивилизации - они не дают нам открыто выражать наши эмоции. Под действием психоделиков высвобождаются не только загнанные в себя отрицательные эмоции, но зачастую и смех.

В любом из нас спрятано много смеха, но нас с детства учат бороться с ним и

не проявлять его в обществе. Под действием алкоголя или психоделиков мы можем высвободить этот смех. И каким бы глупым этот смех потом не казался, мы не

должны забывать, что он, например помимо прочего, может укреплять иммунную систему человека, и поэтому мы должны его ценить.

Какова природа смеха? Это обычная реакция человека на смешное. А какова природа смешного? Когда маленький ребенок увидит, как из шкатулки выскочит чертик, он испугается и заплачет. Ребенок постарше учится реагировать на подобный раздражитель совсем по-другому – он принимает это новое в свой мир. Он смеется и тянется за игрушкой, чтобы схватить ее и потрогать, изучить, как она устроена. Смех, как в ребенке, так и во взрослом, кажется мне реакцией на быструю смену страха на радость, "нет" на "да".

Бывают разные виды смеха. Можно смеяться горько, сардонически, победно и злорадно. Физический процесс один и тот же, но эмоции, которые к нему привели могут быть совсем разными. Можно смеяться от негодования и ярости, можно – чтобы продемонстрировать свою власть. Но все понимают под смехом одно и то же – это как пузырьки шампанского, клопочущие в твоём животе и груди, которые заставляют тебя открыть рот и издавать странные звуки "стаккато", которыми мы выражаем нашу радость.

Смеющийся Будда – архетип, иллюстрация того, что значит балансировать на грани добра и зла, жизни и смерти и наблюдать Вселенную оттуда. Это космический

смех – наполовину боль, наполовину блаженство. Не обязательно быть Буддой, чтобы

испытать это чувство, в каждом из нас есть подобная территория, и чтобы попасть

на не нужно просто не бояться открыть определенную дверь.

СОСТОЯНИЕ "БЕТ" .

Шура именно так называет это очень редкую территорию сознания, другое название "затянувшееся пороговое состояние". По нашему опыту только одно вещество вызывает подобное состояние – препарат под названием Алеф-7. (Шура играет словами: Алеф – первая буква еврейского алфавита, Бет – вторая). Может быть это единственный препарат, обладающий подобным эффектом, но с другой стороны, мы может быть просто не знаем о других веществах, которые могут вызывать подобное состояние.

Согласно Шуриным записям: "Через один час начинаются первые признаки измененного состояния, через три часа двадцать минут я почувствовал, что мне тяжело ходить – неопределенное ощущение, не могу его никак классифицировать. Через четыре с половиной часа, я пришел к знакомому приятному состоянию. Предыдущий час я не испытывал особых негативных эмоций, просто – ничего определенного.

Суммируя сказанное хочу сказать, что состояние Бет – это, когда ты понимаешь, что твое сознание изменено, но не можешь определить каким образом, потому что никаких явных признаков нет. Никаких изменений восприятия окружающего мира, никаких эмоций, никаких образов. И в случае с Алефом-7 это состояние длится 3-4 часа. Если один препарат может вызвать подобное состояние – это значит, что оно свойственно глубинам человеческого сознания, и другие вещества

тоже могут его вызвать. Единственное неприятное качество данного состояния – убийственная скука.

ПОТОК

Обычно это последствие передозировки психоделиком, но иногда такое состояние может возникнуть и при обычной дозировке. Из космоса на тебя устремляется целый поток образов, мыслей, идей и эмоций. Подробности этого опыта

зависят от человека, но главная характеристика этого состояния – ты вдруг начинаешь ощущать внутренние связи всех предметов во Вселенной. Опытный человек, зная, что это пройдет, постарается расслабиться и постараться получить удовольствие, но начинающего этот опыт может ошеломить. Это, самоидентификация может оказаться потерянной в потоке информации.

Поэтому, если вы оказались на данной территории сознания, помните, во-первых, что это состояние скоро пройдет. Если невозможно расслабиться и отдаться потоку, если вам нужно срочно вернуть себе самоконтроль, то встаньте,

откройте глаза (если они были закрыты) и начните ходить по комнате, делать что-нибудь, концентрируясь на своих действиях. Найдите в себе внутреннего наблюдателя, и заставьте его постоянно напоминать вам о том, кто вы есть, каковы

ваши намерения. Получится примерно такой текст: "Меня зовут Вася Смит, я принял

столько-то миллиграмм такого-то примерно полчаса назад, теперь я переполнен потоком информации и стараюсь этим глупым диалогом вернуть себе точку опоры".

Если вы сумеете посмеяться над собой в такой момент – то вы очень быстро выйдете из неприятного состояния. Может быть возвращение займет определенное количество времени, но вы на правильном пути. Если вам удастся почувствовать свое существование, сказать себе: "Я – здесь, я – существую", то страхи растворятся в окружающем мире постепенно уйдет.

Главная цель – сохранять самоидентификацию, знание о том, что ты существуешь отдельно от окружающих тебя вещей, и дать потоку идей и образов проходить сквозь тебя, в тебе не задерживаясь. Через некоторое время поток информации ослабеет. Из этого опыта можно вынести хороший урок о том, как важно

быть целеустремленным, не теряться в мелочах, контролировать все свои энергетические и мыслительные каналы.

Многие мудрые люди писали о духовном счастье человека, который смог отказаться от собственного "я", смог раствориться в космосе, Реке Жизни, потоке

вселенских энергий. В западной культуре концепции "я" – "ужасное эго" передается

слишком большое значение.

Я не совсем согласна с употреблением термина "эго". Чье определение мы используем? Если под "эго" имеется виду "личность", как наш социальный образ, то

я считаю, что для духовного развития, человек должен уметь полностью от него отказываться, хотя бы на короткое время.

Но наша сущность – наше "Я" с большой буквы, наша энергетическая

первооснова не может быть обременительной. Это частица Бога – маленькая, как молекула и огромная, как Вселенная. Я думаю, что совершенно не обязательно отказываться от нее, чтобы прочувствовать, как ты растворяешься в океане бытия.

Она должна выступать якорем – отправной точкой путешествия в внутренний космос и

местом, куда ты вернешься после путешествия.

Есть существенная разница между описанным ранее океаническим состоянием и

состоянием потока. Здесь все твои инстинкты говорят тебе, что мозг не справляется с количеством информации, что ты не сможешь вынести ничего полезного

из данного опыта (кроме информации о правильной дозировки для следующего раза).

Океаническое состояние кажется естественным и приятным раскрытием души, ты

часто чувствуешь, что это состояние тебе изначально знакомо.

Состояние потока – одна из причин, почему опытный экспериментатор всегда старается пригласить "няньку", особенно при приеме незнакомого вещества или при

повышении дозы.

Если поток возникает внезапно и продолжается более 24 часов, вам нужно обратиться к врачу. Скорее всего вам скажут, что у вас тяжелая форма психоза и

пропишут вам кучу лекарств. Вам это может оказаться нужно, если вы, например, впадаете в панику. Но если вы можете переносить состояние без особых проблем, помните, что антипсихотические препараты закроют для вас возможность изучить это

состояние и сделать для себя важные выводы о том, как победить его самому.

Если подобное состояние наступило без приема психоделиков – обратитесь к близкому человеку. С его помощью попробуйте узнать, нет ли поблизости

духовного авторитета (например, священника любой религии или проповедника), который мог бы

вам помочь. Если вы можете обратиться к опытному экспериментатору, причем важен

не только опыт с психоделиками, но и жизненный опыт – он тоже может вам помочь.

Важно изучить подобное состояние, чтобы осознать важность контроля над потоком информации, по крайней мере до состояния, пока ты можешь отчетливо ощущать себя. Осознать важность постепенного овладения новыми идеями и концепциями. В данном случае работает принцип: "Чем меньше, тем лучше".

НАРУШЕНИЕ ВОСПРИЯТИЯ ВРЕМЕНИ.

Это один из самых обычных эффектов психоделиков, почти все они вызывают подобные изменения, большинство заставляют время течь медленно, но бывают и такие, которые ускоряют время. Обычно это не вызывает неприятных ощущений. Но есть одно исключение. Иногда люди "теряются в бесконечности" и не могут из нее

выбраться.

Я слышала историю о том, что одна женщина, жившая одна в домике на природе, приняла ЛСД впервые в своей жизни (о дозе не сообщается). И оказалась в "бесконечном" измененном состоянии – по крайней мере, ей так казалось. В конце концов к своему удивлению и радости она вернулась в нормальное состояние, но за эти несколько часов трипа она пережила целую вечность. После этого опыта она, как нетрудно догадаться, никогда больше психоделики не принимала.

Я знаю только один способ избежать подобных неприятных эмоций. Начинайте с небольшой дозы и поднимайте ее постепенно. В данном случае бравада не уместна. Эксперименты по изучению своего внутреннего мира должны проводиться с большой осторожностью, и ни в коем случае не надо торопиться.

Если вы попали в такое состояние, заставьте свой внутренний наблюдатель постоянно напоминать вам, что это просто действие препарата и оно когда-нибудь пройдет. А пока постарайтесь как можно более полезно провести время: пишите, рисуйте, любуйтесь природой, слушайте и размышляйте. "Вечность" скоро кончится – вы испытываете редкое и интересное состояние. Вы можете многое узнать о восприятии времени, природе своей личности и уникальных способностях своего сознания.

ВЫХОД ИЗ ТЕЛА.

Сразу же возникает терминологическая проблема. Можно ли вообще "выйти из тела"? Обычный ученый, обладающий так называемым "научным мышлением" и логикой, никогда не сталкивавшийся с проявлениями духовного мира, скажет, что данное определение не имеет смысла, так как физическое тело – это все, что у нас есть и никакого опыта нахождения вне нашего тела мы иметь не можем. Для таких людей все, о чем я пишу не имеет смысла. Я обращаюсь к другим людям.

Считается, что главным экспертом по подобным состояниям является Роберт Монро, написавший первые книги о данном феномене и основавший школу, в которой учил людей выходить из своего тела.

Я знаю много людей, которые испытали подобное состояние под влиянием психоделиков, но сама я ни разу его не испытывала, поэтому не могу с уверенностью рассуждать на эту тему.

Шурин сын Лео, когда ему было лет двадцать однажды имел опыт настоящего выхода из тела. Для этого он использовал самогипноз (сфокусировал взгляд на одной точке пространства) и вдруг почувствовал, что летит вверх, выходя из своего тела, при этом оставаясь с ним связанным прочным каналом. Он ничуть не испугался и решил таким образом навестить свою подружку, которая на выходные уехала с родителями за город. Неожиданно он увидел ее на берегу горного озера.

Он запомнил, во что она была одета (красный свитер и джинсы), и поспешил вернуться назад – ориентироваться было легко, так как прочная связь с телом

оставалась. "Я просто летел по связующей нити – блеск – бах! – и я снова в своем теле.

Как вы понимаете (иначе я не стала бы вам об этом всем рассказывать), когда подружка вернулась, Лео сразу же спросил ее о том, была ли она в подобном месте в тот день и не такую ли одежду она при этом носила. Девушка подтвердила, что он прав и очень удивилась его осведомленности. Лео засмеялся и перевел разговор на другую тему.

Тео бросил подобные эксперименты после того, как однажды утром точно таким же образом вышел из тела и решил проверить, чем занимается с утра отец. Он застал его за бритьем в ванной комнате. Какого же было изумление Тео, когда он, глядя в большое зеркало и видя там отца и всю обстановку ванной – себя самого там не увидел! Первый раз за все время своих опытов Тео реально испугался. Он через мгновение оказался в своем теле и решил, что с него хватит острых ощущений.

ГАЛЛЮЦИНАЦИИ .

В приложении мы с Шурой определили этот термин таким образом – я повторяю и добавлю еще несколько слов от себя:

"Очень редкий феномен человеческого сознания, при котором человека окружает другая реальность, при этом он может общаться и действовать только в ней. Обычно считается, что психоделики всегда вызывают галлюцинации, но это совсем не так –

это возможно только при крайних формах передозировки. Почти во всех случаях, когда с психоделиками экспериментирует здоровый взрослый человек, он всегда сохраняет связь с нормальной реальностью. Искажения зрительного ряда – достаточно частое явление, но человек всегда отделяет их от естественного окружения, он знает, что это – искажения. Препараты для наркоза и анестезии, типа Кетамина и Скополамина могут вызывать настоящие галлюцинации".

Многие медики и психиатры, не имеющие личного психоделического опыта, привыкли употреблять слово "галлюцинации" для обозначения всего спектра эффектов искажения восприятия, связанного с приемом психоделических веществ. Многие из этих эффектов не имеют никакого отношения к галлюцинациям.

Обратите внимание: если после приема психоделика вы, например, наблюдаете усиление яркости цвета, видите живые образы в неживых предметах, калейдоскопические узоры на стенах и при этом вы отдаете себе отчет в том, что это – эффекты препарата – все это не называется галлюцинациями.

Но с другой стороны, если после приема препарата вы внезапно увидели, что

по вашей гостиной скачет зеленая лошадь, при этом – вы полностью уверены в ее реальности и считаете, что все присутствующие тоже ее видят, у вас не возникает

никакой ассоциации между приемом препарата и образом, то это настоящая галлюцинация. Именно ваше отношение к иллюзии определяет ее характер.

Однажды я испытала визуальные иллюзии без приема веществ. Когда-то давно я

присутствовала на собрании экстрасенсов – целителей в доме у одного подобного человека в Беркли. Много разнообразных людей собралось, чтобы послушать краткие

отчеты примерно десяти целителей об их методах и практиках.

Среди собравшихся был знаменитый специалист по состояниям выхода из физического тела доктор Чарльз Тарт. В своей лаборатории он изучал способности

людей, утверждавших, что они умеют покидать свое тело. Он, например, просил их

покинуть физическое тело, подняться к потолку спальни и прочесть фразу, написанную на открытке прикрепленной таким образом, что с пола ее разглядеть невозможно. На следующее утро человеку предлагалось сообщить, что на открытке было написано.

Доктор Тарт первым из профессоров опубликовал положительные результаты подобных опытов. Он пришел на собрание, чтобы задать вопросы экстрасенсам, и записывал все ответы на диктофон.

Собрание происходило в большом пустом зале, большинство народа сидело на деревянном полу. Стояла полная тишина, слышен был только голос выступающего экстрасенса. Я очень внимательно слушала ораторов, стараясь не пропустить ни слова, особо меня интересовало, как подобные люди энергетически защищают себя от

болезней пациентов.

Посредине лекции я тихо встала, и аккуратно переступая через ноги людей, пошла в туалет. Я вошла в ванную и вдруг заметила, что все плоскости – обои на

стенах, шторы – странным образом движутся, а блестящая сантехника сверкает красивыми разноцветными огоньками. "Ага – подумала я – Никогда ничего подобного

со мной не случалось. Видимо это – из-за большой концентрации на словах экстрасенсов. Интересно, сколько может подобное состояние продлиться?"

С сожалением, случившееся так сильно поразило меня, что я уже не могла внимательно слушать слова экстрасенсов, когда вернулась в зал. Но к моменту окончания встречи все визуальные искажения исчезли и я вернулась в нормальное состояние.

Тогда я ни на секунду не поверила в реальность происходивших аномалий, я знала, что любой другой человек не увидел бы то, что видела я. Это были естественные феномены моего собственного сознания. Шура называет подобные рассуждения "использование интеллекта в качестве свидетеля" – я называю это "обращением к внутреннему наблюдателю". В случае галлюцинаций, как и во сне, наблюдатель перестает выполнять свои функции.

В моем случае все, что я увидела нельзя назвать галлюцинациями, так как я

не верила в реальность увиденного. Из всего случившегося я сделала вывод, что изменение восприятия может наступить от большой концентрации, и данное состояние

мне понравилось – надеюсь, я смогу повторить этот опыт еще раз.

КАЛИ.

Это знаменитый индийский архетип – богиня Кали, жена бога Шивы. Она обычно изображается в виде черного или темно-синего монстра, с ожерельем из черепов на шее, танцующей на мертвом теле. В одной руке у нее острый меч – в другой отрубленная человеческая голова; иногда ее изображают с четырьмя руками, тогда в третьей она держит трезубец, а в четвертой – чашу, куда стекает кровь из отрубленной головы

В книге "Танец в огне" (Шамбала Пресс, 1996) Марион Вудман и Элинон Диксон

так пишут об этой богине:

"На первый взгляд Кали – воплощение всепоглощающей матери, которая пожирает даже свое потомство. Но если посмотреть внимательно – замечаешь нимб над ее головой... Нимб означает, что Кали – богиня, и ее нельзя рассматривать только, как разрушительную силу – она отвечает также за трансформацию. Она черного цвета, как первоприрода всех вещей, из которой они создаются и к которой они возвращаются. Для своих почитателей она, как черный сапфир – они видят сияние, исходящее из ее черноты".

"Загадка Кали в том, что она одновременно разрушает и творит – разрушает для того, чтобы творить, смерть, как источник жизни, жизнь – источник смерти. Кали это время, имманентность, вечное становление, природа, как процесс. Для Кали нет разницы между жизнью и смертью".

Считается также, что Кали олицетворяет смерть собственного "я" – главный шаг на пути к просветлению.

Я сталкивалась с Кали два раза. Каждый раз ее образ сильно отличался от стереотипа, и у меня рождалось множество вопросов, на которые не находилось ответов.

Первый раз это случилось, когда я приняла 20 миллиграмм 2С-В. Это было вечером теплого летнего дня, Шура был в Сан-Франциско на репетиции оркестра клуба Соуы.

Я вышла из дома, чтобы принести что-то из машины. Уже стемнело, свет из гостиной освещал дворик. Я спускалась по лестнице к дому и вдруг остановилась, как вкопанная. Недалеко от меня, примерно в пяти метрах над землей висел овал света, сияющий на фоне темных деревьев. В его центре восседала фигура молодой девушки – она вытянула руки мне навстречу, словно протягивала мне какой-то предмет. Ее кожа светилась розовым. Вокруг нее на земле были разбросаны отрубленные части человеческих тел – повсюду была кровь. При этом от всей картины исходила неопишуемая энергия блаженства.

Буквально через две секунды образ начал таять в воздухе, и я долго не могла сойти с места, вглядываясь в темные кроны деревьев.

Я зашла в дом – мысли переполняли мою голову.

Что это? Судя по отрубленным головам и рукам – это была Кали. Но я никогда не слышала о том, что Кали может быть красивой – обычно ее изображают ужасным монстром. И почему от нее веяло таким спокойствием, таким блаженством? Ничего не понимаю.

Это не просто видение – это сакральный образ, который может объяснить природу нашего понимания добра и зла. Но в тот момент я не могла переварить

полученную информацию.

Через семь месяцев, когда я еще не смогла прийти ни к каким конкретным ответам, я второй раз увидела Кали. На этот раз это случилось, когда мы с Шурой занимались любовью, и он принял 120 микрограмм ЛСД, я - только 80, так как мне не нравится кислота в больших дозах. Вдруг в моем сознании явственно появились две борющиеся красные фигуры на белом фоне. Я осознала, что это Жизнь и Смерть - и в этот миг они слились в одно существо в кроваво-красных одеждах, которое восседало на троне в ореоле света.

На этот раз видение опять продолжалось лишь секунды, потом оно, в отличие от прошлого раза не растворилось в воздухе, а резко исчезло.

Это уровень богов - это выше человеческого понимания. Мы, люди всегда должны выбирать между жизнью, любовью с одной стороны и разрушением и убийством

- с другой. Какое значение может иметь для нас этот образ?

Я поспешила переключить все свое внимание на Шуру, и обещала себе подумать над видением как-нибудь в другой раз.

Через несколько дней я поняла, что моей первой подсознательной реакцией на этот опыт была попытка уйти от необходимости размышлять об увиденном.

Через несколько недель моя подруга рассказала мне о похожем видении. Оно явилось ей во сне - в так называемом "большом сне", ярком и мистическом, том, который мы запоминаем на всю жизнь.

Моей подруге приснилось, что она разговаривает с гавайской богиней огня и

вулканов Пеле. Богиня явилась в образе сверх существа, окруженная потоками горячей лавы. Несмотря на грозный вид, Пеле говорила о мирных вещах - она рассказала подруге о священном значении знания и необходимости постоянно накапливать знания, пока находишься в этом мире. Пеле показала подруге результаты своей деятельности - она гордо показала ей новые участки земли, получившиеся после застывания вулканической лавы. На этом сон оборвался. По словам подруги, она была охвачена неопишуемой радостью, подробно вспоминая весь свой диалог с Пеле. "Удивительно - я до сих пор благодарна Пеле за все, что она мне рассказала".

Постепенно я пришла к пониманию того, что все противоположности в нашем мире происходят из одного источника, а их борьба - необходимое условие существования жизни. Данные архетипы можно наблюдать только на уровне богов, но каждая секунда реальной жизни наполнена единством противоположностей.

Хотя мой разум может осознать вышесказанное, моя душа все равно восстает против страха, боли, несправедливости и разрушения. Чтобы преодолеть в себе это чувство, я постоянно напоминаю себе, что в нашем подсознании существуют не только архетипы безжалостных и страшных богов - там есть место и китайской богине милосердия Кван Йин и ей подобных любящих и добрых образов.

Человек давно приучился преобразовывать грусть в музыку и живопись, боль учит нас сочувствию, а страх может быть использован, чтобы стать волевым и сильным.

Поэтому цель любого духовного поиска (в том числе с помощью психоделиков) – достигнуть хоть на мгновение состояния, где мы могли бы ощутить единство противоположностей, получив при этом высшую энергию, толерантность и блаженство.

Индусы называют это состояние "самадхи" – один раз испытай его, ты получаешь опору, внутреннюю силу на всю жизнь.

В конце концов мы все – часть единого источника и продолжение этого источника, поэтому все, что мы делаем и ощущаем – делает и ощущает источник.

Я говорю об этом не как об абстрактной истине – я сама прочувствовала это на своем личном опыте. Душа каждого человека имеет подобные территории, и то, как он их исследует создает его уникальную картину мира, которую другие люди обязаны уважать и ценить

ЭЙФОРΙΑ.

Первое, что нужно сказать об этом состоянии – оно не просто приносит человеку радость и наслаждение – оно для человека полезно. Эйфория – топливо для

человеческой души. Ее надо испытывать чем чаще, тем лучше, она наполняет нас энергией и надеждой. Словари дают такое определение эйфории, что внимательно изучив вопрос, можно разобраться в официальном отношении нашей культуры к этому

состоянию. Вот, например, Вебстер: "эйфория – сильное ощущение счастья, уверенности в себе и радости". Но как правильно замечает Шура, приставка "эй"- "эв" означает "правильно", "нормально", например медицинский термин "эвтироидный" означает "присущий нормально функционирующему тироиду (щитовидной железе)". Противоположное значение имеет приставка "дис". "Дисфория" – могло бы обозначать ненормальное состояние, "гиперфория" – блаженство, а "типофория" – депрессия.

Так каким же образом в нашей культуре слово, означающее "нормальное состояние" стало означать состояние, при котором ты чувствуешь себя гораздо счастливее и увереннее, чем обычно? Почему в "Справочнике врача" эйфория числится среди отрицательных побочных эффектов некоторых лекарственных препаратов?

Я боюсь, что наше общество привыкло к тому, что нормальное состояние человека – постоянная депрессия. Когда некоторое люди наблюдают в человеке нормальную энергию и счастье, это рождает в них подозрения, а иногда и просто осуждение. Скорее всего это частично происходит из пуританского христианского учения о том, что счастье возможно только на том свете, поскольку человек грешен

по природе, и на этом свете мы должны страдать и отречься от себя, чтобы заслужить прощение грехов.

У меня есть опыт состояния эйфории и ее высшей духовной разновидности – блаженства, когда ты возносишься к первоисточнику всего и исполняешься огромной благодарности. Когда искренне говоришь "Спасибо!" всей Вселенной испытываешь чувство очень похожее на эйфорию. Некоторые христиане достигают подобного состояния во время богослужения. Очень может быть.

Как и все состояния человеческой души, эйфория не длится долго и не может остаться с нами навсегда. Случаи просветления, когда человек приближается к состоянию, похожему на постоянную эйфорию, крайне редки. У большинства из нас радость сменяется горем, белая полоса сменяется черной. Все на что мы можем надеяться это то, что мы и наши близкие чаще будут испытывать состояние эйфории, реже будут испытывать состояние отчаяния, что мы сможем обновлять нашу веру в радость жизни как можно чаще.

Единственный отрицательный аспект эйфории – то, что некоторые могут потратить много сил на то, чтобы постараться не выходить из этого состояния. Но вне зависимости достиг ли ты эйфории с помощью препаратов или без них, ты не можешь поддерживать это состояние долго, как невозможно надолго растянуть оргазм. Ходят легенды о людях, достигших состояния постоянной эйфории (например, о Святой Терезе). Но если ты хочешь остаться человеком, жить, учиться, изменяться, то эйфория должна быть для тебя кратковременной наградой, напоминанием о том, что в нас скрыта огромная способность к наслаждению.

Психоделики могут дать человеку опыт эйфории точно также, как они могут дать ему опыт глубокой грусти, искреннего сопереживания, чистой радости, осознания космических смыслов, но в то же время – опыт полного замешательства.

Само вещество не вызывает состояние, оно просто открывает то, что спрятано в глубине человеческой души.

Люди, живущие в современном западном мире, в повседневной жизни не могут открыто выражать свои эмоции, не могут заниматься конструктивной самооценкой. Взрослые учатся тщательно скрывать все свои неприятные эмоции. Но в результате скрываются и положительные эмоции. Если мы стараемся подавить в себе злость и несогласие, мы автоматически подавляем в себе способность радоваться, глубоко любить и весело смеяться. Все эмоции становятся приглушенными.

Употребляя психоделики, мы находим в себе эти спрятанные чистые эмоции. Мы становимся более уязвимы для внешнего мира, но без этой чувственности мы никогда не сможем прийти к пониманию истины, никогда не сможем надеяться на просветление.

ГЛАВА 11. СЕКС, НАРКОТИКИ И ТЕ, КОМУ ЗА...

(Рассказывает Алиса)

Суббота, вечер. Мы с Шурой принимаем по 100 микрограмм ЛСД, небольшая доза – никаких полных смысла откровений, зато ровно столько, сколько нужно для того, чтобы обострить впечатления от занятий любовью. На улице теплая июньская ночь, и нам не холодно без одеяла. Шура выключает лампу, и теперь комната освещается только тусклым светом радиоприемника, но этого света хватает, чтобы видеть друг друга.

Шура улыбается, его волосы кажутся мне короной, сверкающей розово-оранжевыми отблесками в полумраке.

Я спрашиваю: "Что там у нас по радио?"

Пока Шура ищет классическую музыку на разных каналах, я глажу его спину,

любуюсь маленькими радугами, разбегающимися из-под моей руки. И вдруг я слышу второй концерт для фортепиано с оркестром Прокофьева – я радостно шлепаю Шуру по

моей любимой части его тела:

- Нам везет!
- Похоже на то.

Его руки скользят по моему животу, по бедру, я затаила дыхание, и вдруг –
 уходят все проблемы, все огорчения недели. А главное, уходит страх, что я уже не такая красивая, не такая стройная, не такая сексапильная. Каждый раз, когда мы занимаемся любовью, во мне крепнет уверенность, что Шура все равно меня любит.

Со всеми моими недостатками, а не "несмотря на все мои недостатки". Мне кажется естественным, что я не обращаю внимание на признаки старения в его теле, но меня постоянно поражает, что его отношение ко мне тоже не изменилась.

Я люблю его внутреннюю сущность – мужскую энергию с островками женственности. Его тело – физическое выражение светлых и темных сторон этой сущности, находящихся в противоборстве или, реже, в равновесии. (Это можно сказать о теле любого человека).

С большим удивлением мы замечаем в себе признаки физического старения. Редкют волосы, округляется живот, морщинится кожа, которая еще недавно была гладкой. Постепенно мы привыкаем к этим изменениям в себе, и учимся любить их друг в друге.

Нам тяжело наблюдать процесс своего старения из-за того, что наши души все еще молоды. Нам кажется, что нам не больше тридцати. Для многих это очень грустный факт, многие не захотят мне поверить. Многим удобно считать, что душа человека стареет вместе с ним. Но это не так. И нет ничего страшного в том, что молодая душа заключена в старом теле. В конце концов старение происходит очень медленно, так что всегда можно привыкнуть не вздрагивать при виде своего отражения в зеркале и избегать фотокамер.

А потом – ты получаешь компенсации. В тридцать лет ты только начинаешь понимать правила социальной игры. Когда тебе семьдесят, ты приходишь к новому уровню понимания. Ты можешь четче видеть поток событий, ты чувствуешь себя частью чего-то громадного и вечного, в то же время неотделимого от тебя и твоих конкретных поступков.

Меняется сексуальность. Тело реагирует совсем не так, как двадцать лет назад. Если у вас остались хорошие интимные отношения, через некоторое время вы замечаете, что количество сменяется глубиной, тонкостью и новым уровнем наслаждения. Сам процесс любовной игры, ласки руками, губами, языком даже без финальной кульминации могут принести наслаждение, о котором молодые могут только мечтать.

А если вы знакомы с действием психоделиков, если у вас есть опыт их употребления, занятия любовью могут стать для вас многоуровненным переживанием, когда чувственность переплетается с духом, когда красивейшие видения смешаются в

вашем сознании с запахом любимого тела, с прикосновением любимых рук, когда оргазм пышно расцветет в вашем мозгу перед тем как сладкой и долгой волной пробежать по телу.

Важно хорошо знать действие вещества и правильную дозировку. Психоделики могут сделать ваши впечатления значительно ярче, но важно не переборщить. Причина проста: при больших дозах вы вряд ли сумеете сконцентрироваться и можете

забыть о ваших первоначальных намерениях. Конечно, вы будете вознаграждены чувством полной духовной близости, но если вы вас все-таки интересует секс, то советую употреблять небольшие дозы.

И вот вечер продолжается. Я представляю собой большую прохладную пещеру, где музыка Бриттона – водопад падающий в бездонный водоем. Вода бьет ключом из-под основания двух громадных круглых камней. Музыка течет по моему телу, вопросительные интонации серебряных скрипок, темно-зеленая виолончель из глубин водоема. За мной красное сияние, на воде – красные отблески. Шура стонет от удовольствия – мое тело несется вверх к бескрайнему ночному небу.

Я подымаю голову, Шура гладит мои волосы. Мы лежим и слушаем музыку.

ГЛАВА 12. ЛЬВИЦА И СЕКРЕТНОЕ МЕСТО.

(Рассказывает Алиса)

Первый раз кошмарный сон такого типа приснился мне давным-давно.

Тогда я уже слышала об явлении "гипногии" и "гипнопомпии". Первый термин

означает состояние, при котором засыпающий человек, уже теряет контроль над своим телом, но при этом его сознание бодрствует, не успеваешь за телом. "Гипнопомпия" – похожее явление, которое происходит, когда человек просыпается.

В обоих случаях человек осознает себя во времени и пространстве, хотя иногда восприятие изменяется, но при этом человек не может пошевелиться, не может открыть глаза. И в этом подвешенном состоянии таится угроза – в этот момент может произойти "атака" на ваш духовный мир.

Человек как бы застывает между сном и явью. Мой личный опыт подобных состояний ограничивается первым явлением "гипногоний".

Первый раз это случилось, когда мне был 21 год – мы с моим маленьким сыном

Кристофером (я только что развелась) жили в городке Санидейл под Сан-Франциско.

Мы были ужасно бедны, как впрочем и все жители городка – никто не живет в подобных спальных районах по своей воле. Я привыкла к безпросветности своего положения и ощущала себя в тисках чего-то серого и безнадежного. Через много лет

я поняла, что жила тогда в состоянии клинической депрессии, и многие мои соседи тоже.

Однажды вечером я уложила ребенка спать и уселась в кресло с книжкой, как

вдруг позвонила моя мама. Мы обсудили семейные дела, и мама без всякого повода

упомянула начало 121го псалма – что-то типа: "Я возвел очи в горы, откуда придет

мне помощь" Я пожелала маме спокойной ночи и взяла свою старенькую Библию, чтобы

найти в ней этот псалм, и может быть, выучить его наизусть – тогда я часто так поступала с понравившимися стихотворениями.

Ночью я лежала в постели, и почти засыпала, как вдруг услышала шум, доносившийся из-за полуоткрытой двери. На лестнице слышались шаги, шуршание одежды, и я вдруг поняла, что ко мне направляются страшные гномоподобные существа, с единственной целью – меня напугать. Эти существа любят пугать людей, и сейчас они понимали, что я совершенно беспомощна.

Как только я услышала шаги, я стала пытаться открыть глаза, я знала, что если мне удастся это сделать, я верну себе контроль над своим телом. Но я попала в ужасную западню – мое тело уже спало, но сознание до сих пор не отключилось и бодрствовало, хотя некоторые признаки сна присутствовали – например, я четко представляла себе, как выглядят существа, пришедшие меня напугать и четко понимала цель их прихода.

Мое сердце колотилось так сильно, что мне казалось, что я оглохну от его стука. Существа уже вошли в мою комнату, уже направлялись к моей кровати, беззвучно смеясь над моей паникой. Неожиданно в моей голове появились слова псалма, и мне удалось сконцентрировать на них все свое внимание: "Помощь придет от Господа, который сотворил Небеса и Землю". И вдруг я открыла глаза и поняла, что могу шевелиться, и дико обрадовалась. К своему ужасу я поняла, что все еще слышу шум шагов, но повернув голову к двери, я никого на полу не увидела – звуки удалялись и скоро совсем затихли.

Я встала, пошла пить чай, выкурила сигарету. Я думала о том, кем могли быть эти существа, существовали ли они в какой-то параллельной реальности и почему они полны такой злости. Почему им так нужно пугать людей? Только через несколько лет я поняла, что эти существа были частью моего подсознания, хотя, если бы я пришла к такому убеждению тогда, это вряд ли смягчило бы мое смятение.

Я пыталась успокоиться, поджав под себя ноги и грея руки о чашку.

По крайней мере один важный урок. Теперь я знаю, как выходить из подобного состояния – надо просто сконцентрироваться на каком-либо тексте, например, на молитве или псалме, и тогда контроль над телом вернется, и можно будет открыть глаза.

После этого подобные сны не повторялись. Видимо из-за того, что мне был известен секрет выхода из этого неприятного состояния – существа, кем бы они ни были, поняли, что в следующий раз я уже не испугаюсь.

Но в середине пятидесятых годов ночные кошмары повторились целой серией, три ночи подряд. В то время я работала в громадной клинике на горе Парнас в Сан-Франциско и жила в маленькой квартирке в пяти минутах ходьбы. Спать я ложилась не позже половины одиннадцатого, так как вставать приходилось в шесть тридцать, и иначе я не высыпалась, а работа была очень ответственная и утомительная. Первую ночь я вдруг неожиданно почувствовала, что мое сознание отделилось от тела, и я не могу пошевелиться и открыть глаза. Я находилась на крыше высотного здания, и на меня надвигалось ужасное огромное лицо величиной с дом с закрытыми глазами и омерзительным беззубым ртом, оно видимо вынюхивало

меня. (Когда через много лет я увидела картину Гойи "Кронос пожирающий своих детей, я была поражена сходством лица на полотне с лицом из моего кошмара). Я помнила, что мне нужно сконцентрироваться на каких-нибудь словах, и тогда наваждение рассеется. Но в то же время мне приходилось как можно быстрее убежать от страшного раскрытого рта, стараясь при этом не упасть с крыши, так что времени на концентрацию не оставалось. Я не видела, как можно выбраться с этой крыши, но догадалась спрятаться за большой вентиляционной трубой. Существо стало опускаться вниз вдоль стены дома, видимо оно решило затаиться. Я все еще чувствовала угрозу – но в этот момент смогла отдышаться и набраться сил для концентрации. Как только я стала читать "Отче наш" я открыла глаза – кошмар рассеялся.

На следующий день все повторилось – я снова была на крыше, снова не могла вернуться в свое физическое тело. На этот раз на меня нападали страшные черные птицы, птицы-смерти. Именно этих птиц нарисовал Ван-Гог на своей последней картине, написанной незадолго до самоубийства. Я снова пыталась вырваться из этого состояния – вернуть себе контроль над телом. Птицы кружились над моей головой все ближе и ближе – почти касаясь меня крыльями. Я изо всех сил старалась не отдаться панике. Слова молитвы никак не приходили ко мне в голову, но вдруг я вспомнила простое: "Господь – мой пастырь" – и все – кошмар закончился, я проснулась.

После этого я встала и долго не хотела ложиться. Через некоторое время что-то сказало мне, что сегодня кошмар не повторится, и я легла спать. И вот третья ночь – опять то же состояние. На этот раз никаких признаков сна, никаких экстравагантных декораций. Я лежала на своей кровати и чувствовала, что слева от меня на краю постели сидят три существа. Они занимались самым глупым и странным делом, которое я могу себе придумать: они изо всех сил дули на меня. Единственной их целью, как и тогда много лет назад, было напугать меня, ввести меня в состояние панического ужаса. Маленькие и злые, они сидели в нескольких сантиметрах от меня и наслаждались тем, что я не могу пошевелиться.

На этот раз страх был смешан с дикой злостью – я пыталась воспользоваться обычным способом выхода из этого состояния, как вдруг случилось что-то совершенно неожиданное. Я почувствовала, что мышцы шеи напряглись, голова уперлась в подушку. Мой рот открылся и вдруг раздался страшный звериный рев, он, казалось, исходил из самого нутра, из солнечного сплетения. Звук был совершенно нечеловеческий, в нем не было страха – только жажда убивать: "Убирайтесь прочь, не то разорву вас на кусочки! Вон отсюда!"

(Позже мне пришло в голову сравнение с разъяренной львицей, лежащей в своей пещере с львятами, которая рычит на маленьких макаков, играющих у входа в пещеру).

Пришельцы испарились. Мышцы шеи потихоньку расслабились, зверь, в которого я на время превратилась, постепенно исчезал, но чувство самодостаточности и уверенности в себе осталось.

Я снова управляла своим телом.

На этот раз я не встала с кровати. Я знала сразу, что пришельцы не вернуться, что кошмар больше не повторится. Все кончилось.

Так и случилось, ночные кошмары больше не случались. Но осталась загадка, осталось множество вопросов. Откуда, из какой части меня исходил этот страшный львиный рев? Как я смогла на некоторое время превратиться в страшного монстра, так легко навсегда отвадившего этих злобных существ, которым нечем больше заняться, кроме как пугать бедные человеческие души, застрявшие вне тела? Этот рев означал: "Уходите или я убью вас!" - и пришельцы ушли.

Только через примерно сорок лет я поняла природу "львицы" и ее эквивалентов: "волка", "ягуара" - которые являются частью подсознания каждого из нас. Я сделала это при помощи новых средств психотерапии.

Но тогда все, что у меня было - это потрясение и внутренний ужас, смешанный со странным чувством силы и удовлетворения. Я сразу заснула, не опасаясь, что пришельцы придут еще раз.

С тех пор я ни разу не испытывала подобного состояния. У меня были обычные ночные кошмары, я также довольно часто испытывала состояние "ясного сна", но ни разу больше я не оказывалась в странном положении - вне своего тела, борясь за свою жизнь, стараясь успокоить бешено колотящееся сердце. Скорее всего это произошло из-за того, что я каким-то образом смогла активировать зверя-убицу в моем подсознании, моего друга и защитника, который теперь всегда будет пресекать попытки нападения на меня. Может быть в следующий раз эта часть выразит себя не в виде львицы, но главное - знать, что такой верный союзник у меня есть. Когда я стала терапевтом, я придумала название для этой части человеческой души - "Хранитель". Некоторые называют его "Животным силы". Это аспект нашей теневой стороны, и его единственная цель - защита хозяина.

Но кем были мерзкие пришельцы? Пока я считаю, что это были аспекты моего собственного подсознания, может быть символические образы того, что я ненавижу, того что я боюсь. А может быть, они не имеют никакого отношения ко мне, а представляют собой предстопителей природных духов, которые иногда являются детям и ирландцам. Может быть, они ужасно злы на нас за уничтожение природы, и стараются отомстить, когда мы попадаем в незащитное состояние между сном и явью. Но я не могу поверить, что духи могут быть злобными: они могут быть грустными, но ни в коем случае - жестокими и мстительными. Поэтому я считаю, что это не были духи. Может быть я ошибаюсь.

Недавно я осознала, что вся эта серия из кошмаров была подстроена моим собственным подсознанием, чтобы я смогла познакомиться со своим Хранителем. В следующей главе я расскажу об этом подробнее.

Случаи "ясного сна" стали происходить со мной совсем недавно. Я

рассказывала об этом уникальном опыте в книге "PINKAL". Целую неделю я находилась в измененном состоянии, над которым не имела никакого контроля. За эту неделю я обрела ценнейшие знания, некоторые – во время ясного сна.

Ясный сон – это когда во время сна ты можешь полностью контролировать свое сознание, когда ты понимаешь, что это сон, и твое эго бодрствует. Самая большая разница между ясным сном и вышеописанными явлениями "гипногонии" и "гипнопомпии" заключается в том, что во время ясного сна ты можешь управлять ходом сна, и если тебе не нравится то, что в нем происходит, ты можешь переиграть развитие событий. Ты не попадаешь в западню – ты всегда четко осознаешь природу того, что с тобой происходит.

После первого ясного сна я была потрясена и очень хотела, чтобы этот опыт еще раз повторился. Через несколько месяцев после первых двух снов, был третий, во время которого я парила в позе лотоса над бескрайней желтой пустыней. Недалеко от меня были красные скалы – внизу насколько хватало глаз расстилалась пустыня. На минуту я почувствовала себя целиком состоящей из энергии, излучающей энергию, пульсирующей энергией – полное и явное блаженство.

Тогда я сказала себе: "Вот что такое Самадхи!"

С тех пор к моему опыту добавилось много новой информации о ясном сне – ни в какой литературе я не встречала описания ничего подобного.

А произошло вот что – время от времени я начала видеть ясные сны, во время которых меня переполняла сексуальная энергия, причем она концентрировалась в необычном месте – чуть ниже пупка и чуть выше лобковой кости. Когда это произошло впервые мне ничего не стоило по желанию испытать сильнейший в моей жизни оргазм. Я очень внимательно изучила свое состояние во время сна. Я с удивлением заметила, что в нем не присутствовало никакого образа партнера, никакой эротики. Мой инстинкт подсказал мне, что это происходит только для того, чтобы подкрепить во мне силу в мои жизненные силы. А также показать мне, что такое активизация нижней чакры.

Подобные сны повторялись каждые несколько недель, каждый раз я после них просыпалась. Иногда оргазма достичь не удавалось – ясность исчезала, и я просыпалась, сразу же стараясь поскорее заснуть, чтобы опыт повторился. Но в большинстве случаев сон оканчивался уникальным потрясающим самодостаточным оргазмом, сравнимым только с теми, которые мне удалось испытать с любимым человеком при помощи психоделиков. На несколько секунд у меня буквально захватывало дыхание.

Я рассказывала об этих снах только Шуре, хотя очень хотела получить информацию об этом явлении от знающих людей. Но к кому обратиться с такими деликатными вопросами?

Наконец я нашла нужного мне человека. Мы с Шурой познакомились с ним на очередной вечеринке у моего бывшего мужа Вальтера Парра, где обычно собираются многие представители системы – я имею в виду психоделической системы. Мягкий невысокий блондин со светлыми голубыми глазами предстал как "Карма Тендо" –

он назвал свое буддийское имя. Я удивленно пожала плечами. "Я не очень похож на тибетца, я родился в Лондоне, но когда я ушел в буддизм, я сменил имя". Я засмеялась и заметила, что довольно странно, что европеец носит имя, которое скорее ассоциируется с Гималаями.

Карма рассказал мне, что хочет стать ламой. Я тогда еще не знала, что такое "лама", имея представление только о Далай Ламе. Карма объяснил мне, что "лама" означает "учитель".

Карма нам очень понравился и вскоре стал для нас большим авторитетом – я задавала ему сотни вопросов по поводу духовных исканий, и он очень вдумчиво и подробно разъяснил мне многие проблемы, при этом он не стеснялся ответов типа:

"Я не имею ни малейшего понятия".

В годовщину нашей свадьбы Карма был у нас в гостях и мы долго обсуждали с ним традиции и практики буддизма. Мы сидели под большим зонтиком во дворе, все гости находились с другой стороны дома и нам никто не мешал.

Мы заговорили о чакрах. Буддийские учителя изучали эти энергитические центры организма на протяжении многих веков, и я вдруг подумала, что Карма может

объяснить мне природу странного явления, которое я наблюдала.

– Я бы хотела рассказать вам об очень интересном явлении, я никому об этом

не рассказывала, кроме мужа, может быть вы могли бы помочь мне разобраться в сущности этого явления. Слышали ли вы о чем-нибудь подобном?

Я подробно рассказала ему о снах.

– Нет ли в буддизме названия для подобного опыта?

Карма улыбнулся и утвердительно кивнул головой.

– Эта чakra называется "секретное место".

Не очень оригинальное название, но бог с ним.

– Секретное место? Очень интересно, так значит подобный опыт известен в практике буддизма?

– Давайте я расскажу вам, как это случилось со мной.

О Господи! Вот этого я совсем не ожидала!

– Это было примерно полгода назад, я был один в горах и я употребил ЛСД. Впечатления были удивительными, я наслаждался красотой природы, как вдруг почувствовал – точно там же, как вы говорите... Это была чистейшая сексуальная

энергия. И когда случился оргазм – он был самым сильным из мной испытанных. Я был совершенно потрясен и дико счастлив. Радовалось и тело и душа.

– И что все это значит?

– Честно говоря, не знаю. Могу только угадывать интуитивно. А вы как думаете?

– Я тоже могу руководствоваться только интуицией. Мне показалось, что это было послание из глубины моей души, напоминание о моих жизненных силах, свидетельство того, что жизнь действительно стоит того, чтобы жить, и что любые аргументы против этой истины безосновательны.

– И что все мы, несмотря на то, как нам иногда плохо, как мы иногда устаем, в принципе – здоровые и активные люди.

Я была удивительно рада, что наконец смогла найти человека, испытавшего такое же состояние. Я с удивлением заметила:

- Представьте себе - первый раз говорю с кем-нибудь, кроме мужа об этом опыте, и это оказывается единственный нужный человек!

- Я тоже никогда никому не рассказывал. Я очень хотел узнать, может ли подобное случиться с женщиной, теперь я знаю, судя по вашему описанию - эффект тот же!

- Но в вашем случае это был не сон. На яву со мной такого никогда не случалось. Ясный сон - все-таки сон.

- Секретное место... Я так рад, что в вас нашлось смелости рассказать мне.

Я получил много полезной информации.

- Вам спасибо! Так здорово, когда твой странный мистический опыт, оказывается имел место с другим человеком. Кстати, повторялось ли это с тех пор?

- Нет, пока еще не повторялось, но я очень надеюсь, что повторится. Я все еще надеюсь.

- Если это еще раз произойдет, пожалуйста, сообщите мне. Может быть я прошу слишком много, но мне это очень важно.

- Если мне повезет, и опыт повторится, я с большим удовольствием расскажу вам о нем, я ничуть не стесняюсь этого опыта.

С тех пор никаких вестей от Кармы. Я вижу подобные сны все реже и реже - примерно раз в три-четыре месяца, и я очень благодарна судьбе, когда это случается. После такого сна я чувствую себя сильной и удовлетворенной, и еще - в

моей душе каждый раз остается чувство, которое я могла бы охарактеризовать только как "божественный страх".

ГЛАВА 13. ФЛЭШБЭК.

(Рассказывает Шура)

В середине декабря 1991 года в Сан-Франциско состоялась конференция по вопросам ЛСД. Организатором конференции выступала DEA, кроме ее представителей

были также приглашены официальные лица из других подобных организаций со всего

мира, в их числе из Великобритании, Голландии и Австралии. Всего участников было

около двухсот, и конференция проходила два дня. Председательствовал тогдашний глава DEA Роберт Боннер. Место для встречи было выбрано не случайно - многие считают, что именно в Сан-Франциско нелегально производится большая часть всего ЛСД.

Незадолго до конференции я узнал, что меня могут пригласить на нее, чтобы я

рассказал об истории изобретения ЛСД и его использования в медицинских целях. Само приглашение пришло примерно за месяц до конференции от некоего незнакомого

мне человека из штабквартиры DEA в Вашингтоне. Но в это время вышла моя первая

книга PINKAL, и я боялся, что с приглашением могут возникнуть проблемы. Больше

всего мне не хотелось подводить человека, который меня пригласил. Поэтому я связался с ним и сообщил ему, что некоторые его коллеги могут воспринять мою новую книгу не как ценный справочный материал, а как вредную пропаганду наркотиков. В последнем случае может возникнуть ситуация, когда кто-нибудь при

виде меня заорет: "Кто пригласил ЭТОГО ЧЕЛОВЕКА!!!", что может неудачно отразиться на карьере приглашающего. Я отослал человеку копию книги и заметил также, что не получил пока никакого официального приглашения на конференцию.

После этого были произведены какие-то закулисные расследования, и через некоторое время приглашавший позвонил снова, чтобы сообщить мне, что официального приглашения не будет - в DEA передумали. Я постарался сделать вид,

что ничего не произошло:

- Из-за PINKALa?

- Нет, что вы. Никто даже не знает о вашей книге.

- Тогда почему?

- Большинство отделов считали, что вы можете сообщить нам массу полезной информации, но один отдел был категорически против вашего участия.

- Категорически против?

- Да, они сказали, что вы можете вызвать Боннера на публичный дебат, не очень приятный и совершенно непредсказуемый.

На самом деле? Я представил себе, как в зале встречаются седой представитель научного мира и главный полицейский всей страны - выше его только

глава ФБР и генеральный прокурор. Кому будет неприятно? По-моему, кто-то в чем-то глубоко заблуждается. Неужели они думают, что застесняется их шеф? Тогда

они очень невысокого о нем мнения. Или будет неприятно мне? Но кого интересуют

мои чувства? Наоборот, я думаю многие очень сильно порадовались, если бы я публично опозорился, повел бы себя смешно. Может быть они боялись за репутацию

всей своей структуры? Но тогда - на чем строится структура, где может вызвать замешательство один человек, вроде меня? Неужели они обо мне такого низкого мнения, что думают, что я опущусь до мелочной конфронтации?

Я не участвовал в конференции, но получал много информации как из официальных источников, так и от участников. Оказалось, что мне очень повезло,

что я туда не попал. Это было бы не просто неприятно. Мне либо пришлось бы очень

резко выступать против официальной позиции, что было бы по крайней мере неконструктивно, либо мне пришлось бы смолчать, но тогда бы я перестал бы уважать себя.

На этой конференции была объявлена священная война - джихад против ЛСД. Было заявлено, что это вещество является воплощением всего мирового зла. Это было сравнимо с фанатизмом средневековых католиков или мусульман. Силы правопорядка официально заявили, что ЛСД является невероятно вредным препаратом, и что его нужно полностью уничтожить.

К сожалению я не обладаю официальным текстом постановлений и могу дать только примерное содержание дебатов. Больше всего злых слов было сказано в адрес

тех, кто ассоциируется с препаратом - тех, кто производит препарат, в особенности. По словам представителей властей эти люди концентрируются в районе

Сан-Франциско. Это – терапевты-социопаты, которые каждую неделю выезжают в лес, чтобы откопать из своих секретных тайников новые порции эргатамина тантрата – прекурсора ЛСД. Там в лесах они производят новые дозы страшного препарата, чтобы снабдить ими своих сумасшедших коллег-врачей или продать их школьникам. Именно эти преступники продолжают раздувать миф о том, что ЛСД можно использовать в медицинских целях. Этим мифом они хотят оправдать свою собственную зависимость от вещества.

Но много злых слов было сказано и о самом препарате. Одним из самых опасных качеств ЛСД была названа способность на много лет затаиться в организме, чтобы в самый неподходящий момент вызвать возврат состояния – флэшбэк. Объяснение механизма этого явления было настолько смешным, что могло украсить любую современную комедию. К сожалению участники конференции восприняли эти слова исключительно серьезно. Было заявлено, что даже после разового употребления препарата некоторые его молекулы остаются в лобных долях человеческого мозга на много много лет, именно эти молекулы, включаясь, например, лет через двадцать, вызывают флэшбэк, который выражается в сильнейшем психозе. За примерами недалеко ходить – посмотрите на улицы Сан-Франциско! Помните лето любви – конец шестидесятых, когда молодежь активно принимала ЛСД? А теперь на каждом углу мы видим бездомных, несчастных сумасшедших – просто они попробовали ЛСД двадцать лет назад, и только теперь спрятавшиеся молекулы включились и привели к трагическим последствиям.

На самом деле ЛСД попадает в организм человека, производит свое действие и после этого очень быстро выводится из организма. Период полураспада в крови составляет три часа, что означает, что какой бы не была начальная доза, через три часа только половина ее сохранится в крови. Даже если все остальные защитные механизмы организма не сработают, через кровь выведется более 99% первоначальной дозы в течение первого дня. А на другой день обнаружить в организме следы ЛСД будет совершенно невозможно никакими научными методами. Если одна молекула вещества, если даже миллиард молекул вещества могут вызвать изменения в человеческом организме – это вещество обладает невероятной и доселе науке не известной силой. Все это выдумки, никто никогда не наблюдал ничего подобного. Эта реальность существует только в мыслях тех, кто зарабатывает на раздувании мифа о "наркотической угрозе".

Необразованные скептики могут предположить, что уровень препарата в крови понижается не из-за того, что он выводится из организма, а из-за того, что он абсорбируется какой-либо частью организма, например, жировой тканью мозга. Фронтальными долями, например. Такие слова, правда, по поводу другого запрещенного вещества я уже слышал от представителя властей. Джон Лон – глава DEA при Рейгане выступал в клубе Содружества в Сан-Франциско в феврале 1986 года. Он получил записку из зала: "Почему вы так против легализации марихуаны?"

Последовал незамедлительный ответ:

- Если легализация произойдет, это будет означать конец нашей демократии.

Мутации мозга, которые вызываются марихуаной, наблюдаются в подопытных животных

не только на уровне потомства, но и на уровне потомства потомства. Марихуана гораздо опаснее алкоголя - она растворима в жирах, а наш мозг на треть состоит из жира.

Согласно этой теории флэшбэк (в данном случае даже "мутация") может происходить не просто через двадцать лет - через несколько поколений!

Молекулы

загадочным образом передаются от отца к сыну через ДНК, а не просто через накопление в лобных долях мозга.

Вся эта информация - полная чушь, нигде документально не подтвержденная.

Но флэшбэк - явление абсолютно реальное. Каждый испытывал подобное состояние, и дело тут не в ЛСД. Ничего общего с психическим расстройством здесь нет.

Недавно я испытал флэшбэк во время концерта в клубе Сова. Последняя композиция представляла собой поппури из произведений Джона Эллингтона, составленного одним моим другом-композитором и озаглавленного "Дюку, любимому!".

Неожиданно в разгар своего соло я вспомнил о концерте, на который я попал в 41

или 42 году в Бостоне. Играл Джон Эллингтон со своим оркестром - меня они тогда

глубоко потрясли. Сам концерт я помню плохо, кроме того, что первая композиция

называлась "Black, Brown and Beige". По пути из Гарварда в концертный зал я попал под снег, и он шапкой накопился в моих волосах - перед концертом я не догадался стряхнуть его. Я сидел в переполненном зале и сторал от стыда: снег таял и холодная вода щекотала шею, но тряхнуть головой означало, что все вокруг

будут в брызгах. Мне пришлось терпеть, пока весь снег растает - рубашка до конца

концерта оставалась совершенно мокрой.

И вот теперь, через пятьдесят лет я вдруг полностью вернулся в мои тогдашние ощущения. Музыка Эллингтона родила во мне смешное ощущение холодной воды, стекающей по спине. Ощущение было настолько подлинным, что я невольно дотронулся рукой до шеи, чтобы его проверить. Мы играли на улице, под ярким солнцем, прошло много лет с того памятного концерта - а я трогаю шею, чтобы узнать, течет ли по ней холодная вода или нет! ЛСД тут было совершенно ни при чем. При всем желании я не могу объяснить, почему именно это яркое ощущение вернулось ко мне в виде флэшбэка, если он был вызван ЛСД. Почему не другие острые ощущения типа от восхождения на гору Лассен, от управления самолетом? Просто для флэшбэка нужно яркое событие, впечатление, и некий повод его снова активизировать (в описываемом случае - музыка Эллингтона) - а препараты тут совершенно не задействованы.

Мой друг рассказал мне вскоре после этого события еще один похожий случай.

Его сосед однажды, как обычно возвращался с работы - шел со станции домой. Это

было в день знаменитого землетрясения в Лома Приета. Первый толчок застал беднягу на улице на расстоянии от его дома. Сначала он подумал, что у него сердечный

приступ, и страшно запаниковал, но потом он обратил внимание на раскачивающиеся

телефонные провода и понял, что непорядок происходит в природе, а не в его организме. На следующий день он опять возвращался домой этим же маршрутом. Какого же было его удивление, когда на том же месте он испытал очень похожие ощущения – закружилась голова, забилось сердце. Флэшбэк случился из-за того, что

в его сознании возникла ассоциация состояния с местом – наркотики тут были совершенно ни при чем, так как этот человек их никогда в жизни не употреблял.

Причем не обязательно повод для флэшбэка должен быть удивительно ярким. Помните у Пруста привкус чая заставляет героя вернуться в далекие времена? Знакомый запах, звук, текст может вызвать целую цепочку воспоминаний, причем иногда таких ярких, что мы можем как бы заново пережить события. И конечно же,

опыт с ЛСД может сконцентрировать внимание человека на каком-то ярком впечатлении, и когда похожее впечатление повториться, это может вызвать возврат

всего спектра ощущений, связанного с тем конкретным приемом препарата.

Причем иногда эти ощущения объективно не очень яркие, но очень важные для

человека лично. За этот феномен, за это уникальное явление ответственность несут

наш мозг и наше сознание, ЛСД тут совершенно ни при чем. Не стоит тратить время

на напрасные поиски молекул ЛСД в лобных долях мозга. Их там нет.

ГЛАВА 14. ИНТЕНСИВНАЯ ТЕРАПИЯ.

(Рассказывает Алиса):

Одри Редман вошла в мою жизнь – а я в ее жизнь – в день, который запомнился, как очень необычный. Весной 1980 года Шура разговаривал с кем-то по

телефону в своем кабинете, как вдруг я услышала условный звонок на своем столе,

что означало: "Тихо сними трубку и слушай, о чем мы говорим". В трубке я услышала женский голос, говорящий:

– Отлично, что вы помните тот вечер, я боялась, что вы меня не узнаете.

Не

помню, о чем мы тогда говорили, но помню, нам было очень весело...

– Сумасшедший дом! Питер тогда явно расстроился – такой поток безумства! Кстати, как поживает Питер?

– У него все хорошо, мы с ним очень давно не виделись, да и по телефону теперь говорим крайне редко – он теперь профессор и полностью доволен судьбой.

Шура явно заметил нетерпение в ее голосе, поэтому он сразу перешел к делу:

– Так вы говорили о необычных проблемах, которые у вас возникли...

– Да, Шура, и вы мне кажетесь единственным в мире человеком, который может

помочь мне понять, что со мной происходит. Я знаю, моя просьба звучит довольно

странно, мы с вами почти не знакомы и виделись давным-давно, но вы понимаете, когда я молила бога подсказать мне, к кому можно обратиться, именно ваше лицо появилось у меня перед глазами. Я совершенно не специально, вы понимаете?

– Ничего страшного, я буду рад вам помочь.

– Поэтому я звоню вам, и хочу спросить вашего совета – я даже не знаю с чего начать... Я расскажу вам все по порядку, хорошо?

- Конечно, конечно, я вас внимательно слушаю.

- Так вот, у меня есть пациент... Ах, простите, я забыла сказать... Я профессиональный психолог и дипломированный специалист по гипнозу, я работаю в клинике в Мил Крик - я думаю, вы слышали это название.

- Да - да, конечно.

- Я также обучаю людей гипнозу, кроме этого у меня есть частные пациенты, я написала большую книгу по гипнозу - в общем, дела у меня идут очень хорошо.

- Отлично, рад за вас.

Почему она так настойчиво хвастается?

Возникла неловкая пауза, и Шуре пришлось сказать: "И вот...", после чего Одри продолжила:

- У меня есть одна пациентка, девушка больная особым недугом - обычно я не занимаюсь такими проблемами, просто это был очень серьезный вызов для меня, и я думала, что смогу многому научиться... В общем, это так называемое "бесовская одержимость" - если вы смотрели или читали "Экзерсисм" - то это совсем не так, как там описывается...

- Не смотрел и не читал.

- Отлично. Так вот, девушке 25 лет, она католичка - почти все случаи одержания случаются именно с девушками-католичками такого возраста. Или с теми, кто воспитывался в католической семье.

- Понимаю.

- Так вот, вся эта дьявольщина происходит только в дни больших праздников - Пасха, Рождество - это тоже довольно обычно для подобных случаев. У этой девушки проблемы продолжают уже десять лет. Ее муж - очень добрый и спокойный молодой человек искренне волнуется за нее. Он очень много мне помогает и хочет навсегда разобраться со всеми этими проблемами.

- Отлично.

- Так вот, перехожу к самому главному. Это случилось совсем недавно - всего несколько недель назад на Пасху. Мне звонят домой - я использую его иногда, как офис - и это моя пациентка Черри, в совершенно сумасшедшем состоянии, кричит, зовет меня на помощь. Потом трубку взял ее муж и спросил, не могла бы я приехать, чтобы посмотреть, как выглядит подобный приступ. Я знала о ее приступах только со слов очевидцев и с ее слов, воочию мне это наблюдать никогда не доводилось. Я сказала, что если она транспортабельна, он может привезти ее прямо ко мне домой. Я сразу же позвонила одному моему другу - католическому священнику и рассказала ему обо всем. Я предложила ему заняться изгнанием бесов.

Мне казалось, что это не может повредить моей пациентке, с другой стороны, может помочь - ведь она тоже была католичка. Мой друг сказал, что не имеет опыта подобных действий, но ему очень интересно попробовать, так что он будет у меня,

как только соберет все необходимое для экзерсизма.

- О, Господи! -

Шура был ужасно заинтригован – да и я тоже. Одри сделала небольшую паузу, глотнула немного воды...

Ее горло пересохло. Интересно, что это она там пьет?

– Мой друг живет совсем недалеко от меня, поэтому он приехал задолго до Черри. Он продемонстрировал мне бутылку со святой водой и сказал, что ему нужно последний раз повторить про себя весь ритуал изгнания бесов. Он старался быть спокойным и серьезным, но я видела, что он горит нетерпением первый раз увидеть реальный случай одержания – по крайней мере, случай очень похожий на одержание.

– Могу себе представить.

– Вскоре приехала Черри – ее вел за руку муж. В ее лице не было ни кровинки. Я посадила ее на диван и села рядом с ней, с другой стороны села ее муж, и священник приступил к обряду. Он был великолепен, Шура – он очень хорошо знал свое дело. Очень много эмоций, много красивых фраз на латыни и, конечно же, святая вода.

– И как результат?

– Отличный. Ее перестало трясти, плач прекратился, лицо порозовело. Все это

заняло примерно час. И вот, когда я уже собиралась расслабиться, вдруг я заметила краешком глаза, как от Черри отделилась черная тень, быстро скользнувшая в дверь гостиной. И в этот момент моя собака Гера, самое спокойное

и не пугливое существо на свете – настоящая буддийская собака – завизжала, вскочила с места и кинулась из комнаты. Она мчалась так быстро, что ее когти царапали паркет – она была страшно напугана, Шура, она хотела бежать прочь отсюда. Ничего подобного раньше не случалось. Она не вела себя так даже во время землетрясения.

Одри опять пришлось перевести дух и выпить воды, потом она продолжала:

– И Черри сразу же стало лучше. Она вскочила благодарить священника, ее муж обнимал меня, все радостно улыбались. Только одна я была в полной растерянности.

Я вышла из дома и стала звать Геру – но она так и не пришла. Первый раз за все ее жизнь она не пришла ночевать домой.

Я так разволновалась, что закрыв микрофон свой трубки, сделала несколько глотков кофе и зажгла сигарету. Одри после долгой паузы очень медленно заговорила:

– Так вот, сейчас будет самое главное – самое сумасшедшее и страшное, Шура.

– Я весь во внимании.

И я тоже!

– В тот вечер со мной что-то произошло – с тех пор я не выходила из очень странного состояния. Во-первых я ощущаю в доме присутствие чего-то страшного. Слава Богу, не всегда, но когда приходишь домой с работы и видишь, что твоя собака опять жалобно скулит... В доме кто-то есть, что-то осталось после изгнания бесов. Я не знаю, что мне с этим делать.

– Ага...

Растерянно сказал Шура, словно не слушал – на самом деле его ум в этот момент бешено работал, так же как и мой.

- Но это еще не самое плохое. Я с тех пор практически не выхожу из измененного состояния - словно приняла какой-то неизвестный психотропный препарат. В молодости я увлекалась психоделиками, и то, что я сейчас испытываю очень похоже на состояние после небольшой дозы психоделика. Насколько я понимаю, я должна извлечь из этого состояния какой-то урок, но я просто не представляю какой. Нужно ли мне как-либо сопротивляться этой черной силе, может быть стоит опять вызвать священника, чтобы он изгнал бесов из дома маленькой еврейской девушки, подцепившей их от католички? Или мне нужно изучить природу этого существа, и посмотреть, не может ли оно научить меня чему-либо? Вы понимаете эту дилемму?

- Да, конечно. И то, что вы находитесь в измененном состоянии означает для меня, что некий процесс пытается пробиться в вашем сознании. А вы пытались обращаться к своим коллегам - психологам, например к...

- Ни в коем случае, Шура. Вы же представляете, что скажут эти люди. Случай психического расстройства. Транквилизаторы. Они не привыкли работать с духовным миром человека - с душой. Именно по этому я хотела обратиться к вам, и, может быть...

- Не хотите ли вы заехать к нам - я познакомлю вас с моей женой, и мы подробно обсудим вашу проблему.

Одри задумалась - в ее планы видимо не входило посвящать в свои проблемы незнакомую женщину, но в конце концов она согласилась приехать к нам в среду на следующей неделе. Шура подробно объяснил ей, как до нас добраться. В конце разговора Одри перешла на шепот:

- Я так благодарна вам, Шура. Даже, если вы не сможете мне помочь, я так рада, что смогла рассказать другому человеку о своих проблемах. Это так помогает.

- До среды, друг мой. Посмотрим, чем мы сможем вам помочь.

Шура прибежал в гостиную, глаза его сверкали:

- Ну, как тебе?

- Очень интересно. Очень-очень интересно. Посвяти меня в подробности того ужина, о котором вы упоминали. Что там произошло?

- Ах, да. Это было давно. Мне позвонил мой бывший студент Питер - я сейчас не могу вспомнить его фамилию - и пригласил пообедать с ним в ресторане. Он сказал, что с ним будет его девушка. Мы пошли в какой-то ресторан, и там я познакомился с Одри - она оказалась из тех удивительно умных и бойких девушек, которые блещут эрудицией и обожают играть словами - так что мы отлично повеселились. Боюсь, правда, за счет Питера. Просто хвалились друг перед другом своим потрясающим интеллектом.

- Что ты имеешь в виду - "за счет Питера"?

- Нет, не то что бы мы издевались над ним. Ничего подобного. Просто через некоторое время, заболтавшись, мы перестали замечать его. Не очень хорошо с нашей стороны, но мы так втянулись в свой диалог, что было очень трудно остановиться. Мне было немного стыдно потом, когда я вспоминал, как с его лица

исчезала радостная улыбка, пока мы с Одри во всю выпендривались друг перед другом.

Я хорошо представила себе эту картину и заулыбалась.

- А расскажи мне об Одри поподробнее.

- Я очень плохо ее помню. Помню, что она обладает уникально острым интеллектом - немного агрессивным - не мой тип. Но при этом - хорошее чувство юмора и очень живое лицо. С тех пор я ее не встречал. По-моему, с Питером мы тоже больше не пересекались - я вынужден признать, что просто забыл об этих людях.

- Высокая или маленькая, худая или полная, блондинка или брюнетка?

- Высокая... По-моему - брюнетка, очень худая.

- Ну что же - увидим ее в среду.

Одри Редман появилась у нас в среду после обеда, и я смогла посмотреть на нее своими глазами. Выше меня - примерно метр семьдесят пять. На вид - тридцать пять лет. Живое и симпатичное, хотя и не очень красивое лицо. Очень умные большие черные глаза, каштановые волосы. Когда она улыбалась, глаза оставались печальными.

Она старается держать себя под контролем. Видимо, внутри у нее очень много страха.

Я принесла чай со льдом и печенье, и мы уселись за стол в гостиной. Шура объяснил Одри, что я уже посвящена в основные детали. Я стала задавать вопросы.

Как только Одри поняла. Что в моем голосе нет ни капли скептицизма, она сразу же отбросила все свое недоверие перед незнакомой женщиной, которая собиралась заняться ее проблемой. Я специально подчеркивала, что полностью верю каждому ее слову, и потихоньку ее лицо расслабилось - мы разговорились. Она пыталась смеяться:

- Со мной никогда не случалось ничего подобного. Сколько лет я работаю с теневой стороной человеческой души - но это никак не помогло мне при встрече с этим странным существом, поселившимся у меня после того случая. Оно все еще в моем доме. Я не готова к таким событиям. Я не католичка, я не верю в бесов, но я знаю, что зло существует, по крайней мере в мире людей. И в моей комнате это зло проявило себя - и я до сих пор чувствую его тень.

Одри уже не старалась показаться веселой. Она опустила плечи и крепко сжала руки - мне показалось, что она боится, что если она их разожмет, они будут дрожать.

- Что мне делать? Как мне избавиться от этого страшного существа, которое так пугает мою собаку? Что я должна вынести из этого опыта?

- Одри, ты говоришь, что ты преподаешь технику гипноза - а ты пробовала погружаться в транс, чтобы разобраться в природе своего состояния?

- Конечно пробовала! Но результат был по меньшей мере неприятным. Я уже рассказывала - я нахожусь в очень непонятном состоянии - и как только я попыталась войти в транс, на меня обрушился целый поток страшных эмоций и черных образов. Никакого света. Я вынуждена защищаться, что-то пригибает меня к земле,

что-то хочет от меня непонятно чего, мне пришлось как можно быстрее выходить из транса.

Я не перебивала ее – было видно, что она хочет сказать что-то еще.

– Приходится признать, что транс только усугубляет мое состояние, и я прекратила любые попытки разобраться в себе этим методом.

Мы замолчали.

В то время я только начинала использовать МДМА в терапевтических целях, чтобы помочь моим пациентам получить новое видение своих проблем. Я занималась

этим всего около года. У меня было очень немного подобных пациентов, я встречалась с ними не чаще, чем раз в неделю. Постепенно я обрела уверенность

в своих силах – моя интуиция четко подсказывала мне, что я на верном пути.

Конечно же, я допускала досадные ошибки, но извлекала из них как можно больше новой информации. Я пришла к пониманию того, что ошибки неизбежны, и главное быть готовой признать их для себя и своего пациента. Пока что я никому

не причинила вреда, зато случаев положительного воздействия моей терапии было уже несколько. Каждый раз, когда я сталкивалась с новым пациентом, я старалась

отдавать себе отчет о том, что я не имею должного опыта, как терапевт, что у меня нет достаточных знаний. Я научилась быть очень самокритичной.

Мы уже обсудили с Шурой возможность использования МДМА в данном конкретном

случае. Этот метод мог дать неплохие результаты. Но как подступиться к этой умной и образованной женщине? По ней видно, что она не потерпит ошибок. Я заволновалась.

Обычно я избегаю подобных женщин. Нетерпимые, требовательные, независимые –

я не смогу работать с такой женщиной, я просто недостаточно уверена в своих силах.

Но несмотря на все эти грустные мысли, я сама не заметила, как сказала:

– Ты слышала когда-нибудь о МДМА?

– Да, что-то такое слышала. Почему вы спрашиваете?

– Это очень интересное вещество – не просто психоделик. Отличный инструмент

для психотерапии. Я дам тебе литературу по поводу этого препарата. У меня есть

еще материалы по 2С-В. Может быть это сможет тебе помочь.

– Как именно?

– Прости, я не объяснила.

Я смутилась – похоже она будет обо мне не очень высокого мнения, как о терапевте. Как же я смогу с ней работать?

Эта женщина настроена враждебно. Я не люблю таких. Тем более бесполезно заниматься терапией с такой женщиной. Ко всему прочему, она сама является опытным терапевтом, гораздо опытнее меня.

– Я имела в виду, что может быть тебе стоит пройти под моим руководством

курс терапии МДМА, и это сможет решить твою проблему. Может случиться своеобразный душевный прорыв. А если и не случится – ты ничего не теряешь, терапия абсолютно безвредна. Ну как тебе идея? Попробуем?

– О, Господи... А вы, Шура, что думаете по этому поводу?

– Это очень хорошее лекарство, Одри. Очень многим помогает. И никак не повредит. Самое плохое, что может случиться – не получите никаких откровений. Но

с другой стороны – что мы теряем? Мне кажется, что вы в тупике, почему бы не

попробовать из него выбраться? Мне говорят, что у Алисы очень хорошо получается

справляться с такими случаями.

- Кто это тебе, муженек, такое говорит?

- Люди... Те, кто остаются живы.

- Ах вот как!

Мы засмеялись. Одри пыталась улыбнуться, но у ней это плохо получалась.

Зачем я делаю это? Мне несимпатична эта женщина, я не смогу с ней работать.

Но с другой стороны, ее дико жалко, да и вся эта дьявольщина очень интригует. Проведем один сеанс - дальше будет видно.

Вдруг лицо Одри прояснилось:

- У меня с собой видеокассета с записью моего гипнотического сеанса, я очень хотела бы, чтобы вы посмотрели на меня и с этой стороны.

- Да, конечно, очень интересно.

На самом деле, мне совсем не хотелось смотреть эту пленку.

Сейчас подтвердится мое первое впечатление. Но я ведь уже сделала предложение - отступить поздно. По-моему, после просмотра я буду еще менее уверена в своих силах. Ну да ладно - посмотрим, чему можно научиться.

Мы пошли в комнату, где стоял телевизор. Я взяла из рук Одри кассету и поставила ее на видеоманитофоне.

- Садись на диван, Одри, чувствуй себя как дома.

Следующий час я наблюдала совершенно другую Одри. В этой женщине было невероятное материнское тепло, она обладала талантом исцелять. На пленке она с

громадным терпением работала с молодым человеком, больным раком. Я так растрогалась, что когда фильм кончился, по моим щекам текли слезы.

- Просто невероятно!

- Я очень хотела, чтобы вы знали меня и с этой стороны, чтобы вы посмотрели, как я работаю.

Одри явно радовалась моей реакции.

Вот с такой Одри мне будет очень приятно работать!

Первый сеанс мы назначили через две недели.

Для начала я дала Одри всего сто миллиграмм препарата, хотя такая доза и считается низкой, я знала случаи, когда в восприимчивом человеке она производила

слишком шокирующее действие. Я объяснила ей, что мне хочется познакомить ее с действием вещества, и даже, если она почти ничего не почувствует, она будет знать примерно, что ожидать от препарата. А в следующий раз мы сможем поднять дозу.

Я также напомнила, что через полтора часа можно будет принять дополнительные сорок миллиграмм, которые ни коем образом не усилят эффект, зато серьезно его продлят. Если ей понравится действие МДМА, можно будет продлить его еще на час. Но это - по выбору. Единственные неприятные побочные эффекты - может свести скулы и увеличится нистагм. Большинство пациентов не обращают на это внимание.

Я разрешила Одри после приема препарата заниматься чем угодно. Она может лечь на диван, может ходить по комнате, может молчать или разговаривать. Я заметила, что когда я объясняла это все Одри, мой голос немного изменился - смягчился и понизился - я всегда стараюсь говорить так с пациентами во время сеанса.

Одри решила лечь на диван. Единственные ее слова были комментарии по действию вещества, как только оно началось. Она сказала, что таких ощущений никогда не испытывала - они накатывались на нее нежными волнами, ее все это

очень нравилось.

Я внимательно наблюдала, как ее руки наконец расслабляются, она закрывает

глаза, дыхание становится глубоким и ровным.

Может быть она вводит себя в транс?

Так оно и было. Я первый раз наблюдала технику гипноза, и первый раз подумала о том, что гипноз можно комбинировать в лечебных целях с приемом МДМА.

Таким образом терапия началась.

Одри приезжала ко мне каждую неделю, и проводила со мной примерно шесть часов. Мы увеличили дозу до 120 миллиграмм с дополнительными 40 миллиграммами для продления эффекта. Одри каждый раз вводила себя в состояние транса – теперь

она совершенно не боялась этого. С самого первого раза Одри получала сильные и

светлые образы, ничего похожего на ту черноту и рассеянность, которая преследовала ее последнее время. Такое впечатление, что как только она решила серьезно изучить теневую сторону своей души, ее подсознание открылось и стало посылать ей светлые образы учителей, чтобы помочь процессу.

Если за шесть часов происходил какой-то серьезный прорыв, мы продолжали терапию. Мы называли эти сеансы "интенсивной терапией". Я уже имела опыт подобного изучения скрытых частей человеческой души (в том числе моей собственной души), но первый раз я столкнулась с такой глубиной изучения загнанного в подсознание негатива. Карл Юнг называл его "тенью". Все происходящее было захватывающим и очень поучительным.

Нам пришлось работать с многочисленными образами детства. Одри росла в семье, где мать не умела дать ей все свое тепло, отец был очень властным и самоуверенным. С детства самооценка, представление о самой себе у Одри становились все запутаннее и темнее.

И вот, через несколько сеансов Одри сказала, что ощущение враждебности в ее

доме потихоньку ослабевает. Собака стала вести себя, как обычно. Видимо, страшное существо покинуло дом.

– Как ты думаешь, почему это произошло?

– Насколько я теперь понимаю, это существо было проявлением моей собственной теневой стороны – моим собственным внутренним зверем. Он пытался обратить на себя мое внимание и воспользовался ритуалом изгнания бесов, как подходящим поводом. Теперь, когда я хочу изучить его, ему не нужно присутствовать в доме. Как вы думаете, я права?

– По-моему, ты совершенно права. Ты сейчас занимаешься тем, что твоя душа давно от тебя хотела.

– Да, так смешно – я много лет работала с теневой стороной души моих пациентов и так и не смогла понять, что я сама нуждаюсь в подобной работе.

Во время первых сеансов я рассказала Одри о моем личном опыте нахождения темной сущности внутри своей души. Я называла эту сущность "личинкой на дне колодца". Реальный прорыв в моем отношении к этой части моей души произошел, когда я смогла представить себе, как я открываю дверь внутрь своего организма, нахожу там это странное, смешное, жалкое, несчастное существо и пытаюсь окружить его своей любовью. Пытаюсь стать матерью для отвергнутого всеми ребенка.

Я также рассказала Одри об образе вулкана, огнедышащей горы, которая может

быть локализована в районе солнечного сплетения. Там возникает и хранится вся злость и ненависть нашей души. Я научила Одри управлять извержениями этого вулкана, направлять потоки лавы в нужные русла.

- Если ты научишься включать и прекращать извержение по своей воле, то твое сознание перестанет бояться всплеск отрицательных эмоций, которые могут, как кажется твоему сознанию, полностью взорвать твой мир.

- Я могу представить себе, как вся эта злость накапливается годами, и в конце концов душа начинает бояться сбросить с себя этот груз, так как считает, что при этом вся реальность взорвется. Появляется очень глубокий страх выпускать отрицательные эмоции на поверхность.

Наконец, через несколько месяцев терапии Одри встретила со своим внутренним чудовищем лицом к лицу. Чудовище представляло собой черного мохнатого паука, который совершенно не хотел, чтобы его видели - до этого Одри никогда не изучала его в сознательном состоянии. Паук старался скрыться, но Одри смогла загнать его в угол и подойти к нему. После этого, находясь в состоянии транса, ее удалось сделать самый страшный и ответственный шаг - она слилась с чудовищем, посмотрела на мир его глазами. Оказалось, что паук обладает невероятной силой, что в нем нет никакого страха, и что его задача - охранять хозяйку-Одри от любого нападения - физического или эмоционального.

- Значит, это - твой Хранитель. Часть тебя, отвечающая за защиту твоей души от вторжения. Как только ты познакомилась с ним, ты поняла, что на самом деле это твой союзник.

- О, Господи! Какой потрясающий опыт. Я была внутри него! Никакого страха, ощущение огромной силы!

- Ну и как теперь ты относишься к нему? Все еще ненавидишь?

- Да. Нет... Теперь ненависть прошла, но я все еще не поборолла в себе неприязнь к нему. Все-таки, это - мерзкое чудовище. Как можно полюбить подобное существо, даже если оно тебя защищает?

- Оно так пугает тебя, из-за того, что именно так ты представляла себя в детстве, когда тебя ругали твои родители. Именно тогда в тебе выработался образ себя, как злобного и неприятного существа. Девочка превратилась в чудовище, потому что только чудовищу может быть так трудно привлечь к себе любовь и внимание окружающих. Как только этот образ поселился в тебе. Единственное, что он стал бояться - это выйти на поверхность. И там, в глубине он стал очень-очень сильным. Если уж быть чудовищем, то самым страшным, понимаешь?

- Я могу понять это все своим разумом, но не могу испытывать к этому существу ничего, кроме отвращения.

- Все в порядке. Сегодня ты проделала огромную работу и заслуживаешь всяческих похвал, ты очень смелая женщина. Ведь это было очень страшно, не так ли?

Во время следующих сеансов мы смогли понемногу преодолеть сопротивление Одри, и она научилась брать чудовище на руки, жалеть его. В ней появились зачатки жалости по отношению к бедной девочке, которая поверила в то, что она представляет собой это чудовище.

И вот наконец, в один прекрасный день черный и грязный монстр превратился в маленького запуганного ребенка, и Одри плакала, уткнувшись в меня лицом, и я стала на минуту доброй матерью, которой у Одри никогда не было – я качала ее взрослое тело, как качала бы четырехлетнего ребенка и плакала вместе с ней.

Мы совершенно потеряли ощущение времени, и я не знаю сколько часов прошло, когда я наконец встала с дивана. На лице Одри сияла улыбка – слезы уже высохли.

– Все, радость моя. Конец. Мы сделали это.

– Слава Богу!

Она подошла ко мне и мы обнялись.

Через две недели Одри позвонила мне домой. Я спросила:

– Ну, как у тебя дела?

– Я в полном порядке. Я процветаю, дела идут отлично. Я звоню, чтобы задать один очень важный вопрос. Не стоит отвечать сразу, как следует подумайте над моим предложением.

– Хорошо, хорошо, так что ты хотела спросить?

– Дорогая Алиса, я хочу, чтобы вы... чтобы ты работала со мной. Чтобы ты занималась вместе со мной некоторыми пациентами, с которыми я уже давно занимаюсь, с теми, кто может, как мне кажется, пойти дальше в духовном поиске при помощи МДМА. Они уже проделали основную работу, они на правильном пути, и опыт наших с тобой занятий может оказаться для них полезен.

– Но ведь ты можешь заниматься этим одна. Я обеспечу тебя необходимым количеством препарата. Я уверена ты справишься.

– Я хочу, чтобы мы работали вместе. Из нас выйдет неплохая команда.

Самое

частое – два сеанса в неделю. Больших денег обещать не могу, но что-то будет.

У тебя есть дар, и я думаю, для тебя эти занятия будут интересны. Подумай об этом.

Не торопись. Меня смущает, что тебе придется слишком далеко ездить – от твоего

дома до моего примерно час езды. В общем, подумай и позвони мне, когда определишься.

Я позвонила через два дня, обсудив все с Шурой. Мы решили, что я попробую,

но если мне будет тяжело или я не захочу этим заниматься, я брошу в любой момент. Я сознавала, что посредством совместной работы с Одри я смогу узнать много интересного.

– Я попробую. Я очень благодарна тебе за предложение. Я горю желанием приступить к работе.

Так началось мое плодотворное сотрудничество с одной из самых одаренных целительниц во всей стране – так начались отношения, которых у меня до этого не было ни с одним человеком.

ДЭН.

Одри жила в роскошном двухэтажном особняке недалеко от Мил Крик. Она встретила меня возле ворот и провела в дом через громадный ухоженный сад. Мы

вошли в огромную кухню, где стоял отполированный до зеркального блеска овальный стол, потом направились в гостиную, где будут проходить сеансы. Напротив камина стояли два длинных серых дивана – чтобы можно было сидеть напротив друг друга.

Комната была очень светлая – с трех сторон окна выходили в сад, свет мягко отражался на поверхности столика. На полу лежал серо-синий ковер.

– Как тебе нравится комната?

– Роскошно! Дом моей мечты.

– Садись, садись – я обычно сажаю пациентов на вот этот диван, а сама сажусь напротив.

– А я думала, что ты принимаешь пациентов в своем кабинете.

– Большинство из них. Но когда требуется долгий сеанс, когда намечается особо важный прорыв, я предпочитаю приглашать их сюда. Кстати, не желаешь ли кофе?

– С удовольствием. Это то, что мне нужно. По утрам я чувствую себя отвратительно – я сова, и могу работать только после четырех вечера, так что немного кофеина с утра не помешает. Сейчас наверно такая рань!

– Уже девять часов! Большинство людей уже во всю работают!

– Да, я когда-то тоже участвовала в этой гонке.

Мы прошли на кухню, Одри занялась приготовлением эспрессо. Я нашла на холодильнике несколько вырезанных из журналов карикатур, прикрепленных маленькими магнитиками, и стала громко смеяться, рассматривая их.

– Одри, у нас с тобой одинаковое чувство юмора!

– Конечно! А могло быть иначе?

Мы взяли по кружке кофе и вернулись в гостиную.

– Так вот, я попросила тебя приехать заранее, чтобы поговорить о моем пациенте, которым мы сегодня попробуем заняться вместе, я также хотела бы обсудить с тобой те аспекты терапии, в которых я все еще не уверена.

– Я называю это "интенсивной терапией".

– Хорошее название. Кроме него мне приходило в голову только "длительная терапия" или "бесконечная терапия".

– Остановимся на первом названии.

– Хорошо. Так вот, есть ли что-либо, что мне нужно еще узнать об интенсивной терапии, чего я не узнала после наших с тобой сеансов?

– Да, я как раз хотела поговорить с тобой об этом.

– Я вся во внимании.

– Большинство деталей будет понятно по ходу нашей работы, но есть некоторые правила, которые я хочу, чтобы ты усвоила сразу. Мы должны быть очень осторожны

на этот счет. Кстати, количества МДМА, которое я сейчас тебе привезла хватит на много сеансов, так что ты должна обеспечить хранение препарата в очень надежном

месте. Первое правило: Всегда доставай препарат из места хранения задолго до того, как твой пациент должен приехать. МДМА не является запрещенным препаратом,

и я надеюсь никто его никогда и не запретит, но все равно. Может быть когда-нибудь тебе захочется предложить пациенту запрещенный препарат, типа ЛСД

или мескалина, если пациент к этому готов, и тогда потребуется система защиты от

непредвиденных случайностей.

– Да, конечно. Тайник в туалете, ямка между грядок...

- В принципе, психотерапия с использованием психоактивных веществ не такая уж частая практика, хотя многие терапевты занимаются этим уже много лет. В любом случае о такой практике не стоит распространяться. Более того - нужно хранить все это дело с строжайшей тайне. Может быть когда-нибудь политика государства изменится, но пока...

- Да, я полностью с тобой согласна. Вряд ли мне помогут слухи о том, что доктор Редман кормит пациентов странными наркотиками!

- Так, теперь правило номер два.

Я закурила сигарету. На столе стояла красивая керамическая пепельница, и я решила, что это означает, что здесь можно курить.

- Теперь правило номер два: пациент приехал, он видит стакан с раствором на столе, ты говоришь ему, что само по себе MDMA не очень вкусное и люди обычно смешивают его с соком. После этого ты разбавляешь раствор любым соком по выбору

пациента, напутствуешь его и он пьет сразу все содержимое стакана. Второе правило гласит: пациент ни в коем случае не должен выносить стакан из комнаты -

ни в кухню, ни в ванную - пока он не выпил все до дна. После этого ты берешь стакан из его рук и споласкиваешь его под краном.

После недолгой паузы Одри спросила:

- Чтобы не осталось никаких улик?

- Именно. Не очень приятно и очень напоминает манию преследования, но это строгойше необходимо. Многие даже не заметят, что такое правило существует, и что им категорически запрещено уносить стакан с веществом с твоих глаз. Это правило распространяется на самых близких друзей, на тех, кого ты знаешь годами.

Без каких-либо исключений. Ты должна иметь полное алиби.

- Алиби - так точно.

- Если ты будешь строго выполнять эти правила, никто никогда не сможет доказать, что ты давала пациенту препарат - ведь он мог принять его еще до того, как пришел в твой дом. Ты понимаешь? Полное алиби.

Я сделала еще одну затяжку и глотнула кофе.

- Третье правило - мое личное. Оно не касается мер предосторожности, это просто мой личный опыт. Если пациент находится на грани важного прорыва или если

прорыв уже начался, мы не имеем права прекращать сеанс. Вне зависимости от того,

как долго длится сеанс и как мы устали, нельзя оставлять пациента посреди важного процесса.

- Я всегда поступаю точно так же. Большинство моих сеансов продолжается полтора часа, но если к этому времени начался какой-то важный процесс, то я продолжаю сеанс - приходится просто переносить встречу со следующим пациентом.

- Отлично!

- То есть, интенсивная терапия не имеет определенного ограничения по времени.

- Именно так. Обычно, как тебе уже известно, шести часов бывает достаточно, пациент устает и образы начинают повторяться.

- Да-да, но если ты чувствуешь, что некая дверь только что открылась, если

ты ощущаешь присутствие некой энергии – это как озон в воздухе перед грозой.

– Я рада, что у нас с тобой полное взаимопонимание по этому вопросу.

– Ну что же, все эти правила очень разумны, и мне не составляет особого труда их прочувствовать.

– А все остальное ты уже знаешь из своего собственного опыта. Главное не забывать предлагать пациенту выпить воды или сока несколько раз за время сеанса.

И пациент не уходит до тех пор, пока не вернется в совершенно нормальное состояние – если надо, он может даже остаться в доме на ночь.

– Да, я все это объяснила Дэну – пациенту, которого ты встретишь сегодня. Я

также попросила его приехать на такси, чтобы если ему не захочется вести машину,

он мог попасть домой и не оставлять ее у меня. Еще я ему сказала, чтобы он ни

в коем случае не просил друзей или родственников подвезти его, чтобы не вмешивать

в наши дела посторонних.

– Я обычно разрешаю пациенту рассказать близким о наших опытах только после

того, как они завершены, и, конечно же, точное место и время упоминаться не должны ни при каких обстоятельствах.

– Именно так я и сказала Дэну. Он все понимает.

– Отлично. Ты уже взвесила нужное количество препарата?

– Так точно, ровно 120 миллиграмм. И дополнительные 40. Он высокий, крупный

мужчина, мне кажется, что 100 будет для него недостаточно.

Это ее пациент – она лучше меня знает, что делает.

– Очень хорошо. Теперь расскажи мне об этом человеке.

– Для начала позволь мне еще раз сказать тебе все, что я уже говорила, но

другими словами. Итак, повторяюсь: я никогда бы не предложила психоактивный препарат пациенту, с которым я не работала бы уже долгое время. Минимум шесть месяцев, но лучше даже – год. Я должна быть полностью уверена, что он провел подготовительную работу над всеми своими проблемами. К этому моменту становится

ясно, готов ли он для дальнейшего развития.

– Хорошее правило. Могут, конечно, быть исключения, но я полностью доверяю

твоему мнению по данному вопросу. Кстати, ты предупредила Дэна по поводу телефонных разговоров?

По лицу Одри я поняла, что она совсем забыла об этом.

– Нет, не предупредила. Но сегодня скажу обязательно. Спасибо, что напомнила.

– Все в порядке. Так, что мне еще надо знать?

Одри хотела начать говорить, но вдруг вспомнила о чем-то важном. Она пристально посмотрела на меня и продолжала:

– Пока я не начала говорить про Дэна – нужно с тобой обсудить одну вещь. Мне кажется это должно стать частью интенсивной терапии.

– О чем ты?

– Я имею в виду "контракт". Меня этому научила некая Рут – лучший из моих

учителей. Мне кажется это можно применять не только для сеансов гипноза.

– Кто эта Рут?

– Ты с ней обязательно познакомишься. Она живет далеко отсюда на полуострове, там у ней много лошадей, и она обращается с ними, как с родными

людьми. Эта женщина знает о гипнозе больше, чем любой другой человек на свете.

Она вряд ли слышала о МДМА и мескалине, но она дала мне самые ценные знания о состоянии транса.

Я приготовилась внимательно слушать.

- Так вот, я всегда составляю контракт - на словах - с моим пациентом, перед тем, как приступить к терапии. Я требую от него повторить за мной слова контракта, как следует их продумать. Мне нужно, чтобы эти слова четко отпечатались в подсознании человека. И до тех пор, пока они безоговорочно не согласятся с положениями этого контракта, я не приступаю к терапии. Первое правило: Любые отрицательные эмоции, любая агрессия может свободно словесно выразаться во время сеанса, но ни в коем случае эта агрессия не должна перерасти

в физическую. Если пациенту потребуется выплеснуть свои негативные эмоции на физических объектах, я дам ему возможность сделать это безопасным образом. В любом другом случае агрессия не должна переходить границу между словом и делом.

- Можно короткий вопрос? А что ты делаешь, когда человеку нужно разыграть

эпизод, например, убийства своего насильника или плохого родителя?

- Да, иногда такая необходимость возникает, и тогда я приношу в комнату старые простыни - у меня есть специальный склад и подушки, чтобы человек мог рвать их, топтать ногами и так далее, наказывая негодяев, которых эти предметы

символизируют. По-моему многие гипнотизеры прибегают к помощи этого метода. Очень хорошо работает.

- Великолепно!

- Второе правило точно такое же, как первое, но касается любых эротических

чувств. Какие бы сексуальные мечты не появились бы в сознании пациента, он может

говорить о них, но не имеет права действовать согласно им. Ну и наконец третье

правило - если в состоянии транса у пациента появится соблазн переступить черту

между жизнью и смертью, которая иногда возникает в подобном состоянии, он не имеет права сделать это. Другими словами: пациент не имеет права умереть у меня

в офисе во время сеанса, так как это принесет мне вред, а пациент не хочет принести мне вред, так же как я не хочу принести вред ему.

Я закивала головой.

Почему это простое правило никогда не приходило в мою голову? Ведь я много

раз сталкивалась с рассказами о двери в небытие, которая возникает иногда во время психоделического путешествия. Я сама видела эту дверь во время опыта с пейотлем. У меня тогда не появилось соблазна войти в эту дверь, но у некоторых

людей этот соблазн может возникнуть. Никогда бы не подумала, что подобное может

произойти во время гипнотического транса.

- Все это звучит жестоко и цинично, но обычно пациент испытывает очень сильный шок от понимания того, что дело идет о жизни и смерти. Подсознание полностью усваивает все правила поведения во время сеанса.

Обычно эта дверь в небытие зовет тебя. Она совсем не пугает, она словно говорит: "Это твой дом, куда ты обязательно вернешься". Для человека, находящегося в состоянии глубокой депрессии это может стать лучшим способом убежать от боли и отчаяния. Без контракта соблазн может быть слишком велик.

- Все это так просто! Я никогда не могла бы сформулировать это так четко.

Те же правила надо ввести в работу с психоделиками. Я просто не догадывалась, что возможен такой предварительный словесный контракт. Отличная идея!

- Еще одно преимущество подобного контракта состоит в том, что пациент перестает бояться выражать свою отрицательную энергию, потому что мы уже задали

правила игры, при которых он не может причинить никому боль. Люди, которые зажали в себе большое количество злости часто бояться выпустить ее на поверхность, так как им кажется, их подсознание считает, что таким образом они

могут навредить людям...

- Извержение вулкана, которое разрушит весь мир...

- ...И им будет ужасно стыдно за свои поступки.

Она знает это по собственному опыту. Мы с ней разбирали образ вулкана и лавы.

- Подведем итог. Мы еще раз повторим условия контракта перед нашим сеансом.

Твой пациент занимается с тобой уже долгое время, так что он уже знаком с правилами контракта. Мы просто повторим их, сказав, что эти правила общие для терапии с помощью гипноза и терапии с помощью психоактивных веществ.

Одри посмотрела на часы.

- Договорились. Теперь несколько слов о Дэне. Он инженер, работает в крупной компании. Его работа заключается в постоянных выездах для устранения неполадок на разных предприятиях компании, разбросанных по всей стране. Ему приходится много летать самолетом. Не так давно он стал жаловаться на то, что как только он садится в самолет у него начинают страшно болеть ноги. Он обратился к своему врачу, и тот прописал ему обезболивающее. Он спросил меня, не

может ли эта новая проблема быть связана с нашими занятиями.

- Интересный вопрос! Очень проницательный молодой человек. А над какими проблемами вы работали во время твоих сеансов?

- Его беспокоила постоянная депрессия, которая продолжалась годами.

Поводом

для обращения к терапевту были два подряд приступа паники - после них он решил

разобраться в своей психике.

- Сколько ты с ним уже работаешь?

- Примерно семь месяцев. Ничего яркого. Большая семья среднего достатка

в

Пенсильвании, отец с военным сознанием, то есть: "эмоции это слабость", "настоящий мужчина никогда не показывает свои чувства", "повышенное внимание к

своему внутреннему миру - самообман и слабость". Люди такого типа обращаются к

психологу только, если член их семьи демонстрирует совсем уж сумасшедшее поведение, например, бегают голым по улицам и кричат, что за ним гонятся марсиане. Картина ясна?

- Похоже на то.

- Его отец учил его, что настоящий мужчина должен решать все свои проблемы

в одиночку, а если это не удастся, должен сжать зубы и прорваться через черную

полосу жизни, не загружая никого своим нытьем.

- Представляю.

- Терапия проходит успешно. Вернее проходила успешно. Мы делали особый акцент на отношениях с отцом.

- Его отец военный?

- Нет, ни в коем случае. Я сказала "военное сознание" - он директор школы.

- А-а, понятно.

- Два месяца назад начались непредсказуемые проблемы. У меня сохранилась пленка того сеанса, я недавно сделала ее расшифровку.

Одри достала с полки толстую папку, вынула из нее листок бумаги и прочитала:

- "Ноги - как только самолет отрывается от земли, ноги начинают болеть. Начиналось все с неприятного ощущения - все время хотелось их размять, а ведь нельзя все время ходить по самолету" ... Потом боли усилились, причем бедняге именно в это время приходилось много летать самолетами, и каждый раз боль становилась нетерпимее. Врач прописал му обезболивающее. По-моему, "Перкоцет".

Да, точно - "Перкоцет". Но препарат ему не очень-то помогает - он не устраняет боль, а просто снижает ее интенсивность, кроме этого - побочные эффекты... Сейчас эта странная болезнь просто мешает бедняге работать, потому что, как ты понимаешь, ему чем дальше, тем больше не хочется подниматься на борт самолета, а его работа подразумевает постоянные командировки.

- И гипноз не помог?

- Нет, хотя видно, что в его подсознании есть какая-то важная информация о его ногах. Мы не смогли выяснить никаких детских ассоциаций, хотя на прошлом сеансе он произнес очень интересные слова, он сказал, что ему нельзя вспоминать о чем-то, связанным с ногами. Другими словами - табу... Я решила, что МДМА может ему помочь. Попытаемся извлечь из его подсознания скрытую информацию.

- Когда самолет приземляется, как долго продолжается боль?

- Несколько часов, постепенно уменьшаясь, потом полностью проходит.

- То есть, это никак не связано с самолетом, ничего физиологического тут быть не может? Что ты думаешь по этому вопросу, и что он думает?

- Он говорит, что летает самолетами уже двадцать лет, и никаких проблем не возникало. Они появились, когда мы с ним стали разбирать забытые моменты его детства. Он считает, что какая-то важная информация пытается прорваться из подсознания, и боль в ногах призвана привлечь к ней внимание. Я не могу с ним спорить.

- Какой пронзительный молодой человек!

- Это один из моих любимых пациентов - он легко учится, и очень смелый - не боится использовать все, что я ему предлагаю. Он усваивает все, что ему даешь для духовного роста.

- Как он воспринял предложение попробовать МДМА?

- Он был сильно удивлен, но его телодвижения были скорее одобряющими - то есть он наклонился ко мне, а не откинулся назад на спинку дивана. Примерно вот так... А когда я рассказала ему о действии препарата, о возможных побочных эффектах, он загорелся любопытством и спросил, когда мы можем провести первый сеанс.

- Хороший мальчик!

- В юности он тоже увлекался психоделиками, идея изменения своего восприятия не является для него чем-то новым. И я подчеркнула, что МДМА не

является настоящим психоделиком, что он не потеряет самоконтроль, как в случаях

с высокими дозами некоторых психоделиков.

- Что ты ему рассказала обо мне, он не возражает, что на сеансе будет присутствовать незнакомый ему человек?

- Я сказала, что ты моя вторая мать - добрая мать, и что именно ты научила

меня подобной терапии. Еще я сказала, что как только он увидит твое лицо, он поймет, что тебе можно полностью доверять.

- Ничего себе, ты обо мне слишком высокого мнения!

- Пойдем на кухню. Пора приготовиться к встрече, он прибудет с минуты на минуту.

Я села за кухонный стол, Одри принесла из холодильника три бутылки с разными соками. Мы были готовы. В этот момент я услышала скрип входной двери и

бодрый мужской голос произнес: "Одри, я приехал". "Проходи на кухню!" - отвечала

Одри.

Я встала и обернулась к двери. Вошел мужчина средних лет, высокий и стройный, в отличной физической форме.

Живот подтянут. Приятные правильные черты лица, умный взгляд, можно сказать

- красавец. Судя по седеющим волосам, примерно сорок лет.

Он заулыбался, внимательно изучая мое лицо, пока Одри представила нас друг

другу. Дэн поклонился и пожал мне руку. Потом он радостно обнял Одри.

Открытая улыбка, сильное рукопожатие, добрые глаза. Видимо, хорошее чувство юмора.

- Ну вот и я! Горю энтузиазмом и, между прочим, умираю от жажды, так что чашка кофе не помешает.

- Ты все еще не передумал насчет новой терапии?

- Нет, я готов. Поджилки немного дрожат, но по-моему, это нормальная реакция.

- Конечно. Твоя душа предоставляет для нового опыта чистый лист, на который проецируются все сомнения. Так происходит каждый раз, когда принимаешь новый для

тебя препарат. Кстати, Одри объяснила тебе, что данное вещество не является психоделиком? Оно не изменяет твое сознание, иллюзии и галлюцинации могут появиться только в исключительно редком случае. Такой препарат называют "энтактогеном" - "позволяющим коснуться изнутри".

- Энтактоген? Никогда не слышал о таком термине.

- Его не так давно придумали. Всего несколько людей в мире знают это слово.

Мне оно нравится.

- Прекрасно.

- Я также хотела бы повторить то, что ты уже слышал от Одри - этот препарат

не повлечет за собой потерю самоконтроля. Он не может ошеломить тебя, как некоторые психоделики. У него совсем другое действие.

- Кстати, Дэн, ты сделал, как я тебя просила по поводу машины?

- Да, конечно. Я приехал сюда на такси и уеду отсюда на такси. Мне не хочется объяснять знакомым, почему я здесь задержался на шесть часов, и не мог

просто приехать домой.

- Да, такси - лучший выход из положения, если, конечно, ты не живешь

слишком далеко отсюда.

- Мне кажется после сеанса ты будешь в полном порядке и сможешь водить машину, но все равно, некоторое время после того, как ты уже вернулся в нормальное состояние в твоём сознании могут возникать разные отвлекающие образы, так что не стоит рисковать.

Дэн выбрал клюквенный сок. Одри аккуратно налила его в бокал с порошком МДМА и протянула бокал Дэну.

- Я даю тебе ровно 120 миллиграмм - это обычная трапевтическая доза, то есть ты ощутишь весь спектр действия и при этом не утомишься. Сегодня мы посмотрим на твою реакцию, и если будет надо, изменим дозу для следующих сеансов, если они понадобятся.

- А через полтора часа, Дэн, если тебе захочется продлить состояние, в котором ты находишься, можно будет принять дополнительную дозу в 40 миллиграмм, что ни коим образом не усилит действие, а только продлит его. Ты можешь легко от него отказаться - чувствуй себя свободно, ты никому ничего не обязан.

- Прекрасно.

Мы помолчали, потом Одри протянула мне бокал с минеральной водой, сама взяла такой же и сказала:

- Пускай это путешествие пройдет успешно.

Нежный голос - хорошо сказано.

Мы подняли бокалы, Дэн выпил все до дна и Одри взяла бокал из его рук, чтобы сразу ополоснуть его водой. Мы прошли в залитую солнцем гостиную.

- Располагайся. Можешь сидеть, лежать, ходить по комнате. Действие начнется

не ранее, чем через полчаса, так что делай что угодно.

Я села на диван напротив камина. Дэн выглянул в окно, выходящее в цветущий сад и спросил:

- Можно я пойду погуляю среди цветов?

- Да, конечно. Ой, чуть не забыла! Погоди немного, садись на диван. Мы должны повторить условия контракта. Помнишь - мы заключали его в первый день нашей терапии.

- Я хорошо его помню. Не конкретные слова, но общую идею.

- Пожалуйста, повтори все, что ты помнишь.

- Больше всего мне запомнилось правило о том, что если во время измененного

состояния появляется соблазн пересечь границу небытия, я не имею права это делать. Иными словами: если во время сеанса мне захочется умереть, я не должен

этого делать, поскольку серьезно подставляю тебя, а я не хочу ни коим образом принести тебе вред, поставить тебя под угрозу. По-моему, так?

- Совершенно верно. Ты можешь рассказать мне, что с тобой происходит, какой

соблазн у тебя возникает, но ты не имеешь права поддаваться этому соблазну. Так,

теперь два других правила.

- Хм... Насколько я помню, второе касалось агрессии. Если во время транса я случайно испытаю ненависть к тебе или окружающим предметам, я имею право выразить ее словами, криками и воплями, но я не должен переходить к физическому

действию. Правильно?

- Да, ты согласился не проявлять физической агрессии в отношении меня и моей собственности.

- И, если мне не изменяет память, последнее правило касалось того же, только с эротическими чувствами. Все то же самое. Говорить можно все, что угодно, переходить к действиям - ни в коем случае.

- Просто великолепно - ты все отлично помнишь. Так вот мы с Алисой хотели бы, чтобы ты осознал, что данное соглашение распространяется и на эти сеансы. Когда ты в измененном состоянии под действием препарата работают те же правила поведения, как в измененном состоянии под действием гипноза.

Лицо Дэна стало очень серьезным. Он закивал головой. Потом он с любопытством посмотрел на меня, я улыбнулась, кивнула головой, но ничего не сказала.

- О, Господи! Опять чуть не забыла! Телефонные разговоры. Ни в коем случае не обсуждай свой опыт применения препаратов по телефону. Ни с кем и никогда.

- Хорошо, это правило легко запомнить.

- Вроде все. Если хочешь, можешь погулять в саду. Мы с Алисой будем здесь, я только принесу из кухни графин с соком. Как только мы понадобится, иди сюда.

Дэн на секунду остановился в дверях и осмотрел комнату. Насколько мне было известно, он бывал тут, видимо, он хотел проверить не изменилось ли восприятие знакомых предметов. Когда Одри принесла из кухни графин с клюквенным соком, Дэн был уже в саду. Одри поставила графин и стаканы на стол, один бокал - на маленькую тумбочку рядом с диваном, на котором будет располагаться пациент. Мы подошли к окну. Дэн гулял среди цветов, руки в карманах, иногда останавливаясь, чтобы получше рассмотреть понравившееся растение. Мы с Одри переглянулись.

- Хороший парень этот твой Дэн.

- Скажи, да?

Неожиданно она словно вспомнила опять о чем-то важном и убежала пробормотав что-то типа: "Нужен мик".

Какой еще "мик"?

Вскоре она вернулась с микрофоном и диктофоном в руках. Я засмеялась. Одри поставила оборудование на стол.

- Что смешного?

- Я просто только что поняла, что ты пробормотала.

- Я? Пробормотала? Никогда за собой такого не замечала!

Пробормотала она себе под нос, закрепляя микрофон на столе.

- Давай помогу.

- Нет, нет, тут все просто, просто прикрепить эту фитильку к этой штуковине и все будет в порядке.

Вошел Дэн. Выражение его лица изменилось, уголки рта расслабились, его глаза казались большими и влажными из-за расширенных зрачков. Он попытался улыбнуться:

- Похоже началось. Я никогда не испытывал ничего подобного...

Он медленно прошел через комнату, словно ему больно ходить, и опустился на диван, положив руки на колени.

На языке телодвижений это означает: "Что со мной происходит?"

- Сейчас ты чувствуешь новые для себя ощущения и тебе неловко из-за этого.
Если бы ты был ребенком, ты не был бы так потрясен, так как для ребенка весь мир

вокруг - сплошные новые ощущения. У взрослых все по-другому. Расслабься и не сопротивляйся новым ощущениям. Вскоре ты привыкнешь к ним и успокоишься.

Дэн кивнул головой. Он перестал улыбаться.

Очень хорошо - социальная маска снята, перед нами реальное лицо человека.

Одри закончила устанавливать диктофон, повернулась ко мне лицом, спиной к

Дэну, и радостно зажестукировала: "Началось!" Потом она уселась на диван, поджав под себя ноги. Я продолжала говорить с Дэном, постепенно входя в ритм колыбельной, чтобы мои слова могли достигать до его подсознания.

- Все в полном порядке. Тебе некуда спешить, ты ничего никому не обязан, ты совершенно свободен. Постарайся расслабиться пока твое сознание проходит переходную стадию. Ты в полной безопасности, тебе нечего бояться, и мы рядом с тобой.

Нужно стараться говорить как можно проще - успокоить внутреннего ребенка.

Я посмотрела на часы. Прошло уже сорок минут с тех пор, как он принял препарат.

Сейчас начнется стадия основного действия.

Одри спросила Дэна, как он себя чувствует. Ее голос стал мягким, материнским. Дэн ответил долгим вздохом. Потом он откинулся на подушки, руки расслабленно упали вдоль его тела. Он посмотрел на Одри, потом на меня и блаженно улыбнулся. Улыбка была чистой, открытой и совершенно естественной. Мы

поняли все, что хотели знать и облегченно вздохнули. Мы переглянулись, заулыбались, я даже засмеялась. Глаза Дэна светились в улыбке.

Теперь можно расслабиться и сбросить наши собственные социальные маски. Мы

должны окружить Дэна любовью и пониманием - сейчас он в этом нуждается.

- Сейчас действие уже началось. Оно будет продолжаться примерно час, до этого никаких изменений больше не будет. То есть усиления действия не будет.

- Прекрасно. Мне это состояние очень нравится. Спасибо вам.

Как только он прекратил сопротивляться новым ощущением для него открылось

состояние в котором он сейчас находится - состояние покоя и блаженства.

- Ну что же, начнем, мой милый. Попробуем погрузить тебя в транс.

- Погодите. Дэн, пожалуйста выпей немного воды - стакан рядом с тобой. Я буду напоминать тебе делать это во время сеанса. МДМА может вызывать сухость во рту - так что это важно.

Дэн сделал несколько больших глотков из бокала и лег на диван, положив голову на маленькую подушечку, обитую шелком. Он закрыл глаза.

Он уже давно занимается этой практикой и хорошо ее изучил. А при помощи МДМА ему будет еще легче войти в транс.

На секунду мне показалось, что Дэн заснул - так мирно и тихо стало в освещенной солнцем гостиной. Я внимательно посмотрела на него. Руки полностью расслаблены, пальцы естественно согнуты, рот приоткрыт. Я постаралась сфокусировать на нем все свое внимание, чтобы почувствовать отголоски его состояния, установить контакт на высшем духовном уровне.

Из сада доносилось пение птиц. Раздался мягкий голос Одри: "Ну и как твои

ноги?"

Дэн прижал руки к телу, пальцы напряглись.

Неожиданно он вскочил и заорал: "БОЖЕ МОЙ!" Он быстро опустил ноги на пол и сел на край дивана, опершись руками на колени. Его лицо выражало высшую степень потрясения - его глаза пристально вглядывались в что-то, для нас не видимое. Мы

затаили дыхание. Он прокричал:

- Да как же я мог забыть! Я вижу все перед своими глазами - это совершенно реально, словно произошло минуту назад.

- Расскажи нам, что происходит.

Дэн повернул лицо в нашу сторону, но его взгляд был направлен далеко за нас. Он перешел на шепот:

- Обвалился потолок. Совершенно неожиданно, без какого-либо предупреждения.

Мы сидели за партами и вдруг обвалился потолок.

Он закрыл лицо руками, потом распрямился и продолжал обычным голосом, видимо, больше для себя, чем для нас с Одри.

- Это было во втором классе. Мои ноги зажал партой. Я чихал - вокруг были тучи белой пыли. Дети кричали, я, наверное, тоже. Потом я ничего не помню. Следующий кадр - учитель выстраивает нас в шеренги на школьном дворе, кричит, чтобы мы успокоились, и что ничего не произошло. Я вижу кровь на воротнике впереди стоящего мальчика. Я не могу ни о чем думать - я просто делаю то, что говорит учитель. Видимо я был в состоянии шока. Ах, да, я помню, я никак не мог понять, как мне удалось выбраться, как я смог освободить свои ноги. Все, что я помню - боль в ногах, а потом - пропасть. Следующий кадр уже на школьном дворе.

Сейчас он заново переживает все эти события. Он стоит в шеренге, смотрит на капли крови на воротнике мальчика.

Я тихо заговорила, стараясь не перебить возникающие образы:

- И ты все это забыл?

- Все-все. Ни разу не вспоминал за все время. Как я мог забыть такие страшные вещи?! Как могут такие страшные вещи просто вылететь из памяти?!

Мы с Одри переглянулись, но ничего не сказали. Минуту Дэн сидел склонив голову, его руки - в замке зажаты между колен. Потом он снова лег на диван, вытянулся во весь рост и закрыл глаза. После недолгой паузы Дэн стал ощупывать свою голову:

- На моей голове повязка. Громадная повязка. Она на мне уже долго. Все, вспомнил! Я помню, как мне первый раз с того несчастного случая разрешили выйти из дома, мне сказали идти медленно и осторожно. Видимо у меня было сотрясение мозга - это все объясняет. Но тогда не казалось, что мне нужно осторожно ходить из-за моих ног, я совсем не обращал внимания на голову.

Казалось Дэн колеблется. Он попытался сглотнуть слюну.

Горло пересохло. Если предложить воды сейчас, можно помешать новым образам, придется подождать.

Я снова слышала пение птиц за окном. Вдруг Дэн снова взволнованно заговорил:

- Я слышу голос матери. Мы сидим за столом. Мы ужинаем, рядом со мной сидит мой отец, и этот случай с обломившимся потолком для него особый удар - он директор нашей школы. Мать говорит: "Мы больше никогда не будем вспоминать о том, что произошло сегодня. Мы навсегда забудем об этом. Поняли, дети? (Рядом со мной сидела моя сестра). Мы с папой тоже никогда не будем больше говорить об этом. Если мы будем постоянно обсуждать эту тему, это нам ничего не даст. Все, с сегодняшнего дня считайте, что ничего не произошло. Я думаю будет лучше, если мы полностью выкинем этот случай из нашей памяти.

Я посмотрела на Одри и заметила, что мы обе киваем головой.

Ничего себе! Редко сталкиваешься с настоящим случаем осознания родительского программирования!

Дэн опять тяжело вздохнул. Одри только хотела что-то сказать, но он заговорил первым.

- Я вспомнил еще один эпизод. Я никак не мог понять, что тогда произошло, кажется, сейчас - понимаю.

Одри быстро закрыла рот ладошкой, посмотрела на меня и улыбнулась.

- Мне было шестнадцать лет. Я работал летом - мы с моим другом Чаком красили старое здание одной соседней школы, но мне казалось, что это наша школа, так как мой отец все еще был директором и школа у меня прочно ассоциировалась с ним. Я почему-то категорически не хотел красить стену в северной части помещения. Мы всегда бросали монетку, кто что красит, но в этот раз я попросился поменяться местами с Чаком. Я помню, он еще очень удивился, так как его тогдашнее задание - стены в подвале - было гораздо хуже моего. Трубы и все прочее. Я тогда никак не мог объяснить, почему я не хочу идти в ту часть здания - словно для меня это место проклято. Теперь, мне кажется, я могу объяснить, что тогда произошло. Дело в том, что тот класс - в моей родной школе - располагался в северной части здания. Я тогда даже не вспомнил о потолке, о несчастном случае, я просто знал, что мне нельзя туда идти.

- Вот это да!

На минуту в комнате опять установилось молчание. Дэн снова заговорил, на этот раз неуверенно, словно оценивая новую идею:

- Знаешь, возможно это просто совпадение, но каждый раз, когда со мной случаются несчастные случаи - это всегда касается моих ног. Всегда - ноги. Я помню, как мы с другом однажды играли на одном складе, и он как-то завел большой автопогрузчик, и мы не знали, как его остановить. И он нашел ручку тормоза только когда, я уже был прижат к стене этой машиной. Ничего страшного не случилось - я отделался синяками.

- А что ты думаешь...

Начала было Одри, но Дэн остановил ее нетерпеливым жестом - он хотел сказать что-то еще:

- И потом, десять лет назад, жесткое приземление в Орегоне, и опять - единственные синяки на ногах. Ничего страшного, но странно, что не руки, не ребра - именно ноги.

На этот раз мы не прерывали его молчание. Неожиданно он вскочил, опять

опустил ноги на пол и обернулся к нам, стал смотреть нам в глаза.

- Удивительно! Как я все это вспомнил! Бах! Бах! Бах! Один образ за другим!

И все о ногах.

- Похоже просто на подавленные неприятные воспоминания.

- Подавленные неприятные воспоминания обладают уникальной разрушительной силой. Когда ты закрыл для себя неприятные воспоминания, связанные с тем случаем

- обвалившимся потолком, ногами, зажатыми под партой, ты загнал внутрь себя все свои негативные эмоции и этот груз остался в твоей душе и в твоём теле. Тогда во втором классе ты заложил в себя опасный заряд страха, ненависти и шока, и они не

могли все эти годы прорваться сквозь барьеры, которые ты сам воздвиг в своей душе. Тебе нужно было говорить об этом, стараться еще раз пережить все это, чтобы все эти события перестали тебя шокировать, стали чем-то привычным и неинтересным. -

- Возможно все последующие инциденты просто бы не произошли, если бы ты не закрыл для себя данное воспоминание. Конечно, это только моя догадка, и я не смогу перед вами с Алисой доказать ее логически, но все равно - очень красивая версия.

- Просто сумасшедший дом! Сумеречная зона. Так никогда и не узнаю правду.

Дэн широко улыбался. Все остальное время сеанса мы провели выслушивая Дэна, он старался насколько можно живее пережить момент первоначальной травмы, и все, что потом могло иметь отношение к тому несчастному случаю в классной комнате. Мы совершенно забыли, что прошло уже много времени с момента приема препарата. Когда я посмотрела на часы, оказалось, что полутора часовой рубеж основного действия уже давно позади, и мы не догадались предложить Дэну дополнительную порцию препарата. Я стала извиняться за свою невнимательность, но Дэн прервал меня словами:

- Ничего страшного! Это было превосходно, чудесно, и мне кажется, что мне не нужна дополнительная доза. Я сейчас очень хорошо себя чувствую, в моей душе мир и покой, я полностью разобрался с этой проблемой с ногами. Мне просто нужно было выговориться - теперь боли в ногах, мне кажется, должны пройти.

- И я так думаю! Я бы очень удивилась, если бы они снова тебя беспокоили. Я

буду с нетерпением ждать, когда мы сможем это проверить.

Мы все радостно засмеялись.

Через месяц Одри позвонила мне домой и сказала, что только что говорила с Дэном.

- Ну и какие новости?

- Он только что вернулся из очередной командировки.

- И как ноги?

- Никакой боли. Никаких неприятных ощущений. Он передает тебе большой привет.

- Слава Богу! Великолепное "Змеиное масло" опять помогло!

- Змеиное масло?
- Шура говорит, что МДМА напоминает ему "змеиное масло", которое продавалось по в сей стране, как лучшее средство от всех болезней.
- Просто невероятное вещество. И он отлично его использовал. Он просто "нырнул" в самое сердце проблемы. Можно сказать "нырнул"?
- Лучше "погрузился".
- Так вот, я решила, что ты должна быть первым человеком после меня, которому нужно об этом сообщить.
- Спасибо, родная. Похоже, мы с тобой очень удачно выступили.

Насколько я знаю, Дэн с тех пор ни разу не принимал МДМА. Сам он не просил повторного сеанса, а мы с Одри ему его не предлагали. Мы смогли открыть в его подсознании информацию, которая была ему очень нужна, чтобы освободиться от постоянной нервозности, которая присутствовала в его жизни много лет. Он был нам очень благодарен, и решил, что закончит курс гипноза с Одри, чтобы, по его словам, полностью разобраться в своей жизни. И при нашей поддержке он сделал это. Через год он женился на сотруднице главного управления своей компании, и когда я последний раз слышала о нем, он ждал своего первого ребенка. Боли в ногах его больше никогда не тревожили.

ВОЗРОЖДЕНИЕ ДРЕВНЕГО ИСКУССТВА.

Следующие два года мы с Одри совершенствовали нашу интенсивную терапию.

У нас не было готовой модели (кроме той, которая сама сложилась во время сеансов), мы много раз слышали о других терапевтах, использующих похожие методы лечения, но никто из них не публиковал результаты своих исследований. Поэтому мы не могли обратиться к кому-либо за советом. Я должна признать, что это нас ничуть не беспокоило, мы обретали все большую уверенность в своих силах и считали, что наша терапия работает замечательно.

С каждым сеансом мы получали все больше новых знаний - я, конечно же, узнавала гораздо больше нового, чем Одри, так как мне было чему учиться, но и для нее интенсивная терапия была совершенно новой областью, так что мы чувствовали себя первопроходцами. Но понемногу мы пришли к пониманию того, что этот метод лечения стар как мир. Древние целители называли этот метод разными именами, использовали различные местные растения для того, чтобы точно так, как и мы исследовать внутренний мир пациента.

Чаще всего мы помогали нашим пациентам разобраться в теневой стороне их души. (Карл Юнг называл это - "Тенью") Я называю эту часть человеческой души "Зверем-хранителем". Он развивается из Хранителя - это часть детской души, которая отвечает за безопасность его духовного мира, за его покой и самооценку.

Это есть в каждом из нас, это включает в себя все наши инстинкты, все неосознанное, естественное. Некоторые из этих энергий - ярость, отчаяние - потенциально опасны для окружающих. Поэтому маленький ребенок должен научиться

контролировать эти эмоции. Но большинство этих энергий представляют собой неиссякаемый источник творческой активности, поэтому их нужно развивать и беречь.

Когда ребенок растет его сознание формирует одобрение и неодобрение его поступков окружающими. Постепенно он учится подавлять в себе желания, которые считаются в его культуре неприемлимыми. Но если родители и учителя начинают осуждать не поступки ребенка, а его самого, если они вбивают в него стыд по поводу себя, ненависть к самому себе, то начинает формироваться внутренний "Зверь", как часть Хранителя. Все задавленные отрицательные животные начинают принимать образ мерзкого и страшного животного, которое поселяется в самых глубоких тайниках души. В случае с Одри это животное приняло форму громадного черного паука. Редигиозный человек может представлять эту сторону своего подсознания в виде самого дьявола.

Другими словами, если ребенка мудрые учителя воспитывают в любви и уважении, то он постепенно учится держать под контролем некоторые свои желания и эмоции, чтобы стать полноправным членом своего общества, своей культуры. Но он будет знать, что сами по себе эти энергии ничего страшного или неприличного не представляют. Когда ребенок вырастит, и научится состраданию к живым существам - людям и животным, у него появится еще одна причина контролировать некоторые свои проявления. Его теневая сторона станет для него источником творческой активности, источником новых идей. А Хранитель будет далее оберегать его внутренний мир от вторжения, как ему и положено.

(Есть много произведений искусства, источником которых стал именно этот аспект человеческой души. Например, работы Джигера, автора персонажей фильма "Чужой" или книги Стивена Кинга или музыка Стравинского. Это только три из многих примеров произведений искусства, авторы которых использовали в своей работе энергию своей Теневой стороны).

Но если в ребенке воспитывается стыд за самого себя, если он привык рассматривать себя, как существо изначально злое, то он не просто будет подавлять в себе низменные инстинкты, он будет стараться отрицать их наличие. И это насилие над собой может создать внутри человека внутреннего судью, а иногда и палача.

Духовное развитие человека в один момент закончится конфронтацией с внутренним Зверем, и он тогда примет форму страшного и сильного животного. (За два года работы мы встретились с тремя внутренними волками, пятью тиграми и двумя гориллами).

Нашей целью было заставить пациента обнаружить в себе это скрытое животное, войти в него и изучить его природу. Этот шаг - одна из самых сложных и страшных процедур для любого человека, для него требуется невероятная сила и мужество. Когда видишь то, что кажется тебе твоей настоящей внутренней сущностью, и это - мерзкое, злобное чудовище, ты можешь испытать такой страх, который не сравним ни с чем в жизни.

Поэтому перед началом сеанса терапевт должен объяснить пациенту, что то, что он увидит не является полной картиной его истинной сущности - это только часть его души, важная и неотъемлемая, но только - часть. Вы должны подробно

обсудить природу и назначение Зверя-хранителя. Терапевт должен подчеркнуть, что главное для пациента – почувствовать жалость к невинному ребенку, которым он когда-то был, и понять, каким образом этот ребенок выработал некоторый алгоритм поведения и выражения своих эмоций, чтобы выжить в условиях, которые для него являются враждебными.

Все это обсуждение должно состояться до того, как пациент самостоятельно соглашается принять МДМА или другой, изменяющий сознание препарат. Иначе сеанс может ничего не дать. Если подсознание почувствует, что кто-то пытается вытащить на поверхность очень ценный для него образ Хранителя, если Зверь услышит шаги за толстой дверью, за которой он прячется от любопытных глаз, то одной из реакций подсознания может стать полное отсутствие какой-либо реакции на препарат. Никакой самооценки, никаких образов, вообще – ничего. Или препарат вызовет неприятное чувство беспокойства, которое не даст твоему вниманию сосредоточиться ни на каких образах, ни на чем полезном, и не дает терапевтам управлять ходом сеанса.

Я обсуждала наши сеансы с специалистами по психоанализу и поняла, что главная разница между нашим подходом к теневой стороне человека и подходом школы Юнга состоит в том, что они хотят добиться от пациента, чтобы он четко увидел эту часть своей души и потом попытался бы изучить его происхождение и задачи. Мы, работая с МДМА или другими психоделиками, помогаем человеку сделать важный дополнительный шаг – мы хотим, чтобы пациент вошел в эту темную сущность, посмотрел бы на мир ее глазами.

В этот момент может случиться настоящая битва. С одной стороны, человеческому сознанию придется преодолеть отвращение и страх перед запретным аспектом себя самого, но с другой стороны, и монстр может оказать яростное сопротивление любым попыткам вытащить его на поверхность. И чем глубже загнан Зверь, тем сильнее он становится. Он может полностью подчинить себе пациента только, если останется невидимым и неподконтрольным, и он не захочет просто так отдавать свою власть. Некоторым пациентам вхождение в темную сущность удается без особых проблем, другие вынуждены долго сражаться за это. И очень важно, чтобы у них была постоянная поддержка со стороны терапевта.

Когда пациенту удастся намеренно войти в зверя, слиться с ним и посмотреть на мир его глазами, его больше всего удивляет полное отсутствие страха. Следом человек поражается, и восторгается силе, присущей этому существу. (Обычно знакомство со внутренним зверем занимает не один день, но иногда все происходит за один сеанс).

Когда эта стадия пройдена, человек начинает учиться принимать своего Зверя таким, какой он есть и понимать его происхождение. Постепенно Зверь-хранитель трансформируется, меняет свои очертания. Со временем при помощи терапевта пациент начинает испытывать все больше и больше жалости к несчастному ребенку, который прячется внутри монстра. Когда это происходит, Зверь расплывается, остается только образ обиженного и напуганного ребенка. Остальная работа

заключается в том, чтобы потихоньку усыновить ребенка, научить его правильной самооценке, чтобы он мог слиться со взрослой личностью.

При этом Хранитель остается неизменным, и если пациент сможет выработать в

своем сознании уважение или даже любовь к Хранителю, он станет для него надежным

союзником и охранником. Он озабочен только безопасностью хозяина, его трудно приручить и выдрессировать, но зато, каждый раз, когда будет нужна его помощь,

он будет тут как тут – всегда готов защищать вашу целостную сущность.

(В некоторых культурах этот аспект человеческой души, после того как он осознан человеком, называется "Животным силой").

Я приобрела новый взгляд на многие сказки, постоянно видя в их сюжетах описания духовного роста и развития. Конечно, больше всего подходит к вышеописанному духовному процессу сказка "Красавица и чудовище". Есть другие примеры, но больше всего мне нравится присказка, встречаемая в окончаниях многих

сказок – она очень точно описывает духовную интеграцию со Зверем-хранителем: "Они поженились и жили долго и счастливо".

Наши сеансы длились по меньшей мере шесть часов. При этом мы не отлучались

от пациента ни на шаг, кроме того, что Одри иногда бегала на кухню перекусить –

ей нужно было поддерживать в себе энергию. Она всегда предлагала еду пациенту,

но обычно пациент отказывался. Мы постоянно напоминали пациенту пить воду или сок, чтобы избежать обезвоживания.

Мы тщательно отбирали пациентов, которые, как нам казалось, были уже готовы

к приему МДМА. Для тех, кто хотел продолжать углублять знания о своем внутреннем

мире, мы предлагали принять 2С-В (4-бromo-2,5-диметоксифенэтиламин), который является настоящим психоделиком. Одно из преимуществ работы с этим препаратом –

его непродолжительное, в отличие от других психоделиков, действие. Таким образом

после восьми-десяти часов пациент был в совершенно нормальном состоянии и мог возвращаться домой.

Для нас МДМА был препаратом, открывающим мир эмоций и духа, он позволял человеку без страха заглянуть в себя и проделать важную внутреннюю работу.

Волшебным свойством данного препарата является то, что пациент после его приема

может без страха принять себя таким, какой он есть, со всеми положительными и отрицательными качествами, со всеми светлыми и темными сторонами. Это дает возможность пациенту погрузиться в теневую сторону его души, изучить своего Зверя-хранителя и в конце концов прийти к спокойному пониманию этого важного аспекта своей души. МДМА воистину является "пеницилином для души человека".

2С-В открывает само нутро человека, глубинные энергии в его душе, позволяет

открыть в себе ту часть подсознания, которая обычно проявляется только через архетипические образы. Он также особо показывал связь души и тела – обостряя все

чувства. Хороший опыт 2С-В мог помочь пациенту отлично изучить своего Хранителя и

понять природу его основной функции – защитной. Как большинство других психоделиков этот препарат напрямую связывал духовный мир человека с его

физическим телом, чтобы пациент мог осознать радость бытия, счастье нахождения

души в такой идеальной физической форме, как человеческое тело.

В нескольких случаях 2С-В становилось последним шагом для пациента, которые

уже проделали огромную работу по изучению своего внутреннего мира. При помощи МДМА и транса эти люди смогли найти в себе следы раннего родительского программирования, и изменить то, что требовалось изменить. После этого опыта пациенты могли продолжать свое духовное развитие без нашего участия или найти другого, более продвинутого духовного наставника.

Два раза вместо 2С-В использовался мескалин, который являлся запрещенным препаратом. Мы с Одри считали его одним из самых уважаемых психоактивных веществ. После приема этого препарата два человека смогли полностью изменить свой взгляд на жизнь, после долгих месяцев напряженной и сложной работы. Мы считали, что существует маленькая, но очень важная разница между 2С-В и мескалином. 2С-В открывает архетипические образы и эмоции, с ними связанные, мескалин открывает для человека ту территорию его сознания, где все – животные, растения, люди – наполнено светом, где может состояться прямой контакт с высшими силами.

Когда Одри говорит с пациентом, находящимся в состоянии транса, ее голос мягок и нежен, она очень медленно проговаривает слова, за исключением тех случаев, когда нужно сказать что-то резкое и неожиданное. Она постоянно словно

убеждала пациента в чем-то, но могла в любой момент остановиться, чтобы дать ему

выговариться. Я поражалась ее способности понимать малейшие телодвижения пациента, и через несколько месяцев совместной работы я начала сама понимать этот язык телодвижений – иногда признаки были такими неявными, что мне казалось,

что я не вижу их, а чувствую каким-о особым органом чувств.

Во время второго года нашей совместной работы я научилась визуализировать

для себя барьеры в душе человека, находящегося в трансе и под действием препарата. Большинство людей, которые видят ауру человека видят ее в цвете, у меня никогда это не получалось. Я обычно видела этот душевный груз, как тяжелую

серую массу над солнечным сплетением, я воспринимала это, как явный признак того,

что человек задавил в себе много страха и грусти, так что теперь ему очень трудно высвободить свои негативные эмоции.

В таких случаях я старалась успокоить пациента, напомнить ему, что он в полной безопасности, и – если пациент был к этому готов – начинала рассказывать

ему про образ огнедышащего вулкана в районе над пупком. Я обычно обращалась к пациенту со словами: "Поднимись над вулканом, посмотри на него сверху, скажи мне, когда сделаешь это. Отлично. Теперь ты видишь небольшой кратер и внутри –

потоки красной раскаленной лавы. Тебе нужно решить, сколько лавы ты собираешься

выпустить. Лава – негативные эмоции, которые скопились в тебе за всю твою жизнь.

Теперь ты можешь полностью управлять извержением. Ты можешь без каких-либо ужасных последствий разрешить некоторой части этого огня, этой раскаленной массы

выйти через кратер. Лава не разрушит весь мир – может только сжечь деревья на

склоне вулкана, и ничего страшного в этом нет. Ты можешь полностью управлять процессом и тебе нечего бояться, что гора взорвется и погребет под своими обломками весь мир – такого не случится. Просто высвободи любое количество лавы, а потом останови поток. Это твой личный вулкан, он полностью тебе повинуется".

Данный образ очень хорошо работал с такими пациентами, они получали возможность сознательно управлять выходом отрицательной энергии – процессом необходимым, но достаточно страшным для неподготовленного человека.

У нас с Одри выработались уникальные взаимоотношения. Иногда во время сеансов одна из нас на секунду теряла способность правильно реагировать на слова пациента, но в этот момент другая моментально находила единственный возможный вариант поведения. А иногда, мы чувствовали друг друга, словно при помощи телепатии. В такие моменты мы знали, что мы вместе и каждая в отдельности – проводники высшей исцеляющей и доброй энергии. Мы чувствовали, что эта сила говорит и действует через нас. В эти моменты время останавливалось и комнату наполняло удивительное ощущение мира и покоя.

Я воспринимала подобное состояние, как священный дар. Обычно после него пациент глубоко вздыхал, а мы с Одри с пониманием кивали друг другу головой.

Для того, чтобы практиковать подобную терапию, врач должен полностью отказаться от каких-либо психологических и духовных схем и теорий. Он должен чувствовать себя учеником, для которого открывается новая часть вселенной. Каждый новый пациент – новый мир, непохожий на все предыдущие случаи и терапевт

должен изучить особый язык образов, присущий только этому пациенту. Он должен очень внимательно настроиться на изучение и исследование эмоциональных и духовных схем и правил поведения внутри данной человеческой души.

Очень важно напоминать пациенту о существовании так называемого Самоисцелителя – внутреннего врача, так как этим мы можем активировать эту часть человеческого сознания.

Другое важное правило, касающееся подобной терапии – терапевт должен испытывать к пациенту чувство близкое к любви. Это должна быть настоящая материнская забота, а не просто заинтересованность на уровне разума в здоровье пациента.

Такая любовь не может быть насильной, поэтому терапевт должен всегда отдавать отчет о своих настоящих чувствах по отношению к пациенту. Если замечаешь в себе хотя бы следы агрессии и злости, то нужно быть готовым проделать большую внутреннюю работу, чтобы изучить причины этих эмоций. Если терапевт не может разобраться в этих причинах, он обязан отправить пациента к другому терапевту. Я, конечно же, не имею в виду вспышки гнева и нетерпимость, которые являются естественной реакцией человека на очень многие раздражители –

эти инциденты не отрицают общую любовь и заботу.

В этой связи становится важен опыт общения самого терапевта с препаратами типа МДМА или психоделиков. Если врач обладает подобным опытом, он скорее всего обнаружил внутри себя территории сознания, которые позволили ему взглянуть на весь мир по-новому. Одно из подобных состояний – "мистическое соучастие" часто переживается человеком во время первого психоделического опыта (или опыта с МДМА), если он проводится по всем правилам – на природе. Я описываю подобное состояние в главе "Территории сознания".

Это состояние позволяет почувствовать родство с каждым живым существом –

осознать, что существует прямая связь между тобой и растениями, животными, другими людьми. Ты понимаешь, что все живое несет в себе присутствие божественного начала, искру Великого Духа, что все мы представляем собой маленькие частицы единого живого существа, единого сознания. Раньше, до употребления препарата, эти слова могли показаться абстрактной романтической метафорой, но теперь слова принимают форму реальности, и факт осознания этой истины останется с тобой на всю жизнь.

Именно зная о существовании такой территории внутри твоей души ты можешь научиться испытывать любовь к пациенту, который готовится открыться для тебя и себя свой духовный мир. Ты начинаешь воспринимать пациента, как своего духовного родителя, брата, ребенка.

Через два года практики я решила отказаться от участия в сеансах интенсивной терапии – они отнимали у меня слишком много душевных и физических сил, необходимых для работы над нашей с Шурой книгой.

С тех пор прошло много лет, но работа над книгами продолжается. Мне очень не хватает радости постоянного обучения, связанного с проникновением в духовный мир пациентов, с оказанием им посильной помощи в достижении ясности, любви к себе, внутреннего мира и целостности. Я очень счастлива, что могла участвовать в подобных процессах и благодарна Богу за это.

Зато теперь я могу открыто говорить об этом, в то время как те, кто до сих пор тайно практикует такие методы терапии вынуждены тщательно это скрывать, не могут обмениваться опытом, не могут собрать разрозненные знания. Такая ситуация будет продолжаться до тех пор, пока не будут отменены в Америке и по всему миру несправедливые законы, запрещающие психоделические препараты. Пока древние целительные практики будут оставаться вне закона, вся полезная информация, которая с их помощью получается будет достоянием только узкого круга терапевтов и их пациентов.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. TRYPTAMINA BOTANICA

ГЛАВА 15. ВЕЗДЕСУЩИЙ ДМТ

(Говорит Шура:)

Много лет тому назад я положил в свой единственный картотечный шкаф (по-моему, во второй ящик сверху) тоненькую папочку со случайно обнаруженной статьей, в которой упоминалось о том, что в составе некоторых растений обнаружен ДМТ. Затем я стал наткаться на множество статей о психофармакологии ДМТ и завел для них еще одну папку. Затем появились статьи о растительных отварах, которые используются в ритуалах южноамериканских индейцев и, по-видимому, содержат в себе ДМТ; причем некоторые местные рецепты подразумевают использование не одного, а нескольких различных растений. Еще одна папка? Затем я обнаружил материалы антропологических исследований по некоторым из этих племен: здесь, в частности, говорилось о том, что они причащаются совсем другими растениями,

которые не содержат в себе ни миллиграмма ДМТ. Тут-то мне и стало страшно: как разобраться со всей этой информацией, принадлежащей столь различным отраслям науки?

Итак, есть некий препарат (химия) из некоего растения (ботаника), который употребляется некоторыми племенами (антропология) в лечебных целях (медицина) либо для достижения некоего духовного эффекта (теология). Но на практике все гораздо сложнее: следует учесть, что каждая из этих научных дисциплин в нашем случае должна исследовать не одно, а множество комбинирующихся явлений. "Препарат" может быть смесью нескольких химикатов, среди которых могут встретиться абсолютно неизвестные, безымянные и неклассифицируемые вещества. "Растение" может быть композицией, включающей в себя продукты из коры и древесины, из лиан, трав и цветов, которые не то что бы распознать - просто отделить друг от друга очень трудно. Анализ "эффекта" может быть осложнен тем фактом, что сообщения о нем исходят из некоего культурного контекста, включающего в себя суеверия, обычаи, традиции и мифы, не зафиксированные ни в какой литературе. А само описание "употребления" составляется наблюдателем, который не просто находится вне этого культурного контекста, но еще и обладает познаниями в некоторых западных науках (химии, ботанике, фармакологии, антропологии, медицине или теологии), что позволяет ему смотреть на все окружающее сквозь собственный набор стеклышек.

Много лет назад я захотел собрать воедино все сведения о нюхающе-пьюще-курящем мире этноботаники и описать его целиком и полностью. Но этот мир оказался настолько сложным и настолько межотраслевым, что мне пришлось отказаться от своей затеи.

Сегодня у меня накопилось уже не папка и не две, а несколько ящиков материалов на эту тему. Здесь есть копии опубликованных статей, выписки из литературы, письма и мои собственные исследовательские заметки. Информация, занимавшая один-единственный ящик, увеличилась в двадцать пять раз - и стала в двадцать пять раз сложнее и запутаннее. Теперь я знаю, что этот мир не поддается полному обозрению: словно по волшебству, он ускользает даже от тех, кто просто хочет найти в нем что-то для себя, ибо все его исследователи преследовали разные цели.

Поскольку я считаю себя химиком, я решил, что буду пользоваться языком этой науки и прибегать к иным способам упорядочивания материала лишь в случае необходимости. Основной предмет моего интереса - химический состав растений; затем - сами растения и области их распространения, и уже в последнюю очередь - контекст их применения. Может быть, такой порядок покажется несколько произвольным, но какой-то порядок все же необходим, и вот я выбрал этот. Поэтому мы сперва рассмотрим достопримечательности и волшебные зелья этого мира с точки зрения их химического состава, а затем обсудим тонкости взаимодействия между ними и их ближайшими родственниками (или спутниками) и их роль на психоделической сцене.

Что лежит на вершине этой пирамиды? Конечно же, N,N-диметилтриптамин, или ДМТ. Здесь стоит сообщить некоторые исторические сведения о его открытии и

борьбе с его употреблением, которая началась с 1966 года. ДМТ был синтезирован в 1931 г. химиком Манске. Затем его, независимо друг от друга, выделили из растительного сырья Гонсалес де Лима (из *Mimosa hostilis*, 1946), а также Фиш, Джонсон и Хорнинг (из *Piptagenia peregrina*, 1955). Первый отчет о воздействии синтетического ДМТ на человеческий организм составил Сапа (Szara, 1956). Свободное распространение ДМТ было впервые ограничено в 1966 г. в связи с ростом

популярности этого вещества, который был вызван работами Берроуза, Метцнера, Лири и прочих деятелей начала 60-х гг. После этого ДМТ был выделен в качестве одного из компонентов здорового человеческого мозга (1976, Кристиан).

1965 г. стал началом "эпохи аббревиатур" в антинаркотическом законодательстве США

А. Это была эпоха принятия и введения в действия "антинаркотических поправок", о

тчасти спровоцированных психоделическим движением "хиппи", которое было популярно среди молодежи тех лет. Вслед за принятием поправок был сформирован Отдел Контроля Злоупотреблений Наркотиками (Bureau of Drug Abuse Control, BDAC),

подчиненный Департаменту Питания и Фармакологии (Food and Drug Administration, FDA).

Таким образом была сделана попытка установить контроль и за сбытом ненаркотических препаратов (так называемых "опасных препаратов"), к каковым были

отнесены: ДМТ, ЛСД, ДЕТ, ибogaин, буфотенин, ДОМ, МДА, ММДА и ТМА. Этот Отдел был параллелен уже существовавшему Федеральному Бюро по Наркотикам (ФБН), но их

сферы деятельности ни в коей мере не пересекались, поскольку ФБН занималось только тремя традиционными наркотическими препаратами: кокаином и марихуаной. Но уже в 1968 г. BDAC (входившая в Министерство здравоохранения, образования и социального обеспечения) и ФБН (из Министерства Финансов) были объединены в Отдел Наркотиков и Опасных Препаратов (Bureau of Narcotics and Dangerous Drugs, BNDD) и переданы под руководство Министерства Юстиции. Ко времени появления Списка Веществ, Подлежащих Контролю (1970 г.; предыдущий Список Наркотических Веществ - так называемый "список Гаррисона" - был принят в

1914 г. и с тех пор не обновлялся) многочисленные соперничавшие группы чиновников и полицейских объединились в ODALE (Office of Drug Abuse Law Enforcement - Службу Юридического Преследования Злоупотреблений Наркотиками) и

ONNI (Office of National Narcotics Intelligence - Национальную Службу Расследований по Наркотикам). В 1973 г. BNDD, ODALE и ONNI, вместе с судебными и

следственными силами Государственной Таможни США, были объединены в новую группу

- DEA (Drug Enforcement Administration - Управление по Борьбе с Наркотиками). Эта группа функционирует и по сей день. В 1982 г. была предпринята неудачная попытка объединить ее с ФБР. "Федералы" попытались было командовать парадом, но

DEA тут же дало им отпор и вернулось в прежнее состояние.

Но вернемся к ДМТ. В сущности, этот препарат является для мира индольных психоделиков тем же, чем мескалин для фенэтиламиновых. Это отправная точка как

для классификации, так и для понимания галлюциногенных психоделиков; отсюда должны развиваться все наши понятия о связи между структурой и воздействием этих

веществ. Поэтому применим к нему следующий опросный лист: 1) что это за

вещество? 2) где его можно найти? и 3) как оно действует?

Ответы будут таковы: 1) это N,N-диметилтриптамин (DMT), или, если быть точнее и обойтись без сокращений, 3-(N,N-диметилтриптаминоэтил)-индол. Иными словами, это N,N-диметилтриптофан с карбоксильной группой, или же буфотенин или

псилоцин без гидроксильной группы. 2) DMT есть повсюду. Он содержится и в цветах, и в деревьях, и в животных. В каких именно, будет сказано далее. И, наконец, 3) DMT – это психоделик относительно краткосрочного действия, потребление которого засвидетельствовано во многих культурах древнего и современного мира. Некоторые потребители DMT считают, что он связывает

с живым миром магии и мистических существ. Другие утверждают, что он вытаскивает

наружу всю мрачную изнанку человеческой психики. Существует также множество промежуточных мнений. Все эти вопросы подробно обсуждаются в рецептурном разделе

данной книги; здесь же мы ограничимся перечислением некоторых его природных источников.

ДАРЫ МОРЯ

Приступая к рассказу об алкалоидах, содержащихся в морской флоре и фауне, я чувствую себя слегка неловко. Ведь у химиков до сих пор не существует единого мнения о том, что такое алкалоид. Обычно считается, что вещество естественного происхождения является алкалоидом в том случае, если оно соответствует ряду определенных критериев; но это правило допускает столько исключений, что о каком-либо едином определении здесь не может быть и речи. Общепризнанный минимум сведений заключается в том, что алкалоид – это основное (в химическом смысле) органическое соединение, содержащее азот и получаемое из природного сырья. В английском языке слова "щелочь" (alkali) и "алкалоид" имеют один и тот же корень, восходящий к арабскому слову al-qili (буквально: "из пепла").

Некоторые химики (по-видимому, из болезненной скромности) прибавляют к этому дополнительные определения – например, исключают из класса алкалоидов все вещества, содержащие цианид или карбамид. Конечно же, эта классификация тут же спотыкается о такие распространенные алкалоиды, как кофеин (из кофейных бобов) или капсаicin (из красного перца). Вне всякого сомнения, это алкалоиды, хотя они и по существу нейтральны. А четвертичные амины (например, кандидин, содержащийся во многих кактусах, или его позиционный изомер лептодактилин из жабьей кожи) вообще кислотны; но кое-кто продолжает упорно называть их алкалоидами. Биологическая активность тоже не может служить необходимым критерием, поскольку многие натуральные алкалоиды не имеют соответствующего фармакологического действия; а многие вещества, оказывающие такое действие, совсем не содержат

азота. Некоторые считают, что алкалоиды непременно должны иметь растительное происхождение. Но и это не так: алкалоиды -- активный элемент биохимии многих

животных, и самым распространенным в этом смысле является как раз ДМТ.

Странно, но факт: очень многие "дары моря" содержат в себе бром - при том,

что основным галоидным соединением в морской соли является хлор. Я всегда удивлялся тому, что Высший Разум, решив создать алкалоиды в океане, выбрал для

этого именно бром, которого здесь в сотню раз меньше, чем хлора. Но зачем же именно бром, а не хлор? Вопрос, конечно, интересный; но ему придется подождать,

пока не будет решен другой, гораздо более масштабный вопрос: а зачем вообще понадобилось создавать эти алкалоиды? Ответа нет и до сих пор. Так уж устроена

Природа - вот и все, что мы можем сказать.

Известно, что богатым источником бромистых триптаминов являются морские губки. *Smenospongia maynordii* (род, ранее известный как *Polifibrospongia*) содержит в себе 5,6-дибромтриптамиин и его метилгомолог (дибром-NMT). Соответствующий аналог ДМТ был найден в *S.ehina*, а более простой 5-бром-ДМТ - в

S.auria. Эти карибские губки привлекают внимание благодаря своим бактерицидным

свойствам; но, кроме того, было обнаружено, что из их щелочной вытяжки в растворе метилового спирта при восстановлении газообразным водородом с палладием

на древесном угле можно получить значительное количество чистого ДМТ. А губка *Smenospongia aurea* из семейства *Trochetidae* содержит в себе обе вышеупомянутых бромистых разновидности ДМТ.

Следует отметить, что морские губки связаны также и с фенэтиламинами, то есть с мескалином. N,N-диметилгомолог мескалина называется трихоцереином и

в естественном виде содержится в кактусе *Trichocereus terscheckii*. Два очень близко родственных ему вещества были выделены из карибских губок рода *Verongida*

spp: это четвертичные метиламиновые соли трихоцереина, где две метокси-группы эффективно замещены атомами брома. Сложная

3,5-дибромо-4-метокси-N,N,N-триметилфенэтиламмониевая соль и ее

O-деметилованный аналог - это антибиотики морского происхождения, ужасно напоминающие активные "кактусовые" фенэтиламины. В семействе *Niphatidae* все поиски оказались безуспешными, зато в семействе *Memospongia* нашелся один вид, *Rachumatisma johnstonii*, содержащий другую разновидность бромистых веществ - аминокислоту гексабромогипафорин. Это полностью метилированный триптофановый прекурсор веществ, которые будут описаны далее в разделе, посвященном биохимическому синтезу. Тот же самый четвертичный бромид имеется и в некоторых

окинавских губках рода *Aplysina*.

Еще один океанический источник 5-бромо-ДМТ - органические кислоты, особенно

те, что содержатся в организме оболочника *Eudistoma fragum* - небольшой асцидии,

найденной в Новой Каледонии. В его химическом составе можно обнаружить интересную аналогию с составами типа аяхуаски, поскольку здесь же присутствует и

бета-карболин, бромированный аналогичным образом. Это замещенный аналог

тетрагидрогармана с бромом в 6-й позиции (что тождественно 5-й позиции у ДМТ) и

N-метилпирролидинил-2, замещенный в позиции карболина-1. Такой простой химический маневр позволяет полностью восстановить бромпроизводное с помощью небольшой каталитической гидрогенизации, но вполне возможно, что 5-бром-ДМТ будет реально активен и сам по себе. Ведь почти все 5-замещенные разновидности

ДМТ активны. Стоит добавить, что еще один вид оболочников из рода *Lissoclinium*

содержит в себе гексабромтриптамин.

Заслуживает внимание и небольшой филком морских беспозвоночных, известный под названием *Bryozoans*. Есть сведения, что один из видов этих организмов содержит в себе бромистый триптамин. Это организм *Flustra foliacea*; в его состав

входит N-формаид, или гексабром-NMT, который также можно редуцировать в ДМТ путем каталитической гидрогенизации, как и в вышеописанном случае с оболочниками.

И наконец, существует морской коралловый полип, известный в среде любителей

как "горгонский коралл"; водится он в Неаполитанском заливе Средиземного моря и

имеет зоологическое название *Paramuricea chamaeleon*. В нем обнаружено много индольных компонентов - и полное отсутствие брома! Здесь есть и ДМТ, и NMT.

NMT можно обнаружить также и в хорошо известных любителям подводного плавания ново-каледонских полипах *Villagorgia rubra*.

ВОЛШЕБНЫЕ ГРИБЫ (семейства подкласса Агариковых)

В мире есть огромное количество живых организмов, называемых грибами. Многие считают их отдельным царством, не принадлежащим ни к растительному, ни к

животному миру. Это и в самом деле какие-то особенные создания - плесени, грибки

и грибы. Пожалуй, они все-таки ближе к растениям, чем к животным - но все же растениями их назвать нельзя, поскольку в них нет хлорофилла. Некоторые из них

паразитируют снаружи или внутри живых организмов; некоторые грибы являются сапрофитами, то есть предпочитают мертвую материю. Наблюдая за их размножением и

ростом, я узнал много нового о равновесии в природе -- и о человеческом эгоцентризме. Последнее особенно бросается в глаза, когда видишь, как многочисленные специалисты по грибам (так называемые микологи) пылко спорят о принципах классификации грибного царства. В современной микологии существует множество группировок, школ, обществ и даже философских учений, каждое из которых претендует на абсолютную правоту и утверждает, что все остальные абсолютно не правы.

"- Согласно моей последней статье в *Applied Mycologia Today*, этот вид должен относиться к такому-то роду и такому-то семейству.

- Извините, д-р Распутин, но ведь у вас уже есть штатная должность в Университете. А если вы уступите мне право описать этот род в моем новом журнале

Amanita Northwestica, то я возьму вас заместителем главного редактора. Может быть, в этом случае вы не будете так настаивать на переименовании группы *Pholiota*?

- Разумеется, не буду, если вы позволите мне поименовать хотя бы один вид,

причем с моей фамилией в конце, или же выделить ее в отдельный отряд.

- Но д-р Смелл будет возражать!

- Не исключено, но решающее слово всегда останется за д-ром Милли.

- Вы так полагаете? Но прошу прощения, в этом случае с редакторскими вакансиями могут возникнуть проблемы. Пожалуй, вам стоило бы получше обдумать мое предложение."

Короче говоря, классификация грибов уже давно превратилась в темный лес, и,

несомненно, будет такой же непроходимой чащей еще много лет. Та

классификация,

которой придерживаюсь я, конечно же, неправильна и даже не общепринята. Но, лично для себя, я все же предпочитаю как-то упорядочить материал (пусть даже не

вполне корректно), чтобы иметь рабочую схему для изучения интересующих меня грибов, которые содержат диметилтриптамины - главным образом, псилоцин и псилоцибин. Еще со студенческой скамьи я помню, что классы состоят из отрядов, а

отряды - из семейств. Названия классов оканчиваются на "-etes", названия отрядов

-- на "-ales", а названия семейств -- на "-eae" или просто "-ae".

Исходя из этого, я попытался составить список семейств, в которые входят "волшебные грибы", вкратце прокомментировать его, а затем описать известные мне

роды грибов, содержащие в себе психоактивные вещества. Основные активные компоненты этих грибов - псилоцибин (эфир фосфорной кислоты и 4-гидрокси-ДМТ),

псилоцин (эфир фосфорной кислоты и 4-гидрокси-ДМТ), беоцистин (эфир фосфорной кислоты и 4-гидрокси-NMT) и норбеоцистин (эфир фосфорной кислоты и 4-гидрокси-триптамин). Исчерпывающий и документированный список всех психоактивных видов подробно рассмотрен в Pharmacotheon Джонатана Отта, и нет никакой необходимости воспроизводить его в данной книге. Список, приведенный ниже, представляет собой не полевое руководство для грибника, но просто перечень

названий грибов, которые стоит попробовать - или держаться от них подальше.

КЛАСС:

Basidiomycetes ("ржавчина", головня, дождевики и прочие грибы, имеющие особый орган для производства спор, называемый "базидией"). Два основных подкласса данного класса -- это

Gasteromycetes и

Hymenomycetes. Их названия говорят о том, где именно в данных грибах находится спорный порошок. Мы займемся вторым подклассом.

ОТРЯД:

Agaricales, пластинчатые (агариковые) и губчатые (болетовые) грибы, которые

мы будем исследовать далее, следует отличать от:

Aphyllorphorales, или полифоров (трутовиков и прочих пожирателей древесины);

и некоторых

Boletales (болетовых), которые в большинстве своем относятся к агариковым,

за исключением

Tremellates (желеобразных грибов), и

Dacrymycetales (рогатиковых грибов), а также

Auriculariales. Последние три отряда часто смешивают.

СЕМЕЙСТВА:

Strophariaceae (строфариевые) -- *Psilocybe*, *Stropharia*.

Coprinaceae (навозники) - *Copelandia*, *Panaeolina*, *Panaeolus* и *Psathyrella*.

Cortinariaceae (паутильники) - *Gymnopilus* (*Pholiota*) и *Inocybe*.

Pluteaceae (плутеевые, также называемые вольвариевыми) - *Pluteus*.

Bolbitiaceae (болбитусы, в просторечии "бурые поганочки") - *Agrocyste*, *Conocybe*.

Tricholomataceae (рядовки) -- *Geronema* и *Muscena*.

Hygrophoraceae (гигрофоры, или мокрухи) - *Hygrocyste*.

Так (или примерно так) выглядит царство Волшебных Грибов. Все они содержат в себе различные формы 4-гидрокси-ДМТ, но ни один из них, как ни странно, не содержит ДМТ в чистом виде. Здесь же стоит упомянуть еще два грибных семейства, но уже по несколько другим причинам. Одно из них -

Amanitaceae (мухоморы).

Главный род *Amanita*, около пятнадцати видов которого уже подвергались химическому исследованию. Все они содержат 5-гидрокси-ДМТ, или буфотенин. Некоторые из них (*A.muscaria*, *A.pantherina*) также содержат мусцимол или иботеновую кислоту. Другие (*A.phalloides*) имеют в своем составе смертельно опасные полипептиды гепатотоксин, фаллоидин и аманитин. Но и здесь, как и во всех волшебных грибах, не отмечено наличия незамещенного ДМТ или 5-метокси-ДМТ.

Другое семейство - это

Нуросреасеае (эрготовые).

Здесь основным родом является *Claviceps* (спорынья) - основа всей эрголиновой химии, которая прославилась фирму Sandoz и Альберта Хофманна. Это сырье, из которого был получен ЛСД и все его знаменитые модификации. Но и здесь мы не находим ни малейшего намека на ДМТ и даже на более простые триптамины. Если же мы совершим экскурс в мир высших двудольных растений, то обнаружим здесь обширное семейство вьюнков (*Convolvulaceae*), которое можно назвать сокровищницей эргинового алкалоидов. Многие разновидности *Ipomeoa*, *Rivea* и *Argyreia* являются

превосходным источником эргиновых алкалоидов, которые либо преобразуются в лизергиновую кислоту, либо психоактивны сами по себе, как любые лизергинамиды.

Все они описаны далее, в короткой, но очень информативной главе "Вьюнок и его семена". Однако все это многочисленное семейство, опять-таки, напрочь лишено ДМТ

и любых его сколько-нибудь интересных гомологов.

ЛЯГУШКИ (семейство Bufonidae)

"Жабьи стулья" (toadstools) - таково распространенное английское название ядовитых грибов-поганок. И любой исследователь растительных или животных алкалоидов рано или поздно заметит это странное, почти сюрреалистическое сходство между биохимией грибов и лягушек (или жаб). Многие интересы и предрассудки человека сразу же становятся нам ясны, когда мы слышим, каким именем он предпочитает называть этих существ. Лягушки - или жабы. В сущности, это почти синонимы: оба слова означают приземистых земноводных существ, которые

умеют прыгать и сперва бывают головастиками. Что же касается различий, то у лягушек гладкая шкурка, и они живут в водоемах (хотя в природе есть и водяные жабы), а жабы покрыты бородавками и живут в земле. Точно такое же почти неуловимое различие существует между "хорошими" грибами и "поганками". И те, и

другие - самые настоящие грибы, с ножкой и шляпкой-зонтиком. И имена, которыми

мы их называем, свидетельствуют, прежде всего, о нашем к ним отношении.

Лягушки

- это французы, а жабы - ведьмы. Грибы съедобны, а "поганки" - ядовиты. Так принято думать - по крайней мере, среди существ, чей организм содержит в себе много фармакологически активных алкалоидов, родственных ДМТ. Но ни лягушки, ни

жабы, ни грибы, ни поганки не имеют в себе ни миллиграмма этого вещества.

Что касается грибов, то главными аналогами ДМТ здесь служат ДМТ-подобные соединения с атомом кислорода в 4-позиции - псилоцин и псилоцибин, - которые сами по себе являются настоящими психоделиками. Природа обошлась здесь без лишних фантазий. Разнообразие невелико, поскольку ДМТ везде способен гидроксिलироваться в 4-позиции. Впрочем, некоторые грибы как бы случайно забредают в область 5-замещения; в результате получается буфотенин. Но, по какому-то странному совпадению, такие изменения происходят только в тех грибах,

к которым люди предпочитают не прикасаться (поскольку в них содержатся смертельно опасные пептиды). И опять же: ни 4-оксилированные, ни 5-оксилированные разновидности не содержат в себе ДМТ.

В случае со спорыньей природа проявила побольше фантазии. Каким-то образом

доброму Боженьке удалось придумать это удивительное лизергиновое кольцо, с его

буйным и развесистым карбоксамидным кустарником, ведущим в сокровищницу натуральных алкалоидов или в хранилище их синтетических союзников. Вьюнки отличаются более разнообразной химической структурой; но изо всех этих растений

можно получить ЛСД и некоторые его вариации, подробно описанные во второй части

этой книги. Все они имеют в своей структуре триптаминовый скелет. Но ни один из

этих натуральных источников не содержит ДМТ.

Биохимия лягушек некоторым образом соединяет в себе особенности обоих миров

- специфичность ферментного гидроксирования и общность принципов структурного конструирования. Что касается специфики, то она очень проста и недвусмысленна. В отличие от грибов, обычно гидрокселирующих ДМТ в 4-позиции, лягушки предпочитают гидрокселяцию в 5-позиции. Основным образцом алкалоида здесь является 5-гидрокси-ДМТ (буфотенин), и в лягушечьем царстве его можно найти повсюду. Само слово "bufo", от которого образовано название это вещества, является названием основного рода лягушек и переводится с латыни просто как "жаба". Конечно, и внесение 5-гидроксильной группы в молекулу ДМТ (а именно так и образуется буфотенин), и некоторые примеры захвата этой гидроксильной группы метиловой группой (в результате чего образуется 5-MeO-DMT), с точки зрения химика, выглядит не слишком впечатляюще. Но бесконечные перечни самых причудливых химикатов, из которых состоят яды многих тропических лягушек, способны вызвать подлинный восторг. Ни на что не похожие алкалоиды - странные, неожиданные, с совершенно безумной структурой, весьма далекие от любого рационального алкалоидного прототипа. Большинство из них стало известно людям благодаря малоизвестному ученому Джону Дейли, которого я считаю настоящим героем науки. Но и по сей день во всем этом пестром мире занятых веществ не хватает одного компонента. Здесь нет ни единого намека на ДМТ.

Не будем перечислять источники, свидетельствующие об этом. Грибы растут повсеместно; и лягушки тоже водятся повсеместно. И ДМТ можно обнаружить почти повсеместно. Просто им не посчастливилось попасть в одну и ту же повсеместность.

ТРАВЫ -- семейство Gramineae (Poaceae)

В мире существует не менее тысячи родов трав, а счет отдельных видов идет, пожалуй, на десятки тысяч. Растения, которые мы привыкли называть "травами", можно встретить во многих ботанических семействах, но, по-моему, будет гораздо удобнее, если мы попытаемся подобрать какие-нибудь обобщенные названия для всех этих разбросанных групп. Ведь травы - это и осока (семейство Cyperaceae), и камыш, и папирус. Это и пустотелые тростники (семейство Juncaceae), и все разновидности рогоза (семейство Typhaceae). Все это древние и очень простые растения; но ни в одном из них не было найдено никаких триптаминов.

Совсем иначе обстоит дело с наиболее многочисленным семейством травянистых растений, называемым Gramineae (иногда - Poaceae). Здесь мы находим не только тростники, но и злаки и кормовые травы, которые служат пищей и для животных, и для людей. В этом семействе есть мягкие и гибкие растения, которые охотно едят овцы и коровы; их-то и называют "травянистыми". У них имеются листья, мягкие ткани и питательные семена. Но в этом семействе есть и такие жесткие штуквины, как бамбук, камыш, сахарный тростник - все они имеют твердый, а иногда даже

одревеневший стебель. Из этих трав можно делать мебель, стрелы, копья, флейты, гобои и кларнеты. Многие травы этого семейства служат основой рациона целых народов – таковы, к примеру, рис, пшеница и рожь. И все это травы; и многие из этих трав служат исключительно богатым источником ДМТ и родственных ему триптаминов. Возьмем, к примеру, одну из самых распространенных –

Канареечник канарский (*Phalaris spp.*).

Около года назад один юный аяхуаскero принес мне в подарок немного травяного сока, который, по-видимому, содержал в себе довольно высокую концентрацию ДМТ. Стоп!: а что такое (или кто такой) аяхуаскero? Ну, это человек, который умеет готовить аяхуаску и дарить ее людям. В главе "Хоаска, или Аяхуаска" я попытаюсь как следует объяснить, что это такое; а пока что скажу лишь, что оба эти названия правильны и обозначают смесь из двух компонентов, которые взаимодействуют между собой и в итоге создают сильнодействующий психотропный напиток. Один из компонентов обычно содержит в себе ДМТ, который, сам по себе, довольно быстро дезактивируется человеческим организмом. Поэтому второй компонент должен содержать в себе гармалин или гармин, который блокирует защитные системы организма и позволяет первому компоненту быть активным при пероральном употреблении. Таким образом, второй компонент смеси не позволяет организму быстро нейтрализовать первый. Такая комбинация из активного вещества и ингибитора называется аяхуаской; а художник-искусник-мудрец, умеющий приготовить из двух экстрактов настоящую аяхуаску, называется аяхуаскero.

Итак, однажды ко мне зашел некий юный аяхуаскero и продемонстрировал несколько образцов приготовленной им аяхуаски; причем ДМТ-содержащим компонентом здесь был экстракт из травы, имеющей латинское название *Phalaris*. Он просто собрал пригоршню этой травы (которая растет в США повсюду) и пропустил ее через специальную соковыжималку для трав. Такой инструмент можно купить во многих "магазинах здорового питания"; он позволяет переработать любую свежую траву в стакан сока и пригоршню жмыхов. Светло-зеленая водянистая жидкость, полученная из вышеупомянутой травы, может быть использована как компонент-1 для аяхуаски; или же, ее можно высушить до образования плотного зеленого осадка (удобнее всего сделать это с помощью фена) и выкурить. Молодой человек утверждал, что ему обычно хватало шести затяжек.

Таким образом я получил траву, которая могла служить источником ДМТ (и, судя по рассказу, довольно хорошим источником). Я тут же порылся в библиотеке и провел небольшую лабораторную работу. Итак, *Phalaris*. Это было единственное ключевое слово, с которым пришлось иметь дело. Родное правительство США, когда-то издавшее официальный справочник по травам Соединенных Штатов, проинформировало меня, что слово *Phalaris* является древнегреческим названием данной травы. Славно. И главное: как много информации о внешнем виде растения! К счастью, мой "Вебстер" (*The Webster's Collegiate Dictionary*), в общем-то, довольно равнодушный к ботанике, соизволил дать дополнительную информацию.

Phalarope - это разновидность кулика, название которой происходит от слов phalaris + pod; т.е. лысуха + нога. Значит, у него ноги как у лысухи. Ну, а лысуха - вполне обыкновенная дикая утка; и только завзятый охотник может разглядеть в ее ногах что-либо особенное. Короче говоря, поиски в этом направлении зашли в тупик.

К сожалению, аяхуаскоро вскоре покинул меня и не мог помочь в моих поисках. Тогда я связался со своим сыном Тео, и мы попытались составить ботаническое (а не антично-филологическое) описание Phalaris'a. Вот, к примеру, первые строчки официального описания этой травы, полученного из Министерства Земледелия США:

"Вторичный колосок плоский, имеет 1) верхушечный полный цветок компактного соцветия и 2) бесплодные нижние цветковые чешуи под осью соцветия, незаметные над колосковыми чешуйками; обычно полностью прозрачные бесплодные цветковые чешуи плотно прижаты к оплодотворяющему цветку; колосковые чешуйки одинаковые, в форме лодочки, часто имеющие крыло на доньшке, бесплодные цветковые чешуи редуцируются до двух мелких, обычно еще меньших, чешуек (изредка - только до одной); оплодотворенная цветковая чешуя кожистая, короче чем колосковые чешуйки, содержит бледную двухпрожилковую цветковую пленку..."

Это описание вызвало у нас дружный взрыв хохота. Оно чрезвычайно напоминало "телефонное дерево", по которому приходится растекаться многим бизнесменам развитых стран: в ответ на свой запрос вы получаете шесть адресов, по каждому из которых вам сообщат еще шесть вариантов. В официальном определении Phalaris'a мы имеем как минимум шесть совершенно незнакомых слов, понятных только профессиональным ботаникам. И толкование каждого из этих терминов обрушивает на нас новые потоки непонятных слов.

Вторичный колосок - это chaffy bract. Bract, насколько я понимаю - это мякина, то есть шелуха, которая летит на юг, когда обмолоченное зерно подбрасывают вверх при северном ветре. Кроме того, какой-то bract, или прицветник, есть у бугенвиллеи: это такой яркий первый внутренний лист, который чаще всего принимают за цветок.

Цветковая чешуя: нижний из двух прицветников, содержащий в себе цветок вторичного колоска травы.

Вторичный колосок: один из мелких малоцветковых колосьев, снабженный прицветниками, который создает сложное соцветие у трав и осок.

Прочитав все это, я понял, что уже не в состоянии ответить на простейший вопрос: что такое трава? В школе я слыл вундеркиндом; но изо всего ботанического жаргона в моей памяти сохранилось только одно слово: "односемядольные". Оно было связано с каким-то острым колоском, проклеивающимся из-под земли.

Впрочем, описать растение можно и по-простому. Phalaris - это трава высотой около тридцати сантиметров, которая растет во влажных местах и имеет цветы-колокольчики, повернутые кверху дном; по ним-то ее и можно заметить. Срезая растение, не трогайте корней: из них вскоре вырастут новые стебли.

Все подобные травы обычно называют "канареечниками"; я надеюсь, вы уже догадались, почему. В магазинах продается так называемое "канареечное семя" – популярный корм для домашних птиц, который с давних времен изготавливают из плодов "канарской травы", то есть *Phalaris canariensis*. Эта однолетняя трава родом с Канарских островов и широко распространена в Южной Европе: ее выращивали не только для птичьего корма, но и как хлебный злак. Много лет тому назад ее завезли в Соединенные Штаты, и здесь она тоже разрослась повсюду. Я так и не нашел ни одного сообщения о результатах анализа этой архетипической "канарской травы" на ДМТ; но я не уверен, что никому не пришло в голову сделать это. Но ее американские "родственники" проявляют себя как очень богатые источники ДМТ, и анализы подтверждают это. Все разновидности этой травы стоит назвать поименно:

Канареечник красный (*Phalaris arundinacea*)
 (*Phalaris aquatica*)
 Вертячная трава (*Phalaris tuberosa*)

Канареечник красный – многолетняя трава. Он хорошо известен в Англии, где густо растет по берегам рек и озер. Одна из его разновидностей широко распространена в юго-западной части США. Здесь его стебли имеют белые полоски, и их часто называют *Gardener's Carters*. В нем обнаружены признаки наличия четырех алкалоидов: ДМТ, деметилированного NMT (а также 5-метоксилированных аналогов обоих соединений), 5-MeO-DMT и 5-MeO-NMT. Кроме того, имеются весьма занятые сведения о наличии в этой траве простого бета-карболина, а также (2-метил-1,2,3,4-ТН-бета-С). А это значит, что, при определенной концентрации данных веществ (которые являются ингибиторами MAO), эта трава может оказывать соответствующее воздействие даже при простом пероральном приеме.

Есть еще одна трава, имеющая то же видовое имя, но принадлежащая к другому роду. Это *Festuca arundinacea*, она же овсяница красная или овсяница высокая. Есть сведения, что она тоже содержит простейший из бета-карболинов – бета-углерод. Ее морфология полностью отличается от *Phalaris arundinacea*, поэтому я вынужден признать, что это совсем другая трава.

Многие источники свидетельствуют о том, что ДМТ обнаружен в составе *Phalaris aquatica*. Бытовое название этой травы мне неизвестно. Похоже, что она является богатейшим источником алкалоидов, содержащим не только ДМТ, но и его моно-метильный аналог (NMT), а также незамещенный триптамин. Хроматографический анализ тонкого среза проростков этой травы выявил следы шести дополнительных алкалоидов, в частности, 5-гидрокси и 5-метокси-производных каждого из трех вышеупомянутых триптаминовых алкалоидов.

Третий, и самый противоречивый член этого рода – так называемая "вертячная трава", внешне очень похожая на вышеперечисленные. Ее называли также "Хардинговой травой" и "перуанской зимней травой". Это растение, *Phalaris tuberosa*, тоже многолетнее. Оно появилось в Австралии в начале XX в, а в США – на несколько десятилетий позже. И именно оно стало предметом особой ненависти в аграрных районах, поскольку его появление обычно совпадало с возникновением

эпидемий овечьей вертячки, или ценуроза. И действительно, у овец, которые регулярно питаются им, зачастую случаются острые расстройства мышечных функций.

"Вертячная трава" содержит все три основных триптамина - ДМТ, буфотенин и 5-МеО-ДМТ. Существует широко пропагандируемое мнение, что именно эти вещества вызывают синдром вертячки. Но это не так. Непосредственный прием основного химического компонента этой травы (5-МеО-ДМТ) в чистом виде действительно может

вызвать сходный синдром, но все дело в том, что ни он, ни ДМТ не активны при пероральном приеме, а потому не могут воздействовать на овец, которые поедают траву. Для того, чтобы отравиться, овцам следовало бы принимать эти потенциально

опасные токсины парэнтерально. Может быть, все дело в ферментах? Эта "овечья" история чрезвычайно сложна и в данный момент здесь рано делать какие-либо выводы. Однако стоит привести краткий обзор сведений о вертячке и ядах, которые

способны ее вызвать, а также обо всех подозрительных растениях - от овсяницы и

райграса до спорыньи, поскольку никто не знает, чем именно травятся овцы.

Итак, следите внимательно. Согласно распространенному мнению, *Phalaris tuberosa* вызывает у овец вертячку, поскольку содержит много ДМТ. А теперь позвольте мне рассказать о том, что такое эндофиты: это очень важно для понимания дальнейших выводов.

"Эндо" значит "внутри", "фите" - "растение". Я и сам был удивлен, узнав о

том, что существуют такие растения (чаще всего - грибы), которые могут поселиться внутри другого растения и расти там в течение всего жизненного цикла,

оставаясь невидимыми паразитами. Эта концепция получила всеобщее признание и распространение всего лишь около десятилетия назад - и привела к некоторому пересмотру понятий о ядовитых растениях.

Существует форма вертячки, которую называют "овсяничной"; она встречается и

у овец, и у лошадей, и даже у коров. Считается, что она возникает из-за отравления овсяницей высокой (*Festuca arundinacea*). Это растение практически идентично вышеназванному виду *Phalaris*, что совсем не удивительно (особенно если

мы учтем, что по-латыни "arundo" значит "тростник"). Внутри этого растения обычно живет эндофит - грибок, который абсолютно незаметен снаружи; он поселяется в семенах и существует в растении вплоть до окончательного созревания. Сперва считалось, что это *Spacelia typhina* (т.е. *Epichloe typhina* в

бесполом состоянии) - грибок, паразитирующий во многих травах и связанный с "синдромом удушья" у жвачных животных. Но впоследствии было решено, что этот овсяничный паразит достаточно оригинален для того, чтобы заслужить собственное

имя -- *Acremonium coenophialum*; а синдром вертячки может вызываться имеющимся в

нем алколоидом эргиновой группы - эрговалином.

Следите еще внимательно. Еще одно семейство трав, от которых у животных бывают неприятности - это группа райграсов. Одно из этих растений, *Lolium temulentum* (или плевелы) считаются достаточно ядовитыми и для человека.

Токсические свойства еще одной разновидности райграса, *Lolium perenne* (райграс

английский, который содержит в себе бета-карболин), обусловлены наличием в нем

другого паразитического грибка - *Acremonium loliae*. Плевелы часто упоминаются

рядом с сорняками, особенно в Притчах Соломоновых; однако большинство современных исследователей считает, что библейские "сорняки" - не что иное как

вика (*Vicia sativa* или *Vicia robusta*), известное кормовое растение из семейства бобовых. Еще одна распространенная трава, *Stipa robusta*, носит имя "сонной травы", поскольку оказывает наркотическое действие на лошадей, -- и действительно, в ее составе обнаружен лизергамид (эргин). Это опять-таки заставляет заподозрить, что внутри нее живет какой-то грибок.

А теперь - еще внимательнее! Вика, упоминавшая ранее, -- это несколько видов трав рода *Cyperus*, который, как известно, часто инфицируется грибами рода *Claviceps* - и, в частности, эрготовым грибом *Balansia cyperi*. Эти растения хорошо знают знахари некоторых южноамериканских племен, которые применяют их для лечения послеродовых кровотечений, прерывания беременности, регулирования менструального цикла, а также как общее кровоостанавливающее средство. И снова на первый план выступают эрготовые грибки.

Похоже, что между травами, вертячкой и эрготовыми грибами существует неразрывная интимная связь. К примеру, трава *Paspalum dilatatum* известна тем, что вызывает так называемый "паспаловый ценуроз". Обычно она бывает инфицирована грибом *Claviceps paspali*, который является одной из наиболее продуктивных культур для производства пропаноламида лизергиновой кислоты - превосходного синтетического прекурсора ЛСД.

Я уверен, что основная причина вертячки у овец (а также и у прочих жвачных животных) заключается не в отравлении триптамими, а в отравлении производными лизергиновой кислоты. Я более чем убежден, что ДМТ совершенно непричастен к этой сельскохозяйственной проблеме. Да, ДМТ действительно содержится в этих травах - но не может вызывать вертячки. Все усилия правительства, направленные на разведение сортов трав с низким содержанием ДМТ, до сих пор не дали заметного результата. И если они настойчиво продолжают гнуть эту линию, то причина тут только одна: желание контролировать распространение ДМТ, а отнюдь не забота о здоровье скота. Однако вернемся к травам семейства *Graminae*.

Некоторые травы бывают такими жесткими и высокими, что мало кто считает их травами: обычно их называют "тростником" или "бамбуком". Наиболее известными родами таких трав (которые также представляют большой интерес для искателей растительных источников ДМТ), являются:

- Тростник гигантский (*Arundo donax*)
- Тростник обыкновенный (*Arundo phragmites* или *Phragmites australis*)
- Бамбук (*Phyllostachys* spp.)

Гигантская трава *Arundo donax* - высокое многолетнее растение, напоминающее бамбук. Многие исследования подтвердили, что она является богатым источником триптаминов. Почти во всех опубликованных отчетах подчеркивается, что алкалоиды локализируются в цветах и корнях растения. Цветы содержат в себе ДМТ и его 5-метоксилированный N-деметилованный аналог, 5-MeO-NMT. Корни являются ризоидной системой и содержат в себе не только эти активные компоненты, но и

буфотенин. Кроме того, в цветах содержится четвертичная метилированная соль ДМТ,

а в корнях – буфотенидин и циклический дегидробуфотенидин. Еще один отчет сообщает о наличии 5-МеО-ДМТ в любых экстрактах этого растения.

Тростник обыкновенный растет по берегам болот, озер и рек от арктической до

умеренной зоны. В Мексике его называют carrizo и используют для изготовления циновок, перегородок и сеток для переноски грузов. В ходе тщательных исследований было обнаружено, что, по крайней мере, одна из его разновидностей –

Phragmites australis – содержит довольно много ДМТ в своей корневой системе. *Arundo phragmites* и *Phragmites communis* – устаревшие названия той же самой разновидности.

Бамбук – растение, с которым связаны воспоминания моего раннего детства. Эти высокие и стройные стебли, круглые снаружи и пустые внутри, всегда казались

мне какими-то ненастоящими, как бы искусственными. В мексиканском городе Паленке

я видел бамбук десятиметровой высоты, кусты которого имели по несколько метров в

обхвате; с их верхушек доносился непрерывный скрип, которым обычно сопровождается процесс их роста. Сквозь эти заросли торчащих палок невозможно пройти – их можно только обходить. Разумеется, родина одомашненного бамбука – Дальний Восток; но он уже давно распространился по всему миру. Основной триптамин, присутствующий во многих разновидностях бамбука – это серотонин. Однако здесь следует учесть, что сорта бамбука, культивируемые на Западе (а их

наберется не меньше десятка) еще не исследованы на предмет алкалоидов.

И, в заключение, стоит упомянуть о таких широко распространенных травах, как камыши и кормовые травы. Их химический состав почти лишен драматизма. Список, приведенный ниже, включает в себя также и злаки, которые мы едим, поскольку они тоже родом из травяного семейства.

- Камыш (*Calamagostis* spp., *Arundinella hirta*)
- Императа цилиндрическая (*Imperata cylindrica*)
- Овсяница красная (*Festuca arundinacea*)
- Рис дикий (*Zizania cacuciflora*)
- Рис посевной (*Oryza sativa*)
- Кукуруза (*Zea mays*)
- Ячмень (*Hordeum vulgare*)
- Овес (*Avena sativa*)

Многочисленные разновидности камыша (*Calamagostis* spp.) слегка разочаровывают, поскольку содержат, главным образом, серотонин (как и родственные им *Arundinella hirta* и *Imperata cylindrica*). Овсяница красная (*Festuca arundinacea*), как было отмечено ранее, содержит мелатонин. Серотонин –

важный нейротрансмиттер, а мелатонин – нейтральный компонент, который играет роль в круглосуточном функционировании шишковидной железы. Ни одно из этих веществ не психоактивно: собственно говоря, эти триптамины служат кирпичиками, из которых строятся простейшие алкалоиды.

Что же касается злаков, то дикий рис (*Zizania* spp.) является пищевым продуктом и содержит серотонин. Рис посевной (*Oryza sativa*) служит богатым источником мелатонина – "гормона сна". Мелатонин содержится и в ядрах зерен посевной кукурузы (*Zea mays*); но здесь присутствует еще несколько N-замещенных

триптаминамидов, которые, насколько я знаю, никогда не исследовались на психоактивность.

Всем известный посевной ячмень (*Hordeum vulgare*) имеет много диких разновидностей, не культивируемых в сельском хозяйстве. Некоторые его родственники считаются сорняками (как, например, *H. jublatum*, который имеет остроконечные усики, колющие рот и носоглотку скота). В зернах и листьях этого растения мы опять-таки обнаруживаем мелатонин.

БОБОВЫЕ - семейство Leguminosae (Fabaceae)

Бобовые составляют, пожалуй, третье по численности семейство растений, которое содержит в себе свыше тысячи родов и более 10000 видов. Для большей точности их обычно разделяют на несколько подсемейств, а некоторые ботаники даже отрицают существование единого семейства бобовых; но здесь мы будем говорить о них как о едином семействе. Итак, бобовые. Стручки, усики, бобы, горошины - и все это вырастает из корешков с забавными клубеньками, где живут бактерии, способные поглощать атмосферный азот и преобразовывать его в химическое удобрение, которое затем попадает в почву и обогащает ее. Это называется "фиксацией азота". Среди бобовых есть и травы, и кустарники, и деревья. И очень многие члены семейства бобовых могут служить богатым источником ДМТ. Некоторые роды бобовых включают в себя много видов, некоторые состоят только из одного вида.

Род *Acacia* исключительно богат триптаминами. Его представители встречаются повсюду, но есть одна страна, которая уже более сотни лет считает акацию своим национальным растением. Это Австралия. Здесь встречается более 700 аборигенных разновидностей акации; обычно их называют "лозняком" (*wattle*).

Здесь я сделаю небольшое отступление в историю "континента антиподов". Первоначально интерес к акации здесь был чисто коммерческим: кора "золотого лозняка" и "черного лозняка" (*A. pycantha* и *A. mearnsii*) содержит в себе почти 50% танина. Еще один близкий родственник этих растений, так называемый "зеленый лозняк" (*A. decurrens*) был перевезен в Южную Африку, и поскольку оказалось, что разводить его здесь гораздо выгоднее, австралийский лозняк уже к концу XIX в. лишился своего промышленного значения. Однако интерес к этому растению сохранился. В 1899 г. был открыт первый Лозняковый Клуб; а 1 сентября 1910 г. в Сиднее, Аделаиде и Мельбурне впервые был отпразднован национальный День Лозняка. В честь него сочинялись стихи и поэмы, а веточки акации вдевались в петлицы. Движение росло как на дрожжах. Его использовали для благотворительности и для подъема патриотического духа австралийцев во время Первой Мировой войны. Происходили выборы и коронации Лозняковых Королев, выпускались значки, посвященные Дню Лозняка; веточки акации непременно прикалывали на одежду первоклассников, идущих в школу. А спустя 75 лет, первого сентября 1988 г. во время праздничной церемонии в Канберре цветок "золотого лозняка" был официально провозглашен национальной эмблемой Австралии. Совсем недавно я побывал в Сиднее,

и австралиец, у которого я остановился, рассказал мне стишок, который заучил еще в детстве:

Прекрасна наша Родина,
Когда цветет лозняк.
Его мы ставим в вазочки
И носим просто так.

Я провел детство в Беркли, и поэтому не мог вспомнить подобных ботанических стишков. Однако я помню, что каждую весну холмы вокруг города становились золотисто-желтыми. Это цвели акации. По своей детской наивности я считал, что именно эти пушистые желтые цветы и есть основной признак акации. Потом я узнал, что акаций великое множество, и некоторые из них совсем непохожи на знакомое мне дерево. Семена некоторых акаций используются в промышленности (например, из них варят гуммиарабик). Многие акации считаются совсем "беспонтовыми"; но и здесь не обходится без сюрпризов.

Несколько лет назад, прогуливаясь по Фиш Рэнч Роуд в Беркли (где-то возле Клермонт-Отеля), я сорвал гроздь листьев акации и отнес ее в лабораторию. Здесь я растер ее в растворителе, отфильтровал и выпарил экстракт до густого осадка, который затем растворил в нескольких каплях толуол-бутанольной смеси. Далее я подверг микролитр этого раствора газовой хроматографии с масс-спектроскопией, чтобы исследовать его на ДМТ. Но ДМТ там не оказалось. Я решил, что наша местная акация (*A.baileana*, которую в ее родной Австралии величают "кутамундрой") – очередная калифорнийская "беспонтовка". Но вскоре после этого я наткнулся на неожиданные сведения, которые дали мне понять, что 1) книжки надо читать, и 2) природа – штука сложная.

Изучая ботанические статьи об этом растении, я обнаружил работу одного своего близкого друга, написанную около двадцати лет назад. В отличие от меня, друг не удовлетворился скоропалительными выводами и провел тщательное исследование. Он выбрал дерево *A.baileana*, росшее рядом с его домом, и собрал образцы его листьев весной, летом и в пору листопада. Каждый комплект образцов подвергся доскональному исследованию. Весенняя коллекция показала наличие 0,02%-ной примеси алкалоидов, принадлежащих к группам триптаминов (но без ДМТ) и бета-карболинов; главным компонентом здесь оказался тетрагидрогарман. Осенью же эта алкалоидная фракция состояла исключительно из триптаминов; а в летней коллекции алкалоиды вообще отсутствовали. Если бы это растение изучал какой-нибудь ботаник, он проигнорировал бы сезонные изменения и пришел бы к неверному выводу о его химическом составе. А ведь таким исследованиям несть числа: в каких статьях о химическом составе растений вы встретите указание на время года? Или на время суток? А вот если бы это растение исследовал психонавт,

он сказал бы, что весной его можно есть, осенью можно курить, а летом оно ни на что не годится. Но тот же психонавт мог бы попробовать его один раз и потом не вспомнить, когда это было - точно так же, как я не смог вспомнить даже времени года, когда я сорвал свою гроздь листьев акации.

Впрочем, даже такие "кавалерийские наскоки" иногда дают полезные результаты. Я слышал несколько интересных историй об опытах с типично австралийским "лозняком" - *Acacia maidenii*. Первые сообщения о том, что в коре

ее ствола есть ДМТ и NMT, были фармакологически подтверждены отчетом группы исследователей из Сиднея, которые прокипятили ее кору в формалине и, после выпаривания раствора, выкурили осадок и тут же прогулялись в ДМТ-шные миры. Существует также множество других акаций, которые уже проявили себя как источник метилтриптаминов; но, несмотря на это, у нас нет сведений об их культурном использовании. Наличие ДМТ (или NMT) обнаружено у следующих видов акации: *A.albida* (ДМТ в листьях), *A.confusa* (ДМТ и NMT в листьях, коре и древесине ствола), *A.cultriformis* (триптамин в листьях и древесине ствола), *A.laeta* (ДМТ в

листьях), *A.mellifera* (ДМТ в листьях), *A.nilotica* (ДМТ в листьях),

A.phelobophylla (ДМТ в листьях), *A.podalyriafolia* (триптамин в листьях), *A.polycantha* (ДМТ в листьях), *A.senegal* (ДМТ в листьях), *A.seyal* (ДМТ в листьях), *A.sieberiana* (ДМТ в листьях), *A.simplicifolia* (ДМТ и NMT в листьях, коре ствола и ветвей), *A.vestita* (триптамин в листьях и стволе).

О роде *Acacia* и сиднейской специфике стоит сказать еще пару слов. Во-первых, в связи с историей Австралии. Один из первых ботаников, исследовавших

флору этого континента, открыл, описал и поименовал множество новых видов акации. Ботаника звали Уотс. Как обычно, он назвал одно из новооткрытых растений

A.wattsiana; и австралийцы до сих пор называют эту акацию "лозняком Уотса" (*Watt's wattle*). Последнее название давно превратилось в непереводаемый каламбур,

которым приветствуют друг друга ботаники Сиднейского Университета: *G'dye, myte;*

Watts' wattle; смысл его понятен только коренным австралийцам.

Второй момент - это история самого рода *Acacia*. Она связана с древней историей Ближнего Востока и Египта. Когда-то давным-давно жрецы и первосвященники покупали у кочевых бедуинов некое бальзамическое масло, которое,

как утверждали продавцы, проистекало от изначального "Древа Познания", растущего

в самой низкой точке Земли недалеко от Мертвого моря и Синайского полуострова.

Это масло добывали из *Acacia tortilis* - зонтичной акации.

Но есть еще три рода растений, очень похожих на *Acacia* и между собой. Ботаники иногда путают их родовые наименования, но, к счастью, не допускают путаницы с названиями видов. Такое единодушие избавляет ботаников-любителей от

многих лишних хлопот. Первый из этих родов - *Piptagenia* (в старых справочниках -

Niopa), многие виды которого часто относят ко второму роду - *Anadenanthera*. Третий род - *Mimosa*.

Самый интересный экземпляр в этой ботанической коллекции -- растение *Piptagenia peregrina* (в старых справочниках - *Acacia niopa* или *Mimosa*

peregrina), сегодня более известное под названием *Anadenanthera peregrina*. Древнейшие из психоактивных препаратов Нового Света – это нюхательные порошки амазонских индейцев (известные под общим названием парка) и племен Вест-Индии (здесь их называли конобо). Один из этих порошков – так называемый йопо – готовили из семян Дерева Йопо, то есть *A.peregrina*. Для этого их увлажняли, заквашивали, смешивали с известью (толчеными ракушками улиток), сушили и тонко

измельчали. По-видимому, это средство применялось многими племенами северо-западной части Южной Америки – в Колумбии, Венесуэле, Перу, Боливии, а может быть, даже на севере Аргентины и некоторых областях Бразилии. Есть сведения (правда, несколько противоречивые), что в йопо добавляли препараты некоторых других растений – в частности, табак и смолу *Virola*. Последняя, впрочем, использовалась для этой цели и сама по себе.

Здесь снова возникает то неразрешимое противоречие, о котором я упоминал в

начале данной главы. Часто бывает, что под одним простым названием скрывается несколько разных предметов, и исследователь не знает, на чем сосредоточить свое

внимание – то ли на рецепте используемой смеси, то ли на растениях, из которых

ее готовят. Выясняется, что слово йопо может обозначать порошки из совершенно разных растений; а одно и то же растение может служить компонентом для разных нюхательных порошков. В данном случае я намерен сосредоточиться на растении и его химическом составе; таким образом, проанализируем *Anadenanthera peregrina*.

Перед нами – подлинный ящик Пандоры, набитый триптаминами, которые можно обнаружить в любой части растения. Еще сорок лет назад из его семян выделили буфотенин, а вскоре после этого там обнаружили целый легион его родственников. И

в семенах, и в листьях, и в коре, и в корнях были выявлены ДМТ, NMT, триптамин,

тот же буфотенин, а также два его метоксилированных аналога – 5-MeO-ДМТ и 5-MeO-

NMT; а плюс к тому и добрый десяток бета-карболинов. Результаты анализов освещались в научной прессе, причем кое-где проскальзывали сведения даже о процентном составе алкалоидных компонентов.

Прочие *Piptadenia* spp. менее известны и менее изучены. Однако выяснено, что

Piptadenia macropara содержит не только ДМТ, но также буфотенин и его N-оксид как в семенах, так и в оболочках стручков. *Piptadenia excelsa* тоже содержит ДМТ,

буфотенин и его N-оксид. Еще три вида -- *P.communis*, *contorta* и *falcata* – содержат буфотенин в семенах. Но психоактивный потенциал этих растений никогда

не исследовался.

Еще одна близкая родственница *Piptadenia peregrina* (*Anadenanthera peregrina*) -- *A.columbrina*, в диком виде произрастающая в Перу, Боливии, Южной

Бразилии и Северной Аргентине. Местные племена готовят из нее нюхательные порошки, известные под названиями вилька, хулика и себил. Растение уже исследовано химиками; в нем обнаружены многие из алкалоидов, имеющих в *Anadenanthera peregrina*, включая ДМТ.

Третий род, состоящий в чуть более отдаленном родстве с *Acacia* -- это *Mimosa*. Дерево журема, известное ботаникам как *M.hostilis*, много веков подряд использовалось в юго-восточной Бразилии для приготовления опьяняющего напитка виньо ди журема. Это было отмечено в работах антропологов, упоминавших данное растение либо под народным бразильским названием *jurema preta*, либо под

ботаническим названием *Acacia jurema*. Сведения об этом растении были не лишены

противоречий: одни исследователи описывали его как кустарник, другие -- как высокое дерево. Впрочем, в последнее время установлено, что название *jurema* на

самом деле относится к двум разновидностям мимозы - *M.nigra* и *M.hostilis*. Вышеупомянутый напиток готовили из корня *M.hostilis* путем длительного вываривания в кипящей воде. Алкалоид, обнаруженный в его составе, получил название "нигерин" и впоследствии был идентифицирован как ДМТ. Но здесь явно что-то не так, поскольку ДМТ не активен при пероральном приеме. Это

заставляет

предположить, что: 1) либо *M.hostilis* - не единственное сырье, используемое для

приготовления опьяняющего напитка виньо ди журема, либо 2) *M.hostilis* - не то растение, из которого добывают алкалоид нигерин, либо 3) алкалоид нигерин является не единственным активным компонентом напитка, либо 4) нигерин -- не ДМТ, а что-то другое. В этой связи было бы очень интересно исследовать сам напиток (если его еще употребляют где-нибудь в Бразилии), чтобы выяснить, нет ли

в нем каких-либо других алкалоидов и насколько его химический состав связан с растением *jurema preta*.

Но ДМТ был обнаружен еще в нескольких видах рода *Mimosa*. Известно, что похожий опьяняющий напиток готовят из растения *jurema branca*; ботаники считают,

что под этим названием скрывается *M.verucosa*, в коре которой содержится относительный высокий процент ДМТ. Ее близкие родственники также содержат алкалоиды, но неизвестно, используются ли они для изготовления каких-либо препаратов. Есть сведения о том, что *M.scabrella* содержит ДМТ и NMT, а также незамещенные триптамины. Еще более широкий спектр веществ обнаружен в *M.somnians*, где содержатся все вышеупомянутые алкалоиды плюс буфотенин и 5-MeO-DMT. И наконец, следы ДМТ были замечены в коре ствола *M.tenuiflora*.

Имеется информация о наличии ДМТ и других триптаминов еще в девяти видах бобовых. Все они (кроме одного весьма интересного растения) не слишком богаты алкалоидами и никогда не были популярны у изготовителей психоактивных препаратов. В четырех видах рода *Desmodium* даже при очень поверхностном анализе

обнаруживаются триптамины (главным образом, ДМТ), N-оксиды более простых алкалоидов и обширная коллекция триптаминовых оснований. Классическим примером

здесь может служить *Desmodium gangeticum* (DMT, 5-MeO-DMT и их N-оксиды в листьях, стволе и корнях). *Desmodium pulchellum* имеет тот же набор компонентов

плюс буфотенин и 5-MeO-NMT. *Desmodium triflorum* содержит в себе все вышеперечисленное, а также несколько буфотениновых и не-буфотениновых N-оксидов.

С другой стороны, в корнях *D.caudatum* содержатся только ДМТ и N-оксид буфотенина. *Lespedeza bicolor* - растение, изучавшееся как родовспомогательное и

абортивное средство. Его листья и кора содержат несколько разновидностей триптаминов, включая ДМТ, 5-MeO-DMT (и его N-оксиды) и буфотенин. Здесь же присутствует еще один индольный алкалоид - леспедамин. Индийское растение *Mucuna*

pruriens имеет тот же набор алкалоидов (DMT, 5-MeO-DMT и его N-оксиды и буфотенин) в листьях и плодах. В листьях и стволе *Petalostylis labicheoides* обнаружены ДМТ, NMT и, как ни странно, мелатонин.

Но вот одно чрезвычайно интересное растение - *Desmanthus illinoensis*. Его

корни – подлинная сокровищница триптаминов. Содержание ДМТ в корнях доходит до

2% от общей массы алкалоидной части, а в коре корневища – до 25%. NMT присутствует в этих тканях в количестве 0,5% и 8%. Но здесь есть и другие занятые особенности: наличие N-гидрокси-NMT и 2-гидрокси-NMT.

Фармакологические

свойства обоих неизвестны, но интересно, что N-гидрокси-NMT соотносится с NMT точно так же, как N-гидрокси-МДМА с МДМА. А поскольку N-НО-МДМА

фармакологически

равноценен МДМА, можно предположить, что и N-НО-NMT равноценен NMT. Но при этом

следует иметь в виду, что сама возможность воздействия NMT на человека еще никем

не доказана.

В отношении бобовых есть еще один вопрос, но я не вполне уверен, что смогу

подойти к нему правильно. Дело в том, что три рода бобовых заслуживают особого

упоминания, хотя ни один из них не содержит ДМТ. Однако все они очень токсичны

и, по некоторым сведениям, способны оказать определенное психотропное

воздействие, природа которого еще не прояснена до конца. Возможно, в них есть какие-нибудь другие триптаминоподобные алкалоиды; но не исключено, что их

просто

путают с родственными растениями, от которых они отличаются весьма

незначительно. В качестве примера можно взять так называемые "мескалевые бобы",

употреблявшиеся когда-то индейцами Мексики и США. Эти красные бобы служили неотъемлемой частью соответствующих ритуалов и, по видимому, стали прелюдией к

установившейся впоследствии "пейотной" культуре. Как-то раз моя приемная дочь Венди спросила меня о них, и я рассказал ей все, что знаю. В различных

справочниках, фотоальбомах, каталогах ядовитых растений и работах

этнофармакологов мы встречаем много упоминаний о бобах красного цвета; о красных

бобах коричневого цвета; о красных бобах с черными точками в том или ином месте;

о бобах, наполовину красных, наполовину черных; о красных бобах, найденных на местах древних индейских торжищ. Красные бобы – важная деталь церемониальной

и

токсикологической истории коренного населения Америки. И знаешь, моя милая

Венди, я очень хотел бы раздобыть какую-нибудь небольшую статеечку, где вся эта

тема излагалась бы более внятно. Я ищу ее уже очень давно, но, скорее всего, ее

просто не существует. Так что мне остается только одно: написать эту статью самому. И вот я предпринимаю попытку установить ботаническую принадлежность

красных бобов, которые на протяжении многих столетий использовались в церемониях

индейцев юго-западной части Северной Америки. Она будет состоять из двух

разделов: "Возможно" и "Маловероятно"; и я прибавлю к ней третий раздел, о лакомых кусочках из Чайпы и Австралии, который будет озаглавлен: "Совсем Не То".

Итак, "Возможно". Здесь речь пойдет об истории культуры Мескалевых Бобов,

долгое время просуществовавшей на территории юго-западных штатов США и в мексиканских пустынях Сонора и Чиуауа. Мескаль (mescal) – очень хитрое и

многозначное слово; по-испански оно чаще всего пишется через z (mezcal). В таком виде его можно встретить на этикетках крепкого алкогольного напитка, который варят из мякоти некоторых разновидностей агавы. Из агавы вида *Agave tequilana* готовят еще один специфически мексиканский напиток - текилу. Слово "мескаль" было ошибочно использовано Управлением по Делах Индейцев (Bureau of Indian Affairs) в качестве названия кактуса *Lophophora williamsii*, в связи с чем и алкалоид, выделенный из этого кактуса, был назван мескалином. По той же причине сушеные верхушки лофофоры стали называться "мескалевыми батончиками".

Однако термин "мескалевые бобы" связан с другим растением - *Sophora secundiflora*, которое обычно называют "техасским горным лавром" или "диким лавром". Его бледно-лиловые цветы служат украшением пустынь Южного Техаса, а в семенах содержатся какие-то алкалоиды, вредные для здоровья человека. Эти-то семена и считаются знаменитыми "красными бобами". Их называют фрихолийю, фрихолиито, фрихоль-рохо или просто колоринес. Это довольно мелкие семена багрового цвета, от 10 до 12 мм длиной и 8-10 мм в диаметре. В течение многих столетий они использовались индейцами в обряде, который назывался "танец оленя" или "танец красных бобов". Издавна известно, что они обладают психоделическими свойствами, но принимать их нужно осторожно, поскольку опьянение может легко перейти в отравление. Алкалоиды, входящие в их состав, достаточно сложны и похожи скорее на пиперидины и пиридины, чем на триптамины; поэтому их выделяют в отдельный класс цитизинов.

В разделе "Маловероятно" будут рассматриваться два вида бобовых, которые широко использовались в народной медицине и известны под ботаническим названием *Erythrina*. Их семена очень похожи на семена *Sophora* и часто продавались в смеси с последними на индейских рынках под общим названием "мескалевые бобы", "красные бобы", "коралловые бобы" или просто "колоринес". Алкалоиды, содержащиеся в этих бобах, не имеют ничего общего с триптаминами. Это четырехкольцевые системы с основным ядром тетрагидроизохинолина. Последний родственен "кактусовым" алкалоидам и подробно рассматривается в специальном приложении к данной книге.

Впрочем, кое-какую связь с триптаминами можно обнаружить и здесь, поскольку почти двадцать видов *Erythrina* содержат гипафорин (N,N,N-диметилтриптофан), обычно известный под бытовыми названиями "лентицин" и "глайоннаненин". Это прекурсор всех возможных триптаминовых алкалоидов, который будет подробно обсуждаться в разделе, посвященном биосинтезу. Изюм всей моей ботанической коллекции на семена *Sophora secundiflora* больше всего похожи семена *Erythrina fabelliformis*. Они такого же багрового цвета, но чуть побольше длиной и диаметром, из-за чего выглядят почти горошинами. Еще один пример *Erythrina*, который есть под рукой - это *E. herbosae*. Они тоже ярко-красные, с кремовыми рубчиками семени, но несколько поменьше размером 6-12 мм длиной и примерно 3-6 мм в диаметре. Кроме того, у меня имеются семена еще одного вида *Erythrina* (не знаю, какого), того же размера, но с угольно-черным рубчиком.

И наконец, дополнительный раздел "Совсем Не То" будет посвящен мелким красным семенам с черным пятном у основания, покрывающим значительно большую часть семени, чем сам рубчик. Наиболее изученный член этой группы бобовых

называется "дикой" или "индейской лакрицей". Его семена называют "крабовыми глазками" или "четочными бобами". На юго-западе США из них делали бусы, а в Индии семена аналогичного растения (рати) служили стандартом веса. Это растение имеет ботаническое название *Arbus precatorius*.

Два из трех интересных препаратов, выделяемых из семян этого растения, имеют разную химическую структуру, но называются одинаково. Абрин (также токсалбулин) – это чрезвычайно токсичная протеиновая фракция, микрограмм которой

способен убить мышь. Вполне вероятно, что одного семечка хватит для того, чтобы

убить человека. Второй препарат – тоже абрин, но на этот раз из ряда N-метил-триптофанов, которые после декарбоксиляции могут служить источником ДМТ.

А третий препарат – это гипафорин, то есть триметиловая четвертичная соль триптофана. Его довольно много в семенах, но есть сведения, что корень растения

содержит целых 7% этого вещества.

Но в категории "Совсем Не То" есть еще кое-что. Это тоже красные бобы, которые легко перепутать со всеми вышеперечисленными; но они никоим образом не

связаны с культурой индейцев юго-запада США и Северной Мексики. Они попали сюда

просто как забавные штучки, как-то связанные с индейской культурой. В прошлом году, общаясь с лакандонскими индейцами на развалинах Паленке, моя жена приобрела у них несколько бус из сушеных горошин – довольно крупных, красно-черных (с преобладанием красного) с неровной линией, отделяющей один цвет

от другого. Я спросил знакомого немецкого ботаника, как зовут это растение, и он

ответил, что у него может быть и мужское, и женское имя. Во-первых, здесь есть

ярко-красные семена эллипсоидной формы, длиной один сантиметр, с черным пятном,

которое расходится от разделяющей черты почти на половину боба. Их лакандонское

название – "эх эм у тоони". Это большое дерево из семейства бобовых, которое воспринимается как мужское; но что это за дерево – ботаникам неизвестно!

(Впрочем, я нашел в "Наркотических растениях" Эмбодена фотографию похожих бобов

– в описаниях дерева *Rhynchosia pyramidalis* и так называемого "бусинного дерева"

– *Ormosia monospera*.) Во-вторых, мы видим мексиканские семена – почти круглые,

красного цвета, диаметром около сантиметра и толщиной около 5 мм, но на них нет

ни единого черного пятнышка; они могут быть лишь слегка обесцвечены в области *hilum*. Лакандоны называют их "эх эм у чу'уп". Это еще одно гигантское дерево из

семейства бобовых, близкородственное первому, воспринимаемое как женское, но опять-таки не идентифицированное ботаниками. И наконец, интересные и совершенно

непохожие семена: мелкие, черные, шарообразные, диаметром около 5 мм и без единого красного пятна. Лакандоны называют их "эх ч'энк'ала", а ботаники – *Chalca indica*. После этого объяснения я понял, что запутался окончательно.

Но вернемся к ДМТ. Ядром нашего рассказа будут растения рода *Virola*, из коры которых добывают смолу, из которой делают нюхательные порошки. Растения,

используемые для этой цели, хорошо изучены: это *Virola calophylla*, *V. rufula* и *V. theiodora*. Элемент, из которого получают эти препараты – кроваво-красная смола, тем или иным способом добываемая из коры данных растений. Например, можно

снять кору со свежесрубленного дерева; при подогреве из нее начнет выделяться красная смола, которую варят в воде до затвердения, а затем растирают в порошок.

Еще один способ – соскрести внутренний слой коры, а затем либо поджарить и растереть его, либо выварить в воде и отфильтровать слизистый осадок, который затем высушивают на солнце и растирают в порошок. В некоторых случаях в порошок

добавляют растения, не принадлежащие к группе *Virola*.

Как это все называется? Сам порошок имеет множество названий, в зависимости

от местности, где его употребляют. Например, в Бразилии распространены названия

парика, эпена (эбене) и ньяква, а в Колумбии -- йакее и йато.

Как это употребляют? В некоторых культурах нюхать порошок позволено только

старейшинам племени и знахарям (он помогает им ставить диагнозы и лечить пациентов). В других культурах его нюхают все подряд, и он играет общественно важную роль в организации досуга или особых церемоний. Однако везде круг "нюхачей" ограничивается взрослыми мужчинами. Здесь следует упомянуть еще два способа употребления *Virola*, поскольку оба они имеют определенный фармакологический смысл. В полевых записках некоторых антропологов высказываются

предположения, что сушеный внутренний слой коры можно курить – ведь хорошо известно, что при таком способе употребления ДМТ активен. Другие антропологи считают, что активность некоторых разновидностей нюхательных порошков при пероральном приеме можно объяснить наличием в них бета-карболинов. В химическое

семейство карболинов входит множество эффективных ингибиторов моноаминоксидазы,

которые позволяют орально неактивным триптаминам оказывать должное воздействие

при приеме через рот.

Среди всего рода *Virola* лучше всех изучено растение *V. theiodora* из Бразильской Амазонии. Ее кора содержит 0,25% ДМТ от сухого веса, а цветы – примерно вдвое больше. В заметных объемах представлены 5-MeO-DMT и оба его монометилового гомолога, NMT и 5-MeO-NMT. Кора растения также является источником

6-метокси-2-метил-1,2,3,4-тетрагидрокарболина.

Аналогичный набор триптамина обнаружен также в листьях, коре и корнях *Virola rufula* и (за исключением 5-MeO-NMT) *V. calophylla*. Еще пять исследованных

видов *Virola* – *V. elongata*, *V. lorentensis* (= *V. multinervia*), *V. pavonis*, *V. peruviana*, *V. venosa* – содержат только ДМТ и 5-MeO-DMT в листьях и коре (включая кору корневища); но концентрация здесь столь незначительна, что их едва

ли можно считать практическим источником ДМТ. Более сложный ассортимент алкалоидов был обнаружен в *V. sebifera*: ДМТ, NMT и 5-MeO-DMT, N-оксиды ДМТ и 5-НО-DMT (буфотенин). Кроме того, здесь было выявлено присутствие двух неожиданных амидов – N-формильной и N-ацетильной производных от NMT. Скорее всего, они не психоактивны, но их сходство с мелатонином выглядит интригующе.

И, наконец, есть информация о том, что еще два вида *Virola* (*V. calophylloidea* и *V. cuspidata*) дали положительный результат при цветовом тесте

на алкалоиды, но, по-видимому, никогда не анализировались всерьез. И еще две "темных лошадки" триптаминового мира до сих пор ждут своих исследователей. Во-первых, это малайзийское дерево *Nosfieldia supurba*, в листьях которого, по некоторым сведениям, был обнаружен 5-MeO-DMT. Во-вторых, недавно опубликована интересная статья о растении *Osteopholium platyspermum*, содержащем сложный метиловый эфир арбин, о котором мы поговорим в разделе, посвященном биосинтезу.

КОФЕ, ЧАЙ, ХИНИН и PSYCHOTRIA (семейство мареновых - Rubiaceae)

Насколько мне известно, мировой рынок кофе имеет дело с семенами растений *Coffea arabica*, *C.canephora* и *C.liberica*, а мировой рынок чая - с листьями *Camelia sinensis*. Эти два напитка составляют 95% всех кофеиносодержащих напитков, потребляемых в мире. Оставшиеся 5% приходятся на семена растения *Paulinia cupana* из рода гуаран и листья йерба мате (*Ilex paraguariensis*). Всего четыре вещества уверенно лидируют на рынке психоактивных препаратов: счет их потребителей идет на миллиарды. Первый из них - кофеин. Второй и третий (и это понятно каждому) - алкоголь и никотин (из *Nicotiana tabacum N.rustica*). Но лишь немногие знают о том, что препарат номер четыре - это бетелевый орех. Сам орех является плодом дерева *Areca catechu*, его алкалоид называется ареколин; а бетелевые листья, которые жуют вместе с орехом, происходят от одной из разновидностей перца -- *Piper betle*. Эта "великолепная четверка" оставила далеко позади и марихуану, и кокаин, и опиум. Хинин попал в список лидеров только потому, что на восточном побережье США его обычно добавляют в героин. Это происходит из-за всеобщей убежденности в том, что чистый героин должен быть горьким на вкус; поэтому торговцы разбавляют героин хинином, чтобы он выглядел "поподлиннее". На западе США бытует миф о том, что от настоящего героина язык немеет; поэтому здесь в сахарную пудру, сопровождающую героин, обычно добавляют бензокаин - и зелье проходит "полевые испытания".

Все DMT-содержащие растения, вошедшие в эту семью лидеров, принадлежат к роду *Psychotria*. По-моему, очень странно, что растение *Psychotria viridis*, листья которого служат одним из двух важнейших компонентов священной аяхуаски, было идентифицировано и описано ботаниками всего лишь несколько лет назад. Ведь это добрая половина всего мира аяхуаски - одно из самых широко применяемых растений в двух официально признанных религиях Бразилии, богатый и доступный источник DMT (а также NMT и, в некоторой степени, N-метил-1,2,3,4-тетрагидро-бета-карболина), никогда не применявшийся в чистом виде ни для каких нюхательных препаратов. Это растение используется только как компонент смесей - и не иначе. Наряду с ним в бразильских джунглях существует много близкородственных разновидностей *Psychotria*, уже найденных и описанных ботаниками; осталось только проанализировать их на содержание алкалоидов, и поле деятельности здесь поистине необъятно. У меня есть скромная мечта: собрать небольшую, но дружную команду из любопытных ученых, зафрахтовать плоскодонную баржу с кучей инструментов, хорошей библиотекой, превосходной кухней, винным

погребком (хотя какой погребок на плоскодонной барже?) и без малейшего намека на телефон или радио. А затем провести целый год в путешествии вверх по течению Амазонки, просто собирая коллекцию, анализируя образцы и делая записи. Многие благородные люди пытаются остановить варварскую вырубку амазонских лесов с помощью юридических аргументов, финансовых маневров, или же вводя ограничения на продажу бензопил и спичек. Но мне кажется, что наш невинный кораблик найдет совершенно иной путь к спасению джунглей.

Однако вернемся к нашей теме. Итак, в семейство Psychotria входят также растение *Coryanthe johimbe*, а кроме того, *Mitragyna speciosa* с ее митрагиновыми алкалоидами. Все эти растения, влияющие на деятельность центральной нервной системы, до сих пор игнорировались, и лишь недавно начали появляться на прилавках магазинов здорового питания в виде новых травяных препаратов.

ЛАЙМЫ, ЛИМОНЫ И АНГОСТУРА БИТТЕРС - семейство цитрусовых (Rutaceae)

Здесь мы представляем вам малоизвестное семейство, в котором есть все, что надо, и которое заслуживает чести быть упомянутым на первых страницах любой книги о триптамих. Это семейство поставляет нам изысканные ароматы и краски для палитры великих художников, смешивающих свои произведения в шейкере за стойкой бара. Но в нем есть и добрый десяток растений, которые могут служить превосходными источниками ДМТ, и, особенно, 5-MeO-DMT. Позвольте же мне лично представить вам этих героев - сперва по именам, затем по алкалоидам.

Бирманские женщины пользуются желтой косметической краской для лица, которая называется танака. Это пудра, изготавливаемая из ствола дерева, которое в быту называется "слоновьей яблоней", а в ботанике - *Limonia acidissima* (она же - *L.crenulata* или *Hesperethusa crenulata*). Обнаружено, что это растение может служить достаточным источником ДМТ, ацетамида NMT, и, что интересно, 2-метилтетрагидро-бета-карболина.

И ДМТ, и NMT есть также в листьях *Zanthoxylum arborescens* и *Z.procerum*. Но именно кора и листья последнего растения (*Z.americanum*) прославили его на весь мир как стимулятор кровообращения и средство от артритов и ревматизма. Я слышал, что это растение иногда называют "Геркулесовой палицей".

А вот род *Vepris* spp. (разыскать который мне было весьма непросто) - необычайно богатый источник ДМТ. Есть данные, что *Vepris ampodu* содержит более 0,2% ДМТ; но рядом с ним есть и другие виды, широко используемые в медицинских целях и содержащие такие алкалоиды, как хинолины и изохинолины - впрочем, о триптамих здесь предпочитают молчать.

Но теснее всего 5-MeO-DMT связан с семейством Rutaceae. На протяжении веков великое множество ценных лекарств изготавливалось из рутовых растений рода *Evodia* (иногда произносится как *Euodia* - по гречески "аромат"), поскольку настои из его листьев и цветов обладают очень сильным ароматом. Они широко распространились с Филиппин через Юго-Восточную Азию и в Китай. Некоторые из них

содержат алкалоиды фенэтиламиновой и карболиновой групп (синефрин и эводиамин);
 а в плодах и корнях *E.rutacarpa* обнаружен 5-MeO-DMT. Листья *Dutaillaea oreophila*
 содержат горденин и 2-метил-6-метокси-бета-карболин (в придачу к 5-MeO-DMT);
 а
 листья *D.durpasea* (эндемический кустарник Новой Каледонии) - только последнее из
 упомянутых оснований, зато свыше 0,4%! Это значит, что из килограмма
 истолченных
 листьев вы выделите 450 мг алкалоидной фракции, которая будет на 98% состоять
 из
 5-MeO-DMT. Кора ствола обоих растений богата хинолиновыми алкалоидами, но
 никаких триптаминов там не обнаружено. Аналогичную историю можно рассказать и
 о
 еще одном ново-каледонском растении - 30-сантиметровом кустарнике, который
 растет на вершине горы Булинда; его ботаническое название *Melicope leptocossa*. В
 его листьях содержится тот же набор алкалоидов, но 5-MeO-DMT, присутствующий
 в
 количестве 0,2%, здесь составляет лишь 35% всей алкалоидной фракции. Зато
 другой
 алкалоид этой фракции весьма занятным образом связан с катионами. Это
 кетоновый
 аналог 5-MeO-DMT, а именно 3-(N,N-диметиламиноацетил)-5-метоксилинол.
 Конечно,
 он присутствует здесь в достаточно малом количестве - но стоит заметить, что
 фармакологические свойства данного триптамина до сих пор никем не
 исследованы!

И еще один сюрприз: 5-MeO-DMT обнаружен в листьях *Pilocarpus organensis*.
 Но
 здесь, по-видимому, следует соблюдать осторожность, поскольку
 близкородственное
 растение *P.jaborandi* служит сырьем для одноименного препарата *Jaborandi* (или
Maranham) и содержит сильный холинэргик пилокарпин, который сам по себе очень
 ядовит.

ГАРМИН и ГАРМАЛИН (семейства *Malpighiaceae* и *Zygophyllaceae*)

Вот мы и добрались до второй части истории аяхуаски. Случается, что я
 невольно обижаю эти достойные растения, обзывая их "скверными свиньями". Дело
 в
 том, что я не всегда угадываю, как произносить эти самые ботанические
 названия.
 Особенности проблемы возникают с буквой "h" - часто я произношу твердо то, что
 нужно произносить мягко. Например, *Malpighiaceae* легко превращается в
 "malpiggy"; а если рядом поставить еще и *zygo-fill'a*, это будет вроде шоу
 Бенни
 Хилла. Но, несмотря ни на что, репутация этих двух семейств остается
 незапятнанной, ибо они способны активировать ДМТ, добываемый из других
 растений.
 Так, в истории южноамериканской аяхуаски ведущая роль принадлежит лиане
Banisteriopsis caapi; а в Северном Полушарии аналогичную роль играет
 сирийская
 рута (*Reganum harmala*). Аяхуаска - потрясающий напиток, который состоит всего
 из
 двух компонентов, и один из них - это бета-карболины (то есть алкалоиды

гармалы). Они служат ингибиторами ферментов, которые обычно защищают наш организм от воздействия ДМТ при пероральном приеме.

Banisteriopsis caapi (семейство *Malpighiaceae*) – это основной источник гармина (другие названия – телепатин и йагенин), гармалина (или гармадина) и тетрагидрогармина (лептафлорина). Кроме того, здесь имеется множество других алкалоидов, в большинстве своем родственных карболину. Чтобы не заблудиться в чаще их названий, нужно ориентироваться на полезную приставку "гарм-". Она означает, что в соединении присутствует один-единственный атом углерода, который

прилепился к 1-позиции и свисает с правостороннего карболинового кольца (по крайней мере, его обычно чертят правосторонним – точно так же, как Тасманию рисуют под правой гузкой Австралии, хотя это всего лишь картографическая условность). Таким образом, *B. caapi* содержит в себе несколько алкалоидов с приставкой "гарм-", включая сложный метиловый эфир гармиковой кислоты и его же

амид, а также гармалиновую кислоту. Все эти вещества имеют в своей структуре вышеупомянутый атом углерода. Алкалоиды, не имеющие этого атома в этой позиции,

обычно получают приставку "нор", свидетельствующую о том, что углерода нет на месте. Например, при наличии карбонильной группы у нас получится кетатетрагидроноргармин; а с ацетильной группой – ацетил-норгармин.

Наукой исследованы еще несколько видов *Banisteriopsis* – но скорее с этноботанической точки зрения (как компоненты аяхуаски), чем с точки зрения их

химического состава. Исключением здесь является лишь весьма интересный вид *B. rusbyana* (известный также как *B. cabrerana* и под более распространенным названием *Diplopteris cabrerana*). В его составе мы совершенно неожиданно находим

множество триптаминов во главе с ДМТ. Имеется здесь и NMT, и 5-MeO-ДМТ, и буфотенин. Напоминается интересная аналогия с инь и ян: подобно тому, как в одном всегда присутствует маленький островок другого, посреди триптаминовой фракции *B. rusbyana* обнаруживаются следы карболина (точнее, N-метил-тетрагидро-бета-карболина), а посреди карболиновой фракции *B. caapi* – следы 6-метокси-триптамина.

Второй по значению природный источник гармалинов – это *Peganum harmala*, или

сирийская рута (семейство *Zygophyllaceae*). Она богата гармином и гармалином, но

в ней можно найти и небольшие вкрапления других алкалоидов (например, вазидин и

близкие ему хиназолиновые соединения), а также серотонин и его 6-гидрокси-позициональный изомер (6-гидрокси-триптамин). Подробнее об этом будет рассказано

в главе "Хоаска, или Аяхуаска"; здесь же скажем, что эти вещества, по-видимому,

не оказывают никакого влияния на общее воздействие экстракта сирийской руты. Он

чрезвычайно популярен в современных "домашних" рецептах аяхуаски; но следует отметить, что аяхуаска, используемая в религиозных ритуалах Бразилии, до сих пор

приготавливается из двух компонентов: *Psycotria viridis* и *B. caapi*. Первый в данном случае служит источником ДМТ, второй – гарминово- гармалиновой добавкой.

ОДНОЗАРЯДНЫЕ СЕМЕЙСТВА

"Однозарядными семействами" я называю группы растений, которые иногда содержат ДМТ или родственные ему вещества, но, в общем, не представляют из себя

ничего особенного. Обычно они не имеют психоактивных свойств; алкалоиды проявляют себя лишь во время цветового теста либо в ходе психофармакологических исследований, преследующих совершенно иные цели.

Впрочем, в семействе Acanthaceae все-таки есть психоактивные растения.

Хотя

большинство южноамериканских "нюхательных" растений принадлежат к роду *Virola*,

здесь есть еще один род, *Justicia*, члены которого могут быть психоактивны сами

по себе или в сочетании с другими компонентами церемониальных препаратов.

Большинство членов рода - травы и кустарники, но здесь есть и несколько деревьев. Листья наиболее изученного вида *J. pectoralis* содержат все, что надо:

NMT, ДМТ и 5-MeO-ДМТ. Однако есть сведения, что их используют лишь в качестве ароматической добавки к популярным нюхательным смесям; поэтому неизвестно, насколько наличие триптаминов может способствовать психоактивности данного растения.

Растения семейства *Urticaceae* (например, крапива) известны всем и каждому. Некоторые роды этого семейства были проанализированы на наличие алкалоидов, но

большинство из них не содержит никаких триптаминов кроме обычного серотонина.

Есть основания полагать, что "римская крапива" (*Urtica pilulifera*) содержит буфотенин, но ни одно из этих растений не проверялось на наличие ДМТ или 5-MeO-ДМТ.

Семейство *Lauraceae* объединяет в себе виды лавров и лавровишен. Здесь нет и

намек на ДМТ, но некоторые родственные ему триптамины все же были обнаружены.

Например, в коре бразильской разновидности лавра, *Nectandra megapotamica*, содержится довольно много NMT; а в разновидности *Umbellularia californica*, распространенной в Орегоне и на калифорнийском побережье, имеется буфотенин. Несколько видов *Persea* spp. также подверглись анализу, но в них был найден только серотонин.

Семейство *Chenopodiaceae* состоит из марей и амарантов. Следы NMT были обнаружены здесь в нескольких родах, включая *Arthrophytum leptocladum*, *A. wakhanicum*, *Girgensohnia diptera*, *Haloxylon scoparium* и *Hammada leptoclada*, -

но лишь в ничтожно малых количествах, о которых не стоит и говорить.

В семействе *Ochnaceae* есть один камерунский древовидный кустарник, *Testulea*

gabonensis, который содержит и ДМТ, и NMT (вместе с его формамидом) в коре ствола. В семействе *Aizoaceae* ДМТ и NMT содержатся в некоторых видах рода *Delosperma*. Точно так же в семействе *Poligonaceae*, согласно некоторым сведениям,

ДМТ-содержащие виды обнаружены в роде *Eriogonum*.

Внося последние дополнения в одно из приложений, я буквально споткнулся о

еще одно семейство - *Loranthaceae*, в которое входит растение-паразит омела. Ее

ягоды, по видимому, содержат 1-этилтриптамин, фармакологические свойства которого не изучены; но следует отметить, что это настоящий изомер ДМТ с

1-этилом вместо N,N-диметила).

Я не знаю, как их используют местные жители; и я уверен, что упустил из виду множество рассыпанных там и сям мелких драгоценностей; но вся изученная мною ботаническая литература пока что свидетельствует о том, что в остальных семействах нет ни малейшего намека на ДМТ.

Здесь я сделаю краткое, но информативное отступление о повсеместной распространенности очень простой молекулы N,N-диметилтриптамина, или ДМТ. Это одна из самых маленьких и самых простых молекул триптаминового мира, и, что важнее всего, это буква T в слове TINKAL, вынесенном в заглавие этой книги.

ДМТ

уже сыграл (и, очевидно, продолжает играть) роль поворотного пункта в философии

лекарственных средств и в постоянном диалоге между медициной и законом.

Действительно ли "натуральные" препараты безопаснее синтетических? ДМТ был

сперва синтезирован в лаборатории и несколько десятилетий числился среди "синтетических" препаратов, пока наконец не был выделен из растительного сырья.

После этого он превратился в "натуральный" препарат. От этого не изменилось ровным счетом ничего – кроме позиций, занимаемых его сторонниками и противниками. Конечно, и в "синтетическом", и в "натуральном" ДМТ неизбежно остаются следы других веществ, которые выдают его происхождение. Но никто никогда не докажет, что эти следы могут существенно влиять на действие препарата.

Может быть, все натуральные источники ДМТ со временем исчерпаются или будут

уничтожены? Нет и еще раз нет. Ведь только в этой главе описана добрая сотня таких источников; и нетрудно предположить, что еще много сотен просто-напросто

неизвестны науке. Они прячутся и от этнофармакологов, и от борцов с наркотиками:

ведь далеко не каждое подозрительное растение поддается простой проверке жеванием или глотанием. Неактивность ДМТ при пероральном приеме заставляет проявлять изобретательность в поиске его новых источников.

В Интернете есть этнофармакологи, которые постоянно исследуют разные растения и сообщают о результатах. Культовое применение аяхуаски в Бразилии изучается все более и более тщательно и внедряется в идеологию США и Западной Европы. Об этом уже писали Маккена, де Корн, Отт, Рэч (Raetsch), Пенделл, Столарофф и многие другие. В некоторых европейских странах уже официально признана допустимость (и даже ценность) научных и личных исследований в области

расширения собственного сознания при помощи различных средств, включая психоделические препараты. Этот здоровый и честный подход когда-нибудь укоренится

и в Соединенных Штатах. Впрочем, противникам ДМТ есть о чем задуматься уже сегодня.

Сможем ли мы когда-нибудь выяснить, какую роль играет ДМТ в качестве нейротрансмиттера или действительного лиганда биохимии мозга? Я боюсь, что это

может случиться где угодно, только не в США и не при моей жизни. Вспомним о том,

что подобные исследования были запрещены несколько лет назад (как раз тогда, когда было сделано предположение о нейротрансмиттерной роли ДМТ) и с тех пор не

разрешались ни под каким видом. Первый шаг, который следует сделать в этом направлении – это отмена необдуманных антинаркотических законов и

правительственного контроля над медицинскими и научными исследованиями. Ведь

сегодня получить разрешение для научной работы с препаратами "списка Э1" - дело настолько сложное, что просто отропь берет. Пожалуй, прогресс в этой области вскоре будет достигнут где-нибудь в Западной Европе - в одной из стран, где хранение данных препаратов и работа с ними не преследуются законом. Но в США политические выгоды пока что ставятся выше медицинских. В результате о психоделиках продолжают рассказывать всякие ужасы вместо того, чтобы изучать их по-настоящему.

БИОСИНТЕЗ

Синтез - это превращение вещества А в вещество Б; а тот, кто совершает это превращение, называется химиком. Обычно весь процесс происходит так: химик берет вещество А, затем находит лабораторный стакан, мешалку, колбу, паровую баню, обратный холодильник, и кипятит "А" в течение нескольких часов, затем фильтрует, экстрагирует, концентрирует, дистиллирует и кристаллизует. Я занимаюсь тем же самым: успешно синтезирую "Б" из "А" с 67%-ным выходом, используя стандартную технику "in vitro". Это и называется синтетической химией - по крайней мере, так скажет вам любой химик, которого вы встретите на регулярной полугодовой конференции Американского Химического Общества. Единственный живой предмет, участвующий в данном процессе, -- это сам химик, который трудится за лабораторным столиком, взвешивает, отмеряет и, наконец, выносит полученный продукт на обозрение фармакологов или патентоведов. Конечный продукт "Б" (цель всех совершенных операций) опять-таки не имеет никаких признаков живого существа: он был зачат в лабораторной чашке и выношен в пробирке.

Но химик может превратить "А" в "Б" и совершенно иным способом. Что, если он растворит "А" в чашке воды или закатает в желатиновую капсулу, а потом проглотит? В этом случае его тело послужит химическим сосудом, а его печень или легкие дадут средства, необходимые для синтеза. Затем химик должен в течение 48 часов собирать свою мочу, а затем экстрагировать, концентрировать, дистиллировать и кристаллизовать ее. В этом случае он синтезирует "Б" из "А" с 67%-ным выходом, используя стандартную технику "in vivo". Здесь лабораторная посуда сделана не из стекла (vitro), а из живой плоти (vivo). Все биохимики и фармакологи, раз в полгода собирающиеся в Бостоне на свою Фармакологическую и Экспериментально-Терапевтическую конференцию, беседуют о метаболизме, биоконверсии и роли тех или иных ферментов. Это тоже синтез, но уже полностью зависящий от живого организма.

Существует еще много промежуточных уровней химических реакций, на которых встает вопрос об использовании того или иного жизненного процесса. Вся эта глава посвящена живым системам - грибкам, кораллам, водорослям, травам, цветам,

деревьям, лягушкам.

Человек способен учиться у природы, способен понять механику роста деревьев и созревания плодов – для этого нужно только терпение. Такая учеба чем-то напоминает синтез *in vivo*: мы берем живое существо и пытаемся присоединиться к нему в его мире. Но как назвать процесс, при котором живое существо превращается в препарат, а все дальнейшие операции над ним производятся уже в лабораторной посуде? Как назвать процесс, при котором искусственно выращенные дрожжевые грибки сбраживают раствор сахара? Как назвать процесс, при котором исходный материал "А" подвергается воздействию ферментов пуповины новорожденного ягненка или ферментной фракции печени живого кролика, используемой в качестве реагента? Что это: *in vitro* или *in vivo*?

Я хотел бы завершить эту главу тремя примерами таких "двусмысленных" химических операций. В сущности, это будет рассказ о том, как человек "простирает руку свою" на иные живые системы, которые находятся между живым миром природы и неодушевленным миром лаборатории.

Первый пример касается недавнего сообщения об остроумном способе синтеза индолов, разработанном в Германии. Представьте себе доблестно растущую грибницу, которая умеет извлекать из своего рациона натуральный ДМТ и (с помощью активного, но не слишком подавляющего фермента, способного "прилеплять" к триптамину гидроксильную группу) превращать его в псилоцин. Эта грибница иногда справляется даже с 4-гидроксильрованием, но это уже не важно. Главное, что исходным материалом этого хитроумного синтеза натуральные грибы избрали ДМТ. Конечный продукт синтеза – 4-гидрокси-ДМТ (псилоцин), и это все, что делает данный организм и на что он способен. Имеется исходный материал, совершается синтез, выходит конечный продукт. И этот продукт, который составляет самую суть знаменитых Волшебных Грибов, теперь можно выращивать на грядке или в лаборатории!

Но давайте слегка изменим исходный материал. Пусть наша маленькая грибная фабрика продолжает работать – мы лишь уберем из нее ДМТ и заменим его чем-нибудь вроде ДЕТ. Грибы продолжают работать, гидроксильция происходит, но в результате мы получаем 4-гидрокси-ДЕТ – интересное вещество и активный психоделик, впервые синтезированный лабораториями Sandoz, но совершенно не встречающийся в природе. Не исключено, что грибница, политая МІРТ, начнет производить 4-НО-МІРТ – вещество, обладающее всеми свойствами псилоцина, но, насколько я знаю, до сих пор не запрещенное ни одним законодательством. Таким образом, можно эксплуатировать естественный процесс, обеспечив его искусственным исходным материалом – и в результате получить продукт, которого до сих пор не существовало в природе! И грибы, которые его синтезируют, так никогда и не узнают, что послужили почвой для чужого семени.

Как-то раз мне довелось узнать про одну очень занятную особенность нашего законодательства. Дело в том, что оно не запрещает никаких грибов. Запрет касается только активных компонентов этих грибов, т.е. псилоцина и псилоцибина.

В законе упомянуты только четыре растения, и еще два проскользнули туда благодаря одной некрасивой махинации. Согласно Списку Веществ, Подлежащих Контролю (1970), это кактус пейот, конопля, опиумный мак и кустарник кока. В силу некоторых административных маневров сюда прибавились *Tabernanthe iboga* и *Catha edulis*, причем никто не оспаривал их включения в список. Но грибы *Psilocybe* spp. не упоминаются нигде. Они вполне законны. Хотя, если они содержат

в себе вещества, упомянутые в Списке Э1, они вполне могут расцениваться как упаковка, в которой эти вещества транспортируются и доставляются к потребителю.

А теперь подумаем вот о чем: если некая несчастная разновидность грибов содержит

в себе запрещенные индольные соединения, то можно ли иметь при себе эти грибы на

законных основаниях? Конечно, у нас уже есть Билль об Аналогах Веществ, Подлежащих Контролю (1986); но прежде, чем объявить то или иное вещество "аналогом" псилоцина, необходимо доказать, что оно действительно способно оказывать аналогичное воздействие. То есть, для того, чтобы синтез этого неизвестного вещества считался уголовным преступлением, необходимо преднамеренно

испытать его на каком-нибудь человеке. Занятно, не правда ли? Ну, не станут же

они (т.е. судьи) цитировать эту книгу! А даже если и станут, им всегда можно ответить, что это чистый художественный вымысел.

Однако перейдем ко второму примеру нашего диалога *in vivo - in vitro*.

Одним

из первых моих наставников был профессор медицинской химии из Сан-Франциско, который провел часть своей аспирантуры в Италии, в лаборатории некоего профессора микробиологии. Там он изучил процесс производства и использования культурной среды для выращивания грибов. В частности, он открыл, что некоторые

грибки (например, эрготовые) замечательно выращиваются в хлебной квашне.

Одним

из них, насколько я помню, был эрготовый грибок *Claviceps paspali*. Из литра стерильной среды, зараженный чистой пробой данного организма, впоследствии выходили сотни миллиграмм пропаноламида лизергиновой кислоты. Затем (возможно, я не помню всех подробностей - как-никак, двадцать лет прошло) этот алкалоид кипятили в толуоле, чтобы отбить аминспирт и выделить лизергиновую кислоту, которую, при должном старании, можно было превратить в несколько сотен миллиграмм ЛСД.

Господи! Всего лишь литр жидкой кашицы -- и несколько десятков тысяч доз кислоты? Но мой наставник не осознавал своих возможностей и, быть может, не осознает их и до сих пор. Однако этот случай свидетельствует о том, что доступ к

зловещему тартрату эрготамина не обязательно является прелюдией нелегального производства психоделиков.

И еще один пример. Почти все интересующие меня производные ДМТ синтезируются в растениях на основе аминокислоты триптофана. Чтобы произвести такую трансформацию, растение должно прибегнуть к одному из двух возможных приемов. Во-первых, оно может декарбоксиллировать триптофан, получить триптамин и

затем метилировать его; во-вторых, оно может метилировать триптофан, а затем декарбоксиллировать его. Если при этом должно произойти ароматическое замещение

(например, гидроксिलирование в 5-позицию), то оно может иметь место на любой

промежуточной стадии. Оба обязательных этапа реакции обеспечиваются ферментными системами, которые вполне резонно названы декарбоксилазами и N-метил-трансферазами. Короче говоря, превращение триптофана в ДМТ – это некий ферментативный процесс, при котором метиловые группы могут быть добавлены как до, так и после декарбоксилирования.

Исходным пунктом этого биосинтеза ДМТ служит триптофан. Это важнейшая аминокислота, один из основных составных блоков белка; сама по себе она используется как мягкое седативное средство и вот уже много лет продается в любом магазине здорового питания. Однако несколько лет назад ведущие японские фирмы сократили процесс ее синтеза на одну ступень, в результате чего аминокислота оказалась загрязнена следами токсичного побочного продукта и начала вызывать так называемый "эозинофило-миалгический синдром" (ЭМС). Источник заболевания вскоре был найден и устранен, и триптофан снова мог поступать в продажу как безрецептурный медикаментозный препарат. Но в период всеобщего замешательства FDA все-таки успел наложить ограничение на торговлю аминокислотами. И, хотя кризис уже остался позади, сегодня триптофан можно приобрести только при наличии рецепта. Мы еще вернемся к этой теме, когда будем обсуждать способы синтеза триптамина.

А теперь поговорим об N-метилованных триптофанах. Монометилованные и триметилованные алкалоидные аминокислоты можно найти практически во всех тропических кустарниках и вьющихся растениях из семейства бобовых. N-метилтриптофан иногда называют абрином. Его добывают из семян чрезвычайно ядовитого растения *Abrus precatorius*, которое часто путают с другими красносемянными растениями семейства бобовых, упомянутыми в соответствующем разделе этой главы. Там я говорил о семенах и растениях, а здесь расскажу об их компонентах. Есть три довольно похожих слова: абрин (*abrine*) – аминокислота, абрин (*abrin*) – выделенная белковая фракция, и "абрус" (*Abrus*) – первоначальное название семян растения, и собственно говоря, его родовое название, зафиксированное в Британском Фармацевтическом Кодексе. Об аминокислоте неизвестно почти ничего, кроме того, что она присутствует в семенах в количестве 5%; что же касается выделенного абрина, то он состоит из белков, которые весьма эффективно препятствуют агрегации эритроцитов и служат сильнодействующим клеточным ядом. Смертельная доза абрина для лабораторной мыши (при инъекции) составляет один микрограмм. Смертельная доза для человека, по-видимому, составляет около миллиграмма, то есть примерно столько, сколько содержится в одном таком привлекательном и ярком семечке.

Но прежде всего нам стоит обратить внимание на один триметилованный триптофан -- четвертичную соль N,N,N-триптофана (она же бетаин триптофана) и монометиловый аналог абрина, который был обнаружен в семенах *Abrus precatorius*, а также в листьях, стволе и корнях этого растения. Есть он также и в семенах съедобной чечевицы (*lens culinaris*), *Pterocarpus officinalis* и некоторых видов рода *Erythrina* (см. историю о красных бобах), которые более известны как вместилище совершенно оригинальных алкалоидов почти индольного происхождения, объединяемых в класс эритродинов. Они также обнаружены и в растениях рода *Sida*, принадлежащего к совершенно другому семейству *Malvaceae*. Это *S.acuta*, *S.cordifolia*, *S.rhombifolia* и *S.spinosa*; все они содержат гипафорин или его

сложный метиловый эфир в корнях, стволе и листьях. Данная четвертичная соль триптофана представляет собой очень сильный конвульсивный яд, и это следует учитывать при выделении любых алкалоидов из вышеперечисленных растений. Но следы

этого вещества обнаруживаются и в корнях некоторых бобовых рода *Glycyrriza*, которые служат сырьем для производства лакрицы, но при этом содержат заметное количество гипафорина.

И моно-, и триметилтриптофан могут быть выделены из растительного сырья в виде сложных метиловых эфиров. Абриновый метиловый эфир был обнаружен в *Sida cordifolia*. Еще один богатый источник подобных веществ – ядовитый горошек из Австралии. Здесь есть группа бобовых рода *Gastrolobium*, которые известны в народе под общим названием "ядовитых": ядовитый кустарник, ядовитый узколист, ядовитый лавр и т.д. Есть отдельный отчет по *G.gallistachys*, где упоминается о наличии в данном растении сложного метилового эфира абрина. Сложный метиловый эфир гипафорина был выделен из *Abrus precatorius*. Интересно, что N,N-диметилтриптофан – гомолог гипафорина, который может быть превращен в ДМТ путем простого декарбокислирования, довольно редко встречается в растительном мире. Я знаю один единственный отчет, где упоминался этот сложный метиловый эфир, обнаруженный в корнях и листьях растения *Pultanea altissima* (семейство бобовых).

Вся эта выставка метилированных триптофанов устроена здесь с одной целью: показать, что они могут служить биосинтетическими прекурсорами метилированных триптамина. Есть несколько многообещающих сообщений о синтезе ДМТ из суспензионных культур отдельных клеточных линий барвинка *Catharanthus roseus*, где "искусственное" применение определенных ферментов использовалось в "пробирочном" синтезе алкалоидов, которые не свойственны барвинкам в естественном виде. И даже бетаиноподобный четвертичный гипафорин (в *lens culinaris*) может выводить триметиламин в процессе метаболизма, "доразвивая" его до еще одного потенциального синтетического прекурсора – индолакриновой кислоты.

И последний комментарий. Почти сорок лет назад один исследователь из Национального Института Духовного Здоровья (Мэриленд) обнаружил в легких кролика фермент, способный перемещать одну метиловую группу из аминокислоты S-аденозил-метионина в триптамин. С помощью этой системы из серотонина можно получить N-метилсеротонин, из N-метилсеротонина – буфотенин, из триптамина – N-метилтриптамин, а из N-метилтриптамина – ДМТ. Ну, просто сундучок фокусника! Необходимо подготовить всего лишь два фермента: один должен уметь метилировать S-аденозил-гомоцистеин в S-аденозил-метионин, а другой должен уметь регенерировать S-аденозил-гомоцистеин, передавая метиловую группу какому-нибудь амину. Два катализатора нагреваются в камере до 37 градусов, через капельную воронку воронку сверху добавляем триптамин, а внизу получаем готовый ДМТ. Вот и вся наука – а технические детали оставим для инженеров.

Итак, мы совершили междисциплинарную пробежку по многим областям науки. Каждая из них содержит фактическую информацию, которая помогает понять взаимосвязь между человеком и химией, между человеком и природой. Мы часто

приходим в отчаяние при виде разных юридических и социальных преград, которые укрепляются день ото дня. Но даже камень не вечен. Берлинская Стена считалась непреодолимой – но она пала. Советская "империя зла" казалась вечным врагом нашей страны. Сейчас ее уже нет. И в нашей Химической Войне тоже нужно бороться

до конца, доблестно и смело. Быть может, завтра они объявят, что война кончилась

– но никогда не признаются, что потерпели в ней поражение. Мы должны действовать

мягко, но непрерывно. Как сказал Самюэль Джонсон, "для терпения и умения нет почти ничего невозможного".

ГЛАВА 16. ХОАСКА, ИЛИ АЯХУАСКА

(Говорит Шура)

Начнем с объяснения названия этой главы, "Хоаска, или Аяхуаска".

Различие

между этими двумя названиями отчасти связано с историей, отчасти с современным

словоупотреблением, а также с необходимостью зафиксировать кое-какие сведения в

алфавитном порядке. Проще всего (хотя и не совсем точно) будет сказать, что выбор названия зависит от места, в котором вы живете. Хоаска – португальское название данного напитка, а аяхуаска – его испанское имя. Однако сегодня я уже

не могу подписаться под таким утверждением, поскольку слышу оба термина от людей, которые хорошо говорят и по-испански, и по-португальски. Еще более осложняет дело тот факт, что (насколько мне известно) слово "хоаска" является чем-то вроде товарного знака, запатентованного UDV (Uniao de Vegetal) церковью

Бразилии. Ни один священный напиток, пусть даже приготовленный из тех же самых

растений, не станет хоаской до тех пор, пока его не благословит Местре Габриэль;

и именно Местре из UDV решают, кому назначать это лекарство. С другой стороны,

суффикс "-хуаска" успешно применяется во многих сложных словах: например "гайяхуаска" (растительные снадобья, которые не являются хоаской), "фармахуаска"

(комбинации, в которые входят аптечные лекарства), "эндохуаска" (естественное смешение предметов в мозге). А недавно я слышал даже такие новосозданные термины, как "акацияхуаска" и "мимозахуаска" (снадобья, приготовленные из листьев акации и мимозы). И я подозреваю, что, если кто-нибудь в порядке эксперимента сварит напиток из нюхательного порошка йопо и цветков страстоцвета,

то это зелье тут же будет названо анаденантерахуаской или пассафлораинкарнатахуаской. Вот так. Далее я намерен называть "хоаской" любые амазонские напитки (пусть даже и не получившие высочайшего благословения); а все, что варится за пределами Амазонии, я буду называть "аяхуаской".

Совсем недавно на одном собрании, посвященном культуре хоаски, некий докладчик сообщил, что это слово состоит не из двух слогов (WAS-ka) и не из четырех (EYE-ah-WAS-ka), но из двух с половиной слогов. Тут он произнес нечто среднее между ee-WAS-ka и eye-WAS-ka; но, поскольку сам он был уроженцем Нью-Йорка, его верхне-манхэттенский акцент поведал мне не столько о бразильских

гласных, сколько о его личном способе их восприятия.

Еще одно различие между хоаской и аяхуаской напрямую связано с темой данной главы и заключается в том, что состав этого напитка может быть очень разным. Термин "аяхуаска", конечно же, может употребляться в связи с религиями и национальными культурами Амазонии; но существует также много других, местных названий: каапи, лаге, йахе, мии, дапа, натема и пинде (причем некоторые из них обозначают не столько сам напиток, сколько его компоненты). Две церкви, о которых будет сказано ниже, употребляют описательные названия "дайме" и "вегеталь". Термин "хоаска" преобладает в культурном контексте современной Бразилии и обозначает напиток, приготовленный по строго определенному рецепту.

Однако его популярность уже перешагнула границы этой страны, а идея смешивать два препарата распространилась и извратилась настолько, что даже термин "аяхуаска" сегодня является лишь одним из многих, хотя в последние несколько лет именно он начал применяться повсеместно и приобрел почти мистическое звучание.

Количество любительских исследований в этой области неуклонно возрастает: сегодня они ведутся во многих странах мира и, разумеется, в Соединенных Штатах.

Буквально каждый месяц я узнаю о какой-нибудь новой комбинации растений, которую опробовали и сочли вполне пригодной. И все они простодушно именуются "аяхуаской". А сколько еще самодельных аяхуасок было опробовано и признано негодными – об этом можно только догадываться.

Популярность термина "аяхуаска" во многом связана со стремительным разрастанием движения "Нью Эйдж", философия которого слеплена из визионерства, траволечения, культа здоровья и природы. Дикари тропических лесов и пустынь считаются здесь последними хранителями природной мудрости. Многочисленные книги об альтернативных способах жизни уже сделали свое дело: слова "шаманизм" и "аяхуаскеры" прочно вошли в наш современный язык. А в последнее время появились даже специальные работы, посвященные аяхуаске: например, *Ayahuasca Analogues* Джонатана Отта, или *Ayahuasca Visions* Луиса Эдуардо Луны и Пабло Амаринго. И редкая работа по этноботанике или шаманизму обходится нынче без раздела (пусть даже самого крошечного), посвященного аяхуаске или аяхуаскеру.

Аяхуаска имеет очень древнее происхождение: традиция ее употребления возникла раньше, чем появилась письменность. Она является неотъемлемой частью древних религий и медицинских техник всех аборигенов Амазонии, вплоть до возвышенностей Колумбии, Эквадора и Перу. Многие исследователи сообщают о ее использовании в шаманизме (особенно в лечебных ритуалах). К сожалению, многие из лидеров этой культуры сегодня считаются "гражданами второго класса", поскольку с трудом говорят на западных языках и ничего не смыслят в политике. И даже более того: большинство южноамериканцев считает местных индейцев грязными, тупыми и ленивыми тварями, которые тормозят весь прогресс. Религиозная жизнь Южной Америки сегодня обходится практически без участия индейцев.

Но вернемся к термину "аяхуаска". Это модное слово тоже очень расплывчато. Например, в Перуанской Амазонии так называют напиток, приготовленный из растения

Banisteriopsis caapi без каких-либо добавок; тем же самым словом называют и это растение, и любые экстракты из него. Само слово "аяхуаска" происходит из языка индейцев кечуа, где оно означает "лоза душ" или "лоза мертвых". В других регионах можно встретить другие названия: например, колумбийское слово "яхе" дало название соответствующей алкалоидной фракции Banisteriopsis caapi -- ягеин (также называемый телепатином, поскольку ему приписывают некие телепатические свойства). Основные алкалоиды этой фракции – гармин, гармалин и тетрагидрогарман; все они подробно описаны в рецептурной части данной книги. Однако никакого ДМТ здесь нет.

Напиток аяхуаска широко используется в Амазонии, Перу, Эквадоре, Колумбии и Бразилии – впрочем, чаще всего его применяют не для видений, а для очистки желудка и кишечника. В связи с этим его называют "ла пурга" или "ла лимпия". Другие названия аяхуаски – такие, как "камарамти" или "чауа" – связаны с грязно-бурым цветом самого экстракта; прочие растения, добавляемые в экстракт, обычно называются "миша". В большинстве случаев полевые исследования аяхуаски принадлежат этнографам и антропологам, поэтому многие из добавляемых растений до сих пор не идентифицированы.

Очень важный момент здесь заключается также и в том, чтобы отделить лечебное применение аяхуаски, свойственное шаманизму, от ее религиозного применения, о котором будет сказано ниже. В изначальном культурном контексте шаман сам принимает аяхуаску для того, чтобы поставить диагноз и вылечить пациента. Некоторые элементы такого подхода сохраняются и в современном религиозном обиходе (групповое исцеление); но в последнее время пациент все чаще сам участвует в лечении, принимая аяхуаску как лекарство.

Хоаска – одна из множества аяхуасок, предназначенная, главным образом, для потребления в рамках религии. Это смесь двух совершенно определенных растений – своего рода чай, приготавливаемый из коры Banisteriopsis caapi и листьев Psychotria viridis. Рецепт предписывает залить смесь водой, дать прокипеть, слить с осадка и затем кипятить до тех пор, пока экстракт не станет коричневым и киселеобразным. Самыми лучшими специалистами по изготовлению и применению хоаски считаются члены некоторых религиозных группировок, центр которых находится в Бразилии. Самые известные из этих организаций – это уже упоминавшаяся UDV и Санто Дайме. А теперь попытаемся взглянуть на хоаску глазами приверженцев этих религий.

Самой крупной из перечисленных церквей является Uniao de Vegetal (UDV). По-португальски эта аббревиатура произносится как "Оох-дэй-ВАЙ). За ней следует Церковь Санто-Дайме (произносится как ДАЙЕ-ме). Наряду с этими двумя церквями, существует еще много более мелких религиозных объединений (вроде "Баркина" или "Комундиата 2000"), использующих хоаску в как святое причастие. Однако мы оставим в стороне все эти незначительные организации и рассмотрим две основных церкви – их философию, структуру и терминологию.

Церковь UDV была основана в 1960-е гг. Собирателем каучука по имени Габриэль, который в свое время познакомился с аяхуаской и воспринял ее как магический напиток. Он собрал вокруг себя общину, состоявшую из европейцев, индейцев и бразильских негров; ее члены называли себя "кабокрос". Мотивы архаической мифологии, элементы католического вероисповедания, боги и духи джунглей сплелись здесь воедино, и так возникла новая церковь, UDV. Основной ее

заповедью стала абсолютная вера в святость всего, что растет в джунглях, а главным символом этой веры – священный напиток хоаска. Сегодня церковь объединяет более 6000 верующих и подразделяется на множество общин (в настоящее время – 55), число которых растет день ото дня. Они называются нуклеос (т.е. "ядерные частицы"). Члены UDV принадлежат к относительно состоятельным слоям среднего класса, имеющим достаточно высокие доходы и хорошее жилье; лидеры общин носят титул Местре (Мастер). Среди верующих встречаются врачи, юристы, банкиры, политики и т.п. Предметом особой гордости для большинства из них является полное избавление от некоторых "дурных привычек" – таких, как курение табака или употребление алкоголя.

Церковь Санто Дайме несколько старше: она была основана еще в 1930-е гг. И также возникла из группы кабокрос. Ее полное официальное название – "Учение Святого Дайме", а ее членов называют "даймистами". Затем от не отделилось шесть или восемь сект (или "союзов"), одной из которых и является UDV. Каждая секта Санто Дайме состоит из множества общин, которые также называются "нуклеос" и, как правило, связаны с земледелием, а также с мелким и средним бизнесом. Лидеры общин носят титул Падриньос ("батюшки") и считаются более духовно развитыми. Члены церкви в большинстве своем принадлежат к классу "синих воротничков". Они менее замкнуты в социальном плане, чаще приглашают гостей на свои богослужения и более терпимы к курению табака. Хоаска (или дайме) играет в этих общинах главную роль и практически заменяет алкоголь. Но лейтмотив деятельности Санто Дайме (впрочем, как и UDV) – это исцеление. Здесь считается, что большинство болезней нашего тела проистекает от болезней духа и исцеляется также через дух. На вопрос о происхождении названия Санто Дайме мне отвечали по-разному. Одни утверждали, что Дайме -- это имя святого. Другие – что оно происходит от глагола "давать"; таким образом, название церкви переводится как "Святой Дай-мне". Третьи полагали, что само слово "санто" может означать не только "святость", но и "исцеление"; а потому название церкви должно переводиться как "Даруй мне исцеление". Однако не надо забывать, что сами даймисты называют словом "дайме" хоаску.

Впрочем, здесь стоит упомянуть и о том, что правительство Бразилии относится к употреблению наркотиков, в общем, довольно консервативно. Однако позитивная социальная позиция и здоровый облик обеих церквей, а также их значительные успехи в борьбе с алкоголизмом заставили правительство пересмотреть

свое отношение к хоаске и разрешить ее использование в качестве святого причастия. Такое фактическое разрешение употребление психоделиков в религиозном контексте, по-моему, является очень важным прецедентом, свидетельствующим о том, что подобная философия социально приемлема и для Соединенных Штатов. У нас уже действуют небольшие группы, возникшие из ответвлений бразильских церквей. Нетрудно догадаться, что они стараются поменьше говорить о хоаске – по крайней мере, до тех пор, пока их полезная деятельность не получит всеобщего признания.

Для приготовления хоаски используются два растения: *Banisteriopsis caapi* (старое название -- *Banisteria caapi*) и *Psychotria viridis*. *B.caapi* – лиана, которую члены UDV считают мужским компонентом хоаски и называют "силой". В народе ее называют марири, в Церкви Санто Дайме – ягубе. В ее состав входят несколько бета-карболинов, которые являются ингибиторами моноаминоксидазы (MAO) и позволяют ДМТ, содержащемуся во втором элементе хоаски, оказывать должное воздействие при пероральном приеме. Лозу молотят до тех пор, пока не получится смесь порошка и мякоти. Недавно я выяснил, что *B.caapi* – не один, а два вида растений, но ботаники, по-видимому, еще об этом не знают. Один из них – это мягкая лоза, известная под названием тукунака и распространенная, главным образом, в более прохладных областях Бразилии. Другой вид – это крупная, иногда ветвящаяся лиана с толстыми "узлами", которая называется каупури и произрастает в бассейне Амазонки. Когда растения пересаживают из одного климата в другой, их отличительные признаки сохраняются, что свидетельствует о генетическом различии этих разновидностей. Хоаска, приготовленная из каупури, вызывает более тяжелые симптомы общей интоксикации, чем продукт из тукунаки. Ее побочные эффекты (рвота, понос, судорожное подергивание глазных яблок и мышечный тремор) могут быть очень сильными, что свидетельствует о большем (или совершенно ином) содержании алкалоидов. Но эта теория нуждается в проверке.

P.viridis – второй элемент хоаски. Это кустарник, листья которого считаются женской половиной состава, или "Светом". В народе это растение называют чакрона или чакруна, а в Церкви Санто Дайме – королевой (ла райнья). Ее листья собирают только женщины. Это растение содержит в себе *N,N*-диметилтриптамин – вещество, благодаря которому хоаска приобретает психоделические свойства.

Детали процесса приготовления хоаски (т.е. ритуала, который члены UDV называют "препаро", а даймисты – "фетисио") в каждой общине свои, однако его основные процедуры просты и неизменны. Это экстракция, разделение и концентрация. Стебли и ветки лозы *Banisteriopsis caapi* тщательно обмолачивают, чтобы отделить кору. Затем измельченную массу перемешивают с листьями *Psychotria viridis*, высыпают в большой котел (чаще всего алюминиевый), добавляют воду и кипятят до тех пор, пока экстракт приобретет темную окраску, а измельченная масса осядет на дно. После этого жидкость сливают с осадка и кипятят до тех пор,

пока она не превратится в совсем темную гущу, имеющую характерный гнилостный запах. Это и есть хоаска.

Учение UDV утверждает, что на самом деле на человека воздействует не хоаска, а "буррачерия", или "Чужая Сила". Сам напиток обычно называют ча ("чай")

или вегеталь ("отвар из растений"). Критерии качества "чая" -- это его "сила" и/или "свет".

Хотя оба основных компонента хоаски были проанализированы уже много раз, химический состав самого напитка до сих пор не вполне понятен. Но выяснить его

необходимо: нужно проверить, какие изменения могут произойти с алкалоидами в результате долговременной экстракции и концентрации, которая обычно производится

на открытом воздухе и сопровождается помешиванием. Кроме того, если готовая хоаска долгое время находится в открытом сосуде, в нее могут попасть определенные примеси, вызывающие брожение (хотя, скорее всего, этот процесс не затрагивает алкалоидную фракцию).

Множество анализов дайме из различных общин церкви Санто Дайме неизменно показывали наличие в напитке двух карболиновых алкалоидов - гармина и тетрагидрогармана, а также ДМТ, но в несколько меньшем объеме. Кроме того, здесь

было отмечено незначительное количество гармалина. В одном случае (когда хоаску

рассмотрели под микроскопом) было обнаружено значительное количество дрожжевых и грибковых микроорганизмов.

Члены UDV пьют "чай" только во время особых ритуалов - так называемых "сессий". Обычно "сессии" происходят раз в две недели. Предводитель церковной общины (Местре) вручает каждому участнику отдельную дозу хоаски, которую тот употребляет в один прием. Затем все сидят с закрытыми глазами и слушают музыку;

при этом у некоторых могут начаться видения. Иногда аяхуаска проявляет свое очистительное действие: кое у кого из участников начинается рвота или понос. В

этом случае работники церкви оказывают ему помощь. После этого подготовительного

этапа начинается "духовное очищение", в ходе которого проявляет себя "силовой"

компонент напитка. Этот период называется мирасао и считается побочным эффектом;

он длится около двух часов. При частом приеме хоаски он становится короче. После

него разум становится необыкновенно просветленным и всепонимающим; обычно это состояние сопровождается мышечным тремором. В течение этого периода между прихожанами и Местре происходит стихийное взаимодействие. Так проявляет себя "световой" компонент напитка. Участники ритуала задают вопросы и получают ответы, непрерывно обмениваются мнениями между собой и со своим Местре. Затем Местре поет песню; это значит, что сессия закончена. После этого собравшимся дается немного времени, чтобы привести себя в порядок, и они расходятся по домам

- обычно к концу четвертого часа.

Соотношение между периодом мирасао и всем остальным богослужением лучше передать словами очевидца:

"Когда я столкнулся с UDV, я был поражен и до сих пор поражаюсь уровню их

организации и исследовательской работе, системе их межобщинных контактов и царящему в общинах духу любви и братства. Я всегда буду благодарен им за то, что испытал и чему научился. Мои первые сессии были очень мощными и как бы собрали воедино все аспекты моей предыдущей работы. Но по мере повторения сессий я увидел, что интенсивные переживания приходят ко мне все чаще. Обычно в них не было ничего страшного. Позже я стал отслеживать закономерности возникновения тошноты и рвоты и начал спрашивать, зависит ли это от того, как сварен "чай". Старые прихожане считают, что тошнота – это своего рода очищение, избавление от ядов, епитимья или даже наказание за грехи. Лично мне больше всего мешают видения: они отвлекают меня от того, что сообщает причастие, и я вынужден переносить их до тех пор, пока не услышу настоящий голос".

На богослужениях Санто Дайме используется тот же "чай", но сам ритуал здесь совершенно иной. Он называется "инарио"; во время него дайме раздают дважды, с интервалом примерно в два часа. В течение всей службы прихожане хором поют гимны и исполняют синхронный и монотонный танец, который называется "байладо". Когда какой-нибудь танцор устанет, зрители отводят его в сторону и дают отдохнуть. Ритуал инарио происходит вокруг стола, сделанного в форме шестиконечной звезды. Периодически в церкви происходят специальные ритуалы, которые называются "Концентрациями" и "Звездными Трудом". "Концентрация" совершается два раза в месяц; здесь, как и во время инарио, прием дайме повторяется через определенные промежутки времени. Участники усаживаются в фиксированной позиции (голова поднята, спина ровная, руки и ноги не перекрещены) и около часа хранят молчание. Благодаря этому энергия начинает свободно циркулировать в теле; затем ее направляют в общий поток, который идет на благо всех больных, как принадлежащих, так и не принадлежащих к общине.

Ритуал "Звездных Трудом" предназначается специально для больных. Богослужения по этому случаю обычно проходят в особых "Звездных Домах", которые имеются только у крупных общин и предназначаются только для ритуалов исцеления. Это шестиугольный храм, в центре которого установлен стол в форме Звезды Давида; на нем стоят благовонные палочки и другие культовые предметы – например, католические иконы со святыми и Христом или портреты покойных даймистских лидеров. Повсюду расставлены свечи. Мужчины садятся отдельно от женщин. Вокруг стола стоят двенадцать стульев для избранных гостей, а остальные участники сидят на скамейках вдоль стен. После раздачи дайме собравшиеся начинают хором петь гимны, чередуя пение с периодами глубокого молчания. Затем падриньо произносит особую проповедь, которая регулярно прерывается пением дополнительных гимнов и раздачей дополнительных доз дайме.

Таким образом, UDV придает основное значение приему аяхуаски, а Санто Дайме - организации групповой структуры. Это различие лучше всего охарактеризовать словами одного падриньо:

"Ритуал определяет все. Даже в начальной школе ритуал необходим для лучшего запоминания материала. Я думаю, когда мы все достигнем духовного развития, нам не понадобятся никакие ритуалы, потому что тогда мы сами станем ритуалом. Христос не нуждался в ритуалах - он сам был ритуалом. Он просто приходил и раздавал хлеб и вино. Сегодня наш ритуал - это сила Христа, сильнее, чем в католической церкви. Но это всего лишь элемент, который помогает понять веру и управлять ею. Ритуал - это сосуд, в который налит напиток знания. Он только придает жидкости форму; главное - не изменить само содержимое. Напиток непредсказуем. Какова цель ритуала? Мы отделяем женщин от мужчин, чтобы разделить мужскую и женскую энергии. Потом люди сидят сосредоточенные и пьют дайме. Нету здесь такого: один голову повесит, другой ноги задерет. Должен быть полный порядок. Вот такой у нас ритуал".

Общественный облик обеих церквей также совершенно различен. UDV - более закрытая организация, склонная избегать рекламы и внешних контактов. Они считают, что вся их роль состоит в развитии сильной социальной структуры для повышения ценности каждой отдельной личности. Даймисты более непосредственны. Спасение нужно обрести сейчас, потому что завтра весь мир может погибнуть, -- таков их взгляд на жизнь. Обе церкви вносят в свои структуры много элементов христианской этики, но подходят к ней с совершенно различных сторон. Они различаются примерно так же, как "Армия Спасения" и "Свидетели Иеговы". Но обе церкви верят в то, что священная хоаска позволяет услышать голос Бога.

Постепенное распространение информации о психофармакологических свойствах хоаски привело к тому, что идея комбинирования психотропных препаратов становится все более и более популярной. В настоящее время такие опыты производятся почти повсеместно и давно уже не ограничиваются двумя вышеописанными южноамериканскими растениями. Экспериментаторы комбинируют не только одно растение с другим, но и растения с синтетическими препаратами; а иногда все сводится к одновременному приему двух совершенно синтетических препаратов. В результате возникает невероятно сложная картина, напоминающая уравнение с тысячей переменных.

Каждый из двух элементов этого социального эксперимента может быть выбран из огромного списка возможностей, благодаря чему ситуация приобретает "второе измерение". Ведь даже с одним препаратом возникает множество проблем: индивидуальная дозировка зависит от качества препарата, а в случае использования растительного сырья - от концентрации активного вещества. А если таких препаратов два? А если их принимают не одновременно, а один за другим, выдержав паузу - что нужно принимать сначала, что потом, и какой должна быть пауза? И возможно ли в этом случае, чтобы два исследователя независимо друг от друга поставили бы один и тот же эксперимент? Я подозреваю, что любые попытки как-то упорядочить этот ералаш обречены на провал. Ведь даже основополагающее понятие о

том, что один препарат способен помогать другому (то есть замедлять его метаболическое разрушение) совершенно затерялось в этой каше. Но при этом многие экспериментаторы все равно норовят назвать свой коктейль аяхуаской.

Здесь я попытаюсь изложить дальнейший материал таким образом, чтобы перейти от двух специфических растений, входящих в состав хоаски к более широкому обзору многочисленных растений и препаратов, которыми можно заменить каждый из этих двух компонентов. Короче говоря, речь пойдет о том, что я называю аяхуаской. При этом я сделаю основной акцент на замене растений (количество которых ограничено, а воспроизведение затруднено) химикатами, которые обладают бесконечным разнообразием и воспроизводятся в неограниченных количествах. Таким образом, сперва мы рассмотрим комбинации "растение + растение" (из которых изучены лишь немногие), а затем – растительно-химические комбинации, где один или два изначальных компонента заменяются химикатами или комбинациями химикатов. Сведения о полностью химических "коктейлях" разумнее будет поместить в рецептурной части этой книги – где они, собственно говоря, и находятся.

Из США и Европы уже поступило множество сообщений о применении тех же растений, которые служат неизменными компонентами южноамериканской хоаски. И UVD, и Санто Дайме уже имеют много общин вне Бразилии и все больше и больше утверждаются в качестве общепризнанных религий. Цели и философия этих церквей, содержащийся в них христианский элемент и направленность на оздоровление и здоровье везде приходится ко двору. Определенную роль здесь играет и их святое причастие, т.е. хоаска. Сырье для нее можно ввозить из Бразилии, но можно производить и из растений, выращенных на месте. И *Banisteriopsis caapi*, и *Psychotria viridis* не запрещены законом и хорошо приживаются в США. Растет число ботанических фирм, специализирующихся на производстве семенного материала, черенков и саженцев, которые заполняют постоянно растущий рынок.

Но не только святое причастие способствует этому. Нельзя сбрасывать со счетов и стремительное возрождение научной этнофармакологии. Эта наука постоянно исследует окружающую среду в поисках веществ, которые способны помочь человеку или научить его чему-то новому. Так уж сложилось, что чаще всего этот поиск был связан с изучением препаратов, традиционно применяющихся или применявшихся в культуре народов разных удаленных уголков мира. Но сегодня этнофармакологами можно назвать многих жителей Запада, которые просто исследуют природу, желая лучше понять ее, учиться у нее и использовать ее.

Исследование растений, не входящих в классическую пару *B.caapi* – *P.viridis*, и объединение их в пары, где одно содержит ингибитор, а другое – ингибируемое вещество, можно назвать "аяхуасковой ботаникой". Я использую здесь термин "аяхуаска", чтобы сохранить различие между новоизобретенными смесями и более классической, жестко определенной бразильской хоаской. Слово "аяхуаска" сегодня употребляется очень широко и обычно обозначает смеси, в которых по крайней мере один из двух компонентов чаще является синтетическим веществом, чем растительным

препаратом. В начале главы я уже приводил примеры неологизмов, включающих в себя

суффикс "-хуаска"; однако слово "аяхуаска" кажется мне более адекватным.

Вне зависимости от названия, каждый из этих двух компонентов играет строго

определенную роль. Один из них сам по себе не психоактивен, но, попав в человеческий организм, препятствует разрушению тех препаратов, которые не могут

быть восприняты человеком в чистом виде. Другой компонент сам по себе психоактивен, но быстро и эффективно разрушается в человеческом организме. Таким

образом, один компонент служит допускающим фактором, а второй оказывает допускаемое воздействие.

Но как зовут игроков этих двух фармакологических команд? Роль *Banisteriopsis caapi* обычно принимает на себя (по крайней мере, в США) растение

Peganum harmala. Оно почти монополизировало это право, хотя рядом с ним есть несколько альтернативных источников бета-карболинов – например, семена *Tribulis*

terrestris, действие которых уже проверено на людях. Но *P.harmala* – богатый источник гармалина и гармина, вполне доступный в домашних условиях. Если в местном магазинчике индийских или арабских товаров еще не понимают этого латинского названия, попросите у них эсфанд – и вы получите то, что надо. Вы будете поражены, но они продают это благовонное семя фунтовыми и даже пятифунтовыми пакетами! При этом оно содержит большинство алкалоидов, имеющих

в *B.caapi* и может служить вполне аутентичной заменой этому компоненту классической хоаски.

Поиски достойной замены для *P.viridis* позволят вам применить больше фантазии. В принципе, здесь можно использовать любое ДМТ-содержащее растение, и

эффект настоящей хоаски будет обеспечен. В природе существует много источников

этого распространеннейшего алкалоида; отчасти они уже были перечислены в главе о

"вездесущем ДМТ". Еще один алкалоид, требующий защиты от разрушения – это 5-MeO-DMT, который также можно выделить из многих натуральных источников. Он тоже неактивен при пероральном приеме в чистом виде. Однако в последнее время кое у кого возникает стремление сделать вторым компонентом какой-нибудь другой

препарат, причем такой, который вполне активен при пероральном приеме. Здесь уж

я не вижу вообще никакой логики. Я слышал об аяхуасках, вторым компонентом которых был ЛСД, мескалин, грибы, дурман и даже декстрометорфан. Почему-то считается, будто *P.harmala* служит усилителем воздействия, хотя на самом деле она

лишь помогает воздействию проявиться. Однако здесь вы можете задать мне важный

вопрос: если *P.harmala* не потенцирует другой препарат и не является его синергиком, а просто позволяет его воздействию проявиться при пероральном приеме,

– значит, она сама по себе обладает неким фармакологическим действием. Но каково

это действие?

В ответ я приоткрою завесу тайны и посвящу вас в сложные законы академического мира, в пеструю магию его территориального права и

эгоцентрических причуд. Дело в том, что историки фармакологии муссируют вопрос о

P.harmala уже в течении многих лет. В Ригведе – древнейшей священной книге индуизма – есть много упоминаний об опьяняющем напитке, известном под названием

"Сома". Многие исследователи сломали себе головы, пытаясь узнать, из чего же состоял этот напиток. Многие из моих друзей уверены, что точно знают ее состав –

и поверьте мне, их мнения совершенно не совпадают!

А теперь позвольте познакомить вас с Р. Гордоном Уоссоном. Он был одним из самых

выдающихся исследователей, авантюристов и писателей, которых я знаю. По образам

анию он был финансистом и банкиром, но затем, вместе со своей женой Валентиной,

открыл мир Волшебных Грибов и тем запечатлел свое имя в истории. Он исследовал множество великолепных загадок, которые привели его в мексиканский штат Оахака, в масатекский мир Марии Сабины, а затем (около сорока лет тому назад) заставили выступить в *Life Magazine* с заявлением, которое произвело эффект разорвавшейся бомбы. Он рассказал всему миру о характере психофармакологического воздействия, обнаруженного у грибов рода *Psilocybe*. Я не

уверен, что его подход к микологии можно назвать научно-исследовательским, но нет никакого сомнения, что он был одним из самых выдающихся микологов-любителей

– в полном смысле этого слова. Любовь к грибам передалась ему от жены, и он стал

страстным приверженцем грибной науки. Изучение грибов было для него скорее приключением, чем профессиональным занятием; и это воодушевляло его искать грибные мотивы во всем, с чем сталкивались его исследования. Я помню одно собрание в Порт Таунсенд, Вашингтон, на котором присутствовали мы оба; он представлял там свою научную статью о преобладании изображений грибов в раннем

искусстве Центральной Мексики. Во время лекции он продемонстрировал каменную фигурку, весьма похожую на плодовое тело гриба. По его словам, она свидетельствовала о том, что грибы служили священным предметом в культуре и религии древней Мексики. Тут из зала был задан следующий вопрос: поскольку данная фигурка имеет примерно тот же диаметр, что и мячи, использовавшиеся для

ацтекских игр, то не проще ли предположить, что она просто служила болванкой, по

которой отливались мячи? Ведь шляпка имеет форму полусферы; а если две каучуковых полусферы склеить вместе, то получится один каучуковый мяч. Но этот

вопрос остался без ответа: его просто-напросто проигнорировали. С точки зрения

Уоссона, эта каменная штучковина могла быть только грибом, и ничем иным. И когда

он решил, что Сома, должно быть, изготавливалась из грибов *Amanita muscaria*, он

тут же подобрал все необходимые доказательства для этого тезиса.

А теперь позвольте познакомить вас с Дэвидом Стофлетом Флэттери. Он тоже ученый, исследователь и автор замечательной книги "Хаома и гармалин". Здесь он,

столь же убедительно аргументируя свою позицию, утверждает, что Сома вполне могла изготавливаться из семян *Peganum harmala* (гармалы, горной руты или дикой

руты). В наше время ее обычно называют сирийской рутой, но в более старых книгах она называется "африканской", в старинных европейских фармакологических справочниках – "semen Harmalae sive rutae silvestris", в древнем фольклоре Среднего Востока – Хаома, а на современном Востоке более известна под названием "эсфанд". По своим внешним признакам она вполне подходит под ведические описания растения Сомы. Это кустарник, растущий в степной Азии, на Иранском нагорье, а также в Афганистане и Северном Тибете – то есть, во всех областях, где зафиксированы исторические упоминания о Соме. Она служит источником популярного красителя, которым красят турецкие фески и персидские ковры. Из семян ее также делают масло, которое продается в Египте под названием "зит-эль-хармель" и известно как афродизиак и наркотик. И, наконец, употребление семян руты обычно приводит к опьянению, что уже вплотную подводит нас к решению древней загадки Ригведы.

Однако здесь нужно быть очень осторожным, поскольку в биологических классификациях древней Персии термин "рута" употребляется очень обобщенно *Peganum harmala* и *Ruta graveolens* считаются здесь дикорастущей и культурной разновидностями одного и того же растения. Классические источники обоих родов имен тоже синонимичны: "peganon" – это рута по-гречески, а "ruta" – то же самое по-латыни. Но современные ботаники относят эти растения к двум различным семействам (*Zygophyllaceae* и *Rutaceae*), поскольку они имеют совершенно разное морфологическое строение. Сегодня название *R. graveolens* относится к руте обыкновенной – европейскому растению, которое использовалось в средневековой медицине как стимулирующее и возбуждающее средство; оно было связано с народным колдовством и служило символом покаяния. Ее часто можно увидеть на клумбах, в том числе и на моей (семена я купил на Мексиканском рынке, что на 24-й улице в Сан-Франциско). Ее листья издают острый запах, который кому-то нравится, а кому-то напоминает кошачью мочу. Очевидно, именно из-за запаха садовую руту иногда используют в кулинарии, но у меня нет никаких оснований считать ее опьяняющим средством.

Но вернемся к *P. harmala*. Каково будет действие этого растения, если употребить его в чистом виде, а не в смеси с другими компонентами? Об этом сообщают несколько исследователей, которые принимали семена руты в достаточно большом количестве. Чаще всего они измельчали семена, заливали их водой (обычно слегка подкисленной) и кипятили. Если *P. harmala* – это действительно Сомы, то ее экстракт должен оказать заметное воздействие, соответствующее древним сведениям об этом напитке.

Вот описание недавнего опыта, которое может нам кое-что объяснить:

"Я кипятил одну унцию (28 грамм) семян *Peganum harmala* в литре воды в течение семи часов, затем слил с осадка и выпарил экстракт до половины объема. В результате получилась коричневая горькая микстура, которую я выпил. Где-то через

сорок пять минут меня охватила приятная расслабленность, я сел и начал созерцать окружающее. Я отметил, что все предметы, попадавшие в поле моего зрения, были окружены множеством контуров. Даже малейшее движение тела вызывало у меня тошноту, и я отступил в тихую и темную пустоту. Здесь на меня постепенно нахлынула волна гипнагогических образов, совершенно непохожих ни на что знакомое. Это были фрактальные узоры, которые сперва казались мне абстрактными, но затем очень быстро превратились в нечто вроде листовенных зарослей, которые были совсем рядом со мной, и начали разрастаться, заполняя все поле зрения. Первоначальные спиральные схемы разворачивались в реалистические картины с сине-зеленым отливом. Я видел автобусы, несущиеся по улицам, перекрестки, толпу в супермаркете. Эта визуальная фаза продолжалась почти час, затем началась очень сильная тошнота. После того, как меня сильно вырвало, я попытался снова расслабиться, но период видений, очевидно, уже кончился".

Здесь стоит иметь в виду, что в данных семенах гармалина и гармина примерно поровну, тогда как в *V.саарі*, из которого варят классическую аяхуаску, преобладает гармин. Оба алкалоида – активные ингибиторы аминоксидаз, которые вырабатываются в организме, чтобы защитить нас от ядов типа ДМТ. Существует много типов ингибирования оксидации, но я должен признать, что не умею различать их. Даже если мы составим самую подробную классификацию, в любой момент может обнаружиться какой-нибудь неспецифический способ ингибирования, который разрушит всю нашу четкую картину. В данном случае важен сам факт, что в природе существуют некоторые вещества, которые были бы для нас ядовитыми, если бы механизм их обезвреживания вдруг застопорился. Когда человек принимает определенные серотонинергические или антисеротонинные препараты (которые служат ингибиторами ферментов), у него могут быть серьезные неприятности из за маринованной сельди, красного вина или некоторых сыров. Действие многих антидепрессантов, применяемых в медицине, основано на их способности ингибировать механизм моноаминоксидазы, в связи с чем они могут быть весьма опасными для потребителей аяхуаски. Некоторые из этих препаратов успешно использовались вместо *V.саарі*. Чистые синтетические гармалин и гармин будут обсуждаться в рецептурной части данной книги.

Я был намерен собрать несколько отчетов об употреблении аяхуаски, в состав которой входили бы сирийская рута и любой аминовый препарат, указав при этом приблизительное количество гармина/гармалина, содержащегося в руте. Однако этот план тут же пришлось отложить в сторону, когда я узнал, что в семенах руты есть и другие алкалоиды. Тетрагидрогармин не вызвал никаких затруднений: он хорошо известен и легко понять, какую роль он здесь играет. Но как быть с алкалоидами, которые не принадлежат ни к бета-карболинам, ни к триптаминам? Я не знал о них ничего. Я просто взглянул на хроматографический анализ метиленхлоридного экстракта (pH9) семян *P.harmala*, чтобы проверить соотношение между гармином и гармалином – и увидел высокий и широкий пик такой же молекулярной массы, как и у простейшего гидрокси-тетрагидро-бета-карболина. Но здесь был и менее высокий,

более ранний и острый пик, в котором явно не хватало гидроксильной группы. Может быть, это простейший из возможных тетрагидро-бета-карболинов - сам тетрагидро-бета-карболин? Я не мог вспомнить, чтобы кто-нибудь отмечал его наличие в *P.harmala*. И 6-НО-ТН-бета-С, и сам ТН-бета-С образованы из серотонина и триптамина (с формальдегидом) и, согласно некоторым сведениям, были обнаружены в мозгу крысы; часто их связывают с шишковидной железой. Последнему соединению было присвоено совершенно непривлекательное название "триптолин". Это, по крайней мере, позволяет использовать номенклатуру на основе серотонина, но в дальнейшем порождает такие химерические названия, как меттриптолин (литературный синоним тетрагидрогармана). Однако вся эта странная номенклатура касается только крыс, но никак не растений и не людей.

В химии (а также в физике и, наверное, во всех экспериментальных науках) существует одно старинное правило: хочешь заявить об открытии - подожди до завтра. Однажды (несколько десятков лет тому назад) мы с Дэвидом Ладдером "по уши увязли" в сумахе ядоносной. Я приготовил гексалиновый экстракт и мы внесли его в масс-спектрограф. Всем известно, что фенольные алканы и алкены с С-15 характерны для обыкновенного сумаха, а С-17 - фирменная марка его ядоносной разновидности. Так оно и оказалось. Мы обнаружили ожидаемый пучок четких пиков, все разной степени насыщенности, в позиции С-17. Но мы обнаружили точно такую же корзину в позиции С-21. Здесь в каждой молекуле было 4 дополнительных атома. Вот это да! Неужели никто не замечал их раньше? Неужели никто не смотрел масс-спектр так далеко, и эти штуки просто не попадали в поле зрения? Да ведь это же открытие века! Но на другой день мы стали искать альтернативные объяснения этому феномену, и наконец спросили оператора масс-спектрографа, какой газ-носитель он использовал. Оказалось, что это был изобутан, который как раз имеет те самые четыре атома углерода. По нашей просьбе оператор перезарядил масс-спектрограф аммиаком, и на этот раз область С-21 оказалась абсолютно чистой.

Но вернемся к истории с гидроксид-тетрагидро-бета-карболином. Я поискал эту эмпирическую формулу в Индексе Мерка и обнаружил, что здесь указано соединение, о котором я никогда раньше не слышал - какой-то вазинин. Этот алкалоид хиназолиновой группы, также называемый пеганином, был выделен из *P.harmala* Шпетом в 1934 г. И алкалоид без гидроксильной группы тоже оказался уже известным: он назывался дезоксипеганин. А еще здесь обнаружился кетонпеганин, по структуре очень похожий на метаквалон; соответствующую иллюстрацию можно увидеть в рецептурной части, в разделе о гармалине.

Итак, все кривые моего "новооткрытого" ТН-бета-С вполне логично свидетельствовали о наличии хорошо известных хиназолиновых оснований. В исследуемых семенах обнаружился васционин и дезоксивасционин. Я был слегка разочарован тем, что не открыл в сирийской руте никаких новых алкалоидов. Но

зато я обнаружил другой ошеломительный факт: в *P.harmala* содержится достаточно высокий процент дополнительных веществ, из-за которых фармакологическое действие самого растения и его смесей с другими растениями или химикатами может быть весьма непредсказуемым.

И вот, возжаждав нового глотка вдохновения, я погрузился в фармакологическую литературу, чтобы узнать как можно больше о действии этих неизвестных мне алкалоидов. О Боже! оказывается, они умеют все! В то время, как гармин и гармалин ингибируют моноаминоксидазу, спасая от разрушения вещества типа ДМТ, дезоксипеганин служит мощным ингибитором совсем другого фермента – ацетилхолинэстеразы, то есть детоксификатора, который выводит из синапсов нейротрансмиттер ацетилхолин, когда необходимость в передаче сигнала от одного нерва отпадает. Если этот трансмиттер не удастся разрушить после использования, нервная система начинает воспаляться и порождает симптом парасимпатического токсикоза, для которого характерны угнетение сердечных мышц, расширение сосудов и усиленное выделение слюны и слез. Антихолинэргики непременно входят в состав самых лучших инсектицидов и нервно-паралитических газов. По своему антихолинэргическому действию вазизин раз в десять слабее дезоксипеганина, но он зарекомендовал себя как хороший бронхолитик для человека, а также как уретротоническое и abortивное средство (в опытах на животных). Эти алкалоиды также найдены и в других растениях – например, в *Andhatoda vasica*, от которой и пошло название "вазизин". Листья и цветы близкородственного этому виду *A.vasicina* издавна считаются хорошим средством от простуды, кашля и бронхита. Кроме того, выяснилось, что кормовое бобовое растение *Galega orientalis* тоже является известным источником вазизина и, по занятному стечению обстоятельств, называется "козлиной рутой"! До чего же увлекательное дело – гоняться за фактом, пока он не выведет тебя к другому факту! Еще немного, и эта цепь ботанико-химических ассоциаций заведет нас в такие захватывающе-новые места, где и не пахнет южноамериканским священным напитком. Но пора вернуться к нашей теме. Напоследок скажем лишь, что в сирийской руте есть и серотонин, и позиционный изомер 6-гидрокси-триптамина с совершенно иным фармакологическим профилем.

Хватит говорить о побочных эффектах второстепенных компонентов растительного сырья. Уделяя им слишком много внимания, мы загружаем ими подсознание потребителя, и это может вызвать у него "неожиданные" осложнения. По сравнению с процентным содержанием бета-карболинов, которые позволяют использовать *P.harmala* как замену *V.saari* в аяхуаске, количество прочих алкалоидов довольно незначительно.

Впрочем, и с основными алкалоидами здесь возможны такие отклонения и колебания, что я решил не заикливаться на точной дозировке чистых веществ, а выяснить количество семян, необходимое для желаемого воздействия.

Но все же: какое количество бета-карболинов содержится в данном количестве семян *P.harmala*? Имеющиеся сведения позволяют заключить, что их количество

колеблется в довольно широких пределах (от двух до шести процентов), а это значит, что один грамм семян может содержать от двадцати до шестидесяти миллиграмм алкалоидов. Но здесь вступает в действие еще одна коварная переменная. Между весом и объемом существует вполне определенная разница. Столовая ложка семян может весить два с половиной или три миллиграмма; а японский стаканчик для сакэ – уже от трех до пятнадцати грамм. И количество алкалоидов в каждой из этих "единиц измерения" тоже может колебаться от десятой

доли миллиграмма до сотен миллиграмм и даже до полграмма. Типичной индивидуальной дозой *P.harmala* обычно считают чайную ложку без "горки", то есть

три грамма или около тысячи семян (если у вас есть лупа и хватит терпения, чтобы

их сосчитать). Это довольно приблизительный способ измерения, но он действует.

Кое-что об активности экстрактов из семян вы найдете в рецептурной части (в разделе о гармалине). Как переводить чайные ложки в граммы – постарайтесь догадаться сами.

Когда экстракты *P.harmala* используются в смеси с аминсодержащими веществами, они производят потрясающий эффект даже в достаточно малых дозах. Это

значит, что экстракта семян в данном случае нужно взять гораздо меньше, чем экстракта *B.саари*. Итак, что же происходит, когда вы принимаете семена *P.harmala*

вместе с каким-либо другим компонентом? Однажды, находясь на конференции в Геттингене, я повстречал одного исследователя-энтузиаста, который разработал замечательную схему для изучения этих аспектов аяхуаски. Он начертил обыкновенную таблицу; в горизонтальную строку вписал названия возможных ингибиторов (6-метокси- и 7-метокси-замещенные производные гармана, гармалан и тетрогармалан), а в вертикальную – два основных парэнтерально активных триптамина (DMT и 5-метокси-N,N-DMT). Затем в каждую клетку заносилась доза соответствующей комбинации веществ, которую согласился принять доброволец, а после опыта к ней добавлялась зеленая, желтая или красная звездочка, которые обозначали, что данный препарат либо не подействовал, либо подействовал, но очень слабо, либо подействовал как следует. Автор проекта хотел, чтобы каждый член исследовательской группы выбрал себе клетку (то есть назвал препараты, которые он будет употреблять в этот день) и определил дозировку, которая удовлетворила бы его любопытство. После завершения эксперимента исследователь ставил бы в эту графу звездочку соответствующего цвета, помеченную инициалами участника. Это была прекрасная идея, которая, несомненно, помогла бы собрать много ценной информации; но я так и не знаю, была ли она реализована. Мне кажется, что она так и осталась в области фантазий.

В большинстве известных мне опытов с аяхуаской семенами *P.harmala* принимались

перорально вместе с очищенным DMT. Я знаю несколько десятков таких примеров, как

из литературы (главным образом, из *Ayahuasca Analogues* Отта), так и из личных сообщений многих экспериментаторов. Не имея под рукой разноцветных звездочек, постараюсь составить словесное описание их результатов. Обычно эксперимент происходил следующим образом:

1) Доброволец принимал три грамма слегка размолотых (для очистки от шелухи)

семян *P.harmala* в желатиновых капсулах. Иногда семена вываривались в водной суспензии, слегка подкисленной лимонным соком. При этом их иногда мололи, иногда

нет.

2) В течение часа после этого доброволец принимал 75 мг ДМТ, также в желатиновых капсулах. Временной интервал между приемом *P.harmala* и ДМТ мог быть различным. В некоторых случаях оба компонента принимали одновременно, а иногда - с 10-20-минутным перерывом. Обычно одного часа вполне хватало для абсорбции бета-карболиновых алкалоидов. Прием ста миллиграмм ДМТ вместо семидесяти пяти давал более ярко выраженный, но вполне приемлемый результат.

Известные мне сообщения о приеме *P.harmala* вместе с 5-метокси-N,N-ДМТ довольно разнообразны. По-видимому, малые количества обоих компонентов дают достаточно скромные результаты; но, с другой стороны, в двух случаях прием больших доз обернулся настоящим отравлением. Вот что случилось, к примеру, после дозы в пять грамм семян *P.harmala* (водный экстракт) и десяти миллиграмм 5-MeO-ДМТ (принятых 35 минут спустя):

"В течение первого получаса наблюдался легкий галлюциноз, значительно углубившийся в следующие полчаса. Возникли странные телесные ощущения, которые вскоре ослабли, в связи с чем я испытал некоторое облегчение. Но облегченное состояние продержалось всего лишь полчаса и неожиданно изменилось к худшему. К

концу второго часа внезапно сформировалось симпатомиметическое состояние, и в течение трех следующих часов я подвергался интенсивной стимуляции с сильным сердцебиением и странными галлюцинациями. Эти эффекты имели волнообразный характер: десять минут сильнейшего адренэргетического стресса без заметного психического компонента, затем минута или две "нормального" состояния, затем - галлюциноз, подобный тому, что наступает после приема больших количеств *P.harmala*, но более интенсивный. Странно, но на следующий день я чувствовал себя здоровым, хотя в тот момент мне казалось, что у меня сердечный приступ или обширный аневризм сосудов головного мозга".

Еще в одном случае прием практически тех же доз *P.harmala* и 5-MeO-ДМТ привел к сильной рвоте, временной потере зрения и памяти, и продолжительной бессоннице. В третьем случае при неизвестной дозировке тех же препаратов наблюдались сердечно-сосудистые симптомы, подобные вышеописанным. Эти примеры довольно красноречиво свидетельствуют о том, замена ДМТ на 5-MeO-ДМТ - дело, требующее осторожности, и здесь нельзя руководствоваться расчетами, основанными на парэнтеральном приеме. Еще один опыт с аяхуаской из *P.harmala* или чистых карболинов и ксенобиотических триптаминов будет обсуждаться в рецептурной части данной книги.

Информация об опытах с аяхуасками из *P.harmala* (в качестве ингибитора аминазы) и других растений или растительных экстрактов, содержащих ДМТ, встречается не столь часто. Это, пожалуй, один из самых "точных" аналогов классической хоаски, поскольку здесь так же используется только растительное сырье. Однако такие смеси мало изучены. В большинстве опытов ингибитором служила все та же *P.harmala*, а вторым компонентом - какой-нибудь из популярных заменителей *Psychotria viridis*. В случае, когда напиток готовился из натуральных листьев *P.viridis*, он, как ни странно, не произвел никакого действия. В случае с корой *Desmatus illinoensis* эффект был довольно умеренным; зато применение

экстракта трав Phalaris spp. позволило испытать подлинную магию аяхуаски.

Я пришел к выводу, что при адекватном количестве ингибитора (три грамма семян P.harmala) интенсивность ощущений полностью зависит от количества ДМТ, содержащегося в потребляемых растениях. Никогда не следует забывать о том, что

данные о содержании алкалоидов, взятые из научной литературы, могут серьезно подвести нас, поскольку в живой природе оно очень зависит от времени суток, фазы

роста, оплодотворенности или неоплодотворенности, и даже от того, на какой стороне холма сорвано растение. Если в организм поступает много ДМТ, а вы уже приняли достаточное количество ингибитора, то с вами может случиться нечто очень сильное – и очень страшное.

Позвольте процитировать здесь пространный отчет об опыте со смесью "растение + растение", в котором превосходно описаны агония и экстаз аяхуаски.

Данные события имели место после приема трех грамм P.harmala вместе с неизвестным (но, скорее всего, значительным) количеством экстракта листьев дерева Asacia phlebophilla. Взгляните на мир и реальность глазами этого юного авантюриста, который в течение двух часов, не выходя из своего дома, пережил "силу" и обрел "свет", озаривший путь его исканий.

"В ту субботу, в 14:15, я проглотил в один прием чайную ложку "с горкой" молотых семян гармалы и запил их водой. Спустя десять минут я выпил чашку отвара, тоже в один прием. И через пятьдесят минут все стало очень-очень странным.

Трое из нас сидели в передней моего дома. Здесь у меня был запасной матрас и вся музыкальная аппаратура; а в соседней комнате, кажется, спала моя подружка.

Мне сказали, что надо устроиться поудобнее. Я принес из большой комнаты вещмешок, улегся на нем и стал глядеть на прозрачные гардины с цветочным орнаментом. Тут они начали двигаться. Цветы как будто вылезли из материи и висели на разном расстоянии от нее. Они выделялись на фоне материи, были гораздо ярче. Жалюзи шевелились. Не было ни оттенков, ни теней, ни линий. Только по одному цвету на каждый предмет.

Цветы мерцали, гардины начали дышать, а потом потекли на пол, словно дым из

бутыли с жидким азотом. Тут я закрыл глаза, и начались видения. Я чувствовал, что в этот момент понимаю в них все, и, если бы я пришел в себя прямо сейчас, мне было бы о чем порассказать. Но...

Вдруг меня начало подташнивать, и я решил не тянуть с этим делом, потому что

не знал, что будет дальше: ведь прошло всего пять минут, а эффект уже превзошел

все мои ожидания. Я заставил себя поблевать в ведро. После этого начались сильные галлюцинации, и вскоре я перестал различать, что я вижу закрытыми глазами, а что открытыми. Я не знаю, что я делал все это время. Я почувствовал

какое-то движение в кишках, и испугался, что обкакался. У меня было все в порядке, но я все-таки решил прогуляться в туалет – просто на всякий случай.

Все вышло из берегов. Этот дом уже не был моим домом. Я шел по какой-то галерее, вроде коридора, но не знал, куда ведет какая дверь. В ванной горел свет; наверное, там уже кто-то сидел, но я все равно вошел туда. Галлюцинации шли полным ходом, но я совсем не считал, что выбрал неудачное время для посещения туалета. Чувство времени куда-то пропало. Ванная, несомненно, была

моей. Здесь была та же самая ванна, тот же умывальник и какая-то незнакомая дверь, которую кто-то открыл передо мной. Галлюцинации шли со страшной силой, пока я не сел на унитаз – да, мне все-таки удалось расстегнуться, спустить штаны

и усесться. И тут вселенная изменилась...

Я оставил свое тело сидеть на унитазе и был выброшен в пространство, в котором все было совсем по-другому. Видения с закрытыми глазами были абсолютно

не от мира сего, свободными по форме, перетекающими от одной сцены к другой. Я

шел через огромные разъезжающиеся двери, летел в космических кораблях, видел невообразимо сложные и безумные дороги и скоростные трассы, плыл сквозь пространство, которое я никогда не смогу описать как следует. Там были существа,

серые штучки в желтую полоску, вроде мелких грызунов, и еще какие-то змеевидные

предметы. И, особенно, глаза. Они глядели из каждого изгиба дороги, из каждой змеи, из-под двери. Но это меня не испугало. Мне было просто интересно, что они

все тут делают и что они видят.

Видения шли невероятно интенсивным потоком, и было просто невозможно уследить за всеми. Я запомнил лишь мысль о том, что все это бессмысленно, и я должен попытаться как-то проанализировать эти образы, но, если я постараюсь что-то запомнить, я точно ничего не запомню. Цвета моих видений все время были

одни и те же: ярко-розовый, серый, свежий желтый, глубокий темно-синий, пурпурный, красный. Все тона были жутко контрастными. Здесь не было "скучных цветов": все было раскрыто как в компьютерной игре.

Поле моего зрения тоже очень изменилось. В нормальном состоянии я успеваю

рассмотреть за один раз только один предмет, а здесь моим полем зрения была вся

полусфера, и мое тело (вернее, все мое существо) было точкой в этой странной вселенной. Точка не имела тела, она просто плавала в этом виртуальном пространстве мозга. Я мог принимать сообщения из этой виртуальной полусферы, но

у меня никак не получалось даже чуть-чуть осмыслить ее. Она была слишком быстрой, сложной и интенсивной.

Тем временем мое тело вроде бы прокакалось. Я так и не понял, случилось ли

это на самом деле, но решил, что мне пора подтереться. Я повернулся вправо (туда, где, по-моему, была туалетная бумага) и вдруг заметил слева плакат группы

Valhalla. Но это же надо! Там кругом были буквы, и я видел слова, но не мог их

прочитать. Я не мог представить себе, что комбинации букв имеют какой-то смысл.

Прямо передо мной была пустая белая стена. Некоторое время я смотрел на нее, но

уже не помню, что я там увидел. Наконец я добрался до туалетной бумаги, но никак

не мог найти конец рулона. Я хватал его, вцеплялся в него, но все ускользало как

дым. Наконец мне удалось стрести кусок бумаги в кулак. Я посмотрел на свою руку

и не увидел там ничего, но я знал, что там бумага. Я попытался что-то подтереть,

но, когда посмотрел вниз, то увидел, что ноги исчезли. Нет-нет, все в порядке.

Вот они. Они снова появились. Как же я собираюсь подтереться, если все исчезает.

И тут моя рука как-то сама собой все сделала. Я уже не помню, как я встал, застегнулся, вымыл руки и все такое. Но я помню, что сказал ребятам, что хочу сесть в свое любимое кресло. Каким-то образом я оказался в кресле. Я сидел с пустым ведром на коленях и уже мог не бояться, что меня вырвет.

Да мне и нечем было блевать. Последний раз я ел в пятницу, в час дня, а сейчас была суббота, три часа дня. А весь сегодняшний опыт начался в 2:40, то есть всего 20 минут назад!

Через некоторое время, когда видения начали ослабевать, я начал беседовать с "нянькой". Мы почти все время прохихикали, и больше времени ушло на то, чтобы проверить, можем ли мы общаться, чем на само общение. Но обоим понравилось. Иногда я пытался заняться проверкой, могу ли я ощущать свое тело. Труднее всего было понять, дышу я или не дышу. Просто где-то рядом раздавался какой-то слабый, но знакомый звук. Звуки были, в большинстве, раздражающими - между звуками и видениями не было никакой связи. Вкус отсутствовал (я не чувствовал вкуса собственной рвоты), запах тоже, и телесные ощущения тоже пропали. Но был бесконечный "визуальный звук", который очень смущал меня. Шум морских раковин.

Все было как бы сделано из одной гибкой мембраны (конечно же, одного цвета), а под ней шевелились все эти раковины.

Видения стали очень геометрическими, хотя и не были похожи ни на что, сделанное человеком. Но при этом в них не было ни малейшего признака хаоса. Ничего фрактального, ничего неправильного. Все было совершенным и геометрическим. Я подумал: интересно, а как под ДМТ будет выглядеть дерево? Надо бы совершить еще один полет в такой день, когда я смогу наблюдать и исследовать природу.

До сих пор со мной не случалось ничего подобного. Это был самый захватывающий и интенсивный опыт в моей жизни".

Весь этот чрезвычайно долгий опыт в действительности занял менее двух часов.

Эта сокращенная версия полного отчета может служить прекрасным введением в сложный мир ДМТ, в свет хоаски, озаряющий нас с проявлением вещества, которому не позволяют быстро распасться в организме.

И последний комментарий. Недавно один господин из органов правопорядка попросил меня объяснить, что значит термин "аяхуаска", поскольку он часто сталкивался с ним в связи с разными делами по наркотикам. В ответ я написал короткую статью, которая была напечатана в журнале SLIC и воспроизводится здесь с разрешения редакции.

АЯХУАСКА

До недавнего времени термин "Аяхуаска" можно было встретить только в литературе, связанной с бассейном Амазонки. Этот травяной отвар широко применялся в северной части Южной Америки для исцелений, предсказаний будущего,

посвящения, а также как сенсорный интоксикант. В разных областях его могли называть по-разному: например, каапи, натема или яхе.

В последние десятилетия он стал все чаще и чаще звучать в не-индейской среде. Он стал компонентом одного из религиозных движений Бразилии и привлек к

себе внимание многих любознательных жителей Европы и США.

Состав этого напитка может быть очень весьма различным: каждый курандеро (шаман-знахарь) готовит его по собственному рецепту. В него могут входить и экстракты растений, и химические вещества, и сочетания тех и других. Но в любом

случае аяхуаска состоит из двух компонентов. Один из них - ингибитор ферментов,

то есть вещество, блокирующее деаминацию аминов. Другой - это аминсодержащее вещество, защищаемое первым компонентом от метаболического разрушения. Как правило, ни один из компонентов сам по себе не психоактивен при пероральном приеме; но при одновременном пероральном приеме обоих компонентов ингибитор деаминации позволяет аминам оказать соответствующее воздействие.

Ингибитор моноаминоксидазы может быть либо растительным, либо синтетическим

препаратом. Химические вещества, обычно содержащиеся в экстрактах растений - это

гармин, гармалин (тетрагидрогармин) и 7-метокси-бета-карболины. В Амазонии обычно используются растения рода *Banisteriopsis* - включая такие виды, как *B. caapi* и *B. inebrians*. В Европе, на юге США и в мексике можно найти несколько растений, родственных *Reganium harmala*, или сирийской руте, которые также используются как источники карболинов. В качестве ингибиторов также может использоваться позиционный изомер 6-метоксигарман и продукты его гидрогенизации. Для этого также пригодны рецептурные антидепрессанты MAOI (например, транилципромин (парнат)).

Амины, поддающиеся активации с помощью этих препаратов, встречаются в природе гораздо чаще. Простейшие триптамины - такие, как N,N-диметилтриптамин (DMT) и 5-метокси- N,N-диметилтриптамин (5-MeO-DMT) - распространены повсеместно. Есть очень много растений, которые могут быть использованы в качестве аминсодержащего компонента. Чаще всего применяется экстракт листьев *Psychotria* - амазонского кустарника, ныне распространенного по всему миру. Австралийские и китайские виды акации, нюхательные порошки из *Anadenanthera*, корней *Mimosa hostilis* или трав, произрастающих на Среднем Западе США, смолы амазонских видов *Virola* и даже ядовитые железы лягушек *Bufo alvarius* (юго-запад

США) содержат в себе триптаминовые алкалоиды, которые могут быть активированы при пероральном приеме вместе с препаратами MAOI.

Однако амины, уже защищенные от метаболического разрушения, могут быть взяты и из других источников. Насколько я знаю, так могут использоваться экстракты некоторых грибов из родов *Psilocybe*, *Amanita* или *Inocybe*. Похожее действие оказывают экстракты некоторых *Solanaceae*, представителей рода *Datura* (белладонны, дурмана) или из аналогичных южноамериканских растений рода *Brugmansia*. Здесь активными веществами являются атропин и скополамин. Хотя многие из этих аминов достаточно активны сами по себе, их тоже можно испать в качестве второго элемента аяхуаски.

Чаще всего пациент (реципиент) не знает из чего состоит аяхуаска. Если в ее

состав входят растения, то они обычно фигурируют под народными названиями. И даже тот, кто сам собирает растения и готовит аяхуаску, часто не может точно описать ее состав, поскольку в него могут входить экстракты и концентраты из неизвестных ему растений.

Таким образом, аяхуаска – это переменчивая комбинация из растительных экстрактов и других специфических компонентов. Обычно она выглядит как маслянистая жидкость с неприятным запахом, и цвет ее варьируется от янтарного до дегтярно-черного. Состав ее непостоянен, а фармакологическое действие невоспроизводимо. В ее составе обычно присутствует какой-нибудь запрещенный препарат (ДМТ, псилоцибин или буфотенин), но этих препаратов, упомянутых в официальных списках, там может и не быть. Большинство примеров аяхуаски представляют собой сложные смеси, нуждающиеся в химическом анализе.

Это краткое введение в данный предмет было написано для аудитории, состоявшей, главным образом, из судебных химиков; поэтому я сделал основной акцент на тех трудностях, с которыми они могут столкнуться в лабораторной работе. Возможно, что столь широкое и несколько запутанное определение позволит нам выиграть немного времени, чтобы эти религиозные и духовные семена успели оплодотворить соединенные Штаты – и чтобы сами мы успели лучше познакомиться с этим замечательным миром, который выходит из нас и раскрывается перед нами.

Я верю, что эти средства обладают большой потенциальной ценностью, и я хотел бы, чтобы они исследовались как можно шире и интенсивнее.

ГЛАВА 17. ВЬЮНОК И ЕГО СЕМЕНА

(Говорит Шура)

Я всегда гордился своим умением быстро добывать информацию о растениях, содержащих психоделические вещества; но семена вьюнка застали меня врасплох. Конечно, сведения о них курсируют в научной литературе уже давно: еще в 1941 г.

Ричард Шультеc описал использование семян этого вьюнка племенами мексиканских индейцев – традицию, корни которой уходят еще во времена ацтекских империй. В данном случае, это были растения *Rivea corumbosa* и *Turbina corumbosa*, а их семена имели местное название ололиукви. Несколько десятилетий спустя в одном мексиканском антропологическом журнале появилась статья о похожем растении с аналогичными свойствами. Это был еще один вид вьюнка, семена которого носили ацтекское название тлитлицен. Его ботаническое название -- *Tromoea violacea* или *I. tricolor*.

Однако я не слишком часто читаю монографии Ботанического Музея Гарвардского университета или бюллетени Мексиканского Центра антропологических исследований.

Зато в мой ежедневный рацион входит газета Сан-Франциско Кроникл, а стало быть, и статьи ее постоянного корреспондента, который подписывается Herb Caen.

В один прекрасный день 1963 года, сидя за утренним кофе, я раскрыл газету и узнал, что в городе ходят слухи о новейшем наркотике MGS. Заголовок статьи обыгрывал популярный рекламный лозунг сигарет "Лаки Страйк". Эти сигареты всегда отличались изобретательной рекламой: так, во время Второй Мировой войны их зеленая пачка вдруг побелела, и на ней появилась надпись: "Вся зелень "Лаки

Страйк" ушла на фронт". После войны ее сменила другая надпись: "Лаки Страйк" значит лучший табак" (Lucky Strikes Means Fine Tobacco), которая впоследствии сократилась до LS/MFT. Так вот: заголовок газетной статьи выглядел следующим образом: LS/MGS. В ней говорилось о том, что эра пейота и ЛСД клонится к закату:

все настоящие торчки скоро перейдут на семена декоративного вьюнка (по-английски

"morning glory seeds", а сокращенно - MGS). Люди начали закупать их двадцатипятифунтовыми мешками. В середине мая 1963 г. подозрение пало на вице-президента "Ferry Morse Seed Company" основной фирмы-поставщика этих семян.

Они всегда входили в пятерку самых раскупаемых; но тут их сбыт вдруг вырос в 50

раз! Причем три самых популярных сорта имели совершенно фантастические названия:

"небесно-голубой", "жемчужные врата" и "летающие блюдца".

Поставщики моментально убрали семена с рынка со словами: "Мы должны убедиться в их безопасности". Начальник службы по борьбе с наркотиками заявил,

что это просто слухи. Официальный представитель Департамента Питания и Фармакологии (FDA) сказал, что не верит этим слухам, но помнит, что, когда он был ребенком, ему запрещали жевать семена вьюнка. Однако медицинский директор Международного Фонда специальных исследований Менло-парка сообщил о результатах

опытов на добровольцах, принимавших от 50 до 500 семян: соответствующие симптомы

наблюдались у них в течение пяти-восьми часов. FDA приступил к собственным исследованиям, и в воздухе сразу запахло чрезвычайным решением Конгресса: биллем

о запрете декоративных вьюнков.

Но была ли в этих слухах хотя бы доля истины? Да, и немалая. Знаменитый химик Альберт Хофманн, который впервые в мире синтезировал ЛСД и случайно испытал на себе его воздействие, лично взялся за анализ семян вьюнка и, к немалому своему удивлению, обнаружил, что в них содержатся те же алкалоиды, которые были ранее обнаружены в эрготовых грибах. Наличие этих сложных алкалоидов (ранее считавшихся исключительной прерогативой грибов) в высших растениях рода Convolvulaceae сперва казалось невероятным. Возникло подозрение,

что споры всевозможных эрготовых грибов, витающие в лаборатории Хофманна, могли

просто загрязнить исследуемый материал. Но, когда и другие химики пришли к тому

же результату, это замечательное сходство между низшими грибами и довольно высокоорганизованными (с ботанической точки зрения) растениями стало более чем очевидным.

Тут уж многие кинулись догонять уходящий поезд. В 60-е годы публикации шли

лавиной. Ученые прочесывали семейство вьюнков в поисках новых видов и компонентов, но в то же время пытались обходить стороной тот факт, что вьюнки содержат запрещенное зелье. Одна из самых забавных цитат в моей подборке взята

из статьи, опубликованной в 1966 г. под эгидой Национального Института Духовного

Здоровья. Автор информировал научную общественность о том, что "работники органов правопорядка и компании, торгующие семенами цветов недавно выразили свою

озабоченность по поводу сообщений в бульварной прессе о том, что некоторые

студенты, психологи и лица с нарушениями социальной адаптации (так называемые "битники") якобы потребляют семена декоративных вьюнков, которые продаются в цветочных магазинах". Далее говорилось о попытках самоубийства и о тяжелых последствиях приема дозы в 250 семян, в связи с которыми пострадавшего пришлось

госпитализировать. Возникли опасения, что в недалеком будущем в США могут возникнуть серьезные проблемы, связанные со злоупотреблением психоактивными веществами.

Что ж, опасались они не напрасно. Только за последние несколько лет в Интернете было отмечено множество вопросов и ответов, связанных с вьюнками.

"Где достать семена?" "Как они называются?" "Сколько штук принимать?" "Как их готовить?" "Как они действуют?" Здесь я снова столкнулся со своей вечной проблемой: как изложить свои разрозненные заметки и мысли, чтобы читатель извлек

из них как можно больше пользы? Какой принцип организации материала мне предпочесть? Придерживаться ботанической классификации (напрямую связанной с этническими традициями) – или же начать с химических веществ, которые обеспечивают биологическое воздействие растения? Что бы я ни выбрал, ревнителю

"научной чистоты" все равно будут в обиде. Поэтому давайте начнем с такого растения, которое позволит мне сказать пару слов об интересующих нас компонентах

и их воздействии в целом; а затем перейдем к рассмотрению тех компонентов, которые могут оказаться "главными виновниками" этого воздействия. Вопросы классификации еще далеки от решения и никогда не будут решены. Растения часто классифицируют по содержащимся в них веществам, а вещества называют именами растений, в которых они содержатся. Так что разумного порядка здесь никогда не

было и не будет.

Растение, с которого мы начнем, называется *Rivea corymbosa* (она же *Turbina corymbosa* или *Ipomoea sidaefolia*). На языке мексиканских индейцев нагуатль оно

звучит как коахиуитль ("змеистое растение"), а его семена называются ололиулки

("маленькие круглые штучки"). Это мелкие зерна сферической формы, как бы заключенные в коричневые капсулы. Сапотекы называют их бадо. Именно эти вьюнки

первыми подверглись химическому анализу на наличие алкалоидов; доказано, что они

являются всего лишь частью вышеупомянутой группы тлитлицен и процентное содержание алкалоидов у них составляет 0,01% от массы свежих семян.

А вот еще один вид вьюнков, который ботаники называют *Ipomoea violacea* (она

же *I. tricolor* или *I. rubrocaerulea*). Он отличается крупными пятилепестковыми цветками, которые отцветают за один в день и превращаются в семенную коробочку,

содержащую три семечка. Эти семена черного цвета, размером с рисовое зерно, с заметным конусообразным расширением к одному концу. Сапотекы называют их бадо негро, а ацтекское название тлитлицен означает просто "маленькие черненькие". Грамм семян содержит около 25 штук, а содержание алкалоидов колеблется в них от

0,02 до 0,1% от массы свежих семян.

Есть еще один вид вьюнков, который завоевал известность уже в значительно

более поздние времена. Это гавайская "детская" деревянная роза, известная в

ботанике как *Argyrea nervosa*. Она едва ли использовалась мексиканскими шаманами, зато приобрела огромную популярность в западной культуре. Моя первая встреча с этим растением состоялась во время открытия новой бензоколонки "Стандарт Ойл" в

Беркли: в первый день ее работы каждый новый клиент получал по букетику высушенных цветов в знак благодарности за визит и за покупку. Что это были за цветы? Пучок твердых, как бы деревянных цветов, которые называли "левыми розами". Их семена крупнее, чем у обычных выюнков; в одной коробочке содержится

четыре семечка, а один грамм семян – это примерно десять штук. Содержание алкалоидов в них доходит почти до 1%. Таким образом, они примерно в двадцать пять раз сильнее вышеупомянутых семян *Ipomoea* и *Rivea*. Еще одна древесная роза

-- *Ipomoea tuberosa* -- представляет собой полное фармакологическое разочарование. Семена этого прекрасного цветка значительно крупнее (каждое весит

почти целый грамм), но абсолютно лишены алкалоидов.

Каково фармакологическое действие семян? Старая медицинская литература почти не упоминает о них, зато в последние годы по этому поводу появилась масса

сообщений, включая анекдотические байки в Интернете. В медицинских публикациях

обычно сообщается о дозах в сотню или больше семян баддо или баддо негро. Эффект,

производимый таким дозами, описывается по-разному: в некоторых случаях были отмечены апатия и вялость, в некоторых – ощущение комфорта, иногда – повышенная

визуальная чувствительность, а иногда – полное отсутствие эффекта. Даже при дозировке в 300 семян положительный эффект наблюдался крайне редко; обычно отмечались только сонливость и тошнота. В более современных любительских сообщениях упоминаются успешные опыты по экстрагированию алкалоидов из растительного сырья, что позволяет уменьшить нагрузку на желудок, неизбежную при

приеме большого количества сырых семян.

Какие вещества, содержащиеся в семенах, делают их психоактивными?

Основными

алкалоидными компонентами большинства видов семян являются два изомерических амида лизергиновой кислоты – лизергамид (он же эргин, LAA или LA-111) и изолизергамид (он же изоэргин, или изо-LAA). Они составляют примерно половину алкалоидной фракции обеих баддо и являются меньшим, но заметным компонентом "детской" деревянной розы. Было обнаружено также, что часть выделенных эргинов

являются ацетальдегидными аддуктами обоих амидов – N-(1-гидроксиэтиламидами), поскольку этот материал чрезвычайно нестабилен и легко преобразуется в процессе

выделения. Единственный амид лизергиновой кислоты, имеющийся в данных растениях

– это эргометрин. Все упомянутые вещества оказывают воздействие на человеческий

организм, которое подробно описано во второй части данной книги, в комментариях

к разделу об ЛСД.

Четыре остальных алкалоида – это спирты, наличие которых свидетельствует о

восстановлении кислотной группы лизергиновой кислоты. Первичный продукт

восстановления – элимоклавин, а изомер двойными связями, сопряженными с ароматическим кольцом – это лизергол. Последний, в свою очередь, способен гидроксिलироваться и дальше, до возникновения пенниклавина. А в результате полного раскрытия четвертого D-кольца получается каноклавин. Кроме того, здесь обнаружены следы многих других алкалоидов.

Какие выгоды и опасности связаны с исследованием вьюнков и их химического состава? Выгод много, поскольку вьюнки – это естественный интоксикант, издавна используемый шаманами, и ценное сырье, содержащее эргиновые алкалоиды. Исторически он является неотъемлемой частью медицины и религии народов Центральной Америки.

Если рассматривать семена вьюнков как сырье, то следует отметить, что некоторые из его алкалоидов – просто побочные примеси, поскольку это химические модификации лизергиновой кислоты. Эти спирты и открытые кольца заняты сами по себе, но для того, чтобы превратить их во что-то стоящее, простых химических операций явно недостаточно. Однако основными алкалоидами вьюнков все же являются амиды лизергиновой и изолизергиновой кислот, а также их неустойчивый 1-гидроксиэтиламид. Все они довольно интересны сами по себе, поскольку уже оказывали различное психоактивное действие на разных людей.

Вторая выгода заключается в том, что все это можно гидролизовать в соответствующие лизергиновые кислоты (LA и изо-LA) путем обработки в крепкой щелочи. А смесь данных кислот является непосредственным синтетическим предшественником смеси ЛСД и изо-ЛСД, которая при хроматографическом разделении может дать сам ЛСД. Сделать ЛСД в домашних условиях, произведя всего две операции и одно разделение – пожалуй, кое-кто сочтет это достаточно выгодным.

А как же опасности? Безусловно, предупредить о них было бы очень нелишне. Не следует забывать о том, что алкалоиды эргинового группы сильно действуют на матку и могут изрядно нарушить гормональный баланс. Из истории известно, что отравление этими алкалоидами ("антонов огонь") может вызывать конвульсии и гангрену. Но, пожалуй, самая основная опасность семян вьюнка заключается в том, что и лизергамиды (в число которых входит эргин), и лизергиновая кислота внесены в Список ЭЗ на основании последних чтений Акта о Веществах, Подлежащих Контролю (см. Приложение Б).

Граница между невинной авантюрой и уголовно наказуемым деянием подчас весьма размыта, и на нее стоит смотреть глазами тех, кто не одобряет нашего поведения. Представим себе все "этапы" или "ступени" нашего психоделического пути. Вот мы покупаем семена каких-нибудь "летающих блюд"; потом делаем из них вытяжку, гидролизуем ее, гидролизат превращаем в диэтиламин и разделяем полученную смесь на два компонента, один из которых – ЛСД. Так совершается переход от полной невиновности к уголовно наказуемому деянию. Конечно, закон срабатывает далеко не всегда, но если срабатывает, то удар бывает весьма чувствительным. Не забывайте, что намерение совершить преступление в наше время уже образует состав преступления, даже если вы его и не совершите. А если вы собираетесь делать это вместе с другом, то это уже может расцениваться как преступный сговор.

У меня был хороший друг, в машине у которого всегда лежали семена настурции. Он разъезжал по стране и, едва зайдя у дороги кучу мусора или грязную канаву, тут же бросал туда пригоршню семян. Он знал, что на следующий год эти отвратительные кучи покроются цветами и листьями настурций и станут чуть-чуть приятнее глазу. Может быть, по стране вот так же разъезжает и какой-нибудь сеятель вьюнка. Он возит с собой пятидесятифунтовый мешок семян, потому что хочет преобразить окружающий пейзаж. Если вы спросите его: "А не принимаете ли вы их как наркотик?", то он, наверное, ответит: "Какой-токой наркотик? Не морочьте мне голову! Я просто сажаю цветы".

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ. ВРЕМЯ И ТРАНСФОРМАЦИЯ.

ГЛАВА 18. БОЛЬШОЙ ВЗРЫВ?

(Рассказывает Шура)

По ночам, когда я работаю в лаборатории бывает трудно найти подходящую радиостанцию на приемнике. KNBC на волне 740 AM очень быстро надоедает почти дословным повторением последних новостей. Чуть дальше по шкале расположилась радиостанция KGO на волне 810 AM, где всезнающий ученый Мортон отвечает на любые

каверзные вопросы типа: почему в Дэнвилле вода зеленоватого цвета? и т.п. Его ответы очень заняты, но покровительствующий тон, с которым он их дает скорее меня смешит, чем радует. Где-то между этими частотами, примерно на 770-780 AM я

однажды к своему счастью обнаружил христианское радио, с передачами о Библии. Мне вспомнились строчки, которые я учил в детстве, про старый домик у большой дороги. И этот "старый домик" на средних волнах стал для меня лучшим убежищем как от скуки повторяющихся новостей, так и от скуки потока энциклопедических знаний.

Из передач этой радиостанции я получил почти все свои познания о христианской концепции сотворения мира. Большинство ораторов согласны с библейской моделью семи дней творения, в последний из которых Бог создал Землю,

Солнце и, надо полагать, всю остальную Вселенную. Так написано в Библии, Библия

это слово божье, а кто может лучше объяснить наше происхождение, чем сам Творец.

Если принять на веру божественное происхождение вселенной, то можно очень просто

ответить на все самые сложные вопросы. Конечно, остаются некоторые неувязки, как

ископаемые останки древних животных и радиоактивный метод оценки их возраста, но

если ты опираешься на веру, то можешь легко объяснить все эти несоответствия. Динозавры, уран и все остальное, дающее нам иллюзию более древнего происхождения

Земли, суть - тоже творения Господа, созданные на той первой неделе.

Те, кто считают себя образованными людьми, смотрят на сторонников творения

с нескрываемым презрением, считая подобные воззрения реликтом философии средних

веков. Им, чтобы опровергнуть теорию божественного происхождения стоит просто

привести холодные факты - использовать "научный метод". Но на это сторонники божественного творения упрекают ученых, в том, что они используют точно такую же

смесь наблюдения и мифологии, как и церковные деятели. Ни те ни другие не хотят признать, что существует множество фактов, не укладывающихся ни в одну из теорий. На своих лекциях в университете я любил наблюдать, какую бурю эмоций может вызвать у студентов мой случайный комментарий аргументов в защиту творения, произошедшего, как считается, примерно 10000 лет назад.

Как человека, стоящего скорее на стороне науки, а не религии, меня очень раздражает, когда мои коллеги принимают на веру теорию большого взрыва – современного мифа, объясняющего происхождение вселенной. Человек часто задается

вопросом, откуда он произошел. Как личности, мы лишены возможности запомнить момент своего рождения, и поэтому нам приходится обращаться к старшим за подробностями. На уровне всего человечества мы задаем точно такой же вопрос, но в другом масштабе. Откуда мы? Где начало? Что было, когда ничего не было? Тут невозможно обратиться за ответами к добрым родителям. Религия говорит: Бог создал вселенную в начале мая в 8065 году до нашей эры. Или примерно в это время. Наука говорит: Большой Взрыв создал вселенную в конце сентября 14.3 миллиардов лет до нашей эры. Или примерно в то время. Никаких достоверных наблюдений этих событий не производилось, поэтому теория большого взрыва точно такой же миф, как теория семи дней творения. Поэтому я ставлю концепцию большого взрыва на один уровень с концепцией Бога.

И дело не в том, что я хочу приуменьшить значение Бога, я просто стараюсь дать альтернативную концепцию нашего происхождения. Ведь может быть никакого "начала" не было – наша вселенная существовала всегда, и Бог рядом с нами гораздо дольше, чем думают некоторые. Наблюдения, доказывающие теорию большого взрыва точно также, а то и лучше подойдут моей теории, но, чтобы принять ее, придется на мгновение отказаться от старых предубеждений. Я продолжу это "иконоборство" через несколько страниц.

Сначала позвольте вкратце описать теорию большого взрыва в тех, словах, которые употребляют ее сторонники. Изучив показания новейших приборов, ученые пришли к выводу, что наша вселенная расширяется, причем с невероятной скоростью.

Чем дальше находится небесное тело, тем быстрее оно от нас удаляется. Именно так

ученые объясняют то, что чем дальше от нас источник света, тем больше смещение

линий его спектра в красную сторону. Отношение красного смещения и удаленности

от источника света называется постоянной Хаббла. Динамическая модель этого явления напоминает модель взрыва. Таким образом именно взрыв считается первопричиной появления нашей вселенной. Все небесные тела, которые мы наблюдаем

– осколки этого большого взрыва, летящие в разных направлениях от единого источника. Представим себе эту модель в развитии и попробуем прокрутить время назад, как киноплёнку – кадр за кадром. Разрозненные осколки, таким образом, собираются в одну целую массу, объем которой сокращается, при этом температура

материи повышается. Объем вселенной сокращается до тех пор, пока она не становится точкой, причем эта точка имеет невероятно высокую температуру. Остановимся на этом кадре. Посмотрим, что перед нами. Это микроскопическое нечто, имеющее температуру в миллиарды градусов Цельсия. Вот из этого источника,

по словам ученых, мы получили в результате большого взрыва все, что составляет нашу вселенную: энергию, массу, звезды и галактики, силы гравитации и жизнь.

Недавно я читал статью Рэма Эдвардса в "Журнале философии религии", где он писал о книге двух известных физиков, споривших о том, может ли теория большого взрыва подтверждать божественное происхождение вселенной. Оба автора соглашались, что вселенная появилась в результате огромного взрыва в момент, когда, по понятиям современной астрофизики, вся масса и энергия вселенной были сжаты в бесконечно малое тело, с нулевым диаметром, в бесконечно кривом пространстве. Но если это и есть источник всего сущего, то каким образом из ничего смогло появиться что-то? Ведь если увеличить первоначальный нулевой диаметр в любое количество раз, все равно получится нулевой диаметр. Ноль, помноженный на любое число, все равно - ноль. Если бесконечно высокую температуру сократить в несколько миллиардов раз, она все равно останется бесконечно высокой. Таким образом первый кадр не будет отличаться от второго - и не будет никаких звезд и галактик, а следовательно и нас.

Еще один мифологический аспект той же проблемы. Посмотрим на наш первый кадр и представим себе, какой кадр ему предшествует. Такая попытка нарвется на яростную критику со стороны ученых, которые слепо верят в свою теорию происхождения вселенной.

Они скажут, что задавать такой вопрос совершенно бессмысленно. Знаменитый

физик Хокинс считает, что это то же самое, как спрашивать, что находится пять миль к северу от северного полюса. Другие считают, что вышеупомянутая концентрация массы и энергии может происходить в так называемых черных дырах, где законы распространения света и энергии отсутствуют вообще и следовательно не

может быть времени в нашем понимании - слово "до" теряет свой смысл. Но ведь если нет времени, нет "до", то не может быть и "после", ничего не может начаться. А потом, как объяснить противоречие: если все - энергия, а энергия это масса, то черную дыру невозможно никаким взрывом превратить в что-либо другое.

Если нет времени, то мы не можем просмотреть наше "кино" в любом направлении. Мы

получаем такую возможность только в случае отказа от всех этих "черных дыр". Правда сторонники квантовой физики могут сказать, что по-настоящему, такие противоположные состояния как полное отсутствие массы и ее бесконечная величина

- в принципе очень похожи между собой, но главный вопрос остается открытым. Каким образом все началось? Кто запустил весь этот механизм? Прислушайтесь повнимательней и может быть вы услышите ответ, который чаще ассоциируется с ненаучным подходом: Бог.

Таким образом, большой взрыв представляется нашими учеными, как необъяснимое чудо, ни больше, ни меньше. И очень смешно наблюдать, как физики пытаются увязать наблюдения со своей теорией.

Например долгое время одним из доказательств теории большого взрыва было явление реликтового излучения, пронизывающую всю наблюдаемую часть вселенной -

электромагнитное излучение с тепловым спектром соответствующим температуре 3 Кельвина. За его обнаружение (оно было до этого предсказано) два английских

астронома получили нобелевские премии. Факт того, что это излучение совершенно одинаковое во всех точках вселенной считались тогда убедительным подтверждением большого взрыва. Но через некоторое время более чувствительные приборы, установленные на искусственных спутниках земли показали, что на самом деле фон реликтового излучения не так ровен, как считалось раньше. Этот факт через некоторое время также стал считаться неоспоримым доказательством теории большого взрыва.

И такое происходит очень часто - меняются наблюдения, но их выводы подгоняются под существующие теории. Прекрасным примером этого явления служат две недавние статьи в "Сан-Франциско Хроникл". Четвертого марта этого года появилось сообщение об открытии шестого и последнего кварка. Я ни в коем случае не умаляю достижений физики элементарных частиц, я не в коем случае не оспариваю законов физики, которые позволяют нам разобраться в сущности нашей вселенной. Я полностью на стороне химии, физики, термодинамики и квантовой механики. Они реальны, без них не обойтись. Но я решительно протестую против использования этих наук для попыток доказательства мифа о большом взрыве. Давайте попробуем сравнить цитаты из сообщения (авторы пытаются с помощью научных наблюдений доказать свою любимую теорию) с непредвзятой интерпретацией этих фактов:

За большой взрыв

Ученым удалось обнаружить вид материи, который сможет помочь понять происхождение и эволюцию нашей вселенной.

Кварки исчезли в самом начале процесса рождения вселенной, сразу после большого взрыва, когда температура материи начала падать.

Мы нашли отсутствующее звено в нашем понимании эволюции развития вселенной

За теорию о вечной вселенной

Ученым удалось обнаружить вид материи, который сможет помочь лучше понять структуру нашей вселенной.

Кварки никогда не существовали как отдельные небесные тела, так как неизвестны условия такой высокой концентрации энергии.

Мы нашли отсутствующее звено в нашем понимании сущности и состава вселенной

Последнее предложение статьи звучит для меня похоже на воскресную мессу католической церкви. "В момент большого взрыва вселенная представляла собой смесь кварков, лептонов и радиации, но через несколько минут или даже секунд, когда температура упала до двух тысяч триллионов градусов, кварки исчезли".

(Мне очень хотелось заменить последний глагол на "испарились"). И воистину великий страх, аналогичный тому, что я испытал бы при втором пришествии, я чувствую при попытке представить себе температуру в 2000 триллионов градусов Цельсия.

Моя жена называет такого рода слова "фактоидами"- они ничего конкретного не

описания вселенной правильна, и ученые стоят на верном пути". Я очень сомневаюсь в этом.

Ровно через пять месяцев в той же газете появилась другая статья, где приводились новые факты наблюдения за линиями спектра небесных тел, при правильной интерпретации полностью опровергающие теорию большого взрыва. Суть всей статьи можно понять прочитав следующий отрывок:

"Основная космологическая теория – теория того, что наша вселенная появилась в результате большого взрыва остается неоспоримой. Но некоторые ее детали должны быть пересмотрены таким образом, чтобы объяснить существование звезд с большим возрастом, чем возраст вселенной."

Позвольте вкратце изложить суть парадокса. Дело в том, что астрономы обнаружили в нашей вселенной, которой 8 миллиардов лет, небесные тела, которым

16 миллиардов лет. Обратите внимание на слепое упрямство в процитированном параграфе: "...остается неоспоримой..." А что же делать с только что открытыми

противоречиями? Таких наблюдений скапливается достаточное количество, и я не претендую на какое-либо понимание всех этих сложных теорий и концепций.

Теория

великого единства, магнитные монополюса, антивещество, поля Хиггса, все они приходят к одному и тому же выводу: что-то напутано с масштабом времени.

Рождение вселенной всегда рассматривалось, как разовое явление, но если изучить

стадию сразу же следующую за взрывом, многое становится совершенно непонятно. Если вправду наблюдалась такая концентрация массы, после взрыва осколки не могли

разлететься сразу на какое-то расстояние, должен был произойти большой катаклизм, уничтоживший бы всю материю, и все черные дыры за какие-то несколько

тысяч лет. Но этого не произошло ни тогда, ни через миллион, ни через триллион

(в американском смысле этого слова) лет. И мы до сих пор бес понятия находимся

ли мы в закрытой системе (которая через какое-то время переродится во что-то новое), в открытой системе (которая продолжает развиваться до бесконечности) или

в волшебным образом нейтральной (находящейся в полном равновесии). Как же в таком случае объяснить теорию большого взрыва?

И объяснение нашлось. Оказалось нужно всего лишь пренебречь законами физики

на миллионную миллионной миллионной доли секунды (я не шучу) сразу после большого взрыва, и допустить, что в это мгновение материя могла расширяться со скоростью в 10 в двадцать пятой степени большей, чем скорость света (некоторые говорят 10 в пятидесятой степени). И тогда за эту долю секунды

все галактики и другие крупные небесные тела могли бы встать на свои места.

Таким образом можно объяснить многие не укладывающиеся в теорию факты, таким образом можно не противопоставлять свою теорию теории антивещества. Да и самый

главный вопрос: что было до нашего допущения – отпадает автоматически. Мы закрываем его самим фактом допущения.

Таким образом нам нужно еще одно чудо для подтверждения теории большого взрыва. Примерно двадцать-тридцать лет назад в журнале "Science" появилась статья, о критериях выявления подлога в великих научных открытиях. Не так давно

я применил эти критерии по отношению к одному новому открытию – и примерно по

двенадцати из них выходило, что ученые не лгали. Конечно невозможно применить эти критерии к теории большого взрыва, потому что экспериментальным путем здесь

ничего доказать невозможно, но все же я хорошо помню один критерий: "Если описывается сразу несколько чудесных явлений – скорее всего ученые в чем-то ошибаются или намеренно обманывают коллег". Так вот первое чудо – возникновение

из ниоткуда тела очень маленького по объему и при этом обладающего невероятной

температурой, а второе чудо, объясняющее первое – неожиданная отмена на некоторое время законов физики, так чтобы материя могла расширяться со скоростью

в зиллион раз превышающей скорость света. Не слишком ли много чудес?

Теория большого взрыва дала нам удивительные образцы научной мысли. Я к сожалению не владею терминологией настолько, чтобы до конца понимать всю эту науку новой эры, но вы можете представить себе общий стиль по следующему отрывку

из учебника "Новой физики", объясняющей вышеупомянутое допущение:

Уникальным свойством псевдо-вакуума является давление, которое одновременно большое и отрицательное

Или обратите внимание на следующую цитату из профессора Хогана, преподающего в вашингтонском университете, по-моему налицо поиск еще одного чуда:

"...совсем по другому оценить возраст нашей вселенной. Быть может наша вселенная имеет гораздо меньший объем, чем сейчас считается, и гравитация не изменялась с момента большого взрыва, или же некая непонятная антигравитационная сила могла ускорить ее расширение".

Не проще ли отказаться от самой концепции? Вместо того, чтобы искать первоисточник, не проще ли считать, что его не было, что наша вселенная была вечно. И вместо того, чтобы с ужасом предсказывать каким образом существование

вселенной прекратится, не проще ли считать, что все останется как есть. Наш космос был, есть и будет неизменным.

Примерно к таким выводам пришла группа Хойла, которые объясняли постоянное

удаление крайних пределов продолжающейся генерацией массы. Но они все равно считали, что расширение происходит (из-за красного смещения) и таким образом раньше вселенная могла быть меньше по объему, и, следовательно, когда-то мог существовать первоисточник этого расширения.

По мне, лучшим способом объяснить наше происхождение (я имею в виду в глобальном масштабе) было бы заменить одно недоказуемое предположение другим. И

много неувязок сразу исчезнет. Попробуем отказаться от идеи, что большой взрыв

взявшегося из ниоткуда маленького тела при зиллионной температуре был вообще. Предположим вместо этого, что время все время ускоряется, и что новые фотоны движутся быстрее старых.

Я подробнее остановлюсь на одном аспекте данной гипотезы. В двадцатых годах

была предложена постоянная Хаббла, как оценка скорости расширения вселенной. Именно из этого исследования появилась теория большого взрыва. Тогда было найдено соотношение того, как линии спектра далекой звезды или галактики смещаются к красному в зависимости от расстояния до Земли. Это знаменитое красное смещение уже много лет является формулой для вычисления расстояния от Земли до небесного тела и скорости его удаления от нас. Это основа теории

большого взрыва – расстояние до источника света может быть вычислено через скорость его удаления от нас. Чем быстрее оно удаляется, тем дальше находится.

Расстояния могут быть вычислены и с помощью других инструментов: измерения энергии квазаров, или периодичности яркости звезд. Но основная догма – чем дальше, тем быстрее удаление. Похожее явление со звуком называется эффектом Допплера: вы могли сами наблюдать его когда мимо вас проносится поезд, издавая гудок. Как только поезд начинает удаляться от вас, частота звука понижается. Высокое "ииии" переходит в низкое "аааа". Так вот свет ведет себя также. Если источник света приближается к нам, его частота повышается (синее смещение), если удаляется – понижается (красное смещение).

Мы не пересматриваем уже известные расстояния до небесных тел, мы не пересматриваем общий объем вселенной. Источники света находятся именно там, где они были определены с помощью формулы красного смещения. Просто дело в том, что в данный момент источник света производит фотоны, летящие с меньшей скоростью, чем те, к которым мы привыкли. Источники света не удаляются от нас, а достаточно неподвижны, но так как мы видим их такими, какими они были миллиарды лет назад, они существуют в мире, где время течет медленнее. Ничего никуда не удаляется. Вселенная всегда такой была и будет, но просто с каждым годом частицы энергии, которые мы называем фотонами (в радиоволнах или лучах солнца) будут двигаться с большей скоростью. Наша реальность ускоряется.

Кто-то при мне упоминал теорию "уоставшего света", и то что она была опровергнута. Я не смог найти эту теорию в справочниках, и может быть это дословное повторение только что сказанной теории. Я был бы рад любой информации по этому вопросу, особенно меня интересует, как эта теория была опровергнута.

Субъективно все мы замечаем, что время течет все быстрее, но с физической точки зрения доказать это невозможно. Изменение настолько ничтожно, что невозможно сравнить скорость двух разных фотонов, невозможно получить "старый фотон". Даже если отразить свет, например, от поверхности луны, фотоны вернутся к нам через секунды, возраст их еще будет слишком мал. Так где же нам взять "старые" фотоны? Конечно же в свете далеких звезд – если принять на веру, что они не движутся в пространстве, но существуют в другом времени, и доказательством тому красное смещение. Концепция вечной вселенной таким образом имеет точно такие же самодостаточные основания, как и теория большого взрыва и "молодой" вселенной. Несоответствия одной теории легко устраняются в другой.

Процессам, для которых по теории сравнительно недавнего происхождения вселенной не хватало времени, предоставляется целая вечность. И в первую очередь это касается процессу возникновения жизни.

По нашим сегодняшним представлениям для возникновения жизни потребовался очень короткий отрезок времени, если считать, что жизнь появилась на Земле. Сегодня мы имеем молекулу ДНК – уникальный код всего нашего организма, имеющую

очень сложную химическую структуру. Вряд ли эта структура была проще три миллиарда лет назад, когда по нашим понятиям Земля только остывала. Но где же время для эволюции из более простых химических формул? Если разбить весь процесс

эволюции возникновения жизни на десять стадий, то получается, что от нулевой (отсутствие жизни) мы достигли десятой (современная сложная структура ДНК) таким

образом, что девять стадий прошло пока Земля была практически необитаема.

Можно слегка растянуть этот отрезок времени, как предлагают некоторые ученые – современные вотсоны и маккенны. Можно считать, что жизнь была привнесена извне – из открытого космоса. Жизнь появилась в другой части вселенной, и каким-то образом достигла Земли, успев по пути пройти эволюцию до

более сложных форм, которые попали на плодородную, к тому времени, земную почву.

Но добавление 4 миллиардов лет к уже имеющимся 4 миллиардам позволит нам добавить всего только одну стадию нашей шкалы – где же произошли остальные восемь? При этом мы не учитываем время межгалактического путешествия "семян жизни".

Но можно предположить, что существовал третий этап развития жизни. Если вселенная вечная, то у природы есть сколько угодно времени, чтобы перепробовать

все возможные комбинации молекул (большинство – неудачные, но некоторые крайне

успешные) и прийти к нынешней сложнейшей химической структуре жизни. В математике существует простая аксиома: если что-то может произойти, то на бесконечном отрезке времени это неизбежно произойдет. Я думаю, что это не совсем

правильно. Наверное, есть бесконечные системы, не содержащие всех возможных вариантов – для природы это более естественно. Но все же эта теорема может привести к интересным мыслям. Раз жизнь возможна, то ее появление в вечной вселенной может оказаться достаточно распространенным явлением. Тогда жизнь могла появиться во многих уголках вселенной громадное количество раз.

Конечно,

многие скажут: хотя вселенная бесконечна во времени, она ограничена в пространстве, поэтому имеется не так уж много подходящих мест для появления жизни. Но обращаясь к читателям, хорошо знающим физику, я хотел бы спросить: насколько наше представление о конечном объеме вселенной вытекает из теории большого взрыва? И я должен согласиться, что жизнь может вымирать, прекращать свое существование, что, к примеру, может когда-нибудь произойти и с нашей планетой, но есть одно утешение. Наша теория вечной вселенной позволяет с определенностью предположить, что мы не одни в космосе.

Теория большого взрыва? Мир ее праху.

ГЛАВА 19. ТРИ ФОТОГРАФИИ.

(Рассказывает Шура)

Холлихок Фарм – недавно открытое заведение, расположено на оконечности продолговатого острова, в проливе Джорджия между материковой частью Канады и островом Ванкувер. Его часто сравнивают с Эзаленом – похожим заведением на острове двести километров южнее Сан-Франциско, и хотя есть много различий, очевидно, что Холлихок Фарм создавали по образцу Эзалена.

Каждое лето там проводится серия конференций и встреч. Обычно они посвящены разным темам, представляющим проблематику Нью эйджа: самоанализ, толкование снов, опыты над сознанием – все то, что сейчас интересует людей уставших от

цивилизации. По образцу Эзалена здесь ведут натуральное хозяйство – выращивают все, что нужно для питания, и местная кухня не имеет себе равных. Залы для семинаров отделаны с большим вкусом, в большом фойе стоит рояль и всегда горит огонь в камине, комнаты для участников конференции выдержаны в спартанском духе. Рядом с домом – большой сад с огородом, который обеспечивает кухню продуктами. В саду все лето цветут цветы. Даже компост и канализация сделаны с таким умом и умением, что у их создателей можно поучиться.

Мы с Алисой прилетели туда на гидроплане из Сиэтла в августе 1988 года. Алиса летела в такого типа транспортном средстве всего второй раз. Когда-то мы

сплавлялись по горной реке на плотам, и для того, чтобы добраться до отправной точки нашего путешествия нам нужно было воспользоваться шестиместным самолетом.

Алиса немного нервничала и попросила сидеть у иллюминатора, но все места в самолете отвечали ее просьбе. Мне в тот раз предложили занять место второго пилота, так как когда-то давно я умудрился получить все необходимые знания для

управления подобным самолетом. Я тешил фантазию представляя, как бы я спас самолет в непредвиденной ситуации (например, сердечный приступ у пилота – и глупый пассажир, случайно знающий, как посадить самолет). Пока мы летели над горной грядой я внимательно изучил панель приборов и не нашел только стрелку перегрева карбюратора. Я спросил, где она находится, и пилот объяснил, что в современных самолетах такой стрелки не бывает. После этого я решил не задавать больше вопросов и молча наблюдал, как пилот уверенно ведет самолет, и иногда почесывает лоб острым концом штурвала. Приземление прошло так гладко, что мы его практически не заметили.

Но вернемся в Канаду. В один из последних дней конференции меня попросили провести небольшой семинар по, например, связям между психохимией и процессами старения и восприятия времени. Я был вынужден признаться, что хотя все три темы меня очень интересуют, я никогда не задумывался о связи между ними. В конце концов я решил, что старение и восприятие времени – уже достаточно обширная тема для лекции, и поэтому на этот раз я обойдусь без химии.

На семинаре присутствовала довольно большая аудитория, и в целом моя лекция прошла гладко. Я назвал ее "три фотографии", и построил конспект соответственно.

У меня, конечно же, не было фотографий с собой, поэтому мне пришлось описывать их словами. По ходу описания выяснилось, что картинка на всех фотографиях одна и та же, только сняты они в разное время. Я обрисовал фотографии во всех деталях.

На них были запечатлены люди разного возраста, от детей до стариков – по крайней мере три поколения.

На первой мне десять лет. Я в гостях в доме лучших друзей моих родителей.

Хозяин дома – лектор сравнительной лингвистики Калифорнийского университета, насколько я помню со слов матери, его звали Рейко Раче. Он был внештатным сотрудником университета, знал шестнадцать языков, из них шесть – в совершенстве. Его считали дон жуаном. Ходили слухи, что он не может пройти мимо

любой незамужней женщины. А иногда интересуется даже замужними. В центре фотографии непринужденно расположилась группа взрослых. Они что-то оживленно обсуждают. Все они – люди, достигшие успеха в жизни, люди, высоко стоящие на социальной лестнице. Слева от них на полу расположились дети – я среди них. Рядом со мной мои сестры Надя, Таня и Оля, мои двоюродные брат с сестрой Терри и

Салли, и сын хозяина – Джимми. Мы играем в Монополию. В правом углу фотографии

сидят старики – бабушки и дедушки – предыдущее поколение. Они не принимают участия в оживленной беседе. Их уважают, как старейшин, прародителей, но в данный момент они не имеют влияния на происходящее. Я так хорошо запомнил эту картинку из-за того, что именно в этот момент я разработал математическую формулу подсчета шансов в Монополии, и теперь имел небольшое преимущество над сверстниками.

Та же самая картинка, но только через двадцать лет. Изменились декорации

– на заднем плане кирпичные здания и аккуратные газоны – дело происходит в университете Колби штат Нью-Гэмпшир во время большой научной конференции. Теперь

я – в самом центре фотографии, в окружении своих коллег. Все мы – восходящие звезды современной науки, и я стараюсь завести удачные знакомства, и может быть

эти люди помогут мне в моей научной карьере. За нами на лугу дети играют в мяч.

Они приехали на конференцию вместе с родителями и не понимают всей важности данного собрания. А рядом, в углу фотографии, стоят старики – старая гвардия, ученые, сделавшие весомый вклад в современную науку. Мы уважаем их за научные достижения, но теперь они воспринимаются только как осколки далекого прошлого. Я

очень рад видеть их на конференции, я признаю их заслуги и выражаю им свое восхищение, но я не с ними. Я среди тех, кто сейчас движет научный прогресс, и

старики кажутся мне усталыми и скучными.

И наконец, та же фотография здесь в Канаде. Те же группы людей, то же их расположение. В центре – молодые ученые-энтузиасты, стоящие на пороге великих открытий в области науки и психологии. Они определяют сегодняшнюю реальность и

могут влиять на завтрашнюю действительность. Рядом с ними их дети. Я видел сегодня в фойе, как два мальчика играли от скуки в шахматы. Их сюда привезли родители. А я теперь среди тех, кого уважают за прошлые заслуги, но кто в данный

момент не принимает участие в основной активности.

Какая интересная подборка фотографий: Беркли, Новая Англия и, теперь, Канада. Картинка одна и та же, только я в ней выступаю каждый раз в новой роли.

Ничего, кроме моего положения на фотографии в принципе не меняется. Сначала я – ребенок, потом – главный герой, потом – сторонний наблюдатель.

Интересный подход к пониманию человеческой жизни. Многие рассматривают ее в

постоянном движении: явление героя (или антигероя) понимается через его рождение, жизнь и смерть. Но можно смотреть на процесс истории, как на знаменитую картину Брейгеля, где слева – младенец, сосущий молоко матери, в центре – пьяный раздолбай, а справа – дряхлый, беззубый, сторбленный старик. И

человеческая жизнь – просто движение по этой картине слева направо. Только костюмы меняются, и всегда одни из них будут в моде, другие будут устаревшими или экстравагантными.

Пользуясь необычным преимуществом моего возраста, разрешите представить вам некоторые свои мысли. Я не выбирал эту роль. Я никогда не думал, что буду ее играть. Этого не было в моих планах. Но тихо и незаметно я пришел к своему нынешнему состоянию, и вот я перед вами.

Давайте посмотрим в глаза реальности. Мне уже не суждено лично участвовать в революции против тиранов, но я мог бы указать путь будущим революционерам с позиции хорошего знания истории, которого революционерам обычно не хватает. Я не смогу возглавить борьбу против ущемления наших конституционных прав, но я могу обратить внимание общественности на факты такого ущемления. Единственный способ отстоять наши права – активно бороться за них. Это дело молодых и сильных. Я могу только поддерживать их морально, напоминая о тех свободах, которые мы уже потеряли. В моем возрасте, оглядываясь на прожитые годы, я понимаю, что главное сейчас досконально разобраться в самом себе. Как сказал один философ: "Мудрость – искусство понимать других, а просветление – искусство понимать себя".

Именно с этой целью я занимался преподавательской работой в калифорнийском университете. Сколько человек я смог обратить в свою веру, и какой ценой? Люди, стоящие у власти, начиная с самых высоких постов (избранные или неизбранные диктаторы), до самых низких (местный начальник, выдающий торговые лицензии) управляют другими посредством внедрения своих собственных воззрений и предрассудков в виде законов. Но их успех иллюзорен, так как они всегда могут стать жертвами тех, кто претендует на их пост и сделает все возможное, чтобы его получить. Поэтому как бы ты высоко не забрался, всегда придется внимательно смотреть вниз на потенциальных конкурентов, чтобы вовремя их нейтрализовать. Один неверный шаг, и ты можешь потерять все. В конце концов может найтись сумасшедший, один из миллиона, который внезапно объявит тебя исчадием ада и попытается уничтожить тебя физически. Всегда приходится учитывать этот небольшой, но реальный риск, поэтому приходится отказаться от личной жизни. А еще одна проблема заключается в том, что тебе всегда приходится действовать через подчиненных, и твое первоначальное мнение может быть серьезно искажено цепочкой исполнителей. С этим тоже приходится считаться.

Поэтому я всегда предпочитал быть учителем, а не руководителем. Меня больше устроивает общение лицом к лицу. Какое счастье, когда перед тобой полная аудитория молодых студентов с еще не сложившимися картинами мира, с еще не окаменевшими предрассудками! Я давал свой курс лекций с громадным удовольствием. Судя по

ежегодн

ым анонимным опросам, студентам он тоже очень нравился. Официальное название курс

са "судебная токсикология" подразумевала "ознакомление с основными процедурами а

нализа субстанций на наличие в них запрещенных или ядовитых химических веществ"

- что звучит довольно скучно. Но на самом деле я собственным примером учил

студентов радости познания. Предварительно я раздавал подробный конспект всего

курса, поэтому на самой лекции я только спрашивал: "Есть ли вопросы по сегодняшней теме?", и обычно вопросов не было. После этого, оттолкнувшись от темы лекции, я заводил речь о совершенно других, более глобальных вопросах. Через несколько лекций студенты уже знали, что в конце каждого рассказа я вернусь к основной теме, и что я редко импровизирую. Почти всем этот "полет фантазии" нравился. Некоторые не могли привыкнуть к такому стилю и покидали нас,

но на их место сразу же приходили другие, привлеченные слухами о "свободном курсе". Примерно двадцать лет назад, когда я только начинал свою работу в университете, мой класс насчитывал около десяти человек, но каждый год число росло. К тому времени как финансирование было урезано до такой степени, что мне

пришлось отказаться от преподавания, в последний год, на мой курс записалось около ста студентов. И каждый год главное, чему я учил молодых людей, было относиться к органической химии как к искусству, а не к точной науке. На вводной

лекции я обычно спрашивал студентов об их отношении к химии. Большинство говорили, что ненавидят ее. "Почему?" - спрашивал я. "Потому что нам ее преподают, как тренировку памяти. Пример обычного задания: к следующей недели выучите страницы 89-146 и в понедельник будет контрольная по пройденному материалу". Студенты привыкли к компьютерным тестам: выбери правильный ответ и

все такое прочее. Я же старался задавать такие вопросы, ответы на которые я сам

не знал. Шпаргалки в этом случае бесполезны, правильный ответ нельзя найти в учебнике. Используй любые источники, и если что-либо будет неясно, смело обращай ко мне, и я постараюсь поделиться своими соображениями о данном вопросе со всей аудиторией. И если вместо письменного экзамена можно провести лекцию - почему бы нет - принесите письменные ответы на следующей неделе.

- Но если мы будем пользоваться справочниками?

- Пользуйтесь чем угодно, главное, чтобы вы знали, где найти ответы.

Каждый год я начинал с того, что просил студентов усвоить несколько основополагающих принципов. Не просто выучить их наизусть, а осмыслить их, сделать частью себя. Усвоить их так, что через некоторое время, когда они станут

неотделимы от вас, вы будете удивляться, что когда-то жили без них. Если это произошло - вам гарантируется отличная оценка. Если нет... Вряд ли я поставлю вам неудовлетворительную оценку, но скорее всего мы оба будем сильно разочарованы нашим общением. Эти принципы крайне просты, но в молодости требуются большие усилия, чтобы придти к их осознанию. Иногда мне кажется, что

по-настоящему в них поверить можно только с возрастом. В любом случае, я стараюсь сделать их насколько возможно доступными для своих студентов.

Первый такой принцип: "невозможно ничего доказать". Например, считается, что Земля круглая, но опытным путем это доказать невозможно. Действуя от

противного, можно провести целый ряд экспериментов, пытаясь доказать обратное, и по мере того, как они провалятся теория о том, что Земля круглая будет подтверждаться. Но стоит одному из таких опытов не дать ожидаемых результатов, и

все – гипотезу можно выбрасывать. Земля не круглая. Земля имеет другую форму. Ведь не забывайте, что еще совсем недавно считалось, что она плоская.

Фрэнсис Бэкон называл такой вид доказательства индуктивным. Выдвигая гипотезу попробуй провести ряд опытов, которые бы ее опровергали. Если опыты провалятся, у тебя будет больше оснований считать гипотезу верной. Но все равно,

она еще не доказана. Если очередной опыт сможет ее опровергнуть, придется искать

другие гипотезы. Только неудачные попытки опровергнуть теорию могут привести нас

к признанию ее истинности, других путей не дано. Однажды я был в гостях у одного

высокопоставленного химика из FDA. За обедом он в числе прочего заявил, что марихуана не будет разрешена до тех пор, пока ее безвредность не будет полностью доказана.

– Но каким образом мы можем получить такие доказательства?

– Должен признать, я не вижу конкретного опыта, с помощью которого мы могли бы решить эту проблему.

– Так значит марихуана никогда не будет разрешена?

– Выходит, так.

Прекрасный пример из Бэкона. Доказать безвредность марихуаны невозможно. Можно только не суметь доказать ее вред. Поэтому марихуана до сих пор запрещена, и такое положение, скорее всего, сохранится долгое время.

Еще одно неожиданное преимущество старшего возраста это полная безнаказанность. Когда я был молодым профессором, меня серьезно занимали мелкие подробности темы лекции, но с возрастом, детали уходят на задний план, и все большее значение принимает общая картина. Все подробности можно найти в учебниках и если интерес студентов не подогревать, они не станут искать их. Но с

другой стороны, возможность более глобального подхода приводит иногда к ситуации, когда начинаешь задаваться вопросами: "А нужно ли вообще все это студентам?", "А зачем им это?" И через некоторое время ты сам начинаешь верить в

свою бесполезность. Часто люди перестают активную работу, ссылаясь на усталость

или на какие-либо проблемы. Дело в том, что жалуясь, мы привлекаем к себе внимание, "нарываемся" на хорошее к себе отношение. Рамки творят реальность. Поэтому – ломай все рамки. Сегодня поступай так, завтра – по-другому. Время от

времени избавляйся от всех привычек, даже безвредных. Учись новому. Обучай примером. Пускай твой энтузиазм передается молодым. Пускай у тебя будут твердые

принципы, по которым ты будешь всегда действовать. Хотя на общей картине ты с краю, среди седых и пожилых, ты точно такой же, как остальные, и можешь многого

достичь, обращаясь к молодым. Завладей их вниманием. Наслаждайся прямым общением

с молодой аудиторией. Будь учителем – и ты будешь вечен.

ГЛАВА 20. АВТОРСКИЕ ПРЕПАРАТЫ.

(рассказывает Шура)

В моем понимании химия – самая интересная область науки. Она развивается с удивительной быстротой и постоянно готовит нам новые неожиданные открытия, и невозможно найти логических границ ее развитию. Открытия продолжают происходить также в астрономии, археологии, математике, но явления, открытые в этих областях науки существовали еще до того, как мы узнали о них.

Синтез новых химических соединений позволяет нам открывать вещества, которых в природе раньше не было, по крайней мере на нашей планете. Каждое новое вещество – целая вселенная неведомого, до момента создания никаких данных о веществе не было и не могло быть и вдруг – оно есть, и мы можем изучать его свойства. Поэтому я совершенно очарован химией как наукой, ведь все, что создается в моей лаборатории никогда раньше не синтезировалось, и никто не может рассказать мне о возможных качествах этих соединений. И это чувство вносит в мою работу постоянное радостное возбуждение, и я хотел бы поделиться им с вами.

Миллионы различных химических соединений известны людям, описаны в литературе и составляют наше научное наследие, но сколько еще неоткрытых потенциально полезных веществ существуют вокруг нас? Мы просто не там смотрели – это как зарытые клады или неоткрытые галактики – эти вещества нам еще не известны, но могут присутствовать в природе вокруг нас: в листе дерева, в лишайнике и т.д., и если мы будем достаточно настойчивы – мы обязательно их найдем, так как они есть в природе. Это процесс открытия, а не создания нового препарата.

Многие такие вещества могут быть обнаружены в животном мире – биохимические вещества, участвующие в процессах жизнедеятельности: продукты питания, метаболиты, гормоны, ферменты и минералы из которых мы на большую часть состоим. В чем-то мы все одинаковы, в химическом плане: например, вырабатываем мочевины. В чем-то мы совершенно разные – у каждого человека своя уникальная молекула ДНК. Также много веществ будет открыто в растительном мире: алкалоиды, стероиды, терпены, сахара и масла, причем все они могут оказывать действие на человеческий организм. А многие вещества находятся в более простых формах жизни, хотя я бы не называл бы их простыми: в грибах, бактериях, плесени, вирусах – все они испокон веков давали людям превосходные яды и противоядия. Причем часто с опасным для человека насекомым можно успешно бороться при помощи вещества, добываемого из родственного насекомого.

Но все эти существующие, но еще не открытые вещества – только малая часть общего количества возможных химических соединений. Многие вещества мы можем

создать сами, используя наше воображение и настойчивость. Управляя химическими реакциями, можно получить новые молекулы, не встречавшиеся в природе, про которые не известно, как они поведут себя в человеческом организме. Такие вещества не появились в процессе эволюции, и их действие на процессы жизнедеятельности не может быть легко предсказано. Давайте рассмотрим, как такие вещества создаются и что они из себя представляют.

Каким образом химик создает новое вещество? В давние времена новое соединение получали совершенно случайно. К середине прошлого века становилось известно все больше и больше химических соединений, и таким образом возрастало количество возможных комбинаций между ними. Путем кропотливого исследования этих комбинаций химикам удалось вывести законы, по которым проходят химические реакции. Через увеличение точности предсказаний, через развитие таких приемов исследования, как спектроскоп и хроматография, ученые пришли к концепции молекулярной структуры вещества. И последние сто лет химики чаще создавали новые вещества, чем открывали уже имеющиеся.

Так химики пришли к концепции целевого создания нового вещества. Появились различные методы управления синтезом, в то время как раньше химики просто смешивали компоненты и следили за возможной реакцией. Вместо принципа: "Возьмем щепотку того, щепотку того, смешаем и посмотрим, что получится" появился принцип: "Попробуем создать что-нибудь новенькое".

Подход к исследованию изменился. Теперь ученый задается вопросом: "Что мы можем получить?", вместо вопроса: "Что это мы такое получили?"

Если исходить из молекулярной структуры вещества, которое является лекарственным препаратом - естественно находить связи между действием вещества и его формулой. Таким образом стало возможно создавать вещества с прогнозируемым действием.

Два различных похожих по звучанию термина сегодня употребляются в научной литературе: "designing of drugs"- "создание новых препаратов" означает увлекательную научную работу на пользу общества, во время которой химики создают новые препараты, родственные старым; но есть еще один термин - "designer drugs" - "авторские препараты", не имеющий никакого отношения к первому. Когда-то давно фирма Ливайс изобрела и сделала популярными новый вид штанов - джинсы. С тех пор появилась практика внесения небольших изменений в дизайн обычных джинс, при этом на них ставится имя известного модельера, и такие джинсы продаются по крайней мере вдвое дороже: джинсы от Кельвина Кляйна или от Глории Вандербильт. Такие джинсы получили название "авторских" - и этот термин прочно вошел в теорию маркетинга и торговли. Когда полиция обнаружила на черном рынке серию неизвестных вариантов наркотика фентанила, профессор калифорнийского университета в Девосе Гари Хендерсон придумал для них общее название "авторские препараты", хотя никаких известных химиков с этими препаратами не

ассоциировалось – обычно их называли терминами сленга, например, "China white".

С тех пор термин "авторские препараты" используется исключительно в негативном контексте, создание авторского препарата подразумевает попытку обойти закон, то есть создать вещество похожее по действию на запрещенные вещества, но не описанное в законе.

Зачем люди создают новые препараты? Обычно по одной из трех причин: чтобы обойти законы о наркотиках, чтобы обойти законы об авторских правах и патентах и, наконец, чтобы получить новые инструменты для научных исследований. И каждый из перечисленных подходов определяет роль ученого в этом процессе. Первый – попытка обойти законы о наркотиках – породил сам термин "авторские вещества", который употребляется теперь исключительно в негативном смысле. Средний американец, услышав этот термин, знает, что имеется в виду что-то противозаконное. Если химик создает авторский препарат, он пытается найти лазейку в действующем законодательстве, следовательно, занимается преступной деятельностью и его надо остановить и наказать. Само такое вещество должно быть запрещено, так как оно создавалось только для наркоманов – отбросов общества.

Другая причина создания новых препаратов отличается от первой кардинальным образом, являясь торжеством законов и философии нашего капитализма. Лозунг таких исследований: "Попробуем нажиться на создании нового вещества". Это может быть популярный антидепрессант для фармацевтической фабрики, для сельскохозяйственной корпорации это может быть высокоэффективный инсектицид, для табачной компании это может быть вещество, усиливающее привыкание и делающее курение более приятным. Каждый такой продукт будет защищен патентом, так как же компания-конкурент может прорваться на рынок? Конечно же, с помощью своих химиков, от которых требуется создать новое вещество с теми же качествами, но с другой химической формулой – для того, чтобы обойти патент. Общество всячески приветствует такую практику, ученые участвующие в ней высоко ценятся и уважаются, считается, что они заняты благородным трудом и заслуживают поощрения.

А сами новые препараты признаются крайне ценными для общества, так как они повышают уровень жизни. Но хотя с виду причины создания новых препаратов совершенно различны – цель в обоих случаях одна и та же – обойти закон и заработать на этом деньги. Различие только в отношении общества к этим веществам, но метод исследования одинаковый. Ученый внимательно изучает известное вещество, процесс его синтеза и т.д., иногда даже воруя старые технологии, с целью получить похожее вещество, но не описанное в имеющемся законе (об авторском праве или о запрещенных веществах).

Третья и последняя причина для создания новых препаратов совсем не похожа на предыдущие две – это изобретение новых инструментов для научной работы. Например, можно создать препараты, которые помогут ученым понять такие свойства человека, как логическое мышление, самооценка (или ее отсутствие), мотивация

(или ее отсутствие), радость, эйфория, отчаяние или раздвоение личности.

Можем

ли мы создать вещество, которое расскажет нам что-то новое о человеческом сознании? Хочу напомнить, что речь не идет о мозге человека – он уже изучен до

мельчайших анатомических деталей, много работ посвящено его биохимии, исследуется работа его рецепторов. Все эти процессы изучаются сейчас на мозге крысы, так как это единственный материал для опытов нейробиологов. Я же говорю об

изучении сознания, присущего исключительно человеку. Как нам создать инструменты

изучения здорового сознания? Как нам изучить возможности лечения проблем мыслительной деятельности (не функционирования мозга)? Или инструментов изучения, а может даже расширения возможностей человеческого сознания, чтобы раздвинуть границы сегодняшних человеческих способностей?

Некоторые такие препараты могут химической структурой запрещенные вещества,

и органы правопорядка могут посчитать, что ты занимаешься преступной деятельностью, за чем может последовать осуждение со стороны общества и соответствующее наказание. А препарат, который ты создал будет запрещен.

А некоторые новые вещества смогут использоваться в медицине и обогатить своего создателя – промышленность будет предлагать тебе запатентовать твоё открытие, чтобы наладить массовое производство. Общество будет гордиться тобой

и, может быть, даже наградит тебя, и твоё новое вещество будет защищено патентом

и таким образом спрятано от других исследователей.

Но в большинстве случаев эти препараты нельзя применять ни как лекарство,

ни как наркотик, они просто – инструменты изучения человеческого сознания.

Я увлечен разработкой и созданием именно таких препаратов. Я бы хотел рассказать вам о мире этих веществ, используя мою специальную терминологию. Процесс создания таких инструментов похож на рисование картины: перед тобой голый холст, у тебя есть целая палитра красок – то есть коллекция химикатов, растворителей, катализаторов и реагентов. У тебя также есть талант и опыт создания таких произведений, и еще у тебя есть образ того, что должно получиться, есть цель. Может быть в конце работы ты будешь сам изумлен тем, что

у тебя получилось, но ты знаешь общее направление работы. Давайте проследим шаг

за шагом за созданием одного из таких веществ от первоначального замысла до производства, через дальнейшее изучение – к пониманию действия препарата.

Я выбрал для примера препарат под названием DIPT. В самом начале разработки

этого препарата я уже примерно знал, что хочу создать. Все мои лучшие творения

были созданы на двух типах "холста": ядре фенэтиламина или ядре триптамина, в данном случае я выбрал ядро триптамина, но как мне его "раскрасить"? По опыту предыдущих работ я знал, что если прикрепить к ядру много "жирных мазков" может

получиться вещество, активное при пероральном применении, так может быть нужно

поместить ядро на ароматическое кольцо? Нет, попробуем что-нибудь попроще, создадим вещество с простой формулой и может быть получим интересный препарат.

Простите меня за то, что я применяю сразу термины живописи и химии, но во многих

случаях словарь понятий этих областей совпадает.

Продолжим описание первой стадии работы: что мне поместить в правой части картины? Может – парочку изопропиловых групп? Их никогда не употребляли в таком соединении, и у них есть приятная трехмерная структура и очень важный для нас объем. Все – у нас есть готовый замысел, пришло время наносить краски на холст. Эта часть работы может быть самой сложной, а может пройти легко и просто, но всегда при этом мы получим массу полезной информации. Причем больше всего информации мы можем получить, когда ничего не получилось – именно так мы узнаем неожиданные вещи о химических процессах. Но в данном конкретном случае все прошло успешно. Вкратце, пользуясь жаргоном химиков, дело было так: из индола мы получили через оксалил хлорид и диизопропиламин – глиоксамид, который путем несложных операций превратился в DIPT – получившийся гидрохлорид представлял собой твердое белое вещество.

Теперь, когда новый потенциально активный препарат создан, мне необходимо изучить его действие. Новое вещество – как новорожденный ребенок. Совершенно неизвестно, что из него получится. Мне известна формула вещества и процесс его синтеза, но сам препарат мне еще совершенно незнаком. Теперь я буду взаимодействовать с моим детищем с осторожностью, любопытством, восторгом – я буду изучать препарат, а он будет изучать меня, воистину – взаимовыгодное сотрудничество. Скоро я узнаю о действии препарата, но всегда буду помнить, что это – мои субъективные наблюдения, и я могу вносить в описание действия препарата что-то присущее только мне. Таким образом мы знакомимся. Первый раз я ощутил природу нашего знакомства, когда в своем кабинете слушал по радио "Рассказ об оркестре для самых маленьких" Бенджамина Бриттена. Вещь звучала совершенно ужасно. Перед этим я принял 18 миллиграммов DIPTа, и теперь я получал первую подсказку о возможном его использовании при изучении человека. С его помощью, оказывается, можно изучать то, как мы слышим.

Я просто не представлял, как такой ужасный оркестр могли допустить на радио, и вдруг мое внимание переключилось на то, что внутри меня, а не снаружи. Я почувствовал, что высота некоторых звуков заметно понижается. Причем разные отдельные ноты искажались по-разному. Слово кто-то замедлял пластинку, но только никаких искажений в восприятии времени не происходило. Происходило комплексное искажение аккордов, и то, что должно было звучать гармонично, неожиданно звучало как диссонанс. Такое специфичное искажение позволяет предположить, что перед нами уникальный инструмент изучения связи физического звука и того, как мы его воспринимаем. Дело в том, что звук, входящий в наше ухо может разительно отличаться от нашего о нем представления. опыты показали, что DIPT оказывает влияние на восприятие звуков у всех людей. Во время одного эксперимента два человека с абсолютным слухом определяли высоту отдельных нот до, во время и после принятия препарата. Их ответы были совершенно правильными до принятия препарата, потом они стали ошибаться чаще и чаще, потом, когда действие вещества закончилось, они снова стали давать правильные ответы. Таким

образом было доказано наличие уникального действия DИРТа, и был составлен его график, в зависимости от дозировки.

Таким образом мы получили прекрасный инструмент исследования одной из сложнейших функций человеческого мозга. Может быть удастся изучить на какие нейротрансмиттеры он влияет, может быть можно будет изучить динамику его действия на организм. А как он будет влиять на людей без слуха? А как он подействует на шизофреника, которому слышатся неземные голоса?

А самое главное – этот препарат может стать прототипом нового инструмента.

Возникает много вопросов: что нам нужно от нового препарата, нового инструмента?

как нам создать этот новый препарат? как мы будем изучать его свойства? и какие

новые препараты мы можем создать на его базе? И этот цикл вопросов можно повторять бесконечное число раз. И тогда, может быть, мы придем к созданию какого-нибудь совершенно удивительного вещества, с помощью которого можно будет

еще больше узнать о загадках человеческого сознания.

В этом и заключается настоящее волшебство концепции "создания авторских веществ".

ЧАСТЬ ПЯТАЯ. ХИМИЯ И ПОЛИТИКА.

ГЛАВА 21. МОЖЕМ ЛИ МЫ И НУЖНО ЛИ НАМ ?

Примерно неделю назад я возвращался с ежегодного совещания Клуба Совы, со мной в машине был Мартин, и мы заговорили о только что прослушанном докладе одного техасского онколога. Хотя доклад был скучный, зато построен он был по всем законам логики, и речь в нем шла о канцерогенных факторах окружающей среды, особенно о тех из них, которых можно было бы избежать. Не удивительно, что больше всего говорилось о вреде табака.

Я не помню всех данных статистики, но помню, что они потрясли. В начале века рак легких был редчайшим диагнозом, сегодня это одна из основных причин смерти, причем как мужчин, так и женщин. Без сомнения, сердечные приступы и эмфизема также напрямую связаны с курением. То же можно сказать о раке мочевого пузыря. В общем, сигареты стали важнейшим канцерогенным фактором со всеми вытекающими из этого трагическими социальными и экономическими последствиями. И вот мы стали рассуждать, можно ли запретить курение табака.

Получилась как бы, игра – я предлагал некое ограничение, Мартин комментировал его и предлагал следующий шаг и т.д. В результате мы разработали

примерно такую программу по запрещению табака, рассчитанную на десять лет:

Сначала постепенно сокращаем субсидии табачным плантациям, так, чтобы фермеры могли бы перейти на другие культуры. Уже на этом этапе мы экономим государственные деньги. Потом вводим закон, по которому курение в общественном

месте становится правонарушением. Скажем – штраф пять долларов с конфискацией окурка. При этом выдается квитанция, так что если курение прописано тебе врачом,

ты можешь через суд вернуть себе пять баксов (и окурков). Именно так в Париже

успешно запретили звуковые сигналы машин. Сначала пытались угрожать арестом и штрафом после суда. Не помогало – все равно постоянные гудки на улице. И вдруг

распоряжение – за неоправданный гудок штраф пять тысяч франков на месте. И все –

через двадцать четыре часа – полная тишина. Поэтому – запрет на курение в общественных местах. Пожалуйста, кури дома, в машине, в гостиничном номере, в телефонной будке – там, где нет других людей.

Потом, когда запрет на курение в общественном месте станет нормой поведения, вводим государственную монополию на продажу табачных изделий. Теперь

сигареты можно купить только в определенные часы. Опять-таки мы серьезно помогаем бюджету, по примеру Швеции, где были национализированы все фармацевтические предприятия. А полученные деньги направляем на медицинские исследования, например, в области онкологии. Я думаю, никто не будет возражать.

Мы с Мартином вошли во вкус. Через пару лет – затягиваем гайки. Теперь преступлением становится ношение открытой пачки сигарет. Перед бедным курильщиком встает выбор – либо бросать курить (этого мы и добиваемся), либо уйти из общественной жизни (по крайней мере их теперь не увидишь на улицах). И

если во время обыска у тебя нашли открытую пачку сигарет, это считается отягчающим обстоятельством.

Конечно появится черный рынок табака, контрабанда станет доходным делом,

но все равно через некоторое время человеческие страдания и государственные затраты, вызываемые курением табака, сократятся до приемлемых размеров. Внушительная программа.

Я спросил у Мартина:

- Как ты считаешь, можно воплотить нашу программу в жизнь?
- Да, хотя работы у полиции заметно прибавится.
- А нужно ли нам воплощать ее в жизнь?

После недолгой паузы Мартин улыбнулся и покачал головой:

- Нет. У нас отличная система гражданских свобод, и не хотелось бы ее терять, даже если с медицинской точки зрения программа оказалось бы очень полезна.

- А почему тогда запрещен героин?

Мартин не смог ответить.

ГЛАВА 22. БАРЬЕРЫ НА ПУТИ ИССЛЕДОВАНИЙ.

(Рассказывает Шура)

Последнее время становится невозможно отследить весь поток научных публикаций. Каждый год появляются новые журналы, которые освещают еще более узкую область и обращаются еще к более узким специалистам. Частично причина появления этих журналов – сложившаяся в научном мире этика, заставляющая гнаться

за количеством публикаций, потому что от него зависит твой статус. Эта этика сильно давит на молодого ученого, которому нужно выдавать публикации, чтобы утвердиться в университете или пробить финансирование для своих проектов. По этому поводу есть замечательная шутка: Кто такой фармаколог? Это человек, публикующий по крайней мере семь работ по поводу одного укола. Иногда такая практика называется "наука ломтиками". Работа за работой выходит в свет об одном

и том же эксперименте, но о разных его аспектах. Вводим препарат в беременную

мышь. Запускаем ее в лабиринт – готова работа о различении препарата.

Собираем

ее помет – работа об изменении обмена веществ. Еще раз через некоторое время собираем ее помет – и обращаем внимание научной общественности на фармакодинамические кинетические изменения. Когда у мыши появляется потомство –

пишем заметку в журнал о генетических изменениях, и т.д., и т.п. Иногда автор прячет факт самого укула в экспериментальной части, иногда – не стремится скрыть

свою лень, справедливо полагая, что никто не захочет, да и не сможет физически

отследить всю литературу по данному вопросу.

Другая причина увеличения потока научных публикаций – самовыражение другого

рода. Представим себе некоего стареющего профессора ботаники, который решил узнать, сколько ученых еще помнят о его удачной работе двадцатилетней давности

по описанию растений рода *xelorhrobida*. "Может уже пора выпустить бюллетень "Заметки о кселорробидях". Наверное, я уговорю издательство, если найду двести

подписчиков. И попрошу всех моих друзей прислать мне по заметке в обмен на должности зам. редактора и бесплатные годовые подписки.

Обычный налогоплательщик не представляет, сколько государственных денег уходит на такую чепуху. Каждый месяц появляется десятки журналов, иногда объемом

до пятидесяти страниц, причем, редакция обещает, что они будут выходить раз в два месяца. Все они разбираются государственными библиотеками по баснословной годовой подписке в районе 320 долларов. И как не трудно догадаться, часто доживают только до второго номера. Многие такие журналы посвящены наукам, появляющимся на стыках между разными дисциплинами, поэтому нередки названия вроде: "Психонейроэндокринология", "Вопросы неврологии, нейрохирургии и психиатрии", "Клеточная инженерия и биология развития". Иногда встречаются откровенно местнические названия типа: "Комментарии профессора Макгира". Выполнив свое назначение, журналы такого рода быстро исчезают. Это низший уровень научных публикаций.

Средний уровень состоит из изданий, которые специализируются на какой-то отдельной научной дисциплине. Таких журналов много, они выходят на постоянной основе и имеют свою аудиторию. Обычно название совпадает с тематикой:

"Токсикология", "Фитохимия", "Аналитическая химия", "Журнал фармакологии", "Неврология". Часто эти журналы издаются научными обществами и служат дополнительным уровнем общения, позволяя не только обмениваться новой информацией, но и просто поддерживать контакт между ежегодными конференциями. Примером таких изданий являются "Журнал американского химического общества" и "Журнал королевского медицинского общества". Публикация в таких журналах является признанием статуса ученого, так же как и членство в научном обществе. "

– Вы фармаколог? – Да, я член общества фармакологов и публикуюсь в печатном органе общества. – Ну, тогда вы точно фармаколог". Новые открытия становятся достоянием научной общественности через публикации в таких журналах.

А как насчет высшего уровня научных изданий, посвященных широкому спектру

исследований и дисциплин? Во времена моей молодости, когда я только начинал осваивать этот чудесный мир, меня учили, что любая страна, претендующая на статус передовой, имеет свой главный научный журнал – своего рода эмблему своей

науки. Для ученого публикация в таком журнале означала международное признание и

уважение со стороны коллег. В Англии был журнал "Science", в США "Nature", Швейцарии "Experimenza", во Франции "Competes Revues", в Германии "Naturwissenschaften". Изначальным принципом всех этих изданий было публиковать работы по всем отраслям науки, но с годами стало ясно, что такой подход не является самым выгодным в плане количества подписчиков, и все они стали более специализированными, теряя направленность на читателя с широким кругом интересов.

"Science" – еженедельник AAAS – американской ассоциации развития науки – отличный пример. Раньше журнал публиковал материалы по археологии, геологии, астрономии, математике, эмбриологии и т.д. Сейчас редколлегия, к сожалению, большую часть журнала посвящает геной инженерии и ДНК. Их можно понять, учитывая, что государство выделяет десять миллиардов долларов на исследования в данной области. Здесь есть деньги, здесь можно получить радостные отклики читателей, здесь, в результате, можно больше заработать на рекламе. Но я вынужден отметить, что считаю такую политику банальной проституцией, и поэтому я почти забыл о своем членстве в AAAS.

Насколько же я был удивлен, получив приглашение сделать доклад на конференции ассоциации в Сан-Франциско, посвященной "авторским препаратам". Мне также сообщили, что рамки темы жестко не ограничены. Я подумал, что на конференции обязательно зайдет речь о МДМА, незадолго до этого попавшего в список 1 (запрещенных препаратов) через процедуру, предусмотренную законом 84 года "О неотложном внесении в список запрещенных препаратов". После запрета прекратились все клинические исследования МДМА, и я решил что мне нужно посвятить свой доклад этой теме. По мнению властей МДМА не имеет никакой ценности как лекарство – именно из-за этого его поместили в список 1 среди самых опасных веществ. Теперь после прекращения всех исследований стало невозможно доказать его ценность для медицины. Я видел, что власти лишают нас свободы научного поиска и решил, что буду говорить об этом. Так почему бы не использовать для этого конференцию AAAS 89 года?

На следующих страницах я привожу текст моего доклада. Сначала я хотел озаглавить его "Психоделики и геновая инженерия", но потом я оставил эту идею. Доклад был зачитан перед аудиторией из примерно четырехста ученых, и большинство из них пропустило его мимо ушей.

Барьеры на пути исследований.

Несколько лет назад в докладе калифорнийской ассоциации токсикологов я писал, что США может гордиться своим законом о запрещенных препаратах. Примерно 250 веществ и четыре растения были взяты под контроль федеральных служб, все они строго определены и описаны, так что в судах практически не возникает споров по поводу того, было ли конфискованное вещество запрещенным или нет.

Также четко была разработана процедура внесения новых веществ в список запрещенных. Если федеральные власти считали, что вещество стало опасным для общества и требуется запрет на него, они публиковали свои соображения в федеральном реестре. Через шестьдесят дней после публикации вещество либо становилось запрещенным и помещалось в список 1 или 2 согласно потенциальной опасности, либо назначались слушания, чтобы подробнее разобраться в данном вопросе.

Многие представители органов правопорядка были недовольны, что процедура занимает слишком много времени. Поэтому в 1984 году был принят закон "О неотложном внесении в список запрещенных препаратов", по которому внесение стало возможным без слушаний и через тридцать дней после публикации. Закон было решено применять только к веществам, угроза от которых общественному порядку была очевидна. Было дано четкое определение, какие препараты могли попадать под действие закона, да и слушания могли проводиться по требованию уже после объявления запрета.

Фентанил – синтетическое вещество, которое употреблялось в медицине уже много лет, послужил поводом для принятия закона "Об аналогах запрещенных препаратов". В 1986 году бельгийская фирма Janssen Pharmaceutica синтезировала

большое количество структурных модификаций Фентанила. Такие из них как Анфентанил, Суфентанил, Лофентанил и Карфентанил были успешно внедрены во врачебную и ветеринарную практику. По действию все эти вещества напоминают морфин, с различиями по интенсивности и длительности действия. Ученые синтезировали множество других структурных модификаций данного вещества.

И вдруг одна такая модификация была замечена в уличной героиновой торговле.

Не успели органы правопорядка взять ее на заметку, появилась еще одна разновидность препарата, и власти заволновались. Администрация по борьбе с наркотиками DEA выразила опасение, что если новые модификации, которые кто-то назвал "авторскими", по примеру "авторских джинс", будут дальше появляться на черном рынке, работа полиции будет затруднена. Значит нужен новый закон, более глобальный, чем закон 84 года.

Обращаю ваше внимание на сам термин "авторские препараты". Я не понимаю, как мы, ученые смогли допустить, что такой идиотский, унижительный термин появился на нашем собрании, а мы даже не пытаемся показать его бессмысленность.

Мы все знаем, что любое новое вещество, неважно на кого ты работаешь, всегда будет "авторским препаратом", который ты, автор, создал для определенных задач.

Может, для того, чтобы обойти закон об авторских правах и патентах или для того, чтобы опубликовать научное сообщение. И всегда новый препарат будет модификацией старого, хорошо известного вещества.

DEA направила проработанный пакет предложений в Конгресс через генерального прокурора. Там указывалось на необходимость принятия закона по "Авторским препаратам", закона, который касался всех потенциально опасных новых веществ, не входящих в официальную фармакопею. Так Конгресс получил четкую инструкцию, как взять под контроль все "авторские препараты".

Рекомендация была выполнена почти дословно, и был принят новый закон – попытка запретить все, что может появиться на рынке наркотиков "Закон об аналогах запрещенных препаратов". Закон был подписан 27 октября 1986 года незадолго до выборов, и дискуссии о его принятии потонули в предвыборной шумихе.

Лично я считаю, что этот закон представляет досадное препятствие на пути целого направления научных исследований.

Разберем две основные составляющие закона. Во-первых, что такое аналог?

Во-вторых, что такое преступная деятельность, связанная с аналогом?

Согласно закону препарат является аналогом, если попадает под следующие определения:

Во-первых, рассматривается химическая структура препарата. Если она по существу похожа на структуру одного из запрещенных веществ - то препарат становится аналогом. А какие химические структуры мы можем найти в списках 1

и 2? Да любые! Все четыре типа аминов, все три вида алкалоидов, кислоты, сложные и простые эфиры, амиды, кетоны и нитриды. Там есть гетероциклические соединения: пиперидины, пиридины, пирромидины, имидазолы, индоли, морфолины, пурины, пиримидины, пираны, квиназолины, оксозалины, тиофены, диоксоли. А еще простые бензольные кольца ароматических веществ, простые небензольные кольца алифатических соединений, включая циклопропиловые кольца, циклобутиловые кольца, циклопентиловые и циклогепсидовые кольца. Трудно найти препарат, который по мнению некоторого ученого не обладал бы структурой, похожей на структуру одного из запрещенных веществ.

И кстати, почему вообще употребляется туманная фраза "по существу похожа".

На языке риторики такой прием называется "оговоркой", которая вводится, чтобы допустить свободу интерпретации. Такие слова и обороты как: "почти", "наверняка", "приблизительно", "через некоторое время" - все это - типичные оговорки. Так вот, некоторая неясность есть уже в термине "по существу", как и в

термине "похожий". Но что вы скажете по поводу "по существу похожий"?

Пропадает

вся точность и ясность закона о запрещенных препаратах.

Второе определение аналога затрагивает его фармацевтическое действие. Препарат обладающий стимулирующим, седативным или галлюциногенным действием, по существу похожим на действие запрещенного вещества, автоматически становится его аналогом. В общем, любой препарат, с действием на ЦНС похожим на действие запрещенного вещества, будет аналогом. Опять обратите внимание на двойную оговорку.

Третий критерий продолжает второй, но касается того, что о препарате говорится. Если кто-то намеренно рекламирует препарат, как имеющий действие, по существу похожее на действие запрещенного вещества, то этот препарат - аналог.

Обычно двух из этих трех критериев достаточно, чтобы препарат был признан аналогом. В законе подробно обговаривается, случаи, когда препарат не может стать аналогом: если он уже есть в списке 1 или 2, если он применяется во врачебной практике, если ученому удалось получить разрешение на исследование препарата и, наконец, если препарат не предназначен для употребления человеком.

А что же считается преступной деятельностью, связанной с аналогом?

Попытка

применения препарата на человеке. В этом случае аналог рассматривается как запрещенное вещество из списка 1.

Таким образом впервые государство решает, можно или нет проводить клинические испытания препарата на человеке.

Последние годы защитой общества от некачественных и неэффективных лекарств занимался Департамент Питания и Фармакологии – FDA. Основной задачей администрации было изучение протоколов оценки полезного и вредного действия новых лекарств, что защищало общество от любых спекуляций по этому поводу. Теперь FDA должен только высказываться по поводу целесообразности введения лекарства во врачебную практику, учитывая его потенциальный вред.

FDA всегда избегала любых действий, которые могли бы как то влиять на практику применения лекарства – этим занимались только медики. FDA не вмешивался в научные исследования – за них отвечали сами ученые. FDA не имел права влиять на ход исследования или, тем более, запрещать его. Все это было областью отношений самого ученого с его коллегами и людьми добровольно участвующими в его

экспериментах. Теперь разрешение на проведение исследования зависит от органов правопорядка DEA, и я считаю такое положение вещей абсурдным и неприемлемым

Мы, ученые, смирились с тем, что нарушены вековые традиции нашей работы. Мы

подчинились властям, не имеющим отношение к научному миру, и позволили им влиять на направление наших поисков. Я замечая, что последние несколько лет в нашей стране теряется традиция самостоятельного исследования и личной ответственности за методы и результаты этого исследования.

Я настойчиво призываю к внесению изменений в действующее законодательство, которое отдает контроль за работами по изучению человека бюрократам и политикам и отбирает его у ученых.

Думаю, мой доклад вызовет массу вопросов, я готов постараться на них ответить.

Вопрос: Опыты по моделированию человеческих болезней у животных имеют огромный успех. Почему бы нам не использовать животных для изучения новых препаратов, во избежание неизменного риска, связанного с экспериментами на человеке?

Согласен, использование животных моделей человеческих болезней дает нам превосходный материал. Например, болеутоляющие вещества можно замечательно опробовать на животных, которым дают болевые стимулы. Действие препаратов, понижающих давление или уровень холестерина в крови можно изучать на животных с высоким давлением или уровнем холестерина в крови. На животных можно проследить побочное действие препарата. Во всех этих случаях опыты над животными являются незаменимым инструментом для открытия новых лекарств и оценки их действия, в том числе побочного.

Можно также использовать животных в исследованиях лечения тех болезней, которые бывают только у людей: депрессии, беспокойства, психоза. В этом случае мы изучаем реакцию животного на лекарство, которое, как мы уже знаем, устраняет симптомы болезни у человека. Но мы не можем полностью полагаться на результаты таких опытов, потому что у животных не бывает данных болезней. К примеру: мы

знаем, что антипсихотический препарат, который успешно применяется во
 лечебной
 практике, оказывает некое выраженное действие (изменение в поведении и
 биохимических процессах) на лабораторное животное. Если совсем другой
 препарат
 оказывает точно такое же действие, мы можем предположить, что он тоже
 обладает
 антипсихотическим действием. Такая работа может привести к открытию новой
 семьи
 антипсихотических лекарств, но окончательная их оценка должна проводиться во
 время изучения их влияния на человека с симптомами психоза. Животная модель,
 при
 нейробиохимических и рецепторных исследованиях, может даже помочь нам объяснить
 природу происхождения человеческого психоза, но такая модель всегда будет
 надуманной. В природе нет крыс больных психозом.

А для изучения некоторых аспектов человеческого сознания животная модель
 просто непригодна. Такие явления как сострадание, воображение, низкая
 самооценка, сознание собственной смертности и поиск смысла жизни – все это
 уникальные продукты человеческого мышления. Ни одно из вышеперечисленных
 явлений
 не было достоверно зафиксировано у крысы. И я уверен, что ни одно из этих
 явлений не будет объяснено изучением распределения нервных клеток в крысином
 мозгу. Так можем ли мы использовать крыс для экспериментов с лекарствами,
 способными влиять на эти аспекты человеческого ментального и эмоционального
 опыта. Если мы хотим заниматься такими исследованиями, то нам придется
 ставить
 опыты на человеке.

Вопрос: Но ведь в государственных агентствах работают люди с безупречной
 научной репутацией, как можно сомневаться в их действиях и оценках?

Ответ будет простым и кратким. Любой честный человек – ученый, философ,
 исследователь – не терпит, когда кто-либо ограничивает свободу его поиска.
 Если
 поиск бессмысленный или ведется неправильно, честный человек сам отвечает за
 свои ошибки и сам учится на них. Сам ставит себе задачи, сам выбирает методы
 и
 сам приходит к результатам.

Я считаю, что сейчас разрешения на определенные исследования, я имею в
 виду
 – связанные с опытами на человеке, выдаются или не выдаются не из-за научной
 целесообразности, а по политическим причинам.

Вопрос: Так вы считаете, что нужно разрешить опыты над людьми?

Не все, конечно. Любые такие опыты должны регулироваться законом, потому
 что до сих пор существуют люди, которым чуждо сострадание, и которым
 наплевать
 на страх и боль других людей. Мы знаем, что такие люди были в гитлеровском
 третьем рейхе, мы знаем, что такие люди есть в нашем ЦРУ. Должны быть законы,
 защищающие слабых от тех, кто злоупотребляет своей властью. Такие же законы,
 как
 против соращения малолетних или нахождения за рулем в нетрезвом виде. И
 такой

закон должен предусматривать три традиционных условия:

- 1 Личное информированное согласие человека, участвующего в опыте.
- 2 Надзор со стороны коллег – научной общественности.
- 3 Личная ответственность ученого за результаты эксперимента.

Все. Остальные законы не нужны. Никакой декриминализации или
 легализации,

что означало бы введение новых законов поверх старых. Нужно просто отменить все запреты на вещества и препараты.

Концепция информированного согласия дает лучший ответ на вопрос, кого закон должен защищать. Информированное согласие может дать только взрослый, отвечающий за себя человек, не ребенок. Он должен отдавать себе отчет о своем социальном и личном статусе. Должно быть полностью исключено любое насилие (угрозы или обещания вознаграждения).

Надзор со стороны коллег – другая важная часть традиции, позволяющая защитить общество от манипуляций сумасшедшего, социопата или авантюриста, который может каким-либо образом убедить людей принять участие в его исследованиях.

Полная ответственность за результаты должна осознаваться самим ученым. Он должен на собственном опыте убедиться, что новое лекарство неопасно для жизни и не обладает страшными побочными эффектами. Такая уверенность возможна только если сам принимал препарат в тех же или больших дозах, которые собираешься предложить людям. Я считаю, что в области психофармакологии, особенно в связи с новыми лекарствами, влияющими на сознание, любой ученый, не проверивший действие препарата на себе, поступает безответственно, давая его другому человеку.

Эта этика постепенно и неуклонно исчезает из нашей науки. Мы считаем, что официальное разрешение снимает с нас личную ответственность, освобождает нас от риска. А в случаях, когда вводишь в организм препарат влияющий на процессы мышления, или на физиологические процессы, риск всегда есть. И всегда будет.

Если разобраться во всех законах, ограничениях и потере научной самостоятельности невольно возникает вопрос: неужели мы боимся заглянуть в процессы человеческого мышления? Неужели мы настолько не доверяем тому, что мы можем там найти, что нам нужно законодательно закрывать целые направления исследования?

Что же ждет нас ждет в области изучения сознания (а не химии мозга), если законы останутся прежними? Изучение сознания началось с появлением человека и будет продолжаться, пока человек не потеряет свое природное любопытство. Инструменты исследования неизменны уже много лет: медитация, изучение сна и сомнамбулизма, исследование гипнотического состояния и, наконец, изучение действия психоактивных препаратов, вносящих изменения в наше восприятие или сознание. Было бы трагедией, если накопленные в этой области знания рассеются и уйдут в подполье, публикуясь в виде запрещенных памфлетов, как во времена средневековья. Информация, которая должна публиковаться в серьезных журналах уважаемыми и достойными учеными будет потеряна для научного сообщества и станет частью оккультизма. И это уже происходит. В нашем обществе намечается громадный разрыв между серьезными научными печатными органами и андерграундными мистическими, психологическими, алхимическими изданиями, и это подпольное знание передается не от лаборатории к лаборатории, а от одного книжного магазина к

другому.

Что будет потеряно в рамках этих новых законов?

Будет потеряно все. Ведь власти утверждают, что изучение здорового сознания с помощью химических препаратов не имеет никакой научной ценности, не может ответить ни на какие глобальные вопросы, следовательно, риск недопустим и все такие исследования запрещаются.

Но лично я уверен, что сейчас как никогда раньше в истории человечества нам нужно понять феномен человеческого сознания. Мы активно изучаем человеческий мозг. Вводим в него излучающие протоны лиганды, что позволяет точно определить расположение групп рецепторов, которые тут же получают свои названия. Изучаем мозг с помощью самых чувствительных спектрометров, которые позволяют найти малейшие следы метаболизма в жидкости мозга. Но при этом, человеческое сознание остается на удивление непопулярным объектом исследования. Я замечал во многих ученых недоверие, опасение или даже панический страх по поводу этой темы. А некоторые вообще не признают его существования. Пока на попытках изучения сознания зарабатывают только психотерапевты, террористы и сценаристы фильмов ужасов.

Я совершенно уверен, что химия может предоставить прекрасные инструменты для научного изучения сознания. За последние тридцать лет я приложил немало усилий для понимания мыслительных процессов путем создания препаратов, влияющих на эти процессы. Мой метод состоит из нескольких этапов. Сначала создается концепция препарата с возможным эффектом на процесс мышления и восприятия. Препарат синтезируется, проводятся опыты на себе, во время которых либо отмечается биологическая активность препарата, либо по разным причинам препарат забраковывается.

Большинство препаратов, как оказывается, не имеют ожидаемого действия, но немногие исключения полностью оправдывают затраты сил и времени. Отобранные препараты проходят клинические испытания с участием небольшой группы опытных добровольцев, что позволяет опубликовать результаты исследования действия вещества в медицинской и фармакологической литературе, и тогда другие ученые могут продолжить изучение препарата. Именно таким образом мной было открыто и описано несколько ценных инструментов для экспериментов с сознанием и потенциальных лекарств: Прототипный галлюциноген DOM (STP), лиганды рецептора серотонина DOI и DOB, вещество DIPT, влияющее на слух. Все эти препараты было бы невозможно открыть другим методом. Так вот я всего лишь призываю к возобновлению таких экспериментов. Я хочу, чтобы были сняты искусственные барьеры, которые если и не запрещают исследование, то серьезно его ограничивают. В современном социальном и политическом климате этих ограничений часто достаточно, чтобы закрыть для ученого направления поиска, которые я считаю исключительно важными. Например, недавно на конференции в нейропсихофармакологическом колледже в Пуэрто-Рико возникла дискуссия о замечательном и противоречивом веществе МДМА. Это вещество обладает необычной способностью в большинстве случаев побеждать в пациенте психотерапевта беспокойство и недоверие, которые у людей с хрупкой психикой является непреодолимым барьером, чтобы выразить свои чувства и эмоции

другому человеку. Как неоднократно свидетельствовали пациенты и терапевты, МДМА

позволяет без страха и самоуничтожения заглянуть в свой внутренний мир, увидеть

себя со стороны. При этом сохраняется самоконтроль и ясный ум.

Недавние опыты на приматах показали, что у некоторых животных наблюдается

долгосрочные изменения в серототинных системах мозга. Проследить такие изменения

в человеке пока никому не удавалось.

Я убежден, что такого типа инструмент должен использоваться как дополнение

к психотерапии. Но официальная позиция такова: МДМА обладает большим фактором риска и не имеет ценности для медицины. По-моему, эта позиция не верна, так как

степень риска для человека невозможно выявить на опытах с животными, а МДМА, как

показали исследования, менее токсичен, чем одобренный FDA фенфлюорамин – препарат, подавляющий аппетит. Я вижу огромное количество показаний к

медицинскому применению МДМА. Но FDA не разрешил провести оценку нового

препарата, и поэтому, так как FDA не считает МДМА "применяемым во врачебной

практике препаратом", она практически запрещает это вещество к применению в

медицинских целях. А ведь МДМА отлично зарекомендовал себя во многих случаях

клинического лечения и терапевтического вмешательства.

Но в связи с тем, что МДМА привлек внимание властей в то же время, что и

знаменитые аналоги Фентанила, его тоже обозвали "авторским препаратом", то

есть

веществом не имеющим пользы и потенциально опасным. DEA считает его

галлюциногеном, хотя МДМА – не галлюциноген.

Как теперь можно обнаружить препараты с похожим действием? Согласно

действующему законодательству все они будут по определению аналогами, то есть

будут иметь действие, по существу похожее на действие запрещенного вещества,

и

все попытки его изучения при помощи экспериментов с людьми без разрешения FDA

будут уголовно наказуемы. А насколько я знаю, никакие опыты с животными не

смогли бы выявить те уникальные способности МДМА, которые отличают его от

близких по структуре стимуляторов.

Это только один пример того, как из-за господствующих политических и

научных взглядов закрываются целые направления изучения неисследованных

областей

человеческого сознания.

Пытаясь помочь правоохранительным органам, пытаюсь пропагандировать

идеал

социального поведения, мы позволили властям принять законы, отнявшие у нас

свободу научного поиска. Если мы и дальше будем молчать, соглашаться со

сложившейся ситуацией, мы потеряем не только единство научного мира, но и,

как я

уже говорил, мы потеряем огромное количество важной научной информации,

важной

не только для ученых, но и для всего общества в целом.

Открытия в области функционирования человеческого сознания должны

делаться

на виду, а не в подполье. Попытки разработать общий словарь для разных

уровней

личного опыта, попытки поделиться информацией и теориями по поводу новых

фактов

– все это должно делаться открыто, а не в виде засекреченных переговоров и

анонимных публикаций.

Изучение человеческого сознание – насущная проблема для продолжения человеческого рода. И мы должны приложить немало усилий в этом направлении, мы должны использовать все инструменты, но только с осторожностью, любовью и уважением.

ГЛАВА 23. ЗАГАДОЧНЫЙ МИСТЕР ДЖОНС.

(Рассказывает Шура)

В одной из предыдущих глав я упомянул о своей поездке в Австралию, где я, помимо прочего, разыскивал лозняк и некоторые виды акаций. Я также рассказал о своих прогулках по чудному городу Сиднею, но я не объяснил основной цели моей поездки.

Так вот, я прибыл туда по приглашению адвокатов по делу о криминальном использовании препарата под названием Нексус. Анализ показал, что в его пробах содержится высокий процент вещества 2С-В, которое впервые синтезировал и описал я. Теперь я должен был давать свидетельство о свойствах этого вещества в зале суда. Нам с Алисой забронировали номера люкс в дорогом отеле Шеридан в тихом районе Сиднея. Больше всего меня поразила громадная разница в судопроизводстве между Австралией и США. Например, роль адвокатов и юристов здесь совсем другая.

Так как слушания несколько раз откладывались, у нас было много времени, чтобы ознакомиться с городом и его жителями.

В числе прочего мы обнаружили, что телефон играет в жизни сиднейцев гораздо более важную роль, чем для средних американцев, также мы были сильно удивлены странными названиями для видов приготовления кофе. На улице часто можно было увидеть ветхих старушек, разговаривающих по сотовому телефону по пути в магазин.

А когда мы подымались на площадку обозрения, из 16 человек в лифте – четыре говорили по сотовому. Неожиданным оказался способ произнесения телефонных номеров. Если в Америке нужно произнести две одинаковых цифры в номере, мы говорим, к примеру: три, два, два, пять. В Сиднее в этом случае сказали бы: три, дважды два, пять. А как насчет 1333? Один, трижды три. Я спросил у нашего друга-адвоката, что делать, если подряд идут четыре цифры, скажем 255558? Оказалось – два, дважды пять, дважды пять, восемь. По поводу пяти цифр никто не смог дать вразумительного ответа.

С кофе поначалу возникли проблемы. Я пью черный кофе, Алиса – кофе с молоком. Чтобы заказать черный кофе в Сиднее нужно спросить (без жестов, пожалуйста) "длинный черный", кофе с молоком – "простой белый". Эспрессо – "простой черный", а капучино – довольно скучно, тоже "капучино". Попытка попросить налить полную чашку ни к чему не приводит, хочешь больше – покупай вторую чашку.

Две детали, связанных с уголовным делом были для нас особо важны, и обе касались книги PINKAL – нашей предыдущей большой публикации. Во-первых, мы узнали, что в Австралии есть цензура. Во-вторых, и это вызывает особое любопытство, нам не удалось узнать, кто осуществляет эту цензуру.

В США существует замечательная поправка к конституции, дающая нам право

говорить и писать о чем мы хотим. И хотя эту поправку, бывает, пытаются обойти, в большинстве случаев суд уважает ее. Раньше я считал, как многие простые американцы, что во всех развитых странах дела со свободой слова обстоят так же, но на самом деле только в США этот принцип является основополагающим. Мы столкнулись с этим, пытаясь опубликовать PINKAL в разных странах. Также мне было известно, что Николас Сондерс имел неприятный опыт общения с австралийской таможней, по поводу партии его известной книги "E for Ecstasy". Ему было заявлено, что из-за провокационного содержания книга не может ввозиться в страну. Чтобы выволить арестованный тираж, нужно было начинать процесс, затраты на который превысили бы стоимость книг. Все случившееся было очевидным проявлением цензуры

Интересен антагонизм Австралии и Англии. Несколько лет назад была написана книга о британской разведке Ми-5 или Ми-6, причем там содержались неприятные для разведки комментарии. В Англии книгу сразу же запретили, зато она была опубликована в Австралии, и люди, возвращавшиеся из Австралии в Англию брали с собой по десять копий. В теории книга была запрещена к ввозу, согласно соображениям национальной безопасности – так обычно оправдываются развитые страны, пытаясь сохранить лицо перед мировой общественностью. Но в результате, когда много копий попало в страну, властям пришлось снять свой запрет. Из этой истории следует, что в Англии есть список запрещенных книг. Что-то такое есть и в Германии. Один немецкий переводчик очень хотел перевести PINKAL. Я осведомился о возможности публикации у знакомого немецкого издателя, и он сказал, что хотя книгу можно будет напечатать, она сразу же попадет в некий список и в свободной продаже не появится.

Мне сказали, что PINKAL внесен в Австралии в список запрещенных книг, но мне не верилось в это, так как я посылал туда несколько больших посылок с частью тиража. Может их не проверяли, потому что они были частными посылками, и я посылал их не указывая своего обратного адреса? А потом, я видел очень много провокационной печатной продукции в сиднейских книжных магазинах: порнография, секс, терроризм. Например в большом книжном магазине "Диникс" отдел с такими книгами располагался недалеко от отдела детской литературы. Там были и порнографические фотоальбомы и учебники для анархистов. Может цензура больше всего интересуется наркотиками? Один химик, работающий на правительство, которому приходилось давать свидетельства в суде, сообщил мне, что каждый раз когда он упоминает мою книгу, ему приходится пояснять, что у него есть специальное разрешение на доступ к ней. Следовательно, книги не может быть в свободной продаже.

Во время моего пребывания в Сиднее я выступил с докладом перед членами ассоциации судебных экспертов Австралии и Новой Зеландии – большинство из них были химиками и токсикологами. Поначалу меня приняли холодно – я должен был свидетельствовать в пользу защиты, а некоторые из них будут выступать со стороны

обвинения, но когда я начал доклад, зал оживился. Когда я почувствовал, что контакт с аудиторией установился, я упомянул несколько фактов из PINKALa и, повинувшись импульсу спросил, сколько из присутствующих имеет книгу.

Большинство

находящихся в зале подняли руки. Своя книга была у прокурора, у адвоката и у подсудимого. Вряд ли у них всех был официальный доступ – так в чем же заключается цензура? Вернувшись из Сиднея я отослал шесть книг моим новым знакомым. На каждой посылке я поставил отметку "книга" и написал мой обратный адрес – ни одна из них не вернулась, значит, все дошли до адресатов.

Я не удивляюсь наличию государственной цензуры, но как объяснить невозможность найти, что же конкретно запрещено? Сам список запрещенных книг является закрытым, что представляет собой еще один образец цензуры. И главное,

кто же этот мистер Джонс, который решает, какие книги включать в список? Кто этот человек, считающий, что он лучше знает, какую литературу нам нельзя читать?

Его личные взгляды и предрассудки будут серьезно влиять на действия цензуры. Или

решения принимает некий комитет? Тогда – на какой основе выбираются или назначаются туда люди? Кто отвечает за общую политику? В случае с книгами – их

прочитывают перед тем, как запретить или достаточно, чтобы в них нашли насколько

запретных слов или тем?

Даже в таком обществе как США, где конституция подробно определяет наши права и защищает их, существуют способы заставить людей не высказываться по спорному вопросу. Например, моя любимая тема – легализация наркотиков – государство не может запретить открытую полемику, зато может эффективно ей мешать. При этом как основное орудие ограничения свободы слова берется формула,

ложно интерпретирующая таблицу истинности. В логике это называется дилеммой: либо А, либо В и если не А, то В. Такая формула отлично работает в логике, в абстрактной науке, где отсутствует человеческий фактор. Если предмет либо синий,

либо красный, и известно, что он не синий, то он – красный. Никакой морали, подтекста или тайного смысла. Но нельзя применять эту формулу к реальному миру,

где кроме красного и синего есть еще много других цветов. Либо ты любишь жену,

либо ты не любишь жену – а что, если ты вообще не женат?

Именно так нам стараются представить спор о наркотиках – если кто-то предлагает смягчить суровые законы, то он выступает за наркотики. Даже призывы к

дискуссии часто считаются агитацией за наркотики, а "смягчение вреда" часто приравнивают к "легализации". Ты можешь быть либо "против", либо "за", и если ты

не "против", то ты – "за". Поэтому политики стараются как можно суровее закрепить в законе "против", чтобы никто из избирателей не мог подумать, что они "за".

Обычно считается, что спор в обществе ведут крайние слои на фоне нейтрального большинства. Но когда нет стремления к компромиссу, все население

разбивается на два лагеря "за" и "против", и только абсолютное меньшинство занимает взвешенную нейтральную позицию. Два явления постоянно усугубляют это противостояние. Одно из них широко известно – эффект "враждебной прессы".

Даже

если дискуссия освещается в газетах беспристрастно, читатель со стороны "за" будет, не обращая внимание на публикацию доводов своей стороны, сильно возмущаться по поводу аргументов противоположной. Каждая сторона будет считать,

что пресса подыгрывает их соперникам, даже если материалы будут абсолютно нейтральными. Второе, менее изученное явление, также удаляющее людей от взвешенной средней позиции, называется "эффектом поляризации". Эффект заключается в том, что любая попытка нейтрально настроенного человека разубедить

сторонника одной из сторон, чаще всего настраивает последнего еще более радикально. Срабатывает формула "мы или они", и компромисс становится невозможным, стороны придут к согласию только в случае крайней необходимости.

Громадные деньги из государственного бюджета идут на усугубление описанных

противоречий посредством "войны с наркотиками". Разрабатываются специальные образовательные программы, когда полиция приходит в школы, чтобы объяснить детям, как плохо употреблять некоторые препараты, и это называется образованием.

Есть горячие сторонники таких образовательных программ – есть их горячие противники. Много денег выделяется на научные исследования вреда наркотиков и привыкания к ним – общественность информируют только об отрицательных эффектах

препаратов на организм. DEA распространяет брошюры с подсказками, как правильно

вести дискуссию со сторонниками легализации. Одна из причин ухода в отставку главного врача США Джоселин Элдерз было то, что она обронила фразу о том, что нужно обсуждать вопросы легализации запрещенных веществ. Хотя она сказала "нужно

обсуждать", а не призывала к самой легализации, ее слова были восприняты как намек на то, что употребление наркотиков неопасно, и вскоре ей пришлось оставить

свой пост. В связи с химическими препаратами постоянно применяется термин "злоупотребление", чтобы подчеркнуть неприязнь говорящего к ним.

Ограничить свободу слово можно в обход поправки к конституции и билля о правах. Если ты выражаешь мнения, которые не нравятся твоему работодателю или,

скажем, ректору твоего университета, он всегда может под угрозой потери места работы заставить тебя признать свои ошибки публично. Несколько веков назад этот

процесс был доведен до совершенства под названием "инквизиция" – суд не по закону, а по праву своего положения. Практика такого рода может заставить молчать многих.

Но вернемся в Австралию к личности мистера Джонса. Как нам докопаться до правды? В таких случаях я обычно использую два подхода, первый – прямое дознание

в мутных водах официальной информации. Попробуем узнать у первого встречного официального лица, кто может обладать интересующей нас информацией. Попробуем спросить сразу во многих местах: в национальном комитете культуры, в таможенном

управлении в Канберре, в библиотеке управления полиции Сиднея – сразу в трех инстанциях. Нас будут отсылать в другие органы, и, может быть, через несколько

таких шагов мы добьемся результатов. Второй подход обычно более удачен, хотя и

не так прост. Зададим вопрос всем знаменитым писателям, политическим комментаторам и журналистам, и опять по цепочке новых знакомств мы можем добраться до ответа, а если и не доберемся, хорошо уясним для себя структуру

государственной машины, что представляет еще более ценный пласт культурной информации. Нужно обязательно знать в лицо всех таких мистеров Джонсов, так как они сосредоточили в своих руках огромную реальную власть. Нужно знать их философию и принципы, так как они реально влияют на страну и даже на другие страны посредством дипломатических взаимоотношений.

Я попробую оба метода. Я хочу отследить загадочного мистера Джонса, источник его власти и его личную философию. Я собираюсь приложить для этого все силы.

ГЛАВА 24. QUI BONO?

(Рассказывает Шура)

Когда расследуется поджог, взрыв бомбы, убийство - любое преступление, где нет подозреваемых, пытаются найти лиц, заинтересованных в преступлении. Этот прием называется "Qui bono?" или "кому выгодно?". Я долго безуспешно пытался найти это выражение в словарях, когда знакомый лингвист указал мне на то, что это всего лишь дательный падеж от "bonus" - "добро", так что более точный перевод будет - "кому во благо?". Интересно применить этот вопрос к "войне с наркотиками".

Давайте обратим внимание, кто громче всех призывает нас к продолжению и эскалации этой войны, вместо того чтобы остановить или даже просто смягчить ее.

Давайте посмотрим каким организациям и как эта война приносит доход, и что они потеряют в случае, если война кончится. И дело не только в деньгах, а еще во власти, которую война дает своим солдатам. Об этом пойдет речь в данной главе:

что представляет собой индустрия, стоящая за запретом на препараты, и кому она приносит доход. Картина получится не очень приятная, но представлять ее себе нужно, что я и попытаюсь сделать на следующих страницах.

Любую корпорацию можно оценить в долларовом эквиваленте. Посчитаем все ее доходы и расходы, уровень продаж, дивиденды, импорт, экспорт, стоимость и количество акций - в результате получим, что компания стоит, предположим, сорок миллиардов согласно текущей статистике. Я называю такой подход "миром мертвых цифр", и так нельзя оценить совокупность корпораций - индустрию. Например, оценить значение и влияние воздушного транспорта нельзя, просто сложив стоимость всех авиакомпаний, а влияние телекоммуникаций выходит за рамки суммарной стоимости всех теле- и радиокомпаний. Нужно обязательно принимать во внимание связь индустрии с обществом, способность индустрии влиять на политику. Основной вопрос в оценке каждой индустрии: как она может контролировать поведение каждого человека. Война с наркотиками породила настоящую индустрию, с серьезными рычагами воздействия на общественное мнение и Конгресс, с абсолютной неприкосновенностью для контроля или критики со стороны. Попробуем измерить влияние этой индустрии.

Недавно я видел удивительный телерепортаж, где Пентагон гордо демонстрировал кадры, снятые через перископ атомной подводной лодки. Военные выследили небольшой траулер, на котором, по их предположению, наркомафия

перевозила в США из Южной Америки груз кокаина. На экране был виден силуэт траулера, и голос за кадром говорил, что затрачивая всего лишь 23000 долларов в

час, военные не только совершенствуют навыки слежения за надводными целями, но и

добывают ценную информацию для правоохранительных органов, предупреждая береговую охрану о возможном времени и месте появления кораблей с контрабандой.

Репортаж вызвал у меня две тревожные мысли: во-первых, ВМФ США участвует в войне

с наркотиками, во-вторых, власти полностью оправдывают эти действия, путем предоставления неполной информации. Так какого же участие военных в индустрии войны с наркотиками?

Когда я принимал участие в ежегодной двухнедельной встрече клуба Сова, я между делом спросил у своих друзей, сколько денег обходится государству один час

работы атомной подводной лодки. 23000 долларов в час были сразу же отвергнуты,

как явно заниженная цифра, которой хватило бы только на картофельные чипсы и туалетную бумагу для команды, если принять во внимание зарплату матросов и офицеров, а также зарплату работников служб наземного базирования, без которых

бы подлодка не вышла в море. Может столько денег требовалось бы в виде наличных,

может эта цифра была высчитана ответственным за тыловое обеспечение. Два крупных

инженера, с которыми я говорил, смотрели на стоимость с совершенно других позиций. Они обращали внимание на стоимость неизбежного возвращения в порт для

ремонта и замены отслуживших деталей: нужны новые стержни для реакторов, нужен

новый тритий для ядерных боеголовок. Все это очень дорогие материалы плюс очень

дорогая рабочая сила - миллионы долларов на все эти атомные вещи. И эти деньги

тоже надо учитывать, когда высчитываешь стоимость одного часа антикокаиновых походов, миллионы на техническое обеспечение серьезно повышают заявленную цифру.

"Да о чем вы?" - вмешался в дискуссию известный физик - "А вы посчитали стоимость создания первоначального количества ядерного топлива, кто, как и где

его произвел? И кто доставил топливо на завод, где строилась подводная лодка? Как часто топливо меняли? Опять-таки, кто и как это делал? И куда девали

отработанное топливо, сколько стоила его переработка? А потом, вы посчитали, сколько будет стоить через несколько лет утилизация этой радиоактивной

громдины, если конечно же ее не затопят просто в каком-нибудь тихом уголке мирового океана, где она будет отравлять жизнь поколениям наших потомков?

Учитывайте все это при определении стоимости одного часа работы этого

"охотника

за наркомафией", и я думаю цифра составит миллион долларов в час". Вдруг спор вошел в совершенно другое русло. "А сколько мы готовы заплатить за

уверенность,

что нас не захватит какой-нибудь Советский Союз? Ведь если бы не постоянная боеготовность нашей армии, мы бы были легким объектом для нападения. Даже не

применяя оружие, а просто обладая им мы защищаем себя от неожиданной агрессии,

поэтому большая часть всех денег тратится не на борьбу с наркотиками, а на

национальную безопасность.

Бесчисленные миллиарды долларов тратятся на содержание разведывательной субмарины, и невозможно вычислить точную цифру, как невозможно дать точных цифр по многим вопросам этой главы. Легко упустить детали, когда высчитываешь долларовой эквивалент целой индустрии, поэтому простите меня, за обобщения, типа "много миллиардов", "несколько миллиардов". Понятно, что невозможно прийти к точным цифрам, когда дело касается целой индустрии войны, где задействованы громадное количество интересов и миллионы людей, войны, которая ведется на территории США. Это первая война за больше чем 100 лет, когда американцы воюют с американцами на родной земле, последний конфликт такого масштаба - гражданская война 1861 года - война Севера и Юга. Тогда война длилась четыре года и потребовала больших затрат, унесла жизни многих здоровых молодых людей. Война сегодняшняя ведется уже десять лет без каких-либо признаков победы одной из сторон, причем цена войны все время растет, а страдания и разрушения не знают себе равных.

Военный аспект:

Пример с подлодкой открывает вопрос о материальной заинтересованности военных. После гражданской войны (я имею в виду - первой, а не войны с наркотиками) Конгресс принял, а президент Хэйс подписал закон о Posse Comitatus, созданный, чтобы предотвратить попытки мести или захвата власти в южных штатах со стороны частей армии Севера. Закон запрещает участие военных в делах полиции, и во всех операциях, связанных с гражданскими лицами. Такое участие возможно только, если в стране объявлено чрезвычайное положение, и для поддержания порядка требуется строгий контроль над населением.

Мне известно, что в Конгрессе предпринимались попытки таким же образом запретить участие военных в войне с наркотиками, но в законодательстве все равно остались лазейки для различных толкований этого вопроса. Сейчас в стране не объявлено чрезвычайного положения, и, следовательно, по закону военные не могут принимать участия в операциях по борьбе с наркотиками.

Громадный процент американского миллиардного госбюджета уходит на содержание армии. У нас есть враги, и мы готовы с ними воевать, но с развалом Советского Союза ситуация коренным образом изменилась. Теперь глобальное противостояние ушло в историю, и мы имеем врагов совсем другого рода: террористы, опасные диктаторы и т.п. Теперь трудно объяснить зачем нам нужно тратить миллиарды на программу звездных войн и разработку бомбардировщиков-невидимок. Нужен был новый глобальный враг, и им стали наркотики. Пример с подлодкой не самый показательный. Задумывались ли вы когда-нибудь, насколько наше влияние и активность в Латинской Америке и Азии связаны с борьбой с кокаином и героином? Насколько стабильность в сотрудничестве с мексиканской армией обусловлена тем, что мы разрешаем ей быть главным производителем и продавцом марихуаны в западном полушарии? Много говорится о возможной связи ЦРУ с кокаиновыми дельцами. Посмотрите на наши отношения с Латинской Америкой и странами, входящими в Золотой Треугольник и Золотой Полумесяц: даже если малая доля информации о возможных политических и военных альянсах является правдой, то США вкладывает миллиарды в войну с

наркотиками.

Прямое участие береговой охраны и национальной гвардии в войне сейчас очевидно, так как они теперь охраняют наши границы – первоначально предполагалось, что они будут помогать недоукомплектованным таможенникам, но сейчас становится ясно, что их основная задача – борьба с ввозом наркотиков, обычные задачи таможенных органов (поддержание порядка, регистрация и идентификация личности) используются как повод для поиска наркотиков.

Недавние

случаи конфискации кораблей и автомобилей согласно закону о конфискации преступно используемой собственности показывают нам, что часто эти армейские формирования используются вместо полиции. Единственным возможным объяснением такой практике было бы заявить, что эти формирования не относятся к армии США,

никто не пытается это сделать. В принципе такое молчаливое согласие могло было

быть оправдано, когда дело касалось о частях, которые хотя и могут вызывать армейскую поддержку с воздуха, все же, не считаются частью империи Пентагона, но

в случае с подлодкой закон явно нарушается. Армия продолжает съедать огромную часть нашего бюджета. Вскоре военные скажут, что наблюдения за контрабандистами

ведутся с помощью нового дорогого спутника-шпиона. Раньше высокие военные расходы объяснялись нашей безусловной верой в советскую угрозу, теперь угроза исчезла и нам нужно другое оправдание, чтобы продолжать идти к намеченной цели –

довести боеготовность до такой степени, что мы сможем вести сразу две войны. Так

наша внутренняя война с наркотиками спасла военный бюджет от сокращения

Значит ли это, что ВМФ использует наши деньги, чтобы с помощью подлодок осуществлять контроль за всеми судами входящими и выходящими из портов, американских и иностранных, на которых могут быть грузы наркотиков? А как насчет

участия американских пилотов и самолетов в операциях по борьбе с наркомафией в

Колумбии (Боливии, Бирме, любой стране, где мы хотим иметь влияние), которые объясняются контролем за соблюдением наших или их законов? А операции внутри самих Соединенных Штатов? Кто осуществляет слежение с воздуха за незаконными плантациями, особенно марихуаны? Как узнать, сколько государственных денег тратится на такие операции, если до недавнего времени сам факт их проведения тщательно скрывался?

Политический аспект:

Также сложно посчитать сколько доходов приносит война госдепартаменту и его стратегам, ведь торговля наркотиками – явление международное. Эта торговля, вернее законы направленные против нее, позволяют легко вмешиваться в политику других стран. Напомню, что именно США призывает к введению и строгому выполнению

этих законов во всем мире. Единая конвенция по наркотикам была создана в США, и

так как многие члены ООН ее подписали, она стала основой их собственного соответствующего законодательства.

Представим себе сколько денег приносит нашей стране такое влияние, и как бы мы сразу потеряли это влияние, если все законы, запрещающие наркотики, были бы

отменены.

"Война с наркотиками" – не совсем верное название для данного конфликта. Сразу же представляется картина, как шеренга солдат расстреливает мешки таблеток

и ампул. Понятно, что таблетки и ампулы не могут убежать или защищаться, следовательно они не могут быть настоящими противниками. Вещества не бывают плохими или хорошими, в кристалле, порошке или растворе не может быть ничего изначально святого или дьявольского. Репортажи с поля боя показывают, что война

ведется не с препаратами, а с людьми, которые их употребляют. Может правильнее

было бы называть конфликт "войной с наркоманами" – с людьми, употребляющими препараты, которые не нравятся нашим законодателям, причем их нелюбовь основывается на уверенности, что они выражают общую позицию избирателей.

А если читать между строк, то становится ясно, что нет не просто никакой войны против препаратов, но даже и против их потребителей. Никаких сверкающих золотом когорт, никаких ударов возмездия и лозунгов "Господь на нашей стороне",

вместо этого – мелкие стычки, столкновения властей с маленькими людьми, между местной или федеральной полицией и беззащитными меньшинствами, типа продавцов марихуаны или маргиналов.

Борьбой с наркотиками часто оправдывают серьезные изменения, происходящие в

нашем обществе, но все эти столкновения только маленькая часть полной картины происходящих процессов, гораздо более серьезных, чем можно представить из газетных сводок и телевизионных репортажей. Аресты, обыски – просто напоминают

общественности, что угроза наркомании все еще рядом с нами, и требуются еще более жесткие меры, для продолжения войны.

Вот эти самые "жесткие меры" и представляют самую большую угрозу нашему обществу, и как следует изучив их, поняв реальные причины их принятия, мы сможем

реально представить себе масштаб этой угрозы. Какие изменения происходят в нашем

обществе под видом борьбы с наркотиками, как власти оправдывают эти изменения? И

главное, кто аккумулирует власть в результате этих изменений? Qui bono?

Я твердо уверен, что война с наркотиками имеет мало отношения к препаратам

или их потребителям, война – средство сосредоточение власти в одних руках в виде

денег и контроля над обществом. Эта централизация власти осуществляется за счет

наших прав и свобод и является угрозой основам нашей республики. Данный процесс

зашел уже очень далеко, и остановить его сейчас было бы очень сложным делом. В

результате мы можем прийти к послушному и самодовольному обществу (термины "полицейское государство" и "тоталитаризм" в последнее время слишком часто употребляются, чтобы использовать их в данном контексте, но они бы подошли), где

не уважаются закрепленные в конституции права граждан и где Конгресс не имеет реальной власти. И все эти изменения прикрывают необходимостью бороться с наркотиками. Я хотел бы подробнее разобраться в природе этих явлений.

Проще всего представить себе войну с наркотиками как огромную индустрию, посмотреть, каков оборот этой индустрии и как осуществляется в ней разделение

труда. Какой процент населения поддерживает действия этой индустрии и как власти попытаются поднять этот процент. Какие состояния сколотили некоторые частные лица и корпорации за счет политики, которую ведет данная индустрия, и как они деньгами лоббируют дальнейшие изменения. Попробуем описать этого монстра по частям, чтобы оценить реальное влияние этой индустрии на страну. Сначала я пытался оценить денежный эквивалент компонентов индустрии, но поймал себя на том, что все это лишь мертвые цифры. Правильнее изучить, кто в ходе этих операций обогащается или получает контроль над населением. Остановимся на отдельных аспектах, которые только частично могут быть выражены в долларах, вернемся к аргументам, приведенным выше и дополним их более подробной информацией:

Тюремный аспект:

Когда-то президент Эйзенхауэр определил экономическую структуру нашей страны, как "военно-промышленный комплекс". Этот замечательный термин отлично подходит в данном случае, поскольку, правда, комплекс состоит не из двух различных составляющих, и даже не из двух связанных составляющих, это именно - единый комплекс, управляющий всей экономикой и определяющий имидж США во всем мире. А недавно один мой друг дал еще более точное определение: "военно-тюремно-промышленный комплекс", что сразу же заставило меня спросить, а не напоминает ли современное американское общество советское общество недавних лет. Система сталинских трудовых лагерей - империя Гулага - детально описана и изучена. Туда свозили людей ненужных советскому обществу, причем некоторые из них были настоящие преступники, опасные для окружающих, но большинство были просто жертвами изощренной политики, по которой многие аспекты поведения стали преступными. В число этих людей входили те, кто плохо отзывался о правящем режиме, те, кто не хотел участвовать в строительстве коммунизма, гомосексуалисты, или просто люди, которым строй не нравился. Большинство заключенных за преступления перед государством нарушили законы специально придуманные, чтобы освободить общество от нежелательных меньшинств и таким образом сконцентрировать всю власть в одних руках. До недавнего времени СССР имел самое большое количество заключенных по отношению ко всему населению среди всех развитых стран.

Но посмотрим на ситуацию в нашей стране - напрашиваются удивительные параллели между тогдашней Россией и нынешней Америкой. Мы тоже изолируем от общества преступные элементы: убийц, воров, насильников и мошенников. Но как в нашем случае можно убрать из общества тех, кто не участвует в общественной жизни, тех, кто мешает сконцентрировать всю власть в одних руках? В нашем случае это не троцкисты и не радикальные революционеры, а национальные меньшинства, городские шайки и тех, кто паразитирует на общем благосостоянии. Мы же не можем посадить их за решетку только за то, что они не находятся под жестким контролем или проповедуют анархию. Зато мы можем воспользоваться тем, что в обществе был и

всегда будет небольшой, но существенный процент людей, употребляющих наркотики.

Если постоянно заострять внимание общественности на этой проблеме через ужесточение законов и пропаганду среди населения, то можно увеличить общественный нажим на наркоманов, все это, конечно, ради искоренения опасного зла. Успехи такой политики выражаются в том, что в наших тюрьмах более половины

- БОЛЕЕ ПОЛОВИНЫ - заключенных сидят за преступления, связанные с наркотиками. У

нас сейчас самый большой процент заключенных к населению, и мы давно уже обогнали Россию по этому показателю.

Денежное выражение системы тюрем может быть оценено через стоимость контрактов на их строительство и содержание: один заключенный (питание, медицинское обслуживание и охрана) обходится казне в 30000 долларов в год. Учитывая, что у нас более миллиона заключенных и больше половины из них за наркотики, получаем примерную цифру в 20 миллиардов - но это будет только стоимость чипсов и бумаги.

Тюрьмы переполнены, и постоянно слышатся призывы стоять еще и еще больше тюрем. Сейчас ведется строительство примерно десятка, и гораздо больше - в стадии проекта. Что ж, еще несколько миллиардов? А сколько денег было потрачено

в этом году в Калифорнии на лоббирование строительства новых тюрем, так что впервые бюджет на тюрьмы превысил бюджет на образование?

Но повторяю, что любые расчеты здесь будут неточными, потому что мы не учитываем то, что попадая в тюрьму, человек часто оставляет без обеспечения свою

семью. Как можно посчитать убытки государства из-за того, что семьи теряют кормильцев?

Нужно также учитывать стоимость содержания целой армии адвокатов и судий

- тех, кто призван решать вопрос о виновности подозреваемого в местных судах, судах штатов или федеральных судах. Большой процент общей суммы идет на обслуживание войны с наркотиками. У нас в стране невероятное количество юристов

- больше миллиона, и многие из них занимаются исключительно делами, связанными с наркотиками, получая за свои услуги до 200 долларов в час. Вот и еще один многомиллионный компонент индустрии.

Нельзя забывать об органах правопорядка: бюджет организаций по борьбе с наркотиками постоянно растет, кроме этого существуют тысячи местных комитетов,

не считая поисковых отрядов по выявлению незаконных плантаций, в основном, марихуаны. Так что добавляем к нашим расчетам еще миллиарды долларов.

Конфискация имущества:

Вспомним также о постоянно растущем числе случаев конфискации или лишения прав имущества. Поначалу количество таких дел было небольшим, но последнее время оно удваивается каждый год. В этом году было конфисковано имущества на сумму два

миллиарда долларов, и это только по приговору суда, не учитывая тех случаи, когда конфискация проходила в ходе расследования, и только на федеральном уровне

- большинство штатов сами занимаются конфискацией, но эта информация не

публикуется, так что можно лишь гадать о точной цифре. Предположим – еще десять миллиардов к общей цифре в несколько десятков миллиардов. Я хотел бы привести, с любезного разрешения Джойса Розенвальда, текст его статьи для журнала "Media Vуrрass", где он подробнее освещает данную проблему:

Конфискация имущества – новое американское зло.

Правительство США применяет самое новое и эффективное оружие против своего народа – конфискация имущества становится основным средством ведения войны с наркотиками. Американцы стали бояться самого слова "конфискация" как огня. Конфискация – это самосуд. Конфискация теперь узаконена нашими выборными органами: Конгрессом и Сенатом, так люди, призванные защищать наши права, смогли лишить нас этих прав.

Положение о конфискации позволяет органам правопорядка присваивать любое имущество, по отношению к которому существует подозрение, что оно предназначалось для ведения незаконных операций с наркотиками. Положение распространяется на любой вид имущества: личное, недвижимое, материальное и нематериальное. Чаще всего конфискуются дома, автомобили и корабли, но наибольшую важность и наименьшее освещение имеют случаи конфискации нематериальных активов: прав, привилегий, притязаний, авторитета и социальных гарантий. Также конфискации подлежат все деньги, полученные через операции с наркотиками, и имущество, которое могло быть на них куплено.

Причем факт нахождения наркотиков не обязателен. Конфискация может быть проведена, если считается, что собственник только собирался совершить преступление, связанное с наркотиками. После проведения конфискации, власти могут оформить ее юридически, но в некоторых случаях против собственника даже не заводится уголовное дело или не подается гражданский иск.

Суд всегда руководствовался принципом, что человек невиновен, пока его вина не доказана. Законы о конфискации полностью извращают это правило. Многие американцы думают, что в любом уголовном деле должен быть пострадавший, но по закону о конфискации, пострадавшим выступает само государство, что является совершенно новой идеей для американского законодательства. Сегодня ты можешь быть виновен без какой-либо возможности доказать обратное и без какого-либо имущества, чтобы оплатить свою защиту.

Идея конфискации уходит корнями в древний закон о "деоданте", по которому неживой предмет мог быть ответственен за преступление. Если человек падал с дерева и умирал – дерево рубили, как если бы оно было виновно в совершении убийства. В раннем английском общем праве деодантом мог выступать любой предмет или животное, повлекшее смерть человека, и доход с продажи деоданта поступал семье погибшего. По тому же принципу сейчас, если автомобиль сбил человека и он погиб, его семья получает деньги с продажи машины. Таким образом автомобиль, а не водитель будет нести ответственность за случившееся, то есть автомобиль будет деодантом.

Сегодня государство, считая себя потерпевшей стороной получает деньги от продажи конфискованной собственности.

Хотя закон о деоданте иногда применялся в американских колониях, к моменту американской революции эта практика была изжита. Во время революции некоторые штаты приняли закон о конфискации имущества сторонников короля, но потом конституция ограничила возможность применения этой меры до того, как Конгресс не разработает соответствующие законы.

Сегодня гражданская конфискация стала процедурой *in rem*, то есть собственность, как в английских законах о деоданте, несет ответственность и доказательства вины представляет потерпевшая сторона – при этом виновность собственника не рассматривается. Все что требуется – предположение, что имущество было задействовано в преступлении, за которое полагается конфискация.

Уголовная конфискация возможна только после того, как вина хозяина или пользователя доказана.

Последнее время чаще применяется гражданская конфискация, что позволяет суду наложить арест на твое имущество, как первый шаг процедуры. Конституция запрещает проведение конфискации без соблюдения должных формальностей: предупреждения всех заинтересованных лиц и возможность обжалования решения суда.

Но часто формальности не соблюдаются и конфискация проходит без предварительного уведомления. Хотя такая практика противоречит конституции США и многих отдельных штатов, чаще всего суд решает дело не в пользу владельца.

После конфискации собственность переходит государству, и законодательные органы дают постановление о его дальнейшем использовании департаментом юстиции.

Вырученные от продажи деньги идут самим органам правосудия – тому же департаменту юстиции, информаторам или прямо в казну, чтобы государство могло нанять еще больше людей для возбуждения новых дел о конфискации, например, против твоего соседа или против тебя.

Новый закон об усилении борьбы с преступностью предусматривает создание сотен новых статей уголовного кодекса, и по многим из них может проводиться конфискация. Закон также предусматривает увеличение числа полицейских на 10000 человек. Создается впечатление, что наряду с войной против преступности и наркомании наше правительство начало войну с частной собственностью".

Хочу обратить ваше внимание также на следующие цитаты: "Гражданин обладает правом на неприкосновенность его личности, жилища, переписки и имущества от неоправданного обыска или конфискации" (четвертая поправка к конституции США) и "гражданин не может быть лишен жизни, личной свободы, имущества" без должного судебного процесса" (пятая поправка к конституции США).

Промышленный аспект:

Промышленный и корпоративный аспект этой необычной войны затрагивает в различной степени все гражданское население Соединенных Штатов.

Обязательное тестирование – анализ мочи на присутствие наркотических веществ – становится самой унижительной и бессмысленной пыткой для среднего обывателя. Сейчас эта практика становится все более распространенной. Первоначально тест применялся для выявления нетрезвых водителей. Если полиция замечала неадекватное поведение водителя, его могли попросить предоставить образец своей крови (предпочтительно) или мочи для анализа. С анализом крови работать проще да и содержание алкоголя в организме измеряется именно уровнем

его в крови. С мочой требовалось двадцать минут ожидания после первого контрольного мочеиспускания, чтобы вторая проба наиболее точно отражала содержание алкоголя в крови. В любом случае тест только подтверждал результат визуального осмотра и был окончательным доказательством вины.

Тест мочи без веских оснований по первому требованию получил распространение только совсем недавно. Сначала его применяли при поиске виновного какого-либо инцидента, который мог быть вызван неадекватным состоянием человека. Но потом тест стал использоваться как мера предосторожности против злоупотреблений со стороны тех людей, от которых может зависеть наша жизнь: машинисты поездов, пилоты самолетов и водители автобусов. Под влиянием пропаганды общественность потребовала оградить граждан от риска, связанного с тем, что некоторые представители этих профессий склонны употреблять наркотики.

Эта практика вылилась в государственную программу за борьбу с употреблением наркотиков на рабочем месте, поводом для которой послужила неверная интерпретация доклада одного известного исследовательского заведения. Из отчета была выделена часть, описывающая снижение продуктивности работника при употреблении некоторых наркотиков, выводы были распространены на все виды наркотиков, выраженные в долларах потери были умножены на общее количество работающего населения. В результате получилось, что нация теряет ежегодно до 30

миллиардов долларов из-за злоупотребления наркотиками. После этого началось введение дикой практики предоставления анализа мочи при устройстве на работу и согласия на такой же тест в любое указанное время, и в большинстве компаний, если ты отказываешься пройти тест - ты теряешь работу.

К сожалению данный тест дает очень высокую вероятность ошибки. Этот дешевый вид исследования был придуман специально для того, чтобы подтвердить необходимость дальнейшего дорогого теста. Тратя десять долларов можно сэкономить двести. Так вот эти предварительные опыты часто дают положительный результат, хотя человек не принимал никакого запрещенного препарата. Ошибка может возникнуть по многим причинам: особенности диеты, реакция на лекарственные препараты, которые человек принимал, неправильное снятие показаний приборов и, в конце концов, просто ошибка лаборанта, спутавшего, например, образцы. Единственная ценность этих тестов то, что они освобождают невинного от необходимости проходить дополнительный тест. Несмотря на это, многие работодатели из-за экономии или безразличия к судьбе своих подчиненных довольствуются результатами только этого теста. Самые консервативные оценки говорят, что тест дает неверный результат в трех процентах случаев, таким образом примерно один из тридцати работников будет обвинен в злоупотреблении наркотиками, будучи совершенно невинным.

Раньше тесты проводились исключительно судебными экспертами, работающими на следствие: несколько федеральных лабораторий, несколько лабораторий в каждом штате и еще несколько в каждом мегаполисе. Но в последнее время создана целая сеть аналитических центров, где проводятся тесты на присутствие наркотических веществ не только в моче и крови, но и в волосах и поте. Аппаратура для таких опытов стоит 50000 долларов, так что заводы производящие научное оборудование обогащаются, а война получает дополнительные растущие инвестиции.

Во время предвыборной компании Клинтон обещал ввести правило по которому все молодые люди при получении водительских прав проходили тест мочи на

наркотические вещества. Никто даже не подумал, к чему могло привести введение такого закона. Скольким молодым людям в этом году исполняется шестнадцать? Примерно пяти миллионам? Даже если все они никогда не употребляли наркотики, то при 3 процентном уровне ошибок 150 тысяч из них будут сразу названы наркоманами, причем на это ушло бы 50 миллионов долларов. 150 тысяч человек не смогли бы получить водительские права, что для многих означало бы личную трагедию и трудности с будущей карьерой – при этом реально не один наркоман был бы не выявлен. Столько потеряно, а ради чего? Конечно, дополнительные тесты на более совершенном оборудовании выявили бы часть ошибок, но это стоило бы еще 100 миллионов. Поэтому предложение было крайне вредным, хотя оно до сих пор всерьез рассматривается и некоторые солдаты войны на нем настаивают. К сожалению, древнейшее достижение британского права – презумпция невиновности – не записана в нашей конституции и законах. Все что мы имеем, это пятая поправка, запрещающая принуждать человека свидетельствовать против себя. Поэтому выборочный или поголовный анализ мочи без веских оснований противоречит законам нашей республики.

Заметим также, что эти тесты крайне отрицательно влияют на психику, самоуважение и самооценку человека. Представьте себе, что чувствует человек, когда его начальник вручает ему баночку и просит пописать туда, причем при свидетелях. Не согласен? А как насчет увольнения? Останешься ты на работе или нет никак не зависит от того как ты работаешь, главное – как ты сумеешь приспособиться к требованиям со стороны начальства к твоему поведению и моральному облику. Самому начальству не нужно проходить через это унижение, для тебя оно – обязательно. Ты рассматриваешься как человек второго сорта.

Еще один компонент промышленного аспекта можно выразить бесчисленными миллиардами долларов – это деньги, которые мы теряем из-за того, что торговля запрещенными препаратами не облагается налогом. Сейчас государство не получает прямых доходов с этих продаж, но если бы этот рынок легализовать, можно было бы контролировать его, как контролируется рынок алкоголя и табака, причем можно было бы так рассчитать налог, что доход был бы наивысшим, но черный рынок не появлялся. При государственном контроле над рынком сбыта одной марихуаны мы имели бы многомиллиардные доходы, при этом уровень потребления вряд ли бы сильно вырос.

Академический аспект:

Наши учебные заведения как среднего, так и высшего образования серьезно втянуты в борьбу с наркотиками, они помогают разжигать войну и приносят солидные доходы тем кто стоит за ней.

Школьникам предлагается навязчивая пропаганда с основным лозунгом: "просто скажи: "нет". По телевизору постоянно крутятся ролики организации "Партнерство за Америку без наркотиков", рассказывающие об ужасах злоупотребления наркотиками, причем речь не идет о разрешенных наркотиках: табаке и алкоголе, поэтому финансовая поддержка таким программам обычно идет от табачных и

алкогольных корпораций, тех кто больше всего бы пострадал при легализации любого запрещенного наркотика. Еще одна атака на школьников, такая же бесполезная, но гораздо более мерзкая, проходит в рамках проекта D.A.R.E. (образовательная программа сопротивления наркотикам). Правительство финансирует проект, по которому полицейские приходят в школы рассказывать факты о наркотиках. Основная тема этих лекций – зло происходящее от наркотиков и польза строгих наказаний за наркотики. Некоторые дети после таких лекций рассказывали полиции о том, что их родители употребляют наркотики, что после того, как полиция проверяла информацию, приводило к семейным трагедиям. Один мой друг однажды замещал своего приятеля в школе, выступая в роле "родителя" на одной такой лекции. Он со смехом рассказывал о своем разговоре с полицейским-лектором, которого он спросил: "Я – фармаколог, пустили бы меня в полицейскую академию читать лекции по процедуре ареста и обыска?" Полицейский ответил, что скорее всего его бы сочли некомпетентным в данном вопросе. "Так почему же вы читаете лекции по фармакологии?" – спросил мой друг и не получил ответа.

Высшие учебные заведения участвуют в войне другим образом. Дело в том, что почти все научные исследования в университетах финансируются правительством, например, через государственный институт здоровья или государственный институт по вопросам наркотиков, а также через несколько родственных организаций. Кроме этого крупные университеты получают т.н. правительственные гранты для поддержки медицинских и фармакологических исследований. Конкуренция при получении этих грантов всегда очень высокая и главным пунктом заявки на грант является название будущей работы, именно по нему решается, достоин ли проект финансирования. Поэтому в случае исследований запрещенных препаратов названия обычно предполагают, что работу можно будет использовать в пропаганде против наркотиков. Сравните, например: "Имеет ли МДМА нейротоксическое действие на саламандру?" и "Особенности нейротоксического действия МДМА на саламандру". И это только небольшая доля участия ученых в войне. Многие медицинские проблемы, связанные с наркотиками, выходят далеко за рамки научных изысканий: распространение СПИДа, необходимость лечить наркотическую зависимость и оказывать психологическую помощь тем, чьи родственники оказались за решеткой за преступления, связанные с наркотиками. Обычно все аспекты действия запрещенного препарата считаются крайне отрицательными, даже если факты говорят обратное. Запрещаются исследования положительного действия запрещенных препаратов. А ведь положительные свойства есть, но невозможно дать точные ответы по ним, так как сами вопросы ставить запрещено. Например, нам говорят: "Нельзя допускать применения этого препарата, пока его действие не будет изучено" и следом – "изучение действия этого препарата не имеет никакой общественной пользы". Или: "Пока не будет доказано, что этот препарат безвреден, мы не можем разрешить его

для медицинского использования" и потом заявить, что в принципе безвредность доказать невозможно, из-за полного отсутствия опытов.

Но вернемся к названию нашей главы. Кому выгодна эта антигуманная абсурдная политика? Кто получает доход от этой системы? *Qui bono?* Ведь индустрия войны с наркотиками растет день за днем, и происходит активная концентрация власти в чьих-то руках.

Я убежден, что продолжение войны приведет нас к полицейскому государству, но не знаю точно какие формы это может принять.

Может быть небольшое количество заговорщиков-"суперличностей" использует очередную трагедию войны, как повод убедить президента ввести в стране чрезвычайное положение и отменить конституцию, что повлечет за собой установление нового закона - закона силы, по которому армии будет дано право применять силу против некоторых групп гражданского населения, забирая себе имущество этих граждан.

Может быть появится новый военный харизматический лидер, которому удастся добиться всенародной поддержки для проведения референдума о неотложных мерах по наведению порядка, возвращению к стабильности и безопасности, являющимся частью нашего представления о своей стране.

Или может быть какой-нибудь настойчивый советник сможет уговорить президента взять на себя роль спасителя нации, чтобы, волей господ, подписать готовые указы о введении в стране диктатуры, ради высокой цели избежания более страшных последствий.

Если начнется один из описанных сценариев развития событий, будет уже поздно что-либо предпринимать для изменения курса - судьба страны надолго будет решена. Что-то изменить можно только сейчас, с каждым днем эта задача становится сложнее, все менее популярно становится говорить о необходимости менять курс, все труднее становится найти выход из положения. Скоро мы станем четвертым рейхом, со своим новым гитлером, а идея республики будет навсегда забыта.

Может быть уже поздно, и мы не сможем остановить эту страшную войну, но может быть - не все еще потеряно. Я хотел бы процитировать еще один документ, созданный организацией Семейный Совет по информированию населения о наркотиках.

На последнем форуме "Глобальные проблемы" в Сан-Франциско я получил буклет с этим призывом к здравому смыслу остановить безумную гонку к социальной катастрофе. Я думаю, этот текст станет достойным заключением данной главы:

Призыв к перемирию в войне с наркотиками с последующими переговорами

Преамбула: Цивилизованное государство не должно воевать против своих граждан. Народ не объявлял войну правительству и не хочет участвовать в его войне. Поэтому мы требуем рассмотреть следующие наши требования:

Принимая во внимание, что любое справедливое правительство должно в своей

деятельности руководствоваться уважением к правам своих граждан, а также

Принимая во внимание, что правительство в одностороннем порядке применяет

силу против граждан в войне с наркотиками, без каких-либо попыток мирного

урегулирования с помощью переговоров,

Вследствие всего вышесказанного, мы призываем к перемирию и мирным переговорам на таких условиях:

Статья 1: Соединенные Штаты Америки выходят из всех международных конвенций

и соглашений, касающихся внутренней политики в связи с наркотиками.

Статья 2: Отныне ни один пациент или врач не может быть осужден за хранение или употребление препаратов, по которым достигнуто обоюдное соглашение для медицинского применения.

Статья 3: Политика государства по отношению к наркотикам отныне не будет ущемлять наши основные конституционные гражданские права:

1) Каждый человек без исключения обладает неотъемлемыми правами. Никакие постановления по борьбе с наркотиками не могут как-либо ущемлять права человека.

2) При сомнении в виновности предпочтение должно отдаваться подзащитной стороне. Суд обязан дать обвиняемому самому предоставлять аргументы в свою защиту, причем особое внимание следует обращать на объяснение мотивов его поступка, смягчающие обстоятельства: религиозная или социальная принадлежность, а также необходимость.

3) Без потерпевшего - нет преступления. Правительство само должно доказать вину подозреваемого. Никаких свидетельских вознаграждений в суде, в том числе информаторам, лично заинтересованным в огласке или судьбе конфискованного имущества. Запретить гражданскую конфискацию жилища и любого законного средства получения дохода.

4) Случаи провоцирования на уголовно наказуемую деятельность, нарушений со стороны правоохранительных органов должны, когда дело идет о процессах, связанных с наркотиками, рассматриваться судом присяжных. Правительственные служащие, нарушившие закон, должны быть наказаны соответственно.

5) Система минимальных сроков заключения позорит наше правосудие. Присяжные должны быть осведомлены, какие наказания предусматривает закон для каждого преступления, до того, как они вынесут свой вердикт. Суд должен стремиться в интересах справедливости сократить срок наказания.

Статья 4: Мы предлагаем перемирие в войне с наркотиками и призываем освободить всех осужденных по законам против наркотиков, которые не совершили никаких других преступлений и являются вполне законопослушными гражданами.

Статья 5: Никакие дела, связанные только с нарушением законов против наркотиков, не должны возбуждаться до тех пор, пока стороны не выработают новое законодательство, основанное на уважении прав человека и личной ответственности.

Все вышесказанное всего лишь повторяет основополагающие принципы Великой Хартии Вольностей, британского общего права и американской конституции. Мне нравится идея перемирия. Общество ничего не теряет, зато очень много получает.

Пожалуйста, прислушайтесь.

ЭПИЛОГ.

ГЛАВА 25. ГАЛИЛЕЙ.

Интересные параллели можно найти между современной официальной идеологией и идеологией 350 летней давности:

350 ЛЕТ НАЗАД

Земля - центр вселенной, и любой человек, считающий по-другому - еретик и следовательно...

СЕЙЧАС

Все препараты, расширяющие сознание, не представляют медицинской ценности, и поэтому тот, кто их употребляет - преступник и следовательно...

...должен быть посажен в тюрьму.

Эта параллель пришла ко мне в голову во время долгой паузы в генеральной репетиции мюзикла "Галилей", когда я сидел за своим пюпитром в оркестре клуба Сова. На сцене Галилей предстал перед судом инквизиции, и ему задали один вопрос: "Разделяешь ли ты еретическое учение Коперника, противоречащее всем представлениям католической церкви"? Он поклялся, что не будет идти против церкви.

Власть говорит:

Нам не требуется смотреть сквозь твои волшебные стекла...

Нам не нужно пробовать твои загадочные вещества...

... чтобы отделить ложь от истины. Мы сами знаем, что истинно, а что ложно.

Это записано в наших книгах, и поэтому не требуется никаких дополнительных инструментов, а если ты думаешь по-другому - ты работаешь на сатану.

Как можешь ты заявлять, что...

Земля - не центр вселенной? Твои телескопы, спутники Юпитера и навигационные таблицы ничего не доказывают. Твоя ересь оскорбляет нашу церковь и нашего Бога, который сделал Землю центром вселенной и дал нам солнце, в качестве часов.

Прошло почти четыре века...

Понимание Бога может быть заключено в порошок? Весь разговор об общении со своим внутренним миром, о поиске неизученных уголком подсознания - модная чепуха и оправдание для употребления опасных наркотиков.

Прошло несколько десятилетий...

С тех пор, как власти заявили, что реальность, видимая через эти страшные инструменты не существует. Церковь признала, что ошибалась. Наше правительство пока еще не пришло к таким выводам. Когда-нибудь придет.

